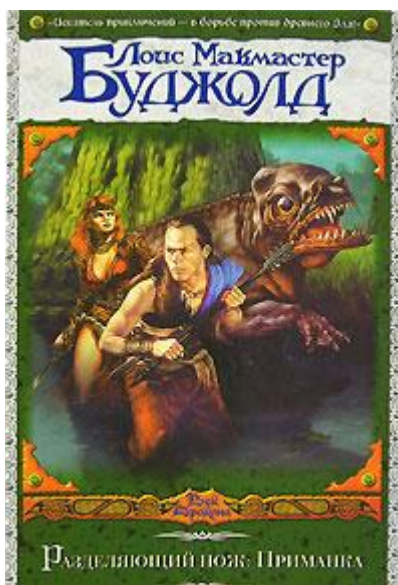

Лоис Макмастер Буджолд Приманка

Разделяющий нож – 1

Alonzo <http://www.oldmaglib.com/>

«Разделяющий нож. Приманка»: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 5-17-041450-1, 5-9713-4409-9, 5-9762-2249-8

Аннотация

Лоис Макмастер Буджолд.

«Живой классик» современной фантастики.

Создательница уникальной научно-фантастической саги о Майлзе Форкосигане.

А еще – автор поразительных, оригинальных фэнтези, вносящих новый смысл в само понятие «меча и магии».

Искатель приключений Даг, странствующий по дорогам одержимого демонами мира, по чистой случайности спасает от одного из демонов юную дочь крестьянина Фаун.

Ни Даг, ни Фаун еще не знают, НАСКОЛЬКО судьбоносной окажется эта встреча для них обоих – и для мира, веками задыхающегося в паутине древнего Зла...

Лоис Макмастер Буджолд Приманка

1

Фаун подошла к дому у колодца незадолго до полудня. Это была уже не ферма, но еще и не гостиница; строения располагались у самого большака, по которому Фаун шла последние два дня. Двор, окруженный полукругом старых бревенчатых построек, был открыт для путников – и посередине располагался колодец. Чтобы ни у кого не возникало сомнений в том, что здесь можно напиться, к одному из столбов, поддерживавших навес, кто-то приколотил вывеску с изображением колодца и ведра на цепи; ниже виднелся длинный перечень припасов, которые предлагались к продаже, с указанием цены. Каждая тщательно выписанная строчка сопровождалась маленькой картинкой и несколькими цветными кружочками, изображающими монеты, – для тех, кто не знал ни букв, ни цифр. Фаун читать умела, так же как вести счета – этому ее вместе с сотней домашних работ

обучила мать. Фаун нахмурилась от непрошеного воспоминания.

«Ну да, я умная, так как же я оказалась в такой переделке?»

Фаун стиснула зубы и сунула руку в карман, где лежал кошелек. Он был не тяжел, но хлеба-то купить денег хватит. Хорошо бы хлеб оказался свежим. Вяленая баранина из мешка Фаун, которую она пыталась жевать сегодня утром, снова вызвала у нее тошноту, но нужно же было чем-то поддержать силы: ужасная усталость сделала ее шаги медленными, так она никогда не доберется до Глассфорджа. Фаун оглядела безлюдный двор и бросила взгляд на висящий на столбе железный колокол с веревкой, потом оглянулась на расстилавшиеся вокруг фермы поля. На дальнем залитом солнцем косогоре дюжина людей косила траву. Фаун неуверенно обошла дом и постучала в дверь кухни. Полосатый кот, свернувшийся на пороге, приоткрыл один глаз, но вставать не стал. Сытое спокойствие кота приободрило Фаун, да и сам дом выглядел ухоженным: выцветшая черепица крыши и дикий камень фундамента явно были недавно подновлены. Когда на ее стук вышла дородная пожилая хозяйка, сердце Фаун даже не особенно колотилось.

– Что тебе, дитя? – спросила женщина. Вертевшееся на кончике языка «Я не дитя, я просто коротышка» Фаун благоразумно оставила при себе. К тому же морщинки в уголках дружелюбных глаз хозяйки навели Фаун на мысль, что ее годы и впрямь покажутся той детскими.

– Хлеб вы продаете?

Хозяйка явно обратила внимание на то, что Фаун путешествует одна.

– Да. Входи.

Большой очаг нагрел кухню сильнее летнего солнца; на стенах с железных крюков свисали разного размера кастрюльки и горшочки. Влажный воздух был полон восхитительных запахов: ветчины с бобами, свежего хлеба, вяленых фруктов: хозяйка готовила к полудню обед для косцов. Фермерша откинула полотно, прикрывавшее ряд пышных караваев на столе: чтобы испечь весь этот хлеб, ей, несомненно, пришлось подняться до рассвета. Несмотря на тошноту, у Фаун потекли слюнки. Она выбрала каравай, в который, по словам хозяйки, был добавлен мед и тмин. Фаун выудила из кошелька монетку, завернула каравай в свой платок и вышла во двор. Хозяйка последовала за ней.

– Вода в колодце чистая, и денег за нее мы не берем. Только тебе придется самой вытянуть ведро, – сказала женщина, глядя, как Фаун грызет отломленную от каравая корочку. – Кружка вон там, на крючке. Куда ты направляешься, дитя?

– В Глассфордж.

– В одиночку? – Женщина нахмурилась. – У тебя там родственники?

– Да, – солгала Фаун.

– Тогда им должно быть стыдно. Говорят, у Глассфорджа объявились разбойники. Не следовало отправлять тебя в дорогу одну.

– Разбойники нападают к югу или к северу от города? – забеспокоилась Фаун.

– Я слышала, что к югу, но кто сказал, будто они будут сидеть на месте?

– Я дальше на юг не пойду – только до Глассфорджа. – Фаун положила хлеб на скамью рядом со своим мешком, отмотала цепь и позволила ведру падать, пока из прохладной глубины колодца не донесся всплеск; потом она принялась вертеть ручку ворота.

Новость насчет разбойников была тревожной. Впрочем, разбойники – понятная угроза. Любой дурак догадается держаться от них подальше. Когда шесть дней назад Фаун отправилась в свое печальное путешествие, она при любом удобном случае пользовалась любезностью возниц, как только оказалась достаточно далеко от дома и могла не опасаться, что ее узнают. Все было хорошо до тех пор, пока один парень не начал говорить глупости, смутившие Фаун, а потом попытался ее облапить. Фаун вырвалась и отбежала, а вознице хватило ума не бросить свой фургон и беспокойных лошадей, чтобы попытаться ее поймать. Однако в следующий раз удача могла Фаун изменить; поэтому она пряталась на обочине и выглядывала только тогда, когда видела: на попутной повозке едет женщина или целое семейство.

Съеденный кусок хлеба помог желудку Фаун успокоиться. Девушка поставила ведро с водой на скамью и взяла протянутую ей хозяйкой деревянную кружку. У воды был привкус железа, но она была чистой и холодной. Фаун почувствовала себя лучше. Она отдохнет немного в тени, и тогда, возможно, ей удастся за остаток дня пройти больше, чем накануне.

С дороги донесся стук копыт и звяканье упряжи. Впрочем, скрипа колес Фаун не слышала, а копыт явно было много. Фермерша, прищурившись, посмотрела вдаль, и ее рука потянулась к веревке колокола.

– Дитя, – сказала женщина, – видишь вон те старые яблони? Не залезть ли тебе на дерево и не посидеть ли там тихонько, пока мы не увидим, что к чему?

Фаун на ум пришли несколько возможных ответов но она ограничилась тем, что сказала:

– Да, мэм. – Она двинулась через двор, потом вернулась, схватила каравай и побежала к купе деревьев. К стволу ближайшей яблони были прибиты доски, так что получалось что-то вроде лестницы, и Фаун проворно вскарабкалась наверх и спряталась среди густой листвы и мелких зеленых яблок. Ее платье было темно-синим, а жакет – коричневым, так что здесь, как и в придорожных кустах, тени должны были ее скрыть. Фаун уселась на ветку, сунула белые руки, которые могли бы ее выдать, под мышки и встряхнула головой, так что темные кудри закрыли лицо. Фаун настороженно посматривала на дорогу сквозь густые пряди.

Толпа всадников въехала во двор, и напряжение отпустило выпрямившуюся у колодца хозяйку фермы; ее рука, сжимавшая привязанную к языку колокола веревку, разжалась. Приехавших было с полторы дюжины, кони у них оказались разной масти, но все поджарые и длинноногие. Всадники по большей части носили темную одежду, а позади сидел виднелись притороченные сумки и спальные мешки. Фаун затаила дыхание, заметив, что все мужчины вооружены длинными ножами и мечами; у многих за плечами висели луки и имелись полные стрел колчаны.

Нет, не все они были мужчинами. Вперед выехала женщина, спешила и кивнула фермерше. Одетая она была так же, как и остальные, – в штаны для верховой езды, сапоги и длинную кожаную куртку, а ее волосы с сильной проседью были заплетены в косу и свернуты в тугий узел. Мужчины тоже все были длинноволосые: некоторые носили косы, другие – хвосты с блестящими стеклянными или металлическими бусинами или ленточками, третьи – такие же строгие прически, как и женщина.

Стражи Озера. Явно целый дозорный отряд. Фаун только один раз до сих пор видела таких, как они, когда с родителями и братьями ездила в Ламптон на ярмарку за семенами, стеклянной посудой, каменным маслом и красками. Тогда это был не отряд, а клан, живущий в глуши рядом с Мертвым озером, который привез на продажу прекрасные меха, выделанную кожу, искусные поделки кузнецов и еще товары, о которых вслух не говорили: лекарства и, может быть, незаметно действующие яды. Ходили слухи, что Стражи Озера практикуют черную магию.

Вообще о Стражах Озера ходило множество и менее невероятных слухов. Они не жили оседло, а кочевали из одного лагеря в другой – в зависимости от сезона. Ни один из них не владел землей, которую можно было бы к концу жизни разделить между наследниками; Стражи Озера считали огромные дикие просторы общей собственностью рода. Мужчина владел только своей одеждой, оружием и охотничьей добычей. После свадьбы женщина не становилась хозяйкой в доме мужа, обязанной заботиться о его престарелых родителях; вместо этого мужчина переселялся в шатер матери жены и становился сыном этой семьи. Шептались и о странных постельных привычках Стражей Озера, хоть никто, к огорчению и возмущению Фаун, ничего о них ей не рассказывал.

Одно крестьяне знали точно: если на вас нападало зловредное привидение, вы звали Стражей Озера. И не дай вам бог обсчитать их при расплате за услугу.

Фаун не была уверена в существовании зловредных привидений. Несмотря на все рассказы, сама она никогда их не встречала и не знала никого, кто встречал бы. Все это казалось страшными сказками, развлекающими сообразительных и путающими доверчивых.

Насмешливые старшие братья слишком часто дурачили Фаун, чтобы она с готовностью заглатывала приманку.

Заметив, что один из дозорных направляется к ее дереву, Фаун замерла. Этот воин выглядел не так, как остальные, и девушка не сразу поняла, в чем дело: его темные волосы были коротко острижены и небрежно отброшены назад. Человек был устрашающе высок и очень худ. Он зевнул и потянулся, и что-то блеснуло в его левой руке. Сначала Фаун подумала, что это нож, потом вздрогнула, осознав, что левая кисть отсутствует: вместо нее из длинного рукава выглядывало что-то вроде крюка или зажима; как он крепится к запястью, Фаун разглядеть не могла. К ужасу девушки, дозорный растянулся в тени прямо под нею, удобно опершись спиной о толстый ствол, и закрыл глаза.

Фаун дернулась и едва не свалилась с дерева, когда хозяйка фермы все-таки зазвонила в колокол. Два громких удара, потом еще три: явно просто сигнал, а не тревога, потому что фермерша продолжала оживленно разговаривать с женщиной из отряда. Теперь, когда у Фаун было время присмотреться, она разглядела, что среди Стражей Озера были еще три или четыре женщины. Двое мужчин таскали воду из колодца, наполняя деревянную поилку; коней по очереди подводили к поилке и давали напиться. В ответ на звон колокола из-за одного из строений появился паренек, и фермерша послала его вместе с несколькими дозорными в амбар. Две молодые женщины последовали за хозяйкой в дом и через некоторое время вышли с завернутыми в полотно свертками – должно быть, добрым крестьянским хлебом. Мужчины вынесли из амбара несколько мешков: Фаун решила, что в них овес для коней.

Потом все дозорные собрались у колодца, и хозяйка и седая женщина о чем-то стали договариваться; они пересчитали мешки и свертки, и Стражи Озера вручили фермерше несколько монет и какие-то маленькие мешочки, извлеченные из седельных сумок, – Фаун не сумела разглядеть, что в них; обе стороны явно остались довольны обменом. Потом мужчины и женщины разбились на группки и расположились в тени, чтобы поесть.

Предводительница отряда подошла к дереву, на котором пряталась Фаун, и уселась, скрестив ноги, рядом с высоким человеком.

– Это ты хорошо придумал, Даг.

Тот в ответ только хмыкнул. Открыл ли он глаза, Фаун не знала: со своей ветки она могла видеть только две макушки – одну седую и гладко причесанную, другую темную и взлохмаченную. Еще ей были видны длинные ноги в сапогах.

– Так что тебе рассказала твоя старая приятельница? – спросил мужчина. Его низкий голос звучал устало, а может быть, он от природы был хриплым. – Подтверждаются сведения о Злом?

– Пока ходят только слухи о разбойниках, но в окрестностях Глассфорджа исчезли несколько человек. И тел не нашли.

– М-м...

– Вот тебе, поешь. – Женщина протянула что-то своему собеседнику – судя по восхитительному запаху, долетевшему до Фаун, ломоть свежего хлеба с ветчиной. Потом женщина спросила, понизив голос: – Ты еще ничего не почувствовал?

– У тебя Дар сильнее, чем у меня, – с набитым ртом пробормотал мужчина. – Если ты ничего не чувствуешь, я и подавно не сумею.

– Ты более опытен, Даг. На моем счету всего девять уничтоженных Злых, а у тебя сколько – пятнадцать? А то и двадцать?

– Больше, хоть остальные и были мелочью. Мне просто везло.

– Ха, везло! И мелочь считается тоже. К следующему году они выросли бы. – Женщина откусила кусок от собственного ломтя хлеба с ветчиной и вздохнула. – Ребята волнуются.

– Я заметил. Того и гляди они начнут задирать друг друга, если напряжение еще увеличится.

Женщина только согласно фыркнула. В хриплом голосе неожиданно прозвучало беспокойство:

– Если мы найдем логово Злого, не пускай молодежь вперед.
– Ничего не выйдет. Им нужно набираться опыта – как и нам в свое время.
– Кому нужен такой опыт... – пробормотал мужчина.
Не обращая внимания на возражение, женщина продолжала:
– Я подумала, что в пару с тобой я поставлю Сауна.
– Избави боже! Если только ты снова не отправишь меня сторожить лагерь.
– На этот раз не получится. К тому же жители Глассфорджа дают нам в помощь своих людей.
– Ох, беда! Это же неуклюжие крестьяне, хуже детей!
– Так ведь это их родичи пропали. Они в своем праве.
– Сомневаюсь, что даже с разбойниками они справятся. – Помолчав мгновение, мужчина добавил: – Иначе они уже с ними разделались бы. – Помолчав еще, он заключил: – Если там и правда есть разбойники.
– Я думала поручить жителям Глассфорджа стеречь коней. Если там и вправду Злой и такой большой, как опасается Чато, нам каждая пара рук понадобится в схватке.
После паузы мужчина проворчал:
– Неудачный выбор слов, Мари.
– Ведро у колодца полное. Вылей его себе на голову. Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.
Мужчина взмахнул правой рукой.
– Ну да.
Охнув, женщина поднялась на ноги.
– Поешь. Это, если хочешь знать, приказ.
– Да что ты меня пичкаешь! Я же не дергаюсь!
– Не дергаешься, – вздохнула женщина, – я знаю. – С этими словами она ушла.
Мужчина снова растянулся на траве.
«Уходи, – мысленно приказала ему Фаун. – Я писать хочу».
Однако через несколько минут, прежде чем потребности тела заставили Фаун проявить нежеланную смелость, мужчина поднялся и двинулся следом за предводительницей отряда. Он не спешил, но шаги его были длинными, и пересек двор он прежде, чем женщина помахала рукой. Фаун не поняла, как это можно было счесть приказом, но тем не менее все дозорные тут же принялись приторачивать седельные сумки и подтягивать подпруги. Через пять минут всадники покинули ферму.
Фаун соскользнула с дерева и посмотрела вслед отряду. Однорукий воин, ехавший последним, оглянулся через плечо. Фаун снова спряталась за ствол, и только когда стук копыт стих, вышла из своего убежища и отправилась искать фермершу. Ее мешок, как с облегчением заметила девушка, так и лежал на скамье – никто его не тронул.

Оглянувшись, Даг снова подумал о той крестьянской девчушке, которая робко пряталась на яблоне. Теперь она, конечно, слезла, но рассмотреть ее Дагу не удалось. Другое дело, что на таком близком расстоянии ветви и листья не могли скрыть от него яркую искру жизни...

Мысленно Даг представил себе ее уютную ферму, разоренную глиняными тварями Злого, – кровь, пепел, дым. Или еще хуже – и эту картину показало ему не только воображение, но и память, – то, что случилось в Западном Уровне за рекой Грейс, менее чем в шестистах милях отсюда. Для него, который верхом или пешком проделывал подобный путь дюжину раз, не такое уж это и расстояние, а вот для местных – нечто, что трудно себе представить. Бесконечные мили пустошей, таких безотрадных, что даже скалы рассыпались в серую пыль. Эта огромная плешь высасывала из человека его Дар так же, как пустыня – влагу из его тела; задерживаться там было смертельно опасно. Тысячелетия редких дождей только начали возвращать Западному Уровню какое-то подобие ландшафта. Представить себе зеленые поля этой деревенской девчушки превращенными в такой же кошмар...

«Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы такого не случилось, Искорка».

Даг не думал, что они когда-нибудь еще встретятся или что она узнает, ради чего так спешат странные знакомцы ее... матери? – спешат, чтобы защитить и ее, и себя самих. Не ее вина в том, что он так устал от своей бесконечной погони. Деревенские жители, хоть что-то узнавшие о методах Стражей Озера, называли их черной некромантией и шарахались прочь от дозорных, однако принимали от них бесценный подарок – безопасность. Что ж, значит, и на этот раз мы купим смерть Злого ценой жизни одного из нас...

Но только одного, если это будет зависеть от него, Дага.

Даг ударил каблуками коня и галопом догнал отряд.

Хозяйка фермы задумчиво смотрела на Фаун, пока та собирала свой мешок, поправляла лямки и закидывала его за спину.

– Отсюда до Глассфорджа почти день езды, – сказала она, – а пешком еще дольше. Тебе придется ночевать по дороге.

– Ничего, – ответила Фаун. – Мне нетрудно найти место для ночлега. – Это было правдой. Найти укромный уголок, откуда ее не было видно с дороги, ей всегда удавалось, а приготовления ко сну сводились к тому, чтобы расстелить одеяло и улечься, не умываясь и не раздеваясь. Единственные неприятности, которые грозили при этом Фаун, заключались в укусах moskitov и клещей.

– Ты могла бы переночевать в амбаре и выйти пораньше. – Прикрыв глаза рукой, фермерша посмотрела на дорогу, по которой ускакал отряд Стражей Озера. – Я ничего с тебя за это не возьму, дитя.

На ее лице было написано искреннее беспокойство за Фаун. Фаун раздирали странные чувства – несправедливый гнев и желание расплакаться; болезненный комок в горле мешал ей дышать. «Мне давно не двенадцать, женщина», – хотелось ей сказать. Когда-нибудь ведь ей придется научиться говорить: «Мне двадцать. Я вдова». Такие фразы все еще не давались ей легко.

И все-таки... предложение фермерши звучало соблазнительно. Остаться на день, помочь по хозяйству, показать, какой полезной она может быть... остаться еще на день и еще... На ферме всегда бывают нужны рабочие руки, а Фаун знала, как найти себе дело. Первое, что она собиралась сделать, когда доберется до Глассфорджа, – это поискать работу. А здесь – сколько угодно знакомых и привычных дел.

Только Глассфордж манил ее воображение уже не одну неделю. Отказаться идти туда было бы все равно что остановиться на всем скаку. Да и в городе легче оставаться незаметной. Впрочем, не обязательно, подумала Фаун со вздохом. Куда бы она ни отправилась, рано или поздно ее узнают. Так, может быть, и все равно, где остаться? И на самом деле нигде новые горизонты не откроются?

Она собрала в кулак свою ослабевающую решимость.

– Спасибо, но меня ждут. Родичи будут беспокоиться, если я задержусь.

Женщина кивнула головой, то ли уступая этому доводу, то ли прощаясь.

– Что ж, будь осторожна. – Она двинулась к дому – к собственным делам, которые, должно быть, держали ее на ногах с рассвета до заката.

«Вот такую жизнь вела бы и я, если бы меня не подвел Санни Сомен, – мрачно подумала Фаун, снова выходя на дорогу. – Ради него я примирилась бы с ней и ни о чем другом и думать бы не стала.

Что ж, теперь я думаю о другом, и передумывать не стану. Посмотрим, что ждет меня в Глассфордже».

В Фаун снова вспыхнул усталый гнев – этот подлый, вредный идиот Санни... проклятый дурак! Гнев заставил Фаун выпрямить спину. Приятно знать, что Санни в конце концов нашлось применение – своего рода. Фаун повернула на юг и двинулась вперед.

Под ногами лежали черные влажные прошлогодние листья, и Даг, карабкаясь по крутому склону в темноте, поскользнулся. Немедленно сильная рука поддержала его.

– Сделаешь это еще раз, – сквозь зубы прошипел Даг, – и я изобью тебя до полусмерти. Перестань заботиться обо мне, Саун.

– Прости, – прошептал в ответ Саун, ослабляя хватку и убирая руку. После некоторой заминки он добавил: – Мари говорит, что не будет больше ставить тебя в пару с девушками, потому что ты слишком о них заботишься.

Даг с трудом сдержал проклятие.

– Ну, это тебя не оправдывает. Изобью. До крови.

Даже в лесном сумраке было видно, как блеснули зубы Сауна в улыбке. Они поднялись вверх еще на несколько ярдов, цепляясь за камни, выступающие из земли корни и стволы молодых деревьев.

– Стой, – выдохнул Даг.

Справа донесся почти неслышный вопрос.

– Оказавшись на вершине, мы будем их видеть, а если видим мы, то можно увидеть и нас. Если там есть кто-то с Даром, то ты будешь выглядеть для него как факел среди деревьев. Так что не высовывайся, парень.

Ответом было недовольное ворчание:

– Но я же не вижу Рази с Утау. Я и тебя-то еле вижу – как уголь под пеплом.

– Я слежу за Рази и Утау. Всех нас держит под наблюдением Мари, ты можешь этим не заниматься. Твоя задача – следить только за мной. – Даг скользнул к юноше и принялся массировать его плечо правой рукой. Лучше было бы, конечно, размять оба плеча, но и эта мера, похоже, подействовала: напряжение покинуло Сауна. – Пригнись пониже. Вот так. У тебя все получится.

Даг на самом деле понятия не имел, получится ли что-то у Сауна или его ждет провал, но парень, похоже, отнесся к его словам с удивительной доверчивостью; его пылающее беспокойство приугасло.

– Кроме того, – добавил Даг, – сейчас нет дождя, а потопа, как говорит мой опыт, без дождя не бывает. Так что нас отсюда не смоет. – Шутка была не из лучших, но в данных обстоятельствах пошла на пользу: Саун ухмыльнулся.

Даг выпустил плечо юноши, и они продолжили подъем.

– Злой здесь? – прошептал Саун.

Даг остановился, крюком подцепил какое-то растение и сунул под нос Сауну.

– Видишь это?

Парень резко откинул голову.

– Ядовитый плющ. Убери его от моего лица!

– Будь мы близко от логова Злого, даже ядовитый плющ завял бы, хоть, надо признать, он держался бы дольше остальных растений. Логова здесь нет.

– Тогда что мы тут делаем?

Даг слышал доносящийся сзади шум: это ополчение из Глассфорджа добралось до вершины предыдущего холма и теперь спускалось в ущелье, со дна которого по склону карабкался он сам и остальные дозорные. Вторая волна... Даже Сауну не удавалось так шуметь. Мари следовало бы натянуть вожжи и придержать помощников, иначе никакого неожиданного нападения не получится.

– Чато думает, что в шайку разбойников проник соглядатай или, того хуже, их подкупили. Вот поймай глиняного человека, и он быстро приведет нас к своему создателю.

– У глиняных людей есть Дар?

– У некоторых. Стоит Злому поймать одного из нас, как он получает все: Дар, умение владеть оружием, знания о местах наших лагерей. Похоже, что первый человек, которого поймал этот Злой, был разбойником с большой дороги, прятавшимся в холмах, поэтому-то он и связался с бандой. Нет сообщений о том, что кто-то из нас пропал, так что мы,

возможно, еще сохраняем преимущество. Дозорный не позволит Злому захватить себя живым, если это в его власти. – Или своего товарища... Впрочем, для одного вечера уроков достаточно. – Давай карабкайся.

Добравшись до вершины холма, они припали к земле. Саун ловко натянул тетиву на лук. Менее ловко, но так же быстро Даг снял с плеча и взял на изготовку свой – более короткий и приспособленный к его увечью: вывинтил крюк, укрепленный в деревянном основании, привязанном к левому запястью, заменил его на зажим для лука, защелкнул замок, а крюк сунул в кошель на поясе. Это было почти так же удобно, как носить лук в левой руке, когда она у Дага еще была, и по крайней мере ему не грозила опасность лук выронить... Развязав ножны, он проверил, легко ли вынимается большой нож.

Сквозь деревья, росшие на склоне, Даг мог рассмотреть лужайку внизу: три или четыре почти прогоревших костра, несколько палаток, старую хижину с наполовину провалившейся крышей. Дар Дага отметил темные фигуры спящих, обходящий лагерь часовой виделся ему как тусклый огонек; еще кто-то возвращался от выкопанной в стороне ямы – отхожего места. Сонные тени коней, привязанных в стороне... Все это были вести, посланные Дагу Даром, – то, чего он не мог ни увидеть глазами, ни коснуться рукой. Всего, пожалуй, человек двадцать пять – против шестнадцати дозорных и двух десятков добровольцев из Глассфорджа. Даг начал внимательно присматриваться к искрам-жизням, высматривая те, что походили на людей... но ими не были.

Лес вокруг продолжал жить своей ночной жизнью: квакали лягушки, стрекотали цикады, жужжали какие-то неведомые насекомые. Иногда раздавался тихий шорох... Более крупные существа могли быть или распуганы шумом лагеря, или, наоборот, привлечены закопанными в стороне помоями; впрочем, Дар Дага не обнаружил боязливых любителей падали внутри стягивающегося кольца дозорных.

Потом – слишком рано – откуда-то справа донесся испуганный крик... Хрип, вопли, звон металла. Лагерь зашевелился. Ну вот, началось!

– Нужно подобраться ближе, – бросил Даг Сауну, скользя вниз по склону, чтобы стрелять наверняка. К тому моменту, когда расстояние сократилось до каких-то двадцати шагов и просвет между деревьями дал возможность целиться, мишени любезно начали подниматься на ноги. Откуда-то издалека по крутой дуге прилетела горящая стрела и вонзилась в одну из палаток; еще немного, и Даг даже сможет увидеть, во что стреляет...

Даг заставил страх и надежду изгладиться из своего разума – вместе с беспокойством об истинной природе того, с чем столкнулся. Перед ним были всего лишь мишени. По одной за раз... вон та... и вон та... а теперь та путаница мечущихся теней...

Даг выпустил еще одну стрелу и был вознагражден далеким стоном. Он понятия не имел, в кого попал, но по крайней мере теперь его жертва будет двигаться медленнее. Даг остановился, чтобы сориентироваться, и с удовлетворением отметил, что стрела Сауна, исчезнувшая в темноте, с громким чавканьем вонзилась в чью-то плоть. Всюду вокруг в лесу были заметны дозорные, пылающие возбуждением; вот-вот они заполнят его поле зрения, как заполняли голову Мари, если воинам не удастся взять себя в руки.

Расстояние в двадцать футов обладало тем преимуществом, что целиться и стрелять с него было удобно; однако имелся и недостаток: тот, в кого вы стреляли, уж слишком быстро добегал до вас...

Даг выругался, когда три или четыре высокие фигуры вынырнули из темноты. Он позволил руке, державшей лук, упасть вдоль тела; правой рукой он выхватил нож. Бросив быстрый взгляд направо, Даг заметил, как Саун вытащил меч, замахнулся и тут обнаружил, что длинным клинком, таким удобным в конном бою, орудовать в лесной чаще несподручно.

– Тут тебе не удастся сносить головы, – бросил Даг через плечо. – Коли, а не руби! – Даг крикнул, согнул руку, к которой крепился лук, и плечом ударил одного из нападавших, заставив того покатиться вниз по склону, и тут же отбил медной чашкой, венчавшей его нож, клинок, возникший словно из ниоткуда. Звон металла указал Дагу направление, и точно направленный удар ногой в пах заставил и этого противника отлететь в сторону. Может

быть, эти парни и считали себя разбойниками, только сражались они как крестьяне.

Саун уперся сапогом в грудь того из нападавших, которого проткнул мечом, и вытащил клинок; крик боли захлебнулся в бульканье крови, а извлекаемая сталь издала мерзкий хлюпающий звук. Саун бегом кинулся за Дагом к разбойничьему лагерю. К ним справа и слева, как пикирующие на добычу ястребы, присоединились Рази и Утау.

Оказавшись на поляне, Саун смог снова прибегнуть к своему излюбленному удару с плеча. Результат оказался поразительно кровавым, однако следующей жертве удалось отскочить, а сам Саун не успел закрыться; его противник тут же кинулся на него, размахивая молотом на длинной рукоятке. Гулкий удар, когда молот попал в грудь Сауну, вызвал у Дага мгновенное ощущение тошноты. Он рванулся к разбойнику, обхватил его сзади левой рукой и глубоко вонзил нож. Что-то влажное и горячее оросило руку Дага, и он, повернув клинок, оттолкнул от себя убитого. Саун дергался, лежа на спине; лицо его налилось кровью.

– Утау! Прикрой нас! – крикнул Даг; запыхавшийся Утау кивнул и занял защитную позицию.

Даг опустил на колени рядом с Сауном, отщелкнул замок, удерживавший лук, приподнял голову юноши, а правой рукой стал ощупывать место, куда пришелся удар молота.

Сломанные ребра, судорожное дыхание, редкие неровные удары сердца... Даг позволил своему Дару, который он пригасил, чтобы не слышать боли противников, вернуться в полной мере и устремиться в Сауна. Боль была ужасной. Сначала сердце... Даг сосредоточился. Единение было опасным: что, если соединенные таким образом органы предпочтут разом остановиться, а не забиться ровно... Жжение, ощущение стиснувшей сердце руки были точно такими же, как испытываемые юношей. Ну же, Саун, потанцуй со мной! Сердце затрепетало, запнулось и начало, прихрамывая, биться. Сильнее и ровнее... Теперь легкие. Вдох, второй, третий – грудь начала подниматься, и сердце и легкие заработали в унисон. Да, хорошо, теперь они будут работать сами. Мучительное эхо предсмертных страданий противников Сауна все еще билось в юноше, который не сумел в достаточной мере заблокировать их. Мари предстоит тут еще повозиться...

«До чего же я ненавижу необходимость сражаться с людьми!»

Даг с сожалением позволил боли вернуться к своему источнику. Сауну придется с месяц ходить согнувшись, но жить он будет.

Даг снова стал воспринимать окружающий мир. Всюду вокруг поляны, как только появились яростно вопящие ополченцы из Глассфорджа, разбойники начали сдаваться в плен. Даг подхватил свой лук, поднялся на ноги и огляделся. Рядом с горящей хижинкой он заметил Мари. Ее губы шевельнулись: «Даг!» – но крик утонул в оглушительном шуме. Мари подняла два пальца и показала в дальний конец поляны, потом щелкнула по кожаному браслету, защищающему руку. Даг повернулся в указанную сторону.

Двое разбойников вырвались из окружения и пытались скрыться. Даг взмахнул луком, показывая, что понял, и крикнул:

– Утау! Присмотришь за Сауном?

Дозорный кивнул, беря под свою опеку пострадавшего напарника Дага. Даг кинулся в погоню, по пути стараясь снова защелкнуть замок лука на запястье. Когда ему это удалось, он оказался уже там, куда свет костров не достигал. Совсем рядом...

Лошадь чуть не сбила его с ног: Даг еле успел отскочить в сторону. Беглецы сидели на лошади вдвоем: впереди здоровенный громила, а позади него – еще более огромный человек.

Нет. Второй человеком не был.

Даг ощутил головокружение: возбуждение погони, не полностью изгладившийся шок от ранения Сауна... Даг на мгновение согнулся, выравнивая дыхание. Рука его скользнула под рубашку, проверяя, на месте ли второй нож – обнадеживающий груз на груди. Темный, теплый, смертоносный груз. Глиняный человек. Ты наш. И ты, и твой создатель.

Даг терпеть не мог отправляться в погоню верхом, но пешком он не догонит всадников, хоть та лошадь и несет двоих. Он снова постарался успокоиться: нечего, нечего, он наш, – и

позвал своего коня. Копперхеду понадобится несколько минут, чтобы прискакать сквозь чащу оттуда, где отряд спрятал своих коней, поэтому Даг опустился на колени, отстегнул и закинул за плечо лук, выудил из кошелья самое полезное из приспособлений – простой крюк с прикрепленной к нему стальной пружиной, образующей что-то вроде пинцета – и ввинтил его в крепление. Вытащив из кармана куртки жестяную коробочку с пропитанными смолой палочками, Даг зажал одну пружиной и зажег. Когда пламя разгорелось, он пригнулся к земле, разглядывая отпечатки копыт, и поднялся на ноги, только удостоверившись, что теперь наверняка узнает их.

Беглецы уже почти оказались вне пределов, где их мог чувствовать Дар Дага, когда его скакун, фыркая, появился из чащи, и Даг вскочил в седло. Там, где прошла одна лошадь, есть дорога и для другой, не так ли? Даг погнал Копперхеда со скоростью, которая заставила бы Мари выругаться: только дурак станет рисковать сломать себе шею в темноте.

Фаун все брела в сторону Глассфорджа.

Теперь, когда она наконец пересекла равнину и добралась до юго-восточных холмов, дорога стала не такой ровной, как была с самого Ламптона, и не такой прямой. Пологие склоны и повороты перемежались крутыми подъемами по узким ущельям в скалах или дощатыми мостиками, заменившими разрушенные каменные арки, обломки которых, как Древние кости, валялись на дне непреодолимых расселин. Дорога неуклюже обходила старые камнепады или мочила ноги, вброд пересекая ручьи.

Фаун гадала, когда же она наконец доберется до Глассфорджа. Он не мог быть особенно далеко, хоть сегодня утром она и припозднилась. Что ж, по крайней мере после последнего ломтя хлеба той доброй фермерши ее не тошнило. День постепенно становился все более жарким и душным. Здесь дорога шла в приятной тени: с обеих сторон тянулся лес.

Пока что Фаун встретила крестьянская тележка, караван мулов и небольшая отара овец; все они двигались навстречу Фаун. Уже почти час она не встречала никого. И тут Фаун заметила лошадь и услышала далекий стук копыт. Только, к несчастью, лошадь бежала не в том направлении. Фаун отошла на обочину. Лошадь не только скакала на север, на ней уже сидели двое всадников. Без седла... Животное передвигало ноги почти так же устало, как сама Фаун, ее неухоженная гнедая шкура была покрыта белесыми полосами засохшего пота, в черной гриве и хвосте застряли репейники.

Всадники выглядели не лучше своего скакуна. Впереди ехал здоровенный парень примерно одних лет с Фаун в драной куртке, с заросшим щетиной подбородком. За него цеплялся еще более массивный спутник. У второго всадника были крупные черты лица и длинные ногти, такие грязные, что выглядели черными когтями. Взгляд его казался пустым, а одежда, которая была ему явно мала, словно пришла ему на ум в последнюю очередь: рваная рубашка с закатанными рукавами, штаны, не достававшие до сапог. Возраст его было трудно определить. Фаун подумала: уж не деревенский ли это дурачок. Оба всадника выглядели так, словно возвращались домой после загула, а то и чего похуже. У парня на поясе висел большой охотничий нож, хотя его спутник казался безоружным. Фаун ограничилась еле заметным кивком и не стала здороваться, хотя краем глаза заметила, что обе головы повернулись в ее сторону. Она двинулась дальше, не оглядываясь.

Неровный стук копыт умолк. Фаун с опаской оглянулась через плечо. Всадники, похоже, спорили но голоса их были слишком неясными, чтобы Фаун могла разобрать слова. Долетали только постоянно повторяющиеся настойчивые восклицания дурачка: «Хозяин желает!» – и резкие и сердитые «Зачем?» второго парня. Фаун опустила голову и пошла быстрее. Стук копыт раздался снова, но вместо того чтобы растаять вдаль, начал приближаться.

Скоро лошадь оказалась рядом с Фаун.

– Доброе утро, – окликнул девушку парень с фальшивой жизнерадостностью. Фаун подняла глаза. Парень вежливо дернул себя за грязную белобрысую прядь, но глаза его не улыбались. Дурачок просто напряженно таранился на Фаун.

Фаун попыталась объединить вежливый поклон с неприступным выражением лица, молясь в душе: «Ох, только бы появилась тележка, или коровы, или другие всадники – хоть кто-нибудь. И не важно, в каком направлении они будут ехать».

– В Глассфорджд идешь? – поинтересовался парень.

– Меня там ждут, – коротко ответила Фаун. «Убирайся. Просто поворачивайся и убирайся».

– У тебя там семья?

– Да. – Фаун подумала, не изобрести ли ей большую семью в Глассфорддже – кучу свирепых дядюшек и братьев – или просто переместить поближе свое настоящее семейство. Оно вечно отравляло ей жизнь, но теперь Фаун почти мечтала увидеть кого-нибудь из родных.

Дурачок, хмурясь, похлопал своего спутника по плечу.

– Нечего болтать. Просто хватай. – Голос его звучал неотчетливо, как будто язык не соответствовал рту.

Телега с навозом тоже прекрасно подошла бы – особенно сопровождаемая толпой работников...

– Вот сам и хватай, – рявкнул парень.

Дурачок пожал плечами, размял руки и соскользнул с крупа лошади. На землю, впрочем, он соскочил более ловко, чем ожидала Фаун. Девушка ускорила шаги, потом, когда дурачок обошел лошадь и двинулся к ней, бросилась бежать, в ужасе оглядываясь.

От деревьев было мало проку. Даже если бы Фаун смогла влезть на дерево, это страшилище тоже наверняка смогло бы. Скрыться из виду так, чтобы успеть спрятаться, нечего было и думать.

Фаун брыкалась и вырывалась изо всех сил. Только это было все равно что бороться со столетним дубом...

– Ну вот, теперь ты ее перепугал до смерти, – с отвращением сказал второй парень. Он тоже слез с лошади, посмотрел на Фаун и стал развязывать веревку, поддерживавшую его штаны. – Придется связать ей руки, иначе она выцарапает тебе глаза.

Хорошая мысль. Фаун тут же попыталась. Бесполезно: дурачок по-прежнему стискивал ее руки, так что дотянуться до его лица она не могла. Фаун изогнулась и укусила волосатую руку. Кожа громадины обладала удивительно странным запахом и вкусом, как кошачья шкурка, – совсем не таким мерзким, как Фаун ожидала. Удовольствие от того, что ей удалось пустить ему кровь, было недолгим: дурачок развернул ее и, не проявляя никаких чувств, так ударил по лицу, что голова ее дернулась назад, а сама Фаун растянулась на дороге. Перед ее глазами заплескали черные пятна.

В ушах у Фаун еще звенело, когда ее рывком подняли на ноги, связали ей запястья и подняли в воздух. Дурачок передал девушку второму парню, уже снова сидевшему на лошади. Тот задрал юбки Фаун и усадил ее перед собой в седло, обхватив за талию. Голые ноги Фаун ощутили тепло конской шкуры. Дурачок взял повод и повел коня.

– Так-то лучше, – сказал парень, державший Фаун, дыша кислятиной прямо ей в ухо. – Жаль, конечно, что он тебя ударил, только ты не должна была убегать. Будь покладистой, и мы с тобой хорошо поразвлечемся. – Рука парня поползла вверх и стиснула грудь Фаун. – Ух... а ты более зрелая, чем я думал!

Фаун, все еще не отдышавшаяся и дрожащая, лизнула струйку, стекавшую с носа. Что там – слезы, кровь или и то и другое? Она осторожно подергала веревку, болезненно врезавшуюся в ее запястья. Узлы оказались затянутыми крепко. Фаун подумала, не закричать ли ей снова... Нет, эти мерзавцы могут снова ее ударить или заткнуть ей рот. Лучше притвориться, что она еще не пришла в себя: тогда, если им кто-нибудь повстречается или хотя бы окажется достаточно близко, чтобы ее услышать, она сможет воспользоваться и голосом, и не связанными ногами.

Этот обнадеживающий план утешал Фаун всего минут десять; потом, прежде чем кто-нибудь появился на дороге, они свернули на еле заметную тропу, уходившую в сторону.

Хватка парня, державшего Фаун, превратилась в ленивое объятие, а руки его принялись путешествовать по ее телу. Когда тропа пошла вверх по склону, так что Фаун пришлось соскользнуть назад, парень отшвырнул ее мешок и прижался теснее; движения лошади заставляли их тела тереться друг о друга.

Как ни пугали Фаун недвусмысленные намерения ее спутника, безразличие дурачка пугало ее еще сильнее. Мерзкое поведение парня было предсказуемо, зато другой... Фаун представления не имела, о чем он думает и думает ли вообще.

Что ж, если случится то, к чему все идет, по крайней мере насильники не смогут сделать ей ребенка. Спасибо тебе, Идиот Санни. Нужно признать: это меньшее из зол, хоть и разит от парня, как от выгребной ямы. Фаун ненавидела собственную дрожь, выдающую ее страх, но ничего не могла с собой поделать. Дурачок уводил их все дальше в лес.

Когда из широкой долины сквозь деревья донеслись крики, такие отчаянные, что с трудом удавалось различить слова «Пусти! Пусти!», Даг приподнялся на стременах.

Он ударил каблуками коня, заставив его, несмотря на хлещущие их обоих ветки, бежать быстрее. Странные следы, которые он заметил на дороге в миле или двух отсюда, неожиданно стали гораздо более зловещими. Даг преследовал беглецов уже не один час; его Дар все еще указывал ему направление, и, несмотря на усталость после бессонной ночи, охватившей его тело и разум, Даг надеялся, что след приведет его к логову Злого. Теперь же отчаянные крики добавили ему беспокойства.

Перевалив через вершину холма, Даг сократил путь, спустившись по промоине такой крутой, что его коню почти пришлось сесть на круп. Наконец на маленькой полянке Даг увидел тех, кого преследовал. Что там?.. Увидев, он стиснул зубы и погнал коня вперед, уже не заботясь о соблюдении тишины. В десяти шагах он натянул поводья, выпрыгнул из седла и проделал все действия, необходимые для того, чтобы закрепить на левой руке лук, не уделяя этому сознательного внимания.

Было совершенно ясно, что ничье романтическое свидание он не прервет. Стоявший на коленях глиняный человек с ничего не выражающим лицом держал за плечи вырывающуюся девушку, разглядеть которую Даг не мог из-за навалившегося на нее мужчины. Насильник пытался одновременно спустить штаны и раздвинуть ноги своей пленницы, яростно продолжавшей брыкаться. Парень выругался, когда маленькая нога попала в цель.

– Держи ее!

– Некогда останавливаться, – проворчал глиняный человек. – Нужно двигаться дальше. На это нет времени.

– Много времени не потребуется, если... только ты... поддержишь ее. – Насильник наконец сумел втиснуть бедра между ног девушки.

Отсутствующие боги, уж не ребенка ли они валяют в грязи? Дар Дага был готов взорваться; глиняный человек, отвлеченный своим занятием или нет, вот-вот его заметит, пусть его подельник ничего не видит. Распростертая на земле фигура на мгновение приподнялась, и Даг заметил покрасневшее лицо, черные кудри, округлые, как яблоки, груди. Платье девушки было разорвано сверху и задрано снизу. Ох... все-таки она не ребенок – но все равно беспомощна против этих громил.

Даг взял себя в руки и прицелился. Эти колышущиеся бледные ягодицы были самой правильной мишенью, какая только представлялась его глазам. И хоть раз в его невезучей жизни он, похоже, не опоздал. Даг думал об этом чуде целое мгновение, пока соотносил расстояние с натяжением тетивы: нельзя, чтобы стрела прошла насквозь и поразила девушку... женщину... кто бы она ни была.

Выстрел.

Даг потянулся за второй стрелой, не дожидаясь, пока первая поразит цель. Точность отдачи – прямо в центр левой щеки – порадовала его даже сильнее, чем раздавшийся удивленный вопль. Насильник дернулся и скатился с девушки, завывая и пытаясь дотянуться до пострадавшей задницы.

Опасность не уменьшилась, а вдвое увеличилась. Глиняный человек резко выпрямился, наконец заметив Дага, схватил девушку и прижал ее, как щит, к груди. Его намерению помешали его собственный рост и миниатюрность пленницы: следующую стрелу Даг послал ему в бедро. Стрела только задела глиняного человека, но все равно боль заставила его подпрыгнуть.

Хватит ли у твари соображения пригрозить пленнице и тем остановить Дага? Даг не стал ждать, пока это выяснится. Яростно оскалившись, он выхватил нож и кинулся вперед. Его приближение означало смерть.

Глиняный человек это понял; на тяжелом мрачном лице отразился страх. В панике он швырнул плачущую девушку в Дага, повернулся и побежал.

Руки Дага были заняты: в левой – лук, в правой – нож, так что поймать девушку он мог, только широко раскинув руки; иначе она порезалась бы или ушиблась. В результате Даг потерял равновесие, и они оба упали.

На мгновение мягкое тело задыхающейся девушки оказалась на Даге. Втянув воздух, она издала странный квакающий звук и вознамерилась вцепиться ему в лицо. Даг попытался найти слова, чтобы успокоить ее, но девушка не дала ему такой возможности; в конце концов Дагу пришлось выпустить нож и просто отшвырнуть ее. Оба врага были живы, так что с девушкой придется разбираться потом. Даг перекатился по земле, схватил нож и вскочил на ноги.

К этому времени глиняный человек вскарабкался на свою лошадь, дернул за поводья и попытался наехать на Дага. Тот увернулся и собрался кинуть нож, но передумал и потянулся к колчану с немногими оставшимися стрелами. Прицелился, натянул тетиву...

Нет.

Пусть тварь лучше бежит в свое логово. Даг сможет, если придется, найти его по следам. Сейчас единственного раненого пленника с него хватит. Этого пленника определенно удастся заставить говорить. Глиняный человек направил лошадь по еле заметной тропе, уводящей с полянки параллельно ручью. Даг опустил лук и оглянулся.

Разбойник-человек исчез, но его-то выследить было нетрудно. Даг махнул рукой девушке, которая стояла в нескольких ярдах от него, пытаясь привести в порядок платье, и крикнул:

– Оставайся здесь. – Сам он двинулся по кровавому следу.

Из-за молодой поросли и кустов, окружающих поляну, донесся всплеск. У валуна на берегу Даг увидел расprostертую в луже крови фигуру. Штаны у парня были спущены, руки стискивали стрелу.

Слишком он неподвижный... Даг стиснул зубы. Этот глупец явно попытался вытащить сводящую с ума стрелу из своего тела и с силой дернул, повредив при этом артерию. Проклятие, рана была не смертельной – Даг об этом позаботился. Ах, добрые намерения, где это мы раньше с вами встречались? Даг перевернул ногой тело. Бледное небритое лицо запрокинулось к небу; смерть заставила парня выглядеть ужасно молодым. Никаких ответов теперь от разбойника не добьешься: он совершил свое последнее предательство.

– Отсутствующие боги, опять дети. Неужели это никогда не кончится? – пробормотал Даг.

Подняв глаза, он увидел спасенную им девочку-женщину, которая последовала за ним по кровавому следу. Глаза ее были огромными и темными, как у испуганного оленя. По крайней мере она больше не визжала... Девушка взглянула на мертвого насильника, и ее разбитые нежные губы выдохнули беззвучное «Ох». На одной щеке у нее разливался черный синяк, подчеркнутый четырьмя параллельными царапинами.

– Он умер?

– К несчастью. И совершенно зря. Если бы он просто лежал смирно и ждал помощи, я взял бы его в плен и он остался бы в живых.

Девушка со страхом оглядела Дага. Ее темная макушка, если бы они стояли рядом, доставала бы ему до середины груди. Даг смущенно постарался спрятать за спину левую

руку с луком и сунул нож в ножны.

– Я знаю, кто ты такой, – неожиданно сказала девушка. – Ты Страж Озера из того отряда, что останавливался у колодца на ферме.

Даг заморгал, поспешно призвав Дар, который приглушил, чтобы избавиться от шока ненужной смерти разбойника. Девушка словно вспыхнула перед его внутренним зрением.

– Искорка! Что ты делаешь так далеко от своей фермы?

3

Высокий дозорный смотрел на Фаун так, как будто узнал. Она растерянно сморщила нос, не понимая, о чем он говорит. Теперь, оказавшись рядом, она смогла наконец разглядеть цвет его глаз – они оказались неожиданного золотого оттенка. На костлявом лице с обветренной кожей, загоревшей до цвета темной меди, они казались очень блестящими. На лбу, щеках и подбородке было множество царапин – некоторые просто красные полосы, но некоторые и кровоточащие. «О боги, это же я наделала...»

В стороне, на обкатанных ручьем камнях, лежало тело несостоявшегося насильника. Струйка еще не свернувшейся крови текла к ручью; прозрачная вода уносила ее, постепенно растворяя красный цвет до розового; потом исчезал и он. Парень был таким пугающе жарким, тяжелым, живым всего несколько минут назад... когда она желала ему смерти. Теперь ее желание исполнилось, и она уже не была так уверена...

– Я... это... – Фаун неуверенно обвела рукой все вокруг и вдруг выпалила: – Прости, что я тебя исцарапала. Я не понимала, что со мной происходит. – Потом, замявшись, она добавила: – Ты меня испугал. Должно быть, я совсем потеряла голову.

На губах дозорного появилась неуверенная улыбка, на мгновение превратив его в совсем другого человека. Не такого... пугающе огромного.

– Я пытался припугнуть другого парня.

– Тебе это удалось, – кивнула Фаун, и беглая улыбка мелькнула на лице Стража Озера, прежде чем исчезнуть.

Он ощупал лицо и словно с удивлением посмотрел на красные следы на пальцах; пожав плечами, он снова пристально взглянул на Фаун.

Его внимание вновь испугало Фаун: у нее возникло ощущение, что до сих пор никто ни разу в жизни не смотрел на нее – по-настоящему не смотрел. Фаун все еще была взволнована и испугана, и ощущение оказалось не из приятных.

– С тобой все в порядке... в остальном? – мрачно спросил дозорный. Правой рукой он сделал вопросительный жест; левая рука все еще оставалась опущенной, и короткий мощный лук торчал под углом к ноге. – Помимо лица?

– Лица? – Дрожащие пальцы Фаун коснулись щеки там, куда ее ударил дурачок. Щека все еще была онемевшей, но понемногу начинала болеть. – Уже заметно?

Он кивнул.

– Ох...

– Царапины не очень хорошо выглядят. У меня в седельной сумке есть кое-что, чтобы их промыть. Уйди отсюда и сядь... э-э... не здесь. Уйди отсюда... от этого.

Фаун взглянула на труп и сглотнула:

– Хорошо. – Потом добавила: – Со мной все в порядке. Я через минуту перестану трястись. Глупо с моей стороны.

Не приближаясь к девушке ближе чем на три фута, Даг отвел ее обратно на полянку – помахивая рукой, как если бы гнал утку. Он показал ей на упавший ствол подальше от того места, где вытоптанная трава говорила о недавней борьбе, и двинулся к своему коню, высокому гнедому, который невозмутимо щипал сорняки на обочине тропы. Фаун тяжело уселась на бревно и согнулась, обхватив себя руками. Горло у нее саднило, живот болел, и хотя она больше не всхлипывала, восстановить дыхание в прежнем ритме никак не удавалось.

Дозорный встал спиной к Фаун, сделал что-то, в результате чего лук отсоединился от его левой руки, и стал рыться в седельной сумке. Потом еще что-то сделал со своей левой рукой и повернулся к Фаун, поправляя на плече ремень от фляги с водой и зажав под мышкой пару завернутых в ткань пакетов. Фаун заморгала: ей неожиданно показалось, что дозорный вновь обрел левую кисть: затянутая в кожаную перчатку, она неловко прижималась к боку. Даг с усталым кряхтением опустил на бревно и вытянул длинные ноги. Теперь, когда он сидел так близко, Фаун ощутила, что от него пахнет высохшим потом, дымом, лошадьё и усталостью. Он положил свертки на землю и протянул Фаун флягу.

– Сначала напейся.

Фаун кивнула. Вода была теплая и затхлая, но чистая.

– И поешь. – Даг достал из одного из свертков кусок хлеба.

– Не смогу...

– И все-таки. Так твоему телу будет чем себя занять – не только же ему дрожать. Тело удивительно легко отвлечь. Попробуй.

Фаун с сомнением откусила кусочек. Хлеб был замечательный, хоть и немного черствый, и Фаун подумала, что знает, где его испекли. Ей пришлось отхлебнуть еще воды, чтобы проглотить хлеб, но тряссти ее и в самом деле стало меньше. Пока дозорный разворачивал второй сверток, Фаун искоса взглянула на его неподвижную левую кисть и решила, что она, должно быть, вырезана из дерева – для показухи.

Дозорный смочил тряпочку какой-то жидкостью из бутылочки – снадобьем Стражей Озера? – и протянул правую руку к щеке Фаун. Она поморщилась, хотя прохладная жидкость не щипала.

– Прости. Не хотелось оставлять в царапинах грязь.

– Нет... Да... Я хочу сказать – ничего. Все в порядке. Думаю, дурачок зацепил меня когтями, когда ударил. – Когти. На руках у него были когти, а не ногти. Что за чудовище?..

Губы дозорного сжались, но рука не дрогнула.

– Жаль, что я не добрался до вас скорее. Я заметил, что на дороге что-то случилось. Тех двоих я выслеживал всю ночь. Наш отряд захватил лагерь разбойничьей банды часа через два после полуночи – в холмах по ту сторону Глассфорджа. Боюсь, что я гнал их прямо на тебя.

Фаун покачала головой, хоть и не собиралась этого отрицать.

– Я шла по дороге. Они просто прихватили меня, как... как потерявшуюся собачонку, которую каждый может назвать своей. – Фаун нахмурила брови. – Нет, не так. Сначала они спорили. Странно. Тот, который меня... э-э... тот, которого ты застрелил... он сначала не хотел брать меня с собой. Это другой настаивал. Только его я ничуть не заинтересовала... потом... перед тем как появился ты. – Фаун прошептала, не ожидая ответа: – Кто же он такой был?

– Скорее всего енот, – ответил дозорный. Он перевернул тряпочку чистой стороной, снова смочил ее и принялся промывать следующую царапину.

Этот странный ответ так не соответствовал вопросу, что Фаун решила, будто дозорный ее не расслышал.

– Нет, я имею в виду того здорового парня, который меня ударил, – того, который от тебя убежал. У него, похоже, не все в порядке с головой.

– Ты сама не догадываешься, насколько права. Я за этими тварями охочусь всю жизнь, так что научился различать. Его сделали. Это подтверждает, что где-то неподалеку появился Злой – твои соплеменники зовут их зловредными привидениями. Злой превращает людей в своих рабов – чтобы сражаться и делать грязную работу. Других существ он тоже иногда использует. Мы их зовем глиняными людьми. Только Злой не может делать их из ничего. Поэтому он ловит зверей и придает им другую форму – сначала очень грубую, но постепенно тварь делается сильнее и умнее. На самом деле Злой сотворить жизнь не может – только смерть. Его рабы долго не живут, ну да ему это все равно.

Может быть, он разыгрывает ее, как любили делать братья? Ему интересно, какую

сказочку проглотит глупая деревенская девчонка, не поперхнувшись? Дозорный говорил совершенно серьезно, но, может быть, он просто умелый шутник?

– Ты хочешь сказать, что зловредные привидения существуют на самом деле?

Теперь пришла очередь дозорного удивиться.

– Откуда ты свалилась, девонька? – спросил он осторожно.

Фаун хотела было назвать деревню, самую близкую к их ферме, но передумала и назвала Ламптон – это был все-таки город, и так легче казалось сохранить анонимность. Фаун выпрямилась, собираясь с силами, чтобы разбитыми губами небрежно выговорить: «Я вдова».

– Как тебя зовут?

– Фаун. Фаун Со... Софилд. – Фаун невольно поморщилась. Она не хотела носить ни имени Санни, ни имени собственной семьи, а получилось, что теперь она объединила части обоих.

– Фаун... Олененок. Тебе подходит, – сказал дозорный, склонив голову набок. – Должно быть, у тебя такие глаза от рождения.

Пристальное внимание собеседника снова смутило Фаун. Она попыталась небрежно бросить «А тебя как зовут?», хотя догадывалась, что его имя ей уже известно.

– Я откликаюсь на Дага.

Фаун подождала немного и спросила:

– И все?

Дозорный пожал плечами.

– У меня есть имя моего шатра, моего лагеря и местности, но «Даг» легче выкрикнуть. – На его лице снова промелькнула улыбка. – В бою чем короче, тем лучше. «Даг, прячься!» – понимаешь? Если бы имя было длиннее, можно и не успеть. Так что так лучше.

Фаун обнаружила, что улыбается ему в ответ. Она не знала, что ей помогло – болтовня Дага, его хлеб или просто возможность спокойно посидеть, – но ее желудок наконец успокоился. Впрочем, Фаун все равно чувствовала себя разгоряченной, усталой и лишившейся сил.

Даг заткнул бутылочку со снадобьем.

– А тебе самому разве не нужно промыть царапины? – спросила Фаун.

– Ах да. – Даг снова вывернул тряпочку и небрежно провел по лицу. Половина царапин осталась непромытой.

– Почему ты назвал меня Искоркой?

– Так я подумал о тебе, когда ты вчера пряталась надо мной на яблоне.

– Я не думала, что ты можешь меня видеть. Ты же ни разу не посмотрел вверх!

– Ты вела себя так, словно не хотела, чтобы тебя увидели. Вот мне и показалось, что вежливее тебя не замечать. – Потом Даг добавил: – Я думал, что ты живешь на той уютной ферме.

– Она и в самом деле выглядела уютной, но я остановилась там только, чтобы набрать воды. Я шла в Глассфорддж.

– Из Ламптона?

Фаун показала на север.

– Да.

Даг хоть и не сказал ничего вроде «Дальняя дорога для таких коротких ножек», однако неизбежный вопрос прозвучал:

– У тебя там семья?

Фаун чуть не ответила «да», но сообразила, что Даг, возможно, собирается проводить ее в Глассфорддж, а тогда может возникнуть неловкость.

– Нет. Я собиралась поискать там работу. – Фаун решительно выпрямилась. – Я – соломенная вдова.

Дозорный медленно моргнул, и лицо его довольно долго ничего не выражало. Наконец он сказал странно осторожным тоном:

– Прошу прощения, миссис... а ты знаешь, что значит «соломенная вдова»?

– Недавно овдовевшая женщина, – быстро ответила Фаун, но заколебалась. – Однажды в нашу деревню пришла женщина из Глассфорджа. Она стала зарабатывать на жизнь шитьем и вязанием... у нее еще был прелестный маленький сынишка. Мои дядя называли ее соломенной вдовой. – За этими словами последовала еще одна странная пауза. – Это ведь верно, да?

Даг запустил руку в спутанные темные волосы.

– Ну... и да, и нет. На фермах так говорят о беременной женщине или матери с маленьким ребенком, муж которой неизвестно где. Это более вежливое название, чем... чем менее вежливое. И не такое уж доброжелательное.

Фаун залилась краской.

– Я не хотел тебя смутить, – виновато сказал Даг. – Просто мне показалось, что следует проверить...

Фаун сглотнула.

– Спасибо. – «Выходит, я против воли сказала правду...»

– А как твоя девчушка? – поинтересовался Даг.

– Что? – резко переспросила Фаун. Дозорный показал на ее живот.

– Та, которую ты носишь.

От паники у Фаун перехватило дыхание. Еще же ничего не заметно! Откуда он знает? И как, откуда он может знать, что плод этих в самом деле необдуманных и теперь горько оплакиваемых торопливых объятий весной на свадьбе сестры Санни Сомена окажется девочкой или мальчиком?

Даг, похоже, понял, что сделал какую-то ошибку, только не мог сообразить какую. Он неуверенно развел руками.

– Это и привлекло глиняного человека – твоё теперешнее состояние. Почти наверняка они поэтому и схватили тебя. Похоже, о другой возможности... о насилии один из них подумал уже позже.

– Откуда ты... как... почему?..

Даг уже открыл рот, но тут же с видимой поспешностью заменил чуть не сорвавшиеся слова другими:

– Теперь с тобой ничего не случится. – Он завернул бутылочку со снадобьем в ткань. Другой человек на его месте завязал бы уголки, но Даг обернул сверток веревкой и каким-то образом умудрился завязать узел одной рукой.

Упершись правой рукой в ствол, на котором они сидели, Даг поднялся на ноги.

– Я должен или подвесить тело на дереве, или завалить камнями, чтобы не добрались любители падали, пока кто-нибудь за ним не приедет. У парня могут быть родные. – Он задумчиво огляделся. – А потом решить, что делать с тобой.

– Отведи меня обратно на дорогу или покажи, в какой она стороне, – я и пойду.

Даг покачал головой.

– Это могли быть не единственные беглецы. Кто-то из разбойников, возможно, не ночевал в лагере, который мы захватили, или у них есть еще убежища. Да и Злой все еще на свободе, если только мой отряд не опередил меня, а это едва ли возможно. Наши ребята прочесывали холмы к югу от Глассфорджа, а логово Злого, как я теперь думаю, находится на северо-востоке. Для тебя в особенности не время и не место путешествовать в одиночку. – Даг закусил губу и продолжал, словно разговаривая сам с собой: – Тело может подождать. Сначала нужно позаботиться о твоей безопасности. Выйти на след, найти логово, потом как можно скорее вернуться к отряду... Отсутствующие боги, как же я устал... Нельзя было садиться. Как ты думаешь, сможешь ты ехать позади меня на коне?

Он говорил так неразборчиво, что Фаун с трудом расслышала вопрос. «Я ведь тоже устала...»

– На твоём коне? Да, но...

– Прекрасно.

Даг подошел к Копперхеду и взял поводья, но не подвел коня к Фаун, а направился к ручью. Фаун поплелась следом, отчасти из любопытства, отчасти не желая выпускать Дага из своего поля зрения.

Даг явно решил, что припрятать мертвеца на дереве получится быстрее. Он перекинул веревку через сук большой сикоморы, нависавшей над ручьем, и воспользовался конем, чтобы подтянуть тело на дерево. Потом дозорный влез на сикомору, чтобы удостовериться: труп укреплен надежно, – и снять с него веревку. Он двигался так ловко, что Фаун с трудом замечала дополнительные приемы, к которым ему приходилось прибегать из-за своего увечья.

Даг заставил своего усталого коня подняться на вершину последнего холма и был вознагражден тем, что увидел внизу колеи дороги, тянущиеся вдоль ручья.

– Вот и хорошо, – сказал он вслух. – Я давно уже не объезжал здешние места, но все-таки мне помнится, что в этой долине есть приличных размеров ферма.

Девушка, цеплявшаяся за его седло, все еще оставалась слишком молчаливой и настороженной – с тех пор как он заговорил о ее беременности. Дар, которым Даг пользовался, чтобы заранее обнаружить опасность, очень страдал от ее бурных эмоций, однако мысли, их порождавшие, оставались для Дага, как всегда, смутными. Может быть, он был слишком разговорчив. Крестьяне, которым случалось слишком много узнать о Даре Стражей Озера, называли его дурным глазом или черной магией и обвиняли дозорных в чтении мыслей, жульничестве при расчетах, а то и в чем-нибудь похуже. Всегда возникали неприятности...

Если на ферме окажется достаточно людей, он оставит девушку на их попечении, предупредив о той наполовину охоте, наполовину войне, которая сейчас разгорелась в холмах. Если же жители фермы немногочисленны, нужно будет постараться уговорить их отправиться в Глассфорд или другое безопасное место, пока этот Злой не узнает, что такое смерть. Насколько Даг знал крестьян, они не захотят покидать свою ферму; он только вздохнул в предчувствии нудных и бесплодных препирательств.

Однако одной мысли о беременной женщине – любого роста и любого возраста, – в блаженном неведении разгуливающей неподалеку от логова Злого, было достаточно, чтобы вызвать у него самые ужасные опасения. Неудивительно, что для Дара эта девчушка казалась так ярко сияющей – столько в ней накопилось жизни. Впрочем, Даг подозревал, что Фаун была преисполнена жизненной энергии и до зачатия. Она привлекла бы Злого, как огонь привлекает мошек.

К тому времени, когда они разобрались с тем, что же такое соломенная вдова, Даг пришел к выводу, что высказывать соболезнования Фаун нет нужды. Постельные обычаи крестьян представлялись Дату довольно бессмысленными, если не принять теорию Мари о том, что рождение детей каким-то образом связано с претензией на владение землей. Мари всегда очень едко отзывалась о неспособности крестьянских женщин управлять собственным плодородием, как правило, читая нотации молодым Стражам обоих полов о необходимости держать штаны застегнутыми, когда отряд находится на фермерской территории... к опытным воинам это относилось тоже.

В рассказе Фаун странным образом отсутствовали всякие упоминания о покойном муже. Даг мог понять, что иногда горе лишает человека слов, но и горя у Фаун он не заметил. Гнев, страх, яростная решимость – да, это было. Шок после недавнего нападения, одиночество, тоска по дому – но только не страдания души, раздираемой надвое. Станным образом отсутствовало и глубочайшее удовлетворение, которое, как он замечал, вызывало зарождение новой жизни у женщин его народа. Крестьяне, фу! Даг знал, почему его соплеменники все немного безумны, но у фермеров-то какое может быть оправдание?

Даг отвлекся от своих мрачных размышлений, когда они выехали из лесу и впереди показалась ферма. Даг сразу почувствовал неладное. Первым делом его внимание привлекло отсутствие коров, лошадей, коз, овец... и еще поваленная ограда пастбища. Не было и собак, которые уже давно должны были бы заливаться лаем. Даг приподнялся на стременах. Дом и

сарай, выстроенные из посеревших от времени бревен, были целы, но двери их стояли распахнутыми настежь, а от сгоревших хозяйственных построек еще тянулся тонкий дымок.

– Что это? – спросила Фаун, и это были ее первые слова за час.

– Тут случилась беда, мне кажется. – Через мгновение он добавил: – Давно уже. – Дар не говорил ему о присутствии в окрестностях хоть одного человека – и нечеловека тоже. – Ферма полностью заброшена.

Даг остановил коня перед домом и спрыгнул на землю.

– Передвинься вперед и возьми поводья, – сказал он Фаун. – Пока не спешивайся.

Фаун перебралась на седло с седельной сумки, на которой ехала, глядя вокруг широко раскрытыми глазами.

– А ты?

– Хочу оглядеться.

Он быстро обошел дом – просторное двухэтажное строение со множеством пристроек. Никакие мелкие, но ценные предметы на глаза ему не попались, а крупные – кровати, шкафы – были или опрокинуты, или разломаны. Стекла в окнах оказались выбиты – бессмысленное варварство. Даг представлял себе, как нелегко давались хозяевам такие усовершенствования, как долго копила на них деньги хозяйственная фермерша, как трудно было доставить, упаковав в солому, стекло из Глассфорджа по ухабистой дороге. В кладовке при кухне не оказалось припасов.

В сарае не было скота, хотя сено и часть овса остались нетронуты. Позади сарая на куче навоза Даг наконец обнаружил тела трех сильно израненных собак. Он прошел мимо сгоревших построек; из золы и пепла торчали, как черные кости, обугленные доски. Потом кому-нибудь придется поискать здесь и другие кости... Даг вернулся к своему коню.

Фаун настороженно оглядывалась вокруг; то, что она видела, ее явно тревожило. Даг прислонился к теплему плечу Копперхеда и провел рукой по волосам.

– Ферму разграбили разбойники – или еще кто-то – дня три назад, по-моему, – сказал он Фаун. – Тел я не нашел.

– Так это хорошо... да? – В темных глазах девушки появилась неуверенность, когда она вгляделась в лицо Дага. Впрочем, к этому моменту, на его взгляд, ничего, кроме усталости, на его лице не отражалось.

– Может быть. Только если жители фермы убежали и спаслись, новость уже дошла бы до Глассфорджа. Вчера вечером моему отряду еще ничего известно не было.

– Куда же тогда все они девались? – спросила Фаун.

– Боюсь, что их захватили в плен. Если этот Злой уже пытается превращать крестьян в рабов, значит, он быстро растет.

– Зачем... зачем ему рабы?

– Я не уверен, что он уже сам это знает. Тут что-то вроде инстинкта. Впрочем, узнает он довольно быстро... У меня остается совсем мало времени. – От усталости Дага шатало. Может быть, он и поглупел от усталости тоже? – Я все отдал бы за два часа сна, – продолжал Даг, – да только нельзя терять светлого времени. Мне нужно выбраться обратно на дорогу, пока я еще вижу, куда ехать. Я думаю... – он заговорил медленнее, – думаю, что здесь безопасно... безопаснее, чем во многих других местах. На эту ферму уже напали и забрали отсюда все, что представляло ценность – разбойники сюда нескоро вернуться. Вот я и думаю – может быть, оставить тебя здесь? Если кто-нибудь появится, ты можешь сказать... нет, сначала, если кто-нибудь появится, прячься, пока не удовлетворишься, что это порядочные люди. А тогда выйди и скажи, что Даг велел передать своему отряду: он думает, что логово Злого – к северо-востоку от города, а не на юге. Как ты думаешь, сможешь ты показать дозорным, если их увидишь, куда ведет тропа? И где тело того парня, – добавил он, вспомнив об убитом.

Фаун, прищурившись, оглядела лесистые холмы.

– Не уверена, что смогу найти дорогу обратно – так, как ты сюда ехал.

– Есть более легкий путь – вон та дорога. – Он показал на колеи, вдоль которых они

ехали под конец. – Она примерно через четыре мили выходит на большак. Там нужно повернуть налево, и мне кажется, что тропа, на которую свернул глиняный человек, отходит на восток примерно в трех милях.

– О, – оживилась девушка, – тогда я, конечно, смогу найти...

– Что ж, хорошо.

Проклятие, она же ничего не боится... Он мог бы это изменить, только хочет ли он, чтобы она перепугалась до смерти? Девушка уже соскользнула с коня; она явно была рада получить задание, выполнить которое в ее силах.

– А чем так опасны глиняные люди? – спросила Фаун, когда Даг уже сидел в седле и собирался уезжать.

Он довольно долго колебался, прежде чем ответить..

– Они тебя съедят, – наконец сказал он. После того как сделают все остальное...

– Ох...

Слова Дага произвели впечатление. И, что более важно, девушка ему поверила. Ну, это ведь не была ложь. Может быть, Фаун теперь будет достаточно осторожной... Даг приподнялся на стременах, стараясь не обращать внимания на разницу между жестким седлом и пуховой периной. В разграбленном доме оставалась одна невестинья перина... Даг обратил на нее внимание, потому что ему пришлось прогонять мысль о том, как было бы хорошо растянуться на ней ничком. Он развернул коня.

– Даг...

Он оглянулся через плечо.

Большие карие глаза смотрели на него с лица, похожего на помятый цветок.

– Не позволяй им себя съесть.

Губы Дага невольно растянулись в улыбке: Фаун мужественно улыбалась ему, несмотря на все синяки. У Дага возникло странное чувство, которому он благоразумно не стал искать названия.

Приободренный, несмотря ни на что, Даг поднял свою вырезанную из дерева руку в салюте и галопом поскакал по дороге.

С чувством, будто ее чего-то лишили, Фаун следила взглядом за дозорным, пока тот не скрылся среди деревьев там, где кончались поля. Тишина этого дома, где не было ни людей, ни животных, теперь, когда Фаун обратила на нее внимание, была жуткой и давящей. Она, прищурившись, взглянула на небо. Солнце еще не добралось до зенита, а с рассвета, казалось, прошли годы.

Фаун вздохнула и осторожно вошла в дом. Она обошла все комнаты, прислушиваясь к эху собственных шагов и чувствуя себя незваной гостьей в семье, где поселилось горе. Бессмысленные разрушения, оставленные разбойниками, навалились на Фаун как тяжелый груз.

Фаун вернулась в кухню и, ежась, остановилась посередине. Ну, если весь дом – это слишком много, то как насчет одной комнаты? Да, хотя бы кухню привести в порядок ей по силам.

Фаун стиснула зубы и начала с того, чтобы перевернуть ту мебель, которая еще могла стоять, – стол, кухонный шкафчик, два стула. Те предметы, починить которые не было надежды, она вытащила наружу и свалила в кучу в углу крыльца. Затем она вымела битые тарелки, чашки, рассыпанную муку, засохшие корки хлеба, а заодно подмела и крыльцо.

Под старым лоскутным ковриком, на который грабители не обратили внимания, Фаун нашла люк с веревочной петлей в качестве ручки. Фаун вытряхнула коврик, вернулась и с беспокойством еще раз оглядела люк. Даг, должно быть, его не заметил.

Фаун закусила губу, потом нашла ведро с отломанной ручкой и принесла несколько тлеющих углей с пожарища. От них она разожгла огонь в очаге, потом затеплила огарок свечи, обнаруженный в глубине ящика. Потянув за веревочную петлю, она открыла люк, поморщившись от резкого скрипа петель, и сглотнула: перед ней в темную дыру вела крутая

лестница. Может быть, в подвале кто-то прячется? А вдруг там есть огромные пауки... или мертвые тела? Фаун сделала глубокий вдох и начала спускаться.

Когда она достигла пола и огляделась, подняв огарок свечи, рот ее раскрылся от изумления. Вдоль стен тянулись полки, и на них, нетронутые, стояли банки, запечатанные горячим горным воском или накрытые обвязанным веревочками полотном. Запас продовольствия для голодных работников фермы. Здесь хранились результаты трудов целого года. Фаун знала это точно: заготовка продуктов впрок, заливка крышек горячим воском дома были ее любимым, пусть и требующим больших трудов, занятием. На банках не было этикеток, но опытный глаз Фаун сразу различил содержимое: фрукты в сиропе, маринованные овощи, овощной соус, тушеное мясо. В бочке в углу хранилась мука, в другой оказались переложенные соломой яблоки – сморщенные и годные уже только на пироги, но не испортившиеся. Фаун ощутила голод, и в ней проснулась жажда деятельности.

Большинство банок были большими, рассчитанными на целую семью, но, поискав, Фаун нашла три маленькие: с какими-то фруктами, с соусом и с чем-то, что она сочла тушеным мясом, – и вытащила их наверх. Потом насыпала в свой платок несколько горстей муки и тоже отнесла на кухню. В углу под сорванной со стены полкой нашлась единственная железная сковорода – все, что осталось от посуды на этой когда-то удобно оборудованной кухне... но, проявив изобретательность, Фаун скоро уже пекла лепешки на разведенном в очаге огне. В банке оказалась свинина, приготовленная с луком и травами, и Фаун разогрела ее на сковороде после того, как сняла лепешки.

Фаун вознаградила себя за многие дни кормежки впроголодь, потом, наевшись, приготовила еду для Дага – когда тот вернется. Судя по тому, как обходилась с ним женщина – командир отряда, да и по его худобе, Даг был из тех, кого приходилось хватать, сажать на привязь и заставлять вспомнить о необходимости поесть. Был ли он просто непоседой или слишком много внимания уделял своим мыслям, чтобы замечать потребности тела? И что еще творилось в этой голове? Даг казался одержимым. Учитывая, как почти небрежно проявлял он смелость перед физическими опасностями, было страшно думать о том, что пугает его настолько, чтобы вызвать такую бешеную активность.

«Ну, будь я высотой с дерево, я, может быть, тоже была бы храброй». Довольно тощее дерево...

Поразмыслив, Фаун завернула мясо с соусом в лепешки – так Даг мог есть, не слезая с седла: похоже было на то, что, когда он вернется, ему все еще придется спешить.

Если он вернется... На самом деле он этого не обещал. Возможное разочарование отозвалось холодом в животе Фаун. Ну-ка без глупостей!

«Прекрати», – велела себе Фаун. Лучшим лекарством от ненужных печальных мыслей была работа, Фаун прекрасно это знала, но на нее навалилась такая ужасная усталость...

В одной из комнат Фаун нашла корзину с рукоделием, на которую разбойники не обратили внимания – возможно, потому, что сверху лежали тряпки. Ценные инструменты под ними – острые ножницы, наперстки, целый набор иголок – остались незамеченными. Были ли подручные зловредного привидения... Злого... эти глиняные люди в полной мере людьми? Похоже, нет.

Фаун решила, что зашьет несколько распоротых пуховых перин – в качестве платы за еду, чтобы не казалось, будто она ее украла. Шитье не принадлежало к числу лучших умений Фаун, но прямые швы делать не так уж трудно, и к тому же так можно бороться с липнувшим ко всему пухом, летающим по дому. Фаун вытащила перины на крыльцо – там было светлее и к тому же она могла бы увидеть приближающегося по дороге высокого... могла бы увидеть любого путника. Игла и нить совершали повторяющиеся движения в успокоительном ритме, но в тишине мысли Фаун вернулись к ужасу, случившемуся утром; воспоминания снова заставили девушку задрожать. Требовалось занять ум чем-то другим, и Фаун принялась размышлять о Стражах Озера.

Для них крестьянин был не тем, кто занимается земледелием; им был любой человек – горожанин, рыбак, шахтер, мельник, даже разбойник, – который не был Стражем Озера. Так,

очевидно, смотрел на людей и Даг. Фаун задумалась о том, что из этого вытекает. Она когда-то слышала историю о Девушке из Кошотона, которую соблазнил Страж Озера – торговец, как говорили. Девушка трижды убегала из дому следом за ним, и ее трижды возвращали его соплеменники; потом она повесилась в лесу. История служила предостережением. Только какой урок следовало из нее извлечь? Ну, то, что имели в виду рассказчики, представлялось очевидным: девушкам следует держаться подальше от Стражей Озера. Но, возможно, настоящий смысл был иной: если что-то не удастся один раз, не нужно повторять то же самое еще дважды, лучше попробовать как-то по-другому; или не следует так быстро отступаться; или не нужно ходить в лес...

Та безымянная девушка умерла от безответной любви, шептались люди, но Фаун сомневалась: не был ли причиной неутоленный гнев? Она сама, признавалась себе Фаун, испытывала нечто подобное после того ужасного разговора с Идиотом Санни, но на самом деле умирать она не хотела: она хотела заставить его испытать те же мучительные чувства, которые испытывала сама. К тому же ее приводила в уныние мысль о том, что в случае смерти она не сможет в полной мере насладиться местью, и подозрение, что Санни недолго страдал бы от чувства вины... во всяком случае, мертвой она пробыла бы гораздо дольше. Так что той ночью Фаун так ничего и не сделала, а на следующий день у нее появились другие мысли. Значит, настоящий урок из той истории мог быть таким: подожди до утра и скачала позавтракай.

Интересно, не была ли та девушка, что повесилась, тоже беременна? Потом Фаун снова начала гадать, как высокий дозорный все о ней узнал – просто глянув на нее своими сияющими золотом глазами, то холодными, как металл, то теплыми, как летнее солнце. Колдуны, ха! Даг не был похож на колдуна (а вообще, на что похожи колдуны?). Даг был похож на ужасно усталого охотника, слишком долго не возвращавшегося домой... охотясь на существ, которые охотились на него самого.

Значит, она носит девочку... А может быть, он просто гадал? Пятьдесят на пятьдесят – не так уж мало, чтобы оказаться правым – потом. Все равно слова Дага ее обнадежили. Девочек Фаун знала. Маленький мальчик, каким бы невинным ни был, мог слишком сильно напоминать ей о Санни. Фаун не собиралась становиться матерью в таком молодом возрасте, но раз уж деваться некуда, стоит постараться быть хорошей матерью. Она рассеянно погладила живот. «Я тебя не предаю» – смелое обещание... Как могла она обеспечить безопасность младенцу, когда себя-то ей не удавалось защитить? Что ж, впредь она станет осторожнее. Сделать ошибку может каждый. Главное, не повторять одну и ту же ошибку дважды.

Наконец порванные перины закончились, а с ними желание размышлять и способность бодрствовать. Избитое лицо Фаун болело. Она отнесла починенные перины в дом и свалила их одну на другую в углу кухни, потому что в комнатах все еще царил беспорядок, а браться за уборку у Фаун не было сил. Она с блаженным вздохом свернулась на мягкой куче. Фаун только успела ощутить затхлый запах и подумать о том, что перины давно следовало проветрить, как ее свинцовые веки сомкнулись.

Фаун разбудили тяжелые шаги на крыльце. Даг уже вернулся? Было еще светло. Сколько же она проспала? Фаун огляделась затуманенными глазами и приподнялась... сейчас она покажет ему сокровища, обнаруженные в подвале, и узнает, что ему удалось найти... Только тут до нее дошло, что на крыльце слышны шаги слишком многих людей.

Ее не нашли бы в подвале – можно было бы бросить там на пол пару матрасов... Фаун только и успела подумать: «Какой смысл избегать повторения прежних ошибок, если новые все равно оказываются смертельными?» – как на пороге появились три глиняных человека.

4

Когда еле заметная тропа через холмы превратилась в хорошо протоптанную дорожку, Даг решил, что пора с нее свернуть. То ли Дар, то ли просто здравый смысл – а может быть,

и нервы – подсказывали, что так лучше. Даг спешился и повел коня в лес; через некоторое время они вышли на маленькую полянку, где их не могли бы ни увидеть, ни услышать с дороги. Дагу не было нужды беспокоиться о том, чтобы его конь не забрел куда-нибудь: даже Копперхед, с его бесконечной выносливостью, устал так, что начал спотыкаться. Да и сам Даг вымотался не меньше. Чувствуя себя виноватым, Даг закинул поводья на шею коня, чтобы не путались под ногами, но седла с него не снял. Он терпеть не мог доставлять Копперхеду подобные неудобства, но могло случиться так, что вернулся бы он в отчаянной спешке, и тогда не было бы времени снова возиться со сбруей. Даг был готов в случае необходимости загнать коня до смерти. Что ж, завтра или послезавтра оба они отдохнут как следует – так или иначе...

Даг не стал выходить на дорогу, а двинулся вдоль нее через кусты. Дело шло медленно – Даг крался, рассчитывая каждый шаг, постоянно настороже. Не пройдя и мили, он порадовался своей предусмотрительности: ему пришлось замереть в чаще дикого винограда, когда по дороге мимо него протопали две фигуры.

Глиняные твари. Лиса и кролик, как предположил Даг; ему даже не понадобился Дар, чтобы разобраться – это были грубо сделанные, молодые экземпляры, с еще сохраняющимися отличиями их изначальной породы и бесформенными лицами. Было очень соблазнительно сделать кое-что с этой парой, пробудить в них их истинные инстинкты и позволить природе взять свое, но такая попытка стоила бы Дагу его укрытия и, возможно, привлекла бы внимание хозяина этих существ. Сейчас было не время для игр. Даг с сожалением позволил глиняным людям пройти мимо, порадовавшись тому, что в результате обретения новой неуклюжей формы твари лишились острых звериных чутя и слуха в обмен на человеческие руки и речь.

Первым указанием на то, что Даг приблизился к логову, стало отсутствие птиц. Он постарался как можно сильнее притушить Дар, чтобы не выдать себя: под ногами уже начали шуршать первые увядшие сорняки. «Я-то думал, что до такого мне идти еще не одну милю». Логово оказалось гораздо ближе к большаку, чем того можно было бы ожидать. Это была поразительно умная уловка со стороны Злого – совсем еще, как предполагалось, молодого – отправить своих подручных на охоту за людьми так далеко от своего логова. «Как же мы это проглядели?» Впрочем, Даг знал, в чем дело. «Нас слишком мало, территория слишком велика, а времени вечно не хватает. Чем реже цепь дозорных, чем более быстрым делается поиск, тем выше риск того, что какие-то следы окажутся незамеченными. Если же искать медленно и тщательно, то возникает опасность опоздать... Что ж, этого Злого мы обнаружили, и это успех, а не провал». Может быть...

К тому времени, когда Даг добрался до высокого места, откуда все было видно, он полз, как улитка, чуть ли не на животе, едва осмеливаясь дышать. Каждая травинка вокруг была мертва, безжизненная почва – мучительно стерильна, а глубоко запрятанный Дар содрогался от близости вампирской ауры Злого. Да, гадина точно была здесь.

По дну каменистого ущелья вился ручеек. Нигде, сколько хватал глаз, не было видно ничего живого, хотя мертвые остовы нескольких деревьев еще стояли, как часовые. На берегу ручья виднелось что-то вроде лагеря: три или четыре пепелища от костров, небрежно сваленные в кучи украденные припасы. На противоположном берегу ручья пара беспокойных лошадей была привязана к засохшему дереву. Это были настоящие, не исковерканные, пусть и неухоженные лошади.

Тут могли располагаться от двадцати пяти до пятидесяти человек, но в настоящий момент лагерь был пуст; только единственный глиняный человек спал в чем-то вроде гнезда, сооруженного из тряпья. Даг подумал: не попали ли остальные в руки его отряду прошлой ночью? Если так, то дозорные могут скоро добраться сюда, однако задержаться на этой приятной мысли Даг себе не позволил.

На половине высоты противоположного склона ущелья выступ скалы нависал над входом в пещеру; расщелина тянулась в ширину футов шестьдесят; кое-где потолок почти смыкался с гладким серым камнем пола. О глубине пещеры ничего сказать было нельзя. От

нее в обе стороны – и к ручью, и вверх по склону – тянулись тропинки.

В настоящий момент Злой был внутри. Интересно, он все еще сидячий или уже достиг подвижной стадии? А если достиг, то произошло ли уже первое превращение? Если еще не произошло, то насколько жадно он собирает необходимый для него человеческий материал? Тело Злого сразу после вылупливания бывало еще более неуклюжим и грубым, чем у глиняных людей, и это, по-видимому, его раздражало.

Дар распахнул рубашку, вытащил свою величайшую драгоценность, перекинул ремешок через шею и мгновение смотрел на ножны-близнецы. Кожа мешочка, в котором они хранились, была гладкой от долгой носки и потемнела от пота. Даг провел пальцем по оплетенным тесьмой рукоятям – одной синей, другой зеленой, – вытащил один из клинков, задумчиво взглянул на шестидюймовое отполированное костяное лезвие и поднес его к губам. В разделяющем ноже пела давняя смерть.

«Не сегодня ли ты будешь отомщена, Каунео, любовь моя? Я так долго ношу эти ножи на шее... Как ты пожелала, так я и делаю. Это гнусный Злой, большой и быстро делающийся все больше. Он почти стоит тебя... почти».

Даг вытащил второе – пустое – костяное лезвие и приложил его к первому. Они – пара, о да. Один для тебя и один для меня... Даг снова спрятал ножи под рубашкой.

Мари тоже носит разделяющие ножи, как и Утау, и Чато, – смертные дары других дозорных. Та пара, что сейчас носит Мари, – наследие одного из ее сыновей, знал Даг, и не менее дорогое для нее, чем для Дага – его ножи. Отряд был хорошо вооружен. Обычно вопрос о том, кто употребит свои ножи в дело, не решался жребием; героизм или честь тоже ничего не значили. Кому первому удавалось, тот и делал. Делал как мог. Со всем своим умением. Ведь другого шанса не бывало.

Дар Дага трепетал от близости Злого; это ослабило бы Дага, если бы он задержался тут надолго. Чувствительные молодые дозорные часто бывали так смущены первым столкновением с аурой Злого, что потом неделю приходили в себя. Даг сам был таким когда-то. Один раз...

А теперь пора. Нужно вернуться туда, где остался конь, а потом галопом мчаться к месту встречи.

И все-таки... ведь лагерь был таким пустым. Уж очень соблазнительной казалась возможность справиться в одиночку. Спуститься по склону, перепрыгнуть через ручей, подняться в пещеру... через несколько минут все было бы кончено. За то время, что потребуется для того, чтобы привести сюда отряд, Злой может тоже собрать подкрепление (а где они сейчас, какие гнусности творят?); дозорным может дорого обойтись даже попытка подобраться близко к тому месту, где Даг уже находится сейчас. Даг подумал о Сауне. Пережил ли парень ночь?

Однако, не пользуясь Даром, Даг не мог определить, сколько человек или глиняных людей находятся в пещере вместе со Злым. Если он кинется в бой и без пользы сложит голову, его отряд столкнется с гораздо большими трудностями. «Да и я сам буду мертв». Даг в определенном смысле порадовался тому, что такая перспектива все еще его тревожила. Хоть в какой-то мере.

Даг опустил голову, сделал несколько вдохов, чтобы успокоиться, и приготовился пуститься в обратный путь. Его губы дрогнули. «Мари будет так мной гордиться!»

Даг начал отползать от края ущелья, но вдруг замер. На дорожке появились трое глиняных людей. Неужели первый из них... как это Злой нашел в здешних краях волка? Даг думал, что крестьяне выбили хищников в окрестностях Глассфорджа; впрочем, эта гряда холмов, слишком крутых, чтобы их склоны можно было вспахать, служила убежищем для самых разных животных. Что мы и видим... Глаза Дага широко раскрылись, когда он узнал второго – это был тот самый человек-енот, который сбежал от него утром. Третий, еще более огромный, был, должно быть, раньше бурым медведем. Даг заметил знакомое синее платье на фигуре, которую нес на плече человек-медведь, и сердце у него замерло.

Искорка. Они нашли Искорку! Каким образом?..

Более или менее прямой путь через холмы отсюда до разграбленной фермы был одной стороной треугольника, сообразил Даг, а он сам проехал по двум другим сторонам – чтобы сначала выбраться на большак, а потом двинуться по следам человека-енота.

Глиняные люди нашли ее потому, что искали. Это объясняло и отсутствие прочих подручных Злого, вроде той пары, что Даг видел на тропе. Злой, несомненно, отправил всех глиняных людей на поиски сбежавшей добычи, а о ферме Злой и его приспешники наверняка знали, раз нападали на нее совсем недавно. Уважение Дага к сообразительности твари еще увеличилось: тот явно долго не трогал ферму, чтобы не вызвать паники в окрестностях. Сколько же силы он накопил, раз начал действовать открыто? Или прибытие отряда вызвало у него панику и заставило преждевременно выдать себя?

Одетая в синее платье фигура, висевшая на плече глиняного человека вниз головой, брыкалась и извивалась, колотила по спине своего врага маленькими кулачками. Видимого эффекта это не производило: человек-медведь только подвинул пленницу на плече да ухватил ее покрепче.

Девушка была жива. В сознании. Наверняка перепугана.

Но перепугана недостаточно. В отличие от Дага... Он хватал ртом воздух, сердце его бешено колотилось. Теперь Злой получил то, что ему необходимо для следующего превращения. Стоит Дагу подать ему на десерт Стража Озера – и к тому же такого опытного, – и сила Злого станет полной.

Даг сам не мог бы сказать, дрожит ли он от нерешительности или просто от страха. Все-таки от страха, решил он наконец. Да, он мог помчаться к отряду и привести сюда их всех, как предписывали правила. Так было бы надежно... Ведь Стражи Озера должны побеждать всегда, каждый раз. Только к тому времени, когда они придут, Фаун может уже погибнуть.

Погибнуть она может в ближайшие же минуты... Трое глиняных людей скрылись за скальным выступом. Значит, там, внутри, их трое. А может быть, и все десять.

Проникнуть внутрь и выбраться из пещеры... Нет. Ему нужно только попасть внутрь.

Даг смутно удивился тому, что мозг его все еще отчаянно пытается просчитать риск, потому что правая его рука уже действовала: снимала лук, колчан и вообще все лишнее. Передвигала на место ножны с разделяющими ножами. Вывинчивала из крепления крюк и заменяла его боевым клинком. Проверяла, легко ли вынимается из ножен второй нож.

Даг поднялся и начал спускаться по склону ущелья, ловко и бесшумно, как змея.

Все произошло так быстро...

Фаун висела вниз головой, ее тошнило. Интересно, будет ли синяк от удара, который она получила по второй щеке, таким же черным, как первый? Плечо глиняного человека с каждым шагом врезалось ей в живот; он не остановился даже тогда, когда Фаун вырвало прямо ему на спину... дважды.

Когда Даг вернется на ферму... если Даг вернется на ферму, сможет ли он понять, что произошло, по тому разгрому, который ее сопротивление оставило в кухне? Он ведь следопыт, наверняка заметит следы в сливовом варенье на полу: Фаун разбила банку и заставила глиняных людей погоняться за собой. Только не слишком ли много ожидала она от Дага – чтобы он спас ее дважды в один и тот же день? Мысль была невеселой. Представив себе ожидающие ее мерзости, Фаун еще раз попыталась вырваться из хватки чудовища и заколотила кулаками по его спине. С тем же успехом она могла бы бить мешок с песком...

Стоит поберечь силы до лучшего момента.

Только какие силы? И для какого момента?

Горячие лучи вечернего солнца неожиданно сменились серой тенью и прохладным запахом земли и камня. Глиняный человек сбросил Фаун с плеча и поставил ее на ноги. Несмотря на головокружение, Фаун смутно разглядела пещеру, наполовину заполненную то ли мусором, то ли припасами на случай осады. Фаун попыталась разогнать темные пятна, плавающие перед глазами, выпрямилась и, моргая, огляделась.

Еще двое глиняных людей поднялись с пола, словно приветствуя тех, что захватили Фаун. Девушка подумала, что сейчас все они набросятся на нее и разорвут, как стая собак, окружившая кролика. Кролик кролика... хоть Фаун в этом вполне уверена не была, ей показалось, что самый маленький из глиняных людей когда-то был кроликом.

– Подведите ее сюда, – сказал Голос.

Слова прозвучали более отчетливо, чем бормотание глиняных людей, но тон, которым они были сказаны, заставил Фаун почувствовать себя так, словно ее кости растаяли. Она внезапно обнаружила, что не в силах повернуться в сторону этих ужасных звуков. Голос словно лишал ее способности думать... «Пожалуйста, отпустите меня пожалуйста отпустите пожалуйстаот...»

Человек-медведь схватил ее за плечи и наполовину потащил, наполовину понес в заднюю часть пещеры – к длинному неглубокому углублению в скале. И повернул ее лицом туда, откуда раздавался Голос.

Это могла бы быть еще одна глиняная тварь, пусть и более крупная, более высокая и массивная. Формой она напоминала человека – голова с двумя глазами, носом, ртом, ушами, широкая грудь, две руки, две ноги. Однако кожа чудовища не походила на шкуру животного, не говоря уже о человеческой коже. Фаун представила себе ящерицу или какое-то насекомое, а может быть, каменную пыль, смешанную с птичьим пометом. Волосы отсутствовали. На голом черепе виднелось что-то вроде гребня. Существо было нагим и, по-видимому, этого не осознавало; странные выпуклости в паху не походили ни на мужские, ни на женские гениталии. Двигалась тварь странно – как слеplенная ребенком из глины фигурка, а не живое существо из плоти и костей.

У глиняных людей были глаза животных, и казались они ужасно опасными. Этот же... у него были человеческие глаза на лице, которое не могло присниться Фаун и в самом страшном сне. Нет, такой кошмар мог привидеться разве что Дагу... Глаза загнанного, измученного человека, и все же, несмотря на всю переполняющую их боль, столь же лишенные милосердия, как скала. Точнее, как камнепад.

Злой ухватил Фаун за платье и приподнял, так что они оказались лицом к лицу, и долго, долго смотрел на нее. Теперь уже Фаун плакала, не стыдясь слез. Как бы ей хотелось, чтобы на помощь пришел Даг... да хоть кто-нибудь! Она охотно согласилась бы снова оказаться во власти разбойника-насильника. Она готова была молиться любому богу, дать любое обещание... «Отпустите меня отпуститеменя...»

Медленным целенаправленным движением Злой другой рукой задрал Фаун юбку, сдернул штаны на бедра и провел когтями по животу.

Боль была такой ужасной, что Фаун на мгновение подумала, что у нее распорот живот. Она невольно судорожно поджала колени и завизжала.

Из ее многострадального горла вырвался, правда, не вопль, а хриплое шипение. Фаун наклонила голову, ожидая увидеть льющуюся кровь и вываливающиеся внутренности, но на бледной коже ее живота отпечатались лишь четыре еле заметные царапины.

– Отпусти ее! – рявкнул чей-то голос откуда-то справа.

Злой повернул голову и медленно моргнул. Фаун повернулась тоже. То, что чудовище отпустило ее, оказалось полной неожиданностью, девушка упала на пол пещеры и ободрала ладони о камни, но тут же вскочила.

В темноте она разглядела Дага: он сражался с тремя... нет, со всеми пятью глиняными людьми. Один из них упал с перерезанным горлом, но остальные навалились на Дага. Даг почти исчез под хрипящей грудой. Топот, треск, вопль Дага, путаница ткани и дерева, блеск металла заполнили пещеру. Один из глиняных людей сорвал протез с левой руки Дага и заломил руку Дагу за спину, словно пытаясь оторвать и ее.

Взгляды Дага и Фаун встретились. Правой рукой Даг всадил свой большой стальной нож в ближайшего глиняного человека, словно тот был деревом, где нож мог бы торчать до следующего употребления, потом, разорвав тесемку, сорвал с шеи кожаный мешочек.

– Фаун! Смотри!

Она не сводила глаз с летящего к ней мешочка и, к собственному изумлению, поймала его в воздухе. Никогда в жизни она ничего не ловила... Еще один глиняный человек кинулся на Дага.

– Ударь! – прорычал Даг, снова скрываясь под грудой тел. – Ударь Злого!

Ножи. В мешочке оказались два ножа. Фаун вытащила один. Он оказался костяным. Волшебные ножи?

– Которым? – отчаянно вскрикнула Фаун.

– Острием! Куда угодно!

Злой начал двигаться – в сторону Дага. Чувствуя себя так, словно ее голова плывет где-то в трех футах над ее телом, Фаун всадила костяной нож глубоко в бедро твари.

Злой повернулся к девушке, взыв от неожиданности. Фаун показалось, что от этого звука у нее раскололась голова. Злой схватил ее за шею и оторвал от пола; его ужасное лицо судорожно скривилось.

– Нет! – вскрикнул Даг. – Другим!

Одной рукой Фаун все еще сжимала мешочек; другая рука была свободна. У Фаун оставалась, может быть, одна секунда до того, как Злой сломает ей шею, как ломает шею цыпленка поваренок. Она выхватила из ножен второй клинок и ткнула им куда-то вперед. Клинок уперся во что-то – должно быть, ребро, – потом соскользнул и вошел глубже, хоть всего на пару дюймов. И тут нож треснул. Ох, нет...

Фаун падала, падала с огромной высоты. Земля нанесла ей болезненный удар. Девушка, шатаясь, поднялась на ноги; все вокруг нее вертелось.

У Фаун на глазах Злой начал разваливаться. Куски плоти опадали с него, как падающие с крыши сосульки. Чудовищный визг чудовища делался все выше и выше, пока не стал вообще недоступен человеческому уху, оставляя после себя пульсирующую боль в голове.

И все кончилось. Перед Фаун громоздилась куча мерзко пахнущей желтой грязи. Рядом с ней лежал первый нож, тот, что с синей рукоятью, который не сработал. Тишина стояла такая, что Фаун подумала: уж не оглохла ли она.

Но нет: справа донеслось шарканье. Фаун резко повернулась, собираясь схватить нож и кинуться на помощь. Магия, заключенная в ноже, может быть, и подвела, но острое лезвие сохранилось. Однако те три глиняных человека, что все еще были на ногах, больше не пытались разорвать Дага на части. Напротив, они, подвывая, обратились в бегство. Один в отчаянной спешке сбил Фаун с ног, хотя явно не имел никаких враждебных намерений. На этот раз Фаун так и осталась на четвереньках, ловя ртом воздух. Ей казалось, что ее тело должно было бы перестать дрожать от полного изнеможения, но запас дрожи никак не иссякал. Фаун пришлось стиснуть зубы, чтобы они не стучали, как у замерзающего насмерть человека. Живот у нее болел.

В десяти футах от Фаун, раскинув ноги, на земле сидел Даг; рот его был открыт, и дышал он так же тяжело, как она сама. На лице его было написано потрясение. Левый рукав его рубашки был оторван, и лишенная кисти рука кровоточила. Должно быть, Дага сильно ударили по лицу: один слезящийся глаз уже заплывал.

Фаун шарила вокруг, пока ее рука не коснулась зеленой рукояти другого ножа – того, который сломался в теле Злого. Только куда же делся Злой?

– Прости... прости... я его сломала, – запричитала Фаун. Слезы текли у нее по носу и попадали в рот. – Прости...

– Что? – Даг изумленно посмотрел на Фаун и медленно пополз к ней, опираясь на одну руку и прижав другую к груди.

Фаун дрожащей рукой показала на нож.

– Я сломала твой волшебный нож.

Даг непонимающе витаращился на зеленую рукоять, словно видел ее впервые в жизни.

– Да нет, все в порядке... Так и должно было случиться. Они, когда достигают цели, ломаются. Когда им удастся научить Злого, как умирать.

– Что?

– Злые бессмертны. Они не могут умереть. Даже если разорвать Злого на тысячу клочков, суть Злого просто скроется в другой норе и восстановит себя, сохранив все свои знания и тем самым став вдвое опаснее. Сами по себе Злые не могут умереть, так что приходится разделять с ними смерть.

– Не понимаю.

– Я тебе все объясню, – выдохнул Даг, – потом.

Он перекатился на спину. Его всклоченные волосы слиплись от пота, глаза цвета сассафраса, прищурившись, смотрели в потолок.

– Отсутствующие боги... Мы сделали это! Готово... Это сделала ты! Что за неразбериха... Мари меня убьет. Сначала, правда, расцелует. Расцелует нас обоих.

Фаун поднялась на колени и обхватила руками живот.

– Почему первый нож не сработал? Что было не так?

– Он не был заряжен. Прости, я не подумал... в спешке. Дозорный определил бы на ощупь, который нужен. Ты, конечно, не могла различить... – Даг повернулся на левый бок и протянул руку к ножу с синей рукоятью. – Это мой, для меня, когда придет время. – Его рука коснулась ножа и отдернулась. – Что за?.. – Приоткрыв губы и внезапно насторожившись, он снова осторожно протянул руку к ножу. На этот раз он отдернул ее не так резко, но безумная радость у него на лице угасла. – Странно. Очень странно.

– Что такое? – бросила Фаун. Боль и растерянность сделали ее голос резким. Все ее тело болело, голова, казалось, была наполовину оторвана, в животе волнами накатывала боль. – Ты ничего мне не объясняешь, вот я и делаю глупости, только я тут ни при чем.

– Ох, я думаю, что на этот раз при чем. Таково правило. Почет получает тот, кто совершил, независимо от того, как совершил. Поздравляю тебя, Искорка. Ты только что спасла мир. Мой отряд будет просто счастлив. – Фаун подумала было, что Даг безжалостно смеется над ней, но хотя слова его казались дикими, ровный голос звучал совершенно серьезно, а глаза смотрели ласково... без намека на насмешку.

– Может, ты просто свихнулся, – ворчливо сказала Фаун, – поэтому-то и городишь бессмыслицу.

– Неудивительно, если я свихнулся, – с готовностью согласился Даг. Он с кряхтением встал на колени, опираясь на правую руку, и подвигал подбородком, словно разминая онемевшее лицо, и заморгал, как сова. – Мне нужно убраться подальше от этой мертвой грязи. Она ужасно оскверняет мой Дар.

– Твой... что?

– Это я тоже объясню тебе потом, – вздохнул Даг. – Объясню все, что только захочешь. Я перед тобой в долгу, Искорка. Весь мир перед тобой в долгу. – Немного подумав, он добавил: – То есть многие люди. Это ничего не меняет.

Даг протянул было руку к уцелевшему ножу, потом помедлил, и выражение его лица стало отсутствующим.

– Не окажешь ли мне услугу? Возьми нож и неси его с собой. Рукоять и обломки другого тоже. Их следует похоронить как подобает.

Фаун старалась не смотреть на его культю – розовую, припухшую и, похоже, причинявшую боль.

– Конечно, конечно. Они не сломали твою... штуку для руки? – Фаун заметила в нескольких футах от себя кожаный мешочек и поползла за ним – она не была уверена, что уже сможет держаться на ногах. Фаун собрала обломки в свой оторванный рукав, а уцелевший нож сунула в ножны.

Даг потерял левую руку.

– Боюсь, что так. Предполагалось, что так протез сниматься не будет. Дирла все поправит, она умеет работать с кожей. Такое случается не в первый раз.

– С твоей рукой все в порядке?

Даг еле заметно улыбнулся.

– Она тоже так уж легко не отделяется, хоть человек-медведь и старался. Ничего не

сломано. Ей просто нужен отдых.

Даг рывком поднялся на ноги и постоял, расставив ноги и покачиваясь, пока не убедился, что снова не упадет. Прихрамывая, он обошел пещеру, подняв сначала свой сломанный протез, который он повесил на плечо за ремешки, потом свой большой нож. Вытерев его своей перепачканной рубашкой, Даг сунул нож в ножны. Оглядев пещеру и убедившись, что больше ему ничего не нужно, он вернулся к Фаун.

Резкие судороги, когда девушка попыталась подняться, согнули ее пополам. Даг помог ей встать на ноги. Фаун сунула кожаный мешочек и узелок из оторванного рукава себе за пазуху. Держась друг за друга, Фаун и Даг похромали к выходу из пещеры.

– Как насчет глиняных людей? Они не нападут на нас снова? – со страхом спросила Фаун, когда они ступили на тропу, идущую по краю мертвого ущелья.

– Нет. Все кончается со смертью Злого. К глиняным людям возвращается их звериная суть, только от подобию человеческих тел им никак не избавиться. Обычно они в панике убегают. Ничего хорошего бедняг, впрочем, не ждет. Мы из милосердия убиваем их, когда удается. Иначе они быстро и мучительно гибнут.

– Ох...

– Те люди, разум которых Злой захватил, приходят в себя – окутывающий их туман рассеивается.

– Злые и людей порабащают?

– Когда их сила возрастет... Думаю, этот мог уже завести людей-рабов, хоть он и был еще на первой стадии.

– И они... освободятся? Где бы ни находились?

– Иногда освобождаются, иногда сходят с ума... Бывает по-всякому.

– От чего это зависит?

– От того, что они делали. Они ведь все помнят, понимаешь ли.

Фаун не была так уж уверена, что понимает, да ей не особенно и хотелось.

Воздух был теплым, но заходящее солнце светило сквозь голые ветви, как будто зима странным образом смешалась с летом.

– Этот день длится как десять лет, – вздохнул Даг. – Мне нужно поскорее покинуть эту отравленную землю. Мой конь слишком далеко, чтобы я мог его позвать. Пожалуй, мы возьмем этих. – Он показал на двух лошадей, привязанных к дереву у ручья, и повел Фаун по извилистой тропе. – Не вижу никакой сбруи. Ты сможешь ехать без седла?

– Обычно могу, только сейчас я чувствую себя совсем больной, – призналась Фаун. Ее все еще трясло, она чувствовала себя замерзшей и грязной. Глубокий вдох вызвал новую судорогу. Это было нехорошо, что-то шло неправильно. Фаун думала, что уже избавилась от страха, израсходовала запас на год вперед, но теперь начала сомневаться.

– Ах... Как ты думаешь – ты будешь чувствовать себя лучше, если я посажу тебя перед собой?

У Фаун мелькнуло неприятное воспоминание о том, как она ехала с разбойником сегодня утром... неужели только сегодня утром? Даг прав, день больше похож на десятилетие. Не надо глупить. Это же Даг – он совсем другой. Вообще-то Даг не похож ни на кого, кого Фаун встречала в жизни. Фаун сглотнула.

– Ага... я... наверное...

Они, спотыкаясь, добрались до лошадей. Даг провел рукой по спинам коней, что-то беззвучно напевая себе под нос, отвязал одну и отпустил, сняв с нее веревку. Лошадь потрусил прочь, явно обрадованная возможности покинуть безжизненное ущелье. Вторая была стройной гнедой кобылой с белыми чулками и звездочкой во лбу. Даг привязал к ее узде веревку, чтобы сделать поводья, и подвел к лежащему на земле бревну. Он все время пытался что-то делать левой рукой, морщился и только тогда вспоминал, что лишился протеза, и это заставляло сердце Фаун странно сжиматься.

– Ты сможешь сесть сама, или тебя посадить?

Фаун стояла, бледная и дрожащая.

– Даг... – прошептала она испуганно.
Он резко обернулся и с вниманием склонился к ней.
– Что?
– У меня кровотечение.
Он снова подошел к девушке.
– Где? Они поранили тебя? Я не заметил...
Фаун сглотнула и подумала, что, не будь ее лицо зеленым там, где его не покрывали синяки, оно стало бы пунцовым. Еще тише она выдохнула:
– Между... между ног.
Ликование, то и дело появлявшееся на лице Дага с тех пор, как был убит Злой, исчезло, словно стертая тряпкой.
– Ох... – И ему, что самое поразительное, не потребовалось, слава богу, никаких объяснений... у Фаун уже не оставалось ничего – ни слов, ни храбрости, ни идей.
Даг сделал глубокий вдох.
– Нам все равно нужно уйти отсюда. Эта земля смертоносна. Я должен отвезти тебя куда-нибудь. Мы просто будем двигаться быстрее, вот и все. Тебе придется мне помочь... мы будем помогать друг другу.
После двух довольно неуклюжих попыток им обоим удалось наконец взгромоздиться на гнедую кобылу, которая, к счастью, оказалась кроткой и покладистой. Фаун сидела, свесив ноги на одну сторону, положив голову на плечо Дагу и обвив рукой его шею, так что Даг правой рукой мог править лошадью. Он щелкнул языком и послал лошадь рысью к выходу из ущелья.
– Держись за меня, – прошептал он в волосы Фаун, – не отпускай, слышишь?
Мир вокруг кружился, но ее ухо слышало ровное биение сердца Дага, и Фаун печально кивнула.

5

К тому времени, когда они добрались до разграбленной фермы, и юбка Фаун, и штаны Дага пропитались ярко-красной кровью.
– Ох, – смиренно прошептала Фаун, когда Даг помог ей слезть с лошади, – прости...
Даг спокойно, как он надеялся, поднял бровь.
– Что? Да ну, это всего лишь кровь, Искорка. Мне в жизни пришлось иметь дело с большими ее количествами, чем найдется во всем твоём теле. – Проклятие, именно в теле девчонки этот красный потоп и должен бы оставаться. «Не смей паниковать!» Дагу хотелось взять Фаун на руки и внести в дом, но он сомневался в том, что у него хватит сил. Ему нужно продолжать двигаться, иначе его собственное избитое тело задеревенеет... так что он правой рукой обхватил Фаун за плечи и, предоставив лошадь собственной судьбе, помог девушке подняться на крыльцо.
– Почему так случилось? – проговорила Фаун так тихо и жалобно, что Даг усомнился: говорит она это ему или самой себе.
Даг заколебался. Да, она совсем молоденькая, но ведь...
– Разве ты не знаешь?
Фаун подняла на него глаза. Синяк на левой половине ее лица приобрел лиловый оттенок, царапины подсохли.
– Знаю, – прошептала Фаун. Говорить твердо она заставляла себя только усилием воли.
– Но ты знаешь так много... Я надеялась, что у тебя может найтись другой ответ. Глупо с моей стороны.
– Это с тобой сделал Злой... попытался сделать. – Мужество изменило Дагу, и он отвел взгляд. – Он украл жизненную силу твоей малышки. Он использовал бы ее для своего следующего превращения, но мы успели его убить. «А я не успел помешать... Проклятие, всего пять минут! Если бы я появился на пять минут раньше!» Да, только если бы однажды

он появился раньше всего на пять секунд, у него бы была цела левая рука, а еще если бы он быстрее скакал по той дороге и был не таким усталым... Хватит! Если бы он добрался до логова намного раньше, он мог совсем не увидеть Фаун.

И что случилось с его разделяющим ножом в той ужасной неразберихе? Он ведь был пуст, а теперь – Даг мог бы в этом поклясться – он оказался заряжен, а такого не должно было произойти. «Эх, старый дозорный, разбирайся со своими бедами по одной, иначе собьешься с пути». Нож мог подождать. Фаун не могла.

– Тогда... тогда слишком поздно... чтобы спасти... что-нибудь.

– Никогда не бывает слишком поздно спасти что-нибудь, – строго сказал Даг. – Просто это может оказаться не то, чего ты хотела. – Обычно именно такие слова самому Дагу после нанесенного ему увечья требовалось слышать постоянно, только какое отношение они имели к теперешней беде Фаун? Даг попробовал еще раз, понимая, что ни его собственное, ни ее сердце не выдержит неопределенности. – Ее мы потеряли, тебя – нет. Твоя главная забота теперь – выжить сегодня ночью и набраться сил. А дальше посмотрим.

Сумерки сгустились, и в кухне царил унылый полумрак, но все же Даг разглядел, что беспорядок там был не такой, как раньше.

– Сюда, – сказала Фаун. – Не ходи по пролитому варенью.

– Ага, вижу.

– Тут есть несколько огарков свечей – на очаге и еще где-то. Нет, нет, там я лечь не могу – я запачкаю перины.

– Мне они кажутся самым подходящим местом – лежат ровно, Искорка. В чем я уверен, так это в том, что тебе необходимо лечь. – Дыхание Фаун было слишком быстрым и поверхностным, кожа слишком липкой, а аура обрела нехороший серый оттенок, что, как знал Даг по собственному печальному опыту, говорило о серьезных повреждениях.

– Ну ладно. Только найди что-нибудь... чтобы положить сверху.

Сейчас явно был неподходящий момент, чтобы спорить с женскими чудачествами.

– Хорошо.

Даг раздул еще не погасшие угли, подбросил щепок и зажег два огарка; один он оставил рядом с Фаун, а со вторым торопливо отправился на поиски. Ему смутно помнилось, что в ящиках шкафов на втором этаже еще оставались какие-то вещи. Дозорному полагалось быть изобретательным. Что больше всего нужно Фаун? Выкидыш – достаточно естественное явление, даже если его причина в этом случае совершенно неестественна; Даг был более или менее уверен, что женщины обычно переносят их достаточно легко. Лучше бы было, конечно, если бы они больше рассказывали или если бы Даг слушал более внимательно. Фаун нужно лежать – это он помнил. Устроить ее поудобнее? Звучит как жестокая шутка... Спокойнее! Наверняка ей будет приятнее оказаться чистой... по крайней мере сам Даг, поправляясь после тяжелой раны, бывал благодарен, когда его мыли.

«Что ж, раз не можешь устранить главную проблему, займись чем-нибудь другим. И кому из вас это поможет больше?»

Спокойнее. Нужно полотенце и не загаженный, если повезет, колодец.

Поиски заняли больше времени, чем Дагу хотелось бы; ему пришлось, стиснув зубы, согласиться с тем, что пока Фаун останется лежать прямо на этом проклятом полу... В конце концов Даг нашел платье, которое, правда, было Фаун велико, несколько старых заплатанных простыней, чистые тряпки для прокладок, мыло и воду. В момент мрачного озарения Даг нашел способ преодолеть смущение девушки: он попросил ее обмыть ему руку, как если бы нуждался в помощи.

Фаун все еще трясло; она относилась озноб за счет пережитого страха, но Даг знал, что причина этого, как и ледяной кожи и блеклой ауры, в другом. Чтобы облегчить состояние Фаун, он укрыл ее всем, что только нашел в доме, и развел жаркий огонь. Последний раз, когда Даг видел женщину, свернувшуюся в такой комочек, был, когда клинок проткнул одну из дозорных почти до позвоночника... Он нагрел в очаге кирпич, обернул его тряпкой и приложил к животу Фаун; это, к его радости, кажется, помогло: дрожь прекратилась, а аура

просветлела. Наконец, чистая и прибранная, как положено больной, Фаун отодвинула немного кирпич, согревшись, и посмотрела на сидящего с ней рядом на полу Дага.

– Для себя-то одежду ты нашел? – спросила она. – Хотя, наверное, должно очень повезти, чтобы нашлось что-то тебе по размеру.

– Еще не смотрел. У меня есть запасная одежда в седельной сумке. Правда, сумка там же, где мой конь. Если мне выпадет удача, мой отряд найдет Копперхеда и приведет сюда. Хорошо бы, чтобы они уже начали меня искать.

– Если бы ты что-то для себя нашел, я могла бы завтра выстирать... Мне жаль, что я...

– Искорка, – хрипло прокаркал Даг, наклоняясь к девушке, – не нужно извиняться передо мной.

Фаун съежилась. Даг взял себя в руки.

– Понимаешь, уж очень противно выглядит плачущий дозорный. Я и так уже весь слезливый и сопливый. А если прибавить ко всему синяк вокруг глаза, то этого хватит, чтобы тебя затошнило. И тогда придется убираться снова, а нам это ни к чему. – Даг щелкнул Фаун по носу – пусть это и было совершенно неуместно в отношении женщины, которая только что спасла мир, зато настроение Фаун улучшилось, она даже слабо улыбнулась. – Ладно, по этой части мы многого добились. А как насчет еды?

– Не думаю, что смогу сейчас есть. А ты давай подкрепись.

– Тогда попей. И не спорь со мной. Я точно знаю: после потери крови нужно много пить. – И кровотечение все еще продолжается... Сколько это может длиться?

При обследовании с помощью огарка свечи поразительных находок в подвале Дагу попала коробка сушеного сассафраса, и, не будучи уверен в качестве колодезной воды, он приготовил для них обоих отвар. Оказалось, что ему ужасно хочется пить, и он показал Фаун пример, осушив подряд две кружки. Фаун послушно, как наивный юный дозорный, сделала то же самое. «И почему это они всегда делают все, что им скажешь?» Кроме тех случаев, конечно, когда не делают...

Даг уселся рядом с Фаун, привалившись к стене и вытянув ноги, и не спеша стал прихлебывать напиток.

– Я смог бы больше сделать для твоих... внутренностей – обычные штучки дозорных с использованием Дара, – если только...

– Дар, – перебила его Фаун, приподнимаясь и глядя на него серьезными глазами. – Ты обещал рассказать мне о нем.

Даг глубоко втянул воздух, гадая, как объяснить это крестьянской девчонке, чтобы она поняла его правильно.

– Дар... Это способность чувствовать все вокруг – любое живое существо, где оно находится, в каком состоянии... Да и не только живое существо, хотя они светятся ярче всего. Никто на самом деле не знает – то ли мир порождает Дар, то ли Дар порождает мир, только именно Дар высасывают из живых существ Злые, чтобы насытиться, и именно потеря Дара убивает все вокруг логова. Посередине действительно скверного места, опустошенного Злым, не только все, что когда-то было живым, умирает, даже скалы не могут сохранить свою форму. С помощью Дара Стражи Озера как раз и чувствуют жизненную силу.

– Это магия? – с сомнением спросила Фаун. Даг покачал головой.

– Не в том смысле, какой придают этому слову крестьяне. Нельзя получить что-то из ничего. Просто такова глубинная суть мира. – Даг в ответ на откровенно непонимающий взгляд Фаун попытался объяснить доходчивее: – Мы используем слова, которыми обычно описываем зрение, осязание и другие чувства, но на самом деле Дар на них совсем не похож. Это вроде того, как ты определяешь... Вот что, закрой-ка глаза.

Фаун озадаченно подняла брови, но послушалась.

– А теперь... Где низ? Покажи.

Палец Фаун показал на пол, и большие карие глаза открылись, все еще сохраняя недоуменное выражение.

– Как ты это узнала? Ты ведь ничего не видела.

– Я... – Фаун заколебалась. – Я чувствовала. Чувствовала всем телом.

– Вот и Дар на это похож. – Даг снова отхлебнул из кружки – теплый напиток успокаивал его горло. – Люди – самые сложные и самые яркие существа, которых видит Дар. Мы видим друг друга, если только не ограничиваем Дар, чтобы не отвлекаться. Это вроде того, как если прикрыть глаза или завесить фонарь плащом. И еще ты можешь... Стражи Озера могут уравнивать свою жизненную силу с жизненной силой другого человека. Если удастся уравнивать в точности – почти что проникнуть в другого человека, – тогда можно поделиться силой, восстановить ритм, заживить рану, остановить кровотечение... вообще не дать пострадавшему соскользнуть в холодную темноту. Вернуть другого к равновесию. Я сделал такое с мальчишкой-дозорным... о боги, неужели это было всего прошлой ночью?

«Саун... Ах, нужно перестать думать о нем как о Сауне-Ягненке, иначе это как-нибудь сорвется у меня с языка, а он мне такого никогда не простит. В бою разбойник огрел его молотом, сломал ребра, ушиб сердце и легкие. Мне удалось сразу же влить в него жизненную силу, заставить танцевать со мной. Вышло довольно грубо, но я спешил...»

– Он бы умер? Если бы не ты?

– Э-э... может быть. Если он так решит, я спорить не буду: вдруг удастся, пока он под впечатлением, отучить его наконец от этих его замахов с плеча. – Даг ухмыльнулся, но тут же снова стал серьезным. Еще питья... проклятие, оно кончилось... – Беда в том... У тебя повреждена матка, я вижу это как дыру в твоей ауре. Только я не могу уравнивать свою жизненную силу с твоей и помочь, потому что у меня-то матки нет. Такого органа у меня нет, и нет соответствующей жизненной силы. Будь тут Мари или одна из девушек, они, наверное, смогли бы помочь. Только мне не хочется оставлять тебя одну на восемь, а то и двенадцать часов – кто знает, сколько времени потребуется, чтобы их найти и привезти сюда.

– Нет, нет, не надо! – Фаун вцепилась в ногу Дага, потом смущенно отдернула руку. Она снова свернулась клубком, и Даг задумался: насколько сильные у нее боли? Очень сильные, решил он.

– Хорошо. Выходит, придется справляться по-крестьянски. Ты знаешь, что в таких случаях делают женщины на фермах?

– Ложатся в постель, я думаю.

– Твоя мать или сестры ничего тебе не рассказывали?

– Сестер у меня нет, а все братья старше меня. Матушка научила меня многому, но она не повитуха. И она всегда так занята... Я просто думаю, что тело ежемесячно очищает себя, хотя некоторые женщины при этом чувствуют себя плохо. По-моему, все в порядке, если крови немного, но плохо, если кровотечение сильное.

– Ладно, так скажи мне, как обстоят дела с тобой, хорошо?

– Хорошо, – с сомнением ответила Фаун.

Выражение лица девушки стало замкнутым и сосредоточенным. Она словно мучительно, лишившись Дара, пыталась расслышать, где ее тело фальшивит, или напрасно высматривала внутри себя тот, другой огонек, который так ярко горел только сегодня утром, а теперь погас. Пожалуй, решил Даг, Фаун была слишком молчалива с того момента, как они выбрались из логова. Это заставляло его тревожиться и отчаянно искать выход.

Даг подумал, не стоит ли ему приписать себе нескольких сестер, чтобы поднять свой авторитет.

– Знаешь, я ведь очень опытный дозорный, – выпалил он в напряженной тишине. – Я однажды принял роды на дороге у Мертвого озера. – Тут он усомнился, что в данных обстоятельствах о том происшествии стоило рассказывать, но было слишком поздно менять тему. – Ну, не одной рукой, конечно, тогда у меня были еще обе руки, только все равно я был очень неуклюжим. К счастью, это был четвертый малыш у той женщины, и она была в состоянии говорить мне, что делать. Так она и поступила – не стеснясь в выражениях. Ей не очень-то понравилось, что приходится обходиться моей помощью. Как только она меня не обзывала! Ее ругательства я берегу как сокровище – они очень пригодились мне, когда пришлось учить уму-разуму бестолковых молодых дозорных. Мне тогда было двадцать два,

и я ужасно гордился своим подвигом, словно сам родил младенца. Скажу тебе честно: ни одного разбойника я не боялся так, как той женщины.

Рассказ вызвал у Фаун слабую улыбку, как Даг и надеялся. Вот и хорошо, что он не стал придумывать несуществующих сестер: ведь Фаун могла спросить, как их зовут, и тут воображение могло ему изменить. Веки Дага стали такими тяжелыми, словно кто-то незаметно привесил к ним свинцовые гири. Комната начинала неприятно кружиться.

– Очень откровенная была та женщина. Показала мне пример, которого я никогда не забуду.

– Это заметно, – пробормотала Фаун и, помолчав, добавила: – Спасибо тебе.

– Ну, ты покладистая пациентка. Мне не придется брить тебя утром, и ты не запустишь мне в голову сапогом, потому что у тебя все болит и ты проснулась не в духе. Капризные и всем недовольные дозорные – та еще компания. Можешь мне поверить.

– Они и в самом деле кидаются сапогами?

– Да. Я по крайней мере кидался.

Даг зевнул так, что у него свело челюсть. Все его синяки и ушибы решили напомнить о себе. Заговорив о сапогах, Даг вспомнил о том, что не снимал их два... нет, четыре дня: он и спал в них в ночь накануне стычки с разбойниками. Медленно поднявшись, он принялся расшнуровывать сапоги.

– Тебе будет удобнее, если я улягусь на крыльце?

Фаун взглянула на него поверх одеяла, которое натянула почти до губ. Розовых губ, хотя и не таких розовых, как Дагу хотелось бы... ну, по крайней мере не серых и не посиневших.

– Нет, – ответила Фаун странно безразличным тоном. – Не думаю, что мне так будет удобнее.

– Вот и хорошо. – Даг не мог сдержать зевоту. – Сейчас я не смог бы проползти через все это липкое варенье. Да и мягче на перинах. Ты оставайся у стенки, а я лягу с краю. – Он растянулся ничком, потом сообразил, что нужно повернуть голову, чтобы дышать. Повернулся он к Фаун – этот вид ему больше нравился – и попытался понять, что же видит из-за целой горы одеял. Темные кудри, нежная, как лепесток цветка, кожа – там, где не было синяков. Удивленный карий глаз. И пахла девушка гораздо приятнее, чем он сам...

– Мама, – пробормотал он, – овцы сегодня в безопасности.

– Овцы? – через секунду переспросила Фаун.

– Так дозорные шутят. – Шутят над крестьянами, и говорить этого Фаун не следовало. К счастью, усталость мешала ему продолжать разговор. Дагу хватило сил, только чтобы вытянуться и погасить свечу.

– Я не поняла.

– И хорошо. Спокойной ночи. – Его виноватое влечение к этому женскому телу, отделенному от него всего несколькими слоями ткани, было сильным, но очень кратковременным.

Фаун проснулась среди ночи, лежа на правом боку и глядя в стену кухни. Какая-то тяжесть давила ей на грудь, а сзади подпирало что-то вроде длинного комковатого валика. Тяжестью оказалась левая рука Дага, как поняла Фаун; должно быть, он очень крепко спит, раз так раскинулся: он всегда старался держать увечную руку в стороне, не на виду. Подбородок Дага царапал ей шею, нос уткнулся ей в волосы, и Фаун чувствовала, как его медленное дыхание колышет ее кудри. Даг был очень солидным препятствием между ней и дверью.

И всем, что в дверь могло войти... любыми страшными существами снаружи. Разбойниками, глиняными людьми, зловредными привидениями. И все-таки... не был ли высокий дозорный самым страшным из всех? Потому что к концу дня разбойники, глиняные люди, зловредные привидения неподвижно лежали у его ног, а он все еще шел. Хромал, но шел. Как же может самая страшная угроза давать такое чувство безопасности? Загадка...

Но даже если преодолеть страх перед ним, его усталость все равно пригвождала ее к месту. Выскользнуть наружу, не разбудив Дага, Фаун не удалось. Последовал не очень внятный спор о том, можно ли Фаун отправиться в уборную или лучше воспользоваться горшком (Даг настоял на своем), следует ли ей сменить пропитанные кровью прокладки (Даг опять настоял) и где Дагу спать; тут было трудно сказать, кто выиграл спор, но дело кончилось тем, что улегся он на прежнем месте. Хоть Даг и принес Фаун новый нагретый кирпич, мучительные схватки продолжались, и в результате Даг уснул первым. Однако странный комфорт, который давало Фаун это костлявое тело, отгородившее ее от внешнего мира словно крепостной стеной, скоро помог уснуть и ей.

Когда Фаун проснулась в следующий раз, солнце стояло уже высоко, и Дага рядом с ней не было. Живот, который вчера раздирала боль, теперь просто ныл, хотя прокладки снова промокли от крови. Прежде чем Фаун успела запаниковать, на крыльце раздались шаги и тихое посвистывание. Фаун раньше не слышала, чтобы Даг свистел, но больше ведь никого тут не могло оказаться... Наклонив голову, в дверь вошел Даг и улыбнулся ей; дневной свет делал его золотые глаза особенно блестящими.

Должно быть, Даг умывался у колодца – его волосы были влажными, кровь и грязь с лица были смыты и даже царапины выглядели теперь не такими страшными. Пах Даг тоже вполне приятно, не то что накануне... Впрочем, Фаун вспоминала тот запах с благодарностью: и в темноте, и на расстоянии нескольких футов она точно знала, где Даг находится. Дозорный явно воспользовался самодельным мылом бывшей хозяйки фермы – коричневыми комками, в которые женщина добавила лаванду и мяту.

Рубашки на Даге не было, а чистые серые штаны нашлись, похоже, среди одежды прежних хозяев; их Дагу пришлось подвязать веревкой. Фаун подумала, что они должны быть ему коротки не меньше чем на фут, но точно сказать не могла – штанины были заправлены в сапоги. Загар на теле Дага лежал неравномерно – кожа там, где ее закрывала рубашка, была белой, хоть и не такой белой, как кожа самой Фаун. По-видимому, Даг предпочитал одежду с длинным рукавом даже летом. Коллекция синяков на теле Дага выглядела почти так же впечатляюще, как ее собственная, но без одежды дозорный казался не таким тощим: под кожей перекачивались сильные мышцы.

– Доброе утро, Искорка, – весело сказал Даг.

Первым делом нужно было заняться неприятными, но необходимыми медицинскими процедурами; Даг взялся за дело с такой ловкостью, что Фаун почти сочла сгустки крови своим достижением, а не кошмаром.

– Сгустки – это хорошо. Вот когда кровь жидкая и красная – это плохо. Мы с тобой ведь так и решили, Искорка. Что бы Злой ни повредил у тебя внутри, рана начинает заживать. Ты молодец. Тебе по-прежнему нужно лежать.

Фаун и лежала, а Даг бродил по дому. Происходили разные события: на Даге появилась рваная, но чистая белая рубашка с закатанными рукавами, потом они пили чай с остатками испеченных Фаун накануне лепешек и тушеным мясом из запасов в подвале. Дагу пришлось уговаривать Фаун поест, но ее каким-то чудом не вырвало, а еда придала сил. Даг постоянно менял нагретые кирпичи, а потом, довольно надолго исчезнув из дома, принес в платке собранную в саду фермы клубнику. Усевшись на пол рядом с Фаун, он с шутливой серьезностью принялся делить ягоды на две равные порции.

Потом Фаун снова уснула, а проснувшись, увидела, что Даг сидит за кухонным столом, мрачно разглядывая остатки своего протеза.

– Сможешь ты его починить? – заплетающимся со сна языком спросила Фаун.

– Боюсь, что нет. Этого одной рукой не сделаешь, даже если бы у меня были инструменты. Все швы разошлись, а чашка, охватывавшая запястье, треснула. Даже Дирле будет не под силу привести все это в порядок. Когда доберемся до Глассфорджа, придется найти шорника и резчика по дереву.

Глассфордж... Стоит ли ей туда стремиться, когда причина ее бегства из дому так неожиданно исчезла? Жизнь Фаун так резко и так быстро менялась за последние дни, что она

уже ни в чем не была уверена. Фаун отвернулась к стене и прижала кирпич – судя по тому, каким он был теплым, Даг еще раз сменил его, пока она спала – к своему ноющему опустевшему животу.

За прошедшие недели младенец был для Фаун источником страха, отчаяния, стыда, изнеможения и тошноты. Ребенок еще не начал шевелиться, хотя каждую ночь Фаун засыпала, ожидая ощутить толчки, о которых так много слышала. Ей было странно думать о том, что этот случайно встреченный человек со своими непонятными дарованиями Стража Озера лучше, чем она сама, ощутил коротенькую жизнь ее малышки. Мысль об этом была мучительна, и тепло кирпича, к которому Фаун прижалась лбом, не помогало.

Фаун перевернулась на другой бок, и ее взгляд упал на ножны, которые лежали рядом с ее пуховым ложем. Уцелевший нож с синей рукоятью так и оставался в ножнах, куда она его сунула. Другой же – зеленая рукоять и обломки костяного лезвия – был, похоже, завернут заново: в кусок вышитой ткани, позаимствованной, наверное, из корзины для шитья, с неуклюже завязанными Дагом концами. Тонкое полотно, хоть и мятое и рваное, было явно когда-то драгоценностью, предназначенной для гостей.

Подняв глаза, Фаун заметила, что Даг следит за тем, как она рассматривает обломки ножа. Лицо его снова лишилось всякого выражения.

– Ты говорил, что расскажешь мне и о ножках тоже, – сказала Фаун. – Ведь не любой же кусок кости может убить бессмертного Злого.

– Нет... конечно, нет. Разделяющие ножи – самые сложные из наших... инструментов. Создать их удается дорогой ценой.

– Ты, наверное, снова скажешь мне, что в них никакой магии нет.

Даг вздохнул, подошел к Фаун и уселся на полу, скрестив ноги. Ножны он задумчиво вертел в пальцах.

– Это человеческая кость, верно? – тихо спросила Фаун, глядя на него из-под ресниц.

– Да, – рассеянно ответил Даг, потом пристально посмотрел на девушку. – Понимаешь, у дозорных уже бывали неприятности с крестьянами из-за разделяющих ножей. Непонимание... Мы научились не говорить на эту тему... но ты заслужила... Есть причина, почему ты должна знать. Я могу только просить тебя потом никому об этом не рассказывать.

– Совсем никому? – удивленно спросила Фаун.

Пальцы Дага дрогнули.

– Все Стражи Озера знают. Я имею в виду чужаков... крестьян. Хотя в данном случае... ну, до этого мы еще дойдем.

Похоже, кружным путем. Фаун нахмурилась: уж очень не похоже это было на его обычное прямодушие.

– Хорошо.

Даг глубоко вздохнул и распрямил спину.

– Годится кость не любого человека... только наших, Стражей Озера. Не крестьянина и уж тем более не похищенного крестьянского ребенка, понимаешь? Взрослого... иначе кость не будет иметь достаточной длины и крепости. Бедра, иногда плечи... Поэтому на свои погребальные обряды мы чужих не зовем. Некоторые самые чудовищные слухи рождались как раз, когда кто-то чужой случайно видел... Мы не людоеды, можешь мне поверить!

– О таком я и не слышала.

– Могла бы и услышать...

Фаун видела, как режут коров и свиней, так что могла себе все представить. Перед ее мысленным взором возникли длинные ноги Дага... нет!

– Некоторые неприятные моменты неизбежны, но мы все делаем достойно, соблюдая обряды, потому что каждый знает, что следующим может оказаться он сам. Не все Стражи Озера жертвуют свои кости – такого количества не требуется, да и не все подходят. Некоторые Стражи Озера умирают слишком старыми или слишком молодыми, их кости слишком тонкие или хрупкие. Я собираюсь предложить свои, если умру достаточно молодым.

От такой мысли Фаун ощутила комок в животе, не имевший ничего общего с тем, что вызывало схватки...

– Ох...

– Но так получают только сам нож – это первая часть подготовки. Вторая часть, благодаря которой становится возможным поделиться смертью со Злым, – это когда его заряжают. – Быстрая обнадеживающая улыбка, промелькнувшая на лице Дага, не отразилась в его глазах. – Мы заряжаем его смертью – жертвенной смертью одного из нас. При изготовлении на нож накладываются узы, он соответствует тому, кто должен его зарядить, так что это очень личное оружие, как ты понимаешь.

Фаун приподнялась, полная внимания и все более обеспокоенная.

– Продолжай.

– Если ты – Страж Озера, собирающийся подарить свою смерть ножу, и ты умираешь – от смертельной раны в бою или дома от болезни, – то ты сам, или чаще твой друг или родич, должен вонзить разделяющий нож тебе в сердце.

Губы Фаун приоткрылись.

– Но...

– Да, это смертельный удар. В том-то и смысл.

– Ты хочешь сказать, что в ноже поселяется душа человека?

– Ах, не душа! Я так и знал, что ты спросишь об этом! – Даг запустил руку в волосы. – Еще одно крестьянское суеверие. Столько неприятностей из-за них... Даже наш Дар ничего не говорит нам о том, куда души людей отправляются после смерти, но уверяю тебя: в ножах они не поселяются. Только умирающий Дар... смертность. То, что говорят Стражи Озера о богах... – начал Даг, но оборвал себя: – Впрочем, не важно...

А вот этот слух до Фаун доходил.

– Люди говорят, что вы не верите в богов.

– Нет, Искорка. Совсем наоборот. Но сейчас речь не о том. Этот нож, – Даг показал на клинок с синей рукоятью, – мой собственный, связанный с моим Даром. Он особый. Кость для него мне завещала женщина по имени Каунео, погибшая в бою со Злым на северо-западе от Мертвого озера. Двадцать лет назад. Мы опоздали обнаружить тварь, и она выросла очень сильной. Тот Злой не нашел достаточно людей в глуши, но он нашел волков, так что... Другой нож, тот, которым ты вчера воспользовалась, был ею заряжен, принял ее Дар. Кровь ее сердца оросила его. Кость для него Каунео получила от своего дяди... Я с ним никогда не встречался, но он в свое время был знаменитым воином. Звали его Каунеар. Ты, наверное, не успела этого рассмотреть, но его имя и его проклятие Злым было выжжено на том клинке.

Фаун покачала головой.

– Проклятие?

– По его выбору, раз кость была его. Ты можешь распорядиться, чтобы изготовители ножа поместили на него любые подходящие слова. Некоторые люди пишут на своих ножах признания в любви тому, кто нож унаследует. Иногда встречаются и совсем злые шутки... Каждый решает сам. Надписей на самом деле две: одну заказывает жертвующий кость, другую – тот, кто заряжает нож своей смертью; это делается уже после того, как нож получит Дар... если выпадает шанс.

Фаун представила себе, как нож, который она сейчас держит, медленно погружался в сердце умирающей женщины... может быть, похожей на Мари. Кто это сделал? Даг? Двадцать лет назад – это же ужасно давно... может ли он и в самом деле быть таким старым – лет сорока?

– Смерть, которой мы делимся со Злыми, – тихо сказал Даг, – это наша собственная смерть, и ничья больше.

– Почему? – потрясенно прошептала Фаун.

– Потому что только это срабатывает. Потому что мы можем... а больше никто. Потому что таково наше наследие. Потому что Злой, любой Злой, если его не убить вовремя, продолжает расти. Он растет и растет, становится сильнее и умнее, и к нему все труднее

подобраться. И если когда-нибудь появится такой Злой, с которым мы не сумеем справиться, он будет расти до тех пор, пока весь мир не превратится в серую пыль... только тогда и сам Злой умрет. Когда вчера я сказал, что ты спасла мир, Искорка, я не шутил. Тот Злой мог стать нашей гибелью.

Фаун откинулась на подушку, прижав одеяло к груди и стараясь разобраться в услышанном. Разбираться тут было в чем... Если бы она не видела Злого так близко, если бы не помнила так хорошо его мертвый запах, она, наверное, и не поняла бы рассказа Дага.

«Я еще не все понимаю, но... Ох, я верю, верю Дагу!»

– Нам остается только надеяться, – вздохнул Даг, – что Злые исчезнут раньше, чем Стражи Озера. – Он прижал ножны к бедру культей и вытащил нож с синей рукоятью. Мгновение он задумчиво смотрел на него, потом поднес к губам и с сосредоточенным выражением закрыл глаза. Лоб Дага прорезали морщины. Он положил нож в точности между собой и Фаун и убрал руку.

– Это возвращает нас к вчерашнему дню.

– Я ткнула ножом в бедро Злого, – сказала Фаун, – но ничего не произошло.

– Нет. Кое-что произошло: этот нож заряжен не был, а теперь он заряжен.

Фаун озабоченно нахмурилась.

– Так что, он высосал смертность Злого? Или его бессмертие? Нет, тут что-то не сходится.

– Не сходится... Я думаю, – Даг бросил на Фаун столь же озабоченный взгляд, – только, учти, это лишь догадка, я должен еще кое с кем все обсудить, – так вот, я думаю, что Злой только что похитил Дар твоей малышки, а нож забрал его обратно. Не душу – и не думай больше о заключенных в ножах душах, – а только смертность. Как странно, – полушепотом выдохнул Даг, – смерть без рождения...

Губы Фаун дрогнули, но не издали ни звука.

– Вот мы и сидим тут, – продолжал Даг, – и я не знаю, как распутать... Сам нож принадлежит мне, потому что Каунео завещала мне свои кости, но, по нашим правилам, заряд в ноже, заключенная в нем смертность, принадлежит тебе как ближайшей родственнице: ведь твой нерожденный ребенок завещать ее никому не мог. Вот здесь возникает настоящая головоломка: завещать заряд разрешается только взрослому, Дар которого полностью развился; это случается в четырнадцать-пятнадцать лет, с возрастом Дар становится сильнее. К тому же твоя малышка – крестьянский ребенок. А ведь ничья смерть, кроме моей, не должна была бы зарядить этот нож... Так что... так что возникла полная неразбериха.

Несмотря на потрясение от неожиданного выкидыша, Фаун почему-то думала, будто все, касающееся ее личного несчастья, уже решилось помимо ее воли, и испытывала какую-то усталую благодарность за то, что самой ей решать ничего не пришлось. Это было облегчением, утешением в горе. Все оказалось не так...

– А не можешь ты использовать этот нож, чтобы убить другого Злого? – Хоть какое-то воздаяние за все горести...

– Мне нужно будет показать сначала нож лучшему мастеру в лагере и послушать, что он скажет. Я всего лишь дозорный. Это дело выше моего понимания. С ножом случилось что-то странное, неизвестное... может быть, нежелательное. Или он может не сработать вовсе: ты же сама видела – дотянуться до Злого и обнаружить, что твой инструмент негоден, – не так уж приятно.

– Так что нам делать? И что мы можем сделать?

Даг резко мотнул головой.

– Во-первых, мы можем его уничтожить.

– Но разве это не была бы напрасная трата?..

– Двух жертвоприношений? Да. Я не выбрал бы такой путь, но если ты скажешь, Искорка, я прямо сейчас сломаю его у тебя на глазах, и на том все закончится. – Даг положил руку на клинок; его лицо хранило непроницаемое выражение, но глаза смотрели на Фаун

вопросительно.

У Фаун перехватило дыхание.

– Нет! Нет, не надо... по крайней мере пока. – А с другой стороны... нет никакого «с другой стороны». Интересно, хватит ли у Дага горького чувства юмора, чтобы прийти к такому же выводу? Фаун подозревала, что хватит.

Сглотнув, она проговорила:

– Но твой народ... Станут ли они считаться с тем, что думает какая-то крестьянская девушка?

– В этом вопросе – да. – Даг передернул плечами, словно они болели от напряжения. – Если ты согласна, я поговорю сначала с Мари, командиром моего отряда, и послушаю, что скажет она. Потом мы с тобой подумаем еще.

– Конечно, – прошептала Фаун. «Он и в самом деле думает, что мое мнение что-то значит».

– А пока я буду благодарен, если нож будет храниться у тебя.

– Конечно.

Даг кивнул и протянул Фаун кожаный мешочек, предоставив ей взять нож и ножны, хотя то, что было завязано в вышитое полотно, спрятал вместе со своим сломанным протезом. Суставы Дага закрипели, когда он встал и потянулся, так что Даг поморщился. Фаун снова зарылась в подушки и стала разглядывать костяное лезвие. На светлой поверхности были выжжены еле заметные строки: «Даг. Наши сердца всегда едины. Каунео».

Женщина – Страж Озера, – должно быть, заказала эту надпись за какое-то время до своей смерти. Фаун представила себе, как Каунео сидит в шатре, высокая и грациозная, как все женщины этого народа, которых Фаун случалось видеть, и пишет на табличке, оперев ее на то самое бедро, на котором, как она знала, если ей не повезет, будут выжжены эти самые слова. Представляла ли она себе нож, сделанный из ее кости? Представляла ли Дага, который когда-нибудь напоит его кровью своего сердца? Вот чего она не могла себе представить, подумала Фаун, это что обезумевшая от страха крестьянская девчонка начнет им размахивать по прошествии целой жизни – ее, Фаун, коротенькой жизни.

Нахмутив брови, Фаун спрятала разделяющий нож в ножны.

6

Поев, Фаун снова задремала, и Даг это одобрил. Пусть поспит: так она скорее справится с потерей крови. Даг был достаточно опытен в уходе за ранеными, чтобы по прокладкам судить о том, сколько крови Фаун потеряла; мысленно сопоставив это с тем обстоятельством, что девушка была вдвое меньше любого дозорного, которого ему приходилось выхаживать, он порадовался тому, что кровотечение явно уменьшилось.

Когда Даг вернулся в дом, проверив, все ли в порядке с гнедой кобылой, пасшейся на лугу, ограду которого Даг починил, позаимствовав часть уцелевших досок забора, Фаун уже проснулась и сидела, привалившись к стене. Осунувшееся лицо девушки было серьезно, она задумчиво теребила свои спутанные кудри.

– Нет ли у тебя расчески? – спросила она Дага.

Даг провел рукой по собственным волосам.

– Разве я выгляжу таким уж растрепанным?

Улыбка Фаун показалась ему слишком слабой; впрочем, шутка большего и не заслуживала.

– Не для тебя – для меня. Обычно я перевязываю волосы лентой, иначе получается воронье гнездо – как сейчас.

– Расческа есть в моей седельной сумке, – криво улыбнулся Даг. – По крайней мере я так думаю. Где-нибудь на дне... Я не видел ее, должно быть, с месяц.

– В это нетрудно поверить, – весело прищурилась Фаун, потом снова посерьезнела. – А

почему ты не носишь такую же прическу, как остальные дозорные?

– Я много чего умею делать одной рукой, – пожал плечами Даг, – вот только заплетать волосы в косу так и не научился.

– А кто-нибудь другой не мог бы тебе помочь?

Даг поморщился.

– Ничего не получится, если рядом никого нет. К тому же мне и так часто приходится просить об одолжениях.

Фаун удивленно посмотрела на Дага.

– Разве запас одолжений сильно ограничен?

Неожиданная мысль заставила Дага заморгать.

Действительно, ограничен ли? Хороший вопрос. Даг задумался о том, перерастет ли когда-нибудь он свое страстное стремление доказывать, что он способен обходиться без посторонней помощи, несмотря на увечье.

«Со старыми привычками трудно расстаться».

– Может быть, и нет. Я поднимусь наверх, посмотрю, что удастся найти. – Обернувшись через плечо, Даг добавил: – А ты лежи.

Фаун послушно улеглась, хоть и скорчила гримасу.

Даг вернулся с деревянным гребнем, найденным за опрокинутым комодом. Гребень оказался беззубым стариком, но причесаться им было можно, как Даг продемонстрировал на собственном примере. Фаун уже снова сидела, отложив в сторону завернутый в тряпку кирпич, – еще один обнадеживающий знак.

– Вот тебе, Искорка, лови. – Даг кинул гребень Фаун и пристально взглянул на нее, когда девушка неловко вскинула руку, а гребень отлетел от ее пальцев.

Фаун, в свою очередь, посмотрела на Дага с внезапно проснувшимся любопытством.

– Почему ты крикнул мне «смотри», когда кинул мешочек с ножами?

«А девочка сообразительна!»

– Старая уловка дозорных. Так мы учим девушек – а иногда и не только, – которые утверждают, что не умеют ничего ловить. Обычно дело бывает в том, что они слишком стараются. Рука следует за глазом, если им не мешает разум. Если я кричу «лови мяч», ничего не получается, потому что у них в головах такая картинка. Если я кричу, чтобы они считали, сколько раз мяч перевернется в воздухе, все получается прекрасно, потому что разум в этом не участвует. А мои ученики считают, что я творю с ними чудеса. – Даг ухмыльнулся, и Фаун робко улыбнулась в ответ. – Я не знал, играла ли ты со своими братьями в такие игры, поэтому решил действовать наверняка. Могло оказаться, что это наш единственный шанс.

Улыбка Фаун превратилась в гримасу.

– Единственной их игрой было бросать меня в пруд, что зимой не слишком-то приятно. – Она с сомнением посмотрела на гребень, потом осторожно начала расчесывать одну прядь.

Кудри Фаун, темные как ночь, были упругими и шелковистыми, и Даг поймал себя на мысли о том, как приятно было бы их коснуться... Вот и еще одно преимущество тех, у кого две руки. Даг вспомнил запах волос Фаун, которая прошлой ночью была совсем рядом. Пожалуй, лучше будет еще раз сходить посмотреть на лошадь...

К концу дня Фаун впервые пожаловалась на жару, и Даг и это счел хорошим знаком. Сам он уже давно обливался потом. Соорудив на крыльце в тени мягкое гнездышко из перин, он позволил Фаун подняться, чтобы дойти до него. Девушка устроилась, прислонившись спиной к стене дома, и стала смотреть на озаренные яркими солнечными лучами окрестности. Зелень полей, более темная зелень леса казались обманчиво мирными; на дальнем конце луга паслась лошадь. От сгоревших построек дым уже не поднимался. Одежда – ее и Дага – сохла на заборе, и Фаун удивилась: когда это Даг успел все выстирать? Даг тоже уселся на крыльце, вытянув длинные ноги и откинув голову, и закрыл глаза, наслаждаясь легким ветерком.

– Не знаю, что задерживает мой отряд, – через некоторое время заметил Даг, открывая глаза и глядя на дорогу. – Не могла же Мари заблудиться в лесу. Если они скоро не появятся, придется мне самому попробовать похоронить тех несчастных собак. Они становятся здорово вонючими.

– Собак?

Даг виновато пожал плечами.

– Хозяйских собак. Я их нашел за сараем. Похоже, это единственные животные, которых не увели глиняные люди. Думаю, собаки погибли, защищая хозяев. По-моему, их нужно похоронить достойно, может быть, в лесу, в тени деревьев. Собакам это понравилось бы.

Фаун закусила губу, не понимая, почему вдруг у нее на глазах выступили слезы, – ведь даже по собственному ребенку она не плакала.

Даг с неуверенным видом посмотрел на Фаун.

– Среди женщин моего народа потеря вроде твоей была бы личным горем матери, но она не переживала бы его в одиночестве. Рядом был бы ее мужчина, ближайшие друзья, родичи. У тебя же есть только я. Если ты, – он нервно мотнул головой, – хочешь поплакать, не думай, будто я приму это за слабость или отсутствие мужества.

Фаун с несчастным видом покачала головой.

– Должна ли я плакать?

– Не знаю. Я не знаю, как ведут себя крестьянские женщины.

– Тут дело не в том, что я с фермы. – Фаун стиснула кулачки. – Тут дело в моей глупости.

Помолчав немного, Даг нейтральным тоном сказал:

– Ты часто произносишь это слово. Хотел бы я знать, кто тебя так изводил.

– Да многие. Потому что я действительно была глупа. – Фаун опустила голову и стала смотреть на свои руки, которые теребили ткань слишком свободного платья. – Странно, что я говорю тебе о таком. Наверное, это потому, что я раньше тебя не видела и не увижу в будущем. – В конце концов, Даг был тем мужчиной, который выносил те отвратительные кровавые сгустки... До вчерашнего дня одна мысль об этом заставляла бы ее умереть со стыда. Фаун вспомнила схватку в пещере, человека-медведя, убийственное дыхание Злого. Что такое по сравнению со всем случившимся какой-то рассказ о собственной глупости?

Внимание Дага было легко вынести. Он просто слушал и не торопил. Фаун чувствовала, что может говорить так, как ей захочется. На лугу в траве жужжали насекомые, ветерок шевелил листья...

Тихим голосом Фаун начала:

– Я не собиралась заводить ребенка. Я хотела... хотела совсем другого. А потом я так испугалась и разозлилась...

Осторожно, как охотник, боящийся спугнуть дичь, Даг сказал:

– Обычаи крестьян не похожи на наши. Мне приходилось слышать очень зловещие истории... Твоя семья... они что, выгнали тебя? – Даг нахмурился, и Фаун не могла понять – почему.

Фаун отчаянно замотала головой.

– Нет. Они позаботились бы и обо мне, и о ребенке. Я никому ничего не сказала. Я убежала.

Даг изумленно посмотрел на нее.

– Убежала оттуда, где ты была в безопасности? Не понимаю.

– Ну, я же не думала, что дорога окажется такой опасной. В конце концов, та женщина из Глассфорджа одолела ее. Мне это казалось справедливым обменом – она вместо меня.

Даг надул губы и некоторое время смотрел на дорогу, прежде чем спросить:

– Тебя заставили?

– Нет! – Фаун шумно выдохнула воздух. – От этого по крайней мере я могу очистить Идиота Санни. Я хотела рассказать правду и попросила его...

Даг поднял брови; его плечи стали не такими напряженными.

– Разве среди крестьян это проблема? Мне все кажется совершенно нормальным. Женщина приглашает мужчину в свой шатер... впрочем, у вас же нет шатров.

– Да я согласилась бы на шатер... на постель... хоть на что-нибудь! Все случилось на свадьбе его сестры, мы оказались в поле позади амбара, в темноте, посреди молодой ржи, которая могла бы быть и повыше... Я надеялась, что это будет романтично и смело... а вместо этого пришлось отмахиваться от moskitov, спешить, прятаться от его пьяных дружков. Было больно, но этого я ожидала, и не так уж невыносимо больно... Я просто думала, что... что будет интереснее. Я получила то, на что напрашивалась, да только хотела я другого.

Даг задумчиво потер губы.

– И чего же ты хотела?

Фаун помолчала, размышляя. Размышления, похоже, были не тем, чем она занималась у себя дома...

– Думаю, я хотела знать... знать, что мужчина и женщина делают... разрушить стену между собой и взрослой женщиной – ведь я уже не так молода.

– И сколько же это – «не так молода»?

– Мне двадцать, – ответила Фаун с вызовом.

– А-а... – протянул Даг. Ему удалось не позволить смеху прозвучать в голосе, но его золотые глаза предательски блеснули.

Фаун могла бы обидеться, но не станешь же упрекать человека за блеск глаз, да и морщинки в уголках были такие симпатичные... Фаун махнула рукой, признавая свое поражение, и продолжала:

– Как будто был какой-то большой секрет, который знали все, кроме меня. Я устала быть самой младшей, самой маленькой, вечным ребенком. – Она вздохнула. – Да и пьяными мы были. – После мгновения мрачного молчания Фаун добавила: – И еще он сказал, что девушка после первого раза не должна забеременеть.

Брови Дага поднялись еще выше.

– И ты поверила? Ты же деревенская девчонка!

– Я же говорю – я была глупа. Я подумала, что люди, может быть, отличаются от коров. Я думала, что Санни, должно быть, знает больше меня. Уж меньше-то он знать никак не мог. Ведь со мной никто об этом не говорил. – После короткой паузы Фаун добавила: – И еще... мне так трудно было набраться храбрости, что я не хотела останавливаться.

Даг поскреб в затылке.

– Знаешь, мои соплеменники стараются не быть грубыми в присутствии молодежи, но мы считаем обязательным объяснять и обучаться. Дело в том, что есть опасность неправильно распорядиться Даром, и нет ничего унижительнее, чем если тебя от такой ошибки спасают друзья или, того хуже, ее родичи. – В ответ на изумленный взгляд Фаун Даг добавил: – Это похоже на транс. Вы делаетесь так увлечены друг другом, что забываете спать, есть, являться на пост... а через пару часов... или дней... потребности тела берут свое. Только это так неудобно... И к тому же небезопасно в незнакомом месте так надолго забывать обо всем, что тебя окружает.

Теперь пришла очередь Фаун сказать «А-а. ?» Она взглянула на Дага и неуверенно спросила:

– А тебе когда-нибудь приходилось?..

– Один раз. Когда я был очень молод. – Его губы дрогнули. – Мне было тогда примерно двадцать. Такому люди обычно не позволяют случиться дважды. Мы присматриваем друг за другом, чтобы первый урок никого не убил.

«Пару дней? Мне кажется, мне потребовалась пара минут». Фаун покачала головой, не зная, верить ли словам Дага. И как их понять, если уж на то пошло.

– Ну, то... то, что Санни тогда сказал... меня разозлило другое. Может, он и сам знал не больше моего. Даже беременность меня не разозлила, а только испугала. Вот я и пошла к Санни, потому что думала – он имеет право знать... Думала, что я ему нравлюсь, что он,

возможно, даже любит меня. – Даг начал что-то говорить, но последние слова Фаун остановили его; на лице его появилось растерянное выражение.

– Должно быть, такое случалось и с другими женщинами на фермах, – все-таки выговорил он. – А что в подобных случаях делают твои соплеменники?

Фаун пожала плечами.

– Обычно молодых быстренько женят. Родные с той и другой стороны собираются вместе, делают хорошую мину... ну, и все идет своим чередом. Я хочу сказать, если никто из любовников не женат или не замужем. Если кто-то уже состоит в браке, ну, тогда дело плохо. Но я думала о другом. Я решила, что раз мне хватило храбрости на одно, хватит и на другое. Только когда я рассказала Санни, все пошло не так, как я ожидала. Я, конечно, не думала, что он так уж обрадуется, но рассчитывала, что он меня поддержит. В конце концов, на что еще я могла надеяться? Но... – Фаун сделала глубокий вдох, – оказалось, что у него другие планы. Его родители обручили его с дочерью того человека, чья земля граничит с их собственной. Я говорила уже, что у семьи Санни большая ферма? И он – единственный сын, а та девушка – единственная наследница, и все было сговорено уже несколько лет назад. Я говорю: «Что же ты не сказал мне раньше?», а он мне: «Это все знают, и с какой стати мне говорить, раз ты отдалась задаром». Я ему: «Все это прекрасно, но теперь появится ребенок, и все выйдет наружу, так что наши родители в любом случае заставят нас пожениться», а он мне: «Нет, мои не станут». Я – бесприданница, и он подговорит троих своих приятелей сказать, что они тоже валялись со мной, той ночью, – так он и выкрутится. – Последние слова Фаун проговорила очень быстро, лицо ее пылало. Фаун искоса посмотрела на Дага, который продолжал с бесстрастным лицом смотреть на дорогу, однако закусил нижнюю губу. – Вот тут я и решила: да будь я беременна хоть близнецами, я не возьму в мужья Идиота Санни. – Фаун вызывающе задрала подбородок.

– Хорошо! – к ее удивлению, воскликнул Даг, и Фаун смогла только вытаращить на него глаза. – Я вот гадал, что сделать с Идиотом Санни, – продолжал Даг, – после того, что ты рассказала. Пожалуй, лучше всего будет натянуть его шкуру на барабан. Я никогда не дубил человеческую кожу, но это, наверное, не так уж трудно? – Даг весело подмигнул Фаун.

Фаун невольно рассмеялась.

– Спасибо.

– погоди, я же еще не освежевал его!

– Нет, я имею в виду другое: спасибо, что ты так сказал. Это ведь была шутка, верно? – Фаун вспомнила тела, усеявшие путь Дага накануне, и почувствовала некоторую неуверенность. В конце концов, он же Страж Озера... – Только не делай такого на самом деле.

– Кому-нибудь следовало бы. – Даг потер подбородок, заросший щетиной. Фаун подумала, что кожа у него, наверное, чешется; может быть, бритье – одно из тех дел, с которыми он не может справиться одной рукой? Или просто его бритва – на дне той же седельной сумы, что и расческа? – У нас все иначе, – продолжал Даг. – Во-первых, о таких вещах мы не можем солгать: это отражается на Даре. Я не хочу, понятно, сказать, что наши люди никогда не запутываются и не страдают в остальном. – Даг нерешительно продолжал: – Я способен понять, что его семья могла предпочесть поверить в его ложь, но как насчет твоей? Из-за этого ты и убежала?

Фаун сжала губы и только пожала плечами.

– В общем-то нет. Дело было в другом. Я терпела бы унижения... до конца жизни. Я навсегда осталась бы... осталась той, кто вел себя так глупо. А если бы в глазах семьи я стала бы еще более ничтожной, я могла и совсем исчезнуть. Не думаю, что ты это поймешь.

– Нет, – медленно сказал Даг, – не пойму... а может быть, и пойму – если думать не только о рождении ребенка, а о совместной жизни. Мне вспоминается один не такой уж юный дозорный, который однажды был готов перевернуть мир, только чтобы остаться в отряде, хоть в лагере нашлось бы сколько угодно дел для однорукого. Его мотивы тоже не

были такими уж разумными.

– Хм-м... – Фаун искоса взглянула на Дага. – Я решила, что с ребенком справлюсь, раз уж так случилось. Вот справиться с Идиотом Санни и со своей семьей мне казалось не под силу.

В точности таким же равнодушным тоном, каким он расспрашивал Фаун о Санни и разбойнике-насильнике, Даг спросил:

– Члены твоей семьи... Они были к тебе жестоки?

Фаун в растерянности посмотрела на него, гадая, что он себе вообразил. Что ее били плеткой? Держали на хлебе и воде? Подобные предположения показались Фаун такими же оскорбительными для ее несчастных замученных работой родителей и доброй тетушки Нетти, как и клевета, которой ей грозил Санни. Фаун даже подскочила от возмущения.

– Нет! – Подумав, Фаун добавила уже более тихо: – Ну, братья бывали невыносимыми... то есть когда они вообще меня замечали. – Справедливость была восстановлена, но это вернуло Фаун к печальному осознанию того, что ошибку совершила она сама. Что ж, так оно и было...

– Да, с братьями такое случается, – согласился Даг и осторожно добавил: – Значит, теперь ты могла бы вернуться домой? Раз больше нет... – Его жест был ясен – «нет ребенка», но он все же договорил вслух: – Нет ребенка?

– Наверное, – мрачно кивнула Фаун. Даг нахмурил брови.

– Погоди-ка... Ты оставила известие или просто исчезла?

– Ну... в общем-то исчезла. Я хочу сказать, записки я не оставила. Только они должны были заметить, что я кое-что взяла с собой... если, конечно, поискали.

– Разве твоя семья не пришла в отчаяние? Ведь родные могли подумать, что ты ранена или погибла. Или тебя захватили – разбойники... да кто знает – утонула, попала в капкан... Разве этот... Санни не признался бы и не помог в поисках?

Фаун с сомнением сморщила нос.

– Я не так себе это представляла. – Уж насчет Санни точно. Впрочем, теперь, избавившись от паники из-за беременности, Фаун иначе стала думать о переполохе, который ее бегство должно было вызвать в Вест-Блу, и почувствовала угрызения совести.

– Они, должно быть, искали тебя, Искорка. Я наверняка искал бы, если бы был твоим... – Даг резко оборвал себя на последнем слове – каким бы оно ни было. Он даже словно пожевал его и проглотил, неуверенный в том, каково оно на вкус.

Фаун смущенно пробормотала:

– Ну, не знаю... Может быть, если бы я теперь вернулась, Идиот Санни подумал бы, что я все выдумала. Чтобы поймать его – ради его идиотской фермы.

– Тебе так важно, что он подумал бы? По крайней мере по сравнению с тем, что думают твои родные?

Плечи Фаун поникли.

– Когда-то мне это было очень важно. Он казался мне... замечательным. Красивым... – Теперь, оглядываясь назад, Фаун считала его лицо круглым и невыразительным, а глаза тусклыми. – Высоким... – На самом-то деле он коротышка, решила Фаун. Он был одного роста с ее братьями, это верно... только и они едва доходили бы Дагу до подбородка. – У него хороший конь. – По крайней мере так Фаун считала, пока не увидела длинноногих скакунов дозорных. Санки хвастался своим конем, заставляя его ходить боком и взбрыкивать, чтобы показать: на такого резвого коня рискнет сесть только мастер... Дозорные же ездили с таким спокойным умением, что даже не возникало мысли поинтересоваться тем, как им это удастся. – Знаешь, странно. Чем дальше я от него оказываюсь, тем больше он... вроде как съезживается.

Даг спокойно улыбнулся.

– Он не съезживается. Это ты растешь, Искорка. Я видел подобное у молодых дозорных. Иногда они взрослеют очень быстро, попав в беду, когда выбор один: или обрести силу, или пойти ко дну. Потом, конечно, приходится приспосабливаться, имей в виду – как если бы ты

вырос за год на восемь дюймов и вся одежда стала мала.

Пример, решила Фаун, не взялся с потолка.

– Этого-то я и хотела. Стать взрослой, стать настоящей – любой ценой.

– У тебя получилось, – задумчиво протянул Даг. – Круглым путем.

– Да, – прошептала Фаун, и тут наконец плотину прорвало, и у нее вырвалось: – Как же это больно...

– Да, – просто сказал Даг, обнял ее за плечи и крепко прижал к себе: Фаун не плакала до сих пор, но теперь слезы хлынули потоком.

Даг смотрел на макушку Фаун – ничего другого он и не мог увидеть, поскольку, разрыдавшись, Фаун прижалась лицом к его груди. Даже теперь она старалась сдерживать всхлипывания, так что ее всю трясло от усилий. Мнение Дага о том, что Дар Фаун нуждается в такой разрядке, подтвердилось; если бы ему пришлось объяснить это словами, он сказал бы, что трещины в ауре Фаун перестали казаться ему такими зловеще темными, когда ее печаль нашла выход, но Даг не был уверен, что девушка его поймет. Печаль и гнев... Ее душа пострадала сильнее, и случилось это задолго до того, как Злой уничтожил ее ребенка.

Инстинкт говорил Дагу, что надо дать Фаун выплакаться, но потом беспокойство вернулось: Фаун снова схватилась за живот, боль возвратилась.

– Ш-ш, – прошептал Даг, обнимая ее одной рукой, – не делай себе хуже. Не нагреть тебе снова кирпич?

Фаун подняла заплаканное лицо, бледное и припухшее там, где его не украшали синяки.

– Нет, – пробормотала она, все еще цепляясь за рукав Дага. – Мне слишком жарко.

– Хорошо.

Фаун откинулась к стене, ее дыхание постепенно выравнилось, но боль не отступила.

Даг размышлял о том, было ли бегство Фаун из дома столь возмутительно жестоким в отношении ее родных, как это ему казалось, или все-таки были еще какие-то обстоятельства, о которых он не знал. Сам-то он происходил из народа, традицией которого было постоянно присматривать друг за другом – и за супружескими парами, и за членами отрядов, и за дружескими компаниями – эта сеть охватывала всех.

«Уж я-то точно стал бы тебя искать, Искорка, если бы был твоим...» Язык Дага снова запутался между двумя возможностями, каждая из которых смущала его по-своему, – «отцом» или «возлюбленным».

«Прекрати! Ты не то и не другое, старый дозорный».

Но ведь сейчас он был единственным человеком рядом с Фаун. Так что...

Даг приблизил губы к уху девушки, скрытому черными кудрями, и прошептал:

– Подумай о чем-нибудь замечательном, но бесполезном.

Фаун подняла голову и растерянно шмыгнула носом.

– Что?

– В мире полно бессмысленных вещей, и не все они горести. Я по себе знаю: иногда помогает вспомнить о какой-нибудь из глупостей другого рода. Каждый знает, что существует свет, даже если оказался в непроглядных потемках. Подумай о чем-нибудь... – он не сразу нашел слова, которые годились бы для Фаун, – о чем-нибудь, что все считают глупостью, а ты уверена, что это замечательно.

Фаун молчала так долго, что он уже начал колебаться – придумать ли другое объяснение или вовсе отказаться от этой... смешной на самом-то деле попытки, но потом пробормотала:

– Молочай.

– М-м? – Даг снова обнял Фаун за плечи, чтобы она не сочла это возражением.

– Молочай. Это просто сорняк, и мы постоянно выпалываем его в саду и огороде, но мне кажется, что цветы его пахнут лучше, чем те плетистые розы, за которыми так ухаживает моя тетушка. Лучше, чем сирень... Никто не считает его цветы красивыми, а ведь, если присмотреться, они хороши – розовенькие звездочки. Ажурные, как листики дикой

моркови. А уж запах... я им надышаться не могла. – Фаун разогнулась, забыв о боли, поглощенная воспоминанием. – Осенью у молочая вырастают стручки, сморщенные и уродливые, но если их разломить, вылетают прелестные шелковинки. В стручках живут молочайные жучки. Они не паразиты – не кусаются, ничего не едят, кроме семян молочая. У них яркие оранжевые крылышки с черной каемкой и блестящие черные лапки. Они щекочутся, когда ползают по руке... Я их держала в коробке, собирала для них семена молочая, поила с влажной тряпочки... – Губы Фаун снова сжались. – Пока один из моих братьев не опрокинул коробку, и мама заставила меня выбросить жуков. Тогда уже наступила зима.

– М-м... – Что ж, уловка сработала, но история Фаун закончилась... Тем не менее тело Фаун уже не было так напряжено, ее перестало трясти.

Неожиданно девушка сказала:

– Твоя очередь.

– А?

Фаун решительно ткнула Дага пальцем в грудь.

– Я рассказала тебе о бесполезной вещи, теперь расскажи ты.

– Что ж, это справедливо, – пришлось согласиться Дагу. – Только я не могу придумать...

Но тут его осенило. Ох... Несколько секунд он молчал.

– Я уж много лет не вспоминал об этом... Есть одно место, куда мы отправлялись – да и теперь ездим – каждое лето и осень. Это лагерь, который называется Ореховое озеро, милях в ста пятидесяти на север отсюда. Мы там собираем орехи, ягоды бузины, корни водяной лилии – основное, что идет для приготовления наших... Это одновременно и уборка урожая, и посев – мы, Стражи Озера, тоже ведь своего рода крестьяне, Искорка. В общем, много, работы в воде, но и весело тоже, если ты ребенок и любишь плавать. Может, я как-нибудь покажу... так или иначе, мне было лет восемь или девять, и меня послали на плоскодонке собирать ягоды бузины по берегу и на островах. Я уж не помню, почему в тот день я отправился один. Почва там глинистая, и вода в Ореховом озере обычно мутная и темная, но в тех протоках, где никто не бывает, удивительно чистая.

Я мог видеть дно, ясно, как в кристалле, которые делают в Глассфордже. Водоросли колыхались и обвивали друг друга, как зеленые перья. А на поверхности плавали плоские листья лилий – не той разновидности, корни которой мы употребляем в пищу. Не посаженные специально, бесполезные, они просто росли там с незапамятных времен, когда, может быть, еще и Стражи Озера не появились. Листья были темно-зеленые, с красными краями и красными жилками, а цветы только что раскрылись и плавали на воде, как... как белые звезды, с прозрачными лепестками, похожими на стрекозиные крылышки, и словно светились от пронизывающих их отраженных водой солнечных лучей. А серединки их, усыпанные золотой пылью, казались цветками внутри цветков... Мне полагалось собирать ягоды, но я просто перевесился через борт и смотрел на них... должно быть, целый час. Я не мог отвести глаз от праздничного танца света и воды вокруг лилий. – Даг с трудом сглотнул. – Потом, оказавшись в каком-нибудь очень засушливом месте, мне удавалось выжить благодаря воспоминанию о том часе.

Рука Фаун робко протянулась и едва ли не благоговейно коснулась лица Дага. Теплый палец скользнул по мокрой полоске у него на щеке.

– Почему ты плачешь?

Даг подумал о нескольких возможных ответах: «Я не плачу», или «Я просто уловил отзвук твоего Дара», или «Должно быть, я устал больше, чем думал». Два из них были в какой-то мере правдой, но язык его сказал то, что было на самом деле:

– Потому что я забыл те лилии. – Даг коснулся губами макушки Фаун, позволив ее запаху заполнить его нос и рот. – А ты заставила меня их вспомнить.

– Тебе от этого больно?

– Пожалуй, Искорка... Только это хорошая боль.

Фаун свернулась калачиком, ее ухо все еще прижималось к груди Дага.

– Хм-м...

Запах ее волос напомнил Дагу о скошенной траве и свежее испеченном хлебе; он мешался с ароматом ее мягкого теплого тела. Полуденная жара заставила выступить на верхней губе Фаун мелкие капельки пота, и Даг представил себе, каково это было бы: стереть их, а потом не спеша насладиться вкусом ее губ. Он неожиданно остро осознал, что держит в объятиях молодую женщину с округлым и соблазнительным телом. Весь жар летнего дня словно сконцентрировался у него в паху.

«Если у тебя еще остались мозги, дозорный, оставь ее в покое. Ну!»

Ни время, ни место не были подходящими. И партнерша тоже. Даг позволил своему Дару слишком открыться перед Даром Фаун, а это очень опасно. Чтобы разобраться в том, чем грозит этот порыв, Дагу пришлось бы обнимать Фаун еще час, что было бы непростительной ошибкой. Совершенно непростительной. Даг глубоко вздохнул и неохотно убрал руку, обнимавшую плечи Фаун. Руке сразу стало холодно и одиноко. Фаун что-то разочарованно буркнула и выпрямилась, сонно моргая.

– Стало совсем жарко, – сказал Даг. – Лучше мне заняться собаками. – Рука Фаун скользнула по его рубашке и упала, когда он с кряхтением поднялся на ноги. – Ты тут отдохни еще. Нет, не вставай...

– Тогда принеси мне корзину с рукоделием. И твою рубашку и рукав от нее, если они уже высохли. Я не привыкла сидеть без работы в руках.

– Чинить мою рубашку – не твоя работа.

– Это не мой дом, еда, вода и постель тоже. – Фаун откинула с глаз спутанные кудри.

– Хозяйева этой фермы в долгу перед тобой за Злого. Тебе причитается и ферма, и все, что тут есть.

Фаун переплела пальцы и сурово взглянула на Дага. Тот сдался.

– Хорошо. Корзину принесу. Но только не скажи тут, пока я не вижу, слышишь?

– Кровотечение уменьшилось, – сообщила Фаун. – Может, после того первого, сильного, все быстро закончится.

– Будем надеяться. – Даг ободряюще кивнул Фаун и отправился в дом за корзиной.

Фаун посмотрела вслед Дагу, огибавшему сарай, потом склонилась над корзиной с рукоделием. Перебрав содержимое, она выбрала несколько предметов, с починкой которых могла справиться. Было неприятно нарушать порядок, заведенный другой женщиной, но Фаун рискнула взяться за самые поношенные и рваные вещи. Например, вот за это покрытое пятнами детское платьице. За работой Фаун размышляла, сколько народу жило на ферме и куда они делись. Было очень неприятно думать о том, что она, возможно, чинит одежду кого-то, кого уже нет в живых.

Примерно через час Даг вернулся. Он направился к колодцу, снял тесную позаимствованную рубашку и принялся мыться куском коричневого мыла; глядя на него, Фаун подумала о том, что работа на жаре была вонючей и неприятной. Она с трудом представляла себе, как ему удавалось одной рукой управляться с лопатой... очень медленно, конечно. Впрочем, ведро из колодца он вытащил достаточно ловко. Налив воды в поилку для лошадей, он вымылся в ней, а под конец просто сунул голову в ведро с водой и встряхнулся, как собака. Полотенца, чтобы вытереться, у него не было, но, наверное, влага давала ощущение желанной прохлады. Фаун представила себе, как вытирает Дагу спину, как проводит пальцами вдоль сильных мышц. Вот и говори о том, чтобы держать руки занятыми... Даг не возражал, когда она накануне обмывала ему руку, но это было медицинской процедурой. Фаун понравилась рука Дага – сильная, с длинными пальцами и квадратными ногтями.

Даг присел на ступеньку крыльца, взял у Фаун свою защитную рубашку и благодарно улыбнулся. Сначала он было закатал рукава, но тут же снова опустил. Солнце уже почти касалось верхушек деревьев – там, где дорога уходила в лес. Потянувшись, Даг спросил:

– Проголодалась, Искорка? Тебе следует поесть.

– Немного. – Фаун отложила работу. – Тебе тоже следует. – Может быть, она сможет сидеть у кухонного стола и на этот раз помочь с готовкой...

Неожиданно Даг выпрямился и стал всматриваться вдаль. Кобыла в дальнем конце пастбища тоже подняла голову и насторожила уши.

Через минуту из-за деревьев показалась странная процессия. Пятеро мужчин, один верхом на крестьянской лошадке; трое других тянули за веревки упирающихся коров, а высокий паренек с палкой не давал разбежаться полудюжине блеющих овец.

– Похоже, кто-то вернулся домой, – сказал Даг. Прищурившись, он смотрел на вышедших из лесу, но больше никто оттуда не появился. – Только дозорных так и нет. Проклятие!

Не говоря больше ни слова и не спуская глаз с приближающихся мужчин, он опустил рукав на левой руке так, чтобы культи не была видна... но не правый рукав, с замиранием сердца заметила Фаун. Всякое оживление покинуло лицо Дага, остались только внимание и решительность.

7

Крестьяне заметили пару на крыльце к тому моменту, когда свернули с дороги, решила Фаун, судя по тому, что остановились и пораженно уставились на незнакомцев. Жилистый старик на лошади так там и остался, а парнишка, подчиняясь его жесту, снял несколько жердей и загнал овец и коров на пастбище; первые животные сначала упирались, но скоро принялись жадно щипать траву, и остальные присоединились к ним уже охотно. Взрослые мужчины осторожно двинулись к дому, сжимая в руках, как оружие, кто вилы, кто мотыгу, кто большой разделочный нож.

– Если эти ребята отсюда, они пережили нелегкие деньки, – сказал Даг, и Фаун не поняла – предостерегает он ее или просто делится наблюдениями. – Не дергайся и помалкивай, пока они не убедятся, что я им ничем не угрожаю.

– Как они такое могут подумать! – возмущенно фыркнула Фаун, выпрямилась, ту же обернула вокруг себя слишком свободное для нее платье и сурово нахмурилась.

– Ну, всякое случалось. В прошлом иногда разбойники выдавали себя за дозорных. Обычно мы предоставляем крестьянам самим разбираться с разбойниками, но таких, если поймает, мы не щадим. Фермеры не всегда умеют отличить... Думаю, с этими мы договоримся и все будет в порядке, как только они перестанут нервничать.

Даг остался сидеть на ступеньке крыльца, хотя тоже выпрямился, когда мужчины подошли поближе. Его правая рука поднялась к виску – он то ли приветствовал прибывших, то ли просто чесал голову; в любом случае угрозы в этом жесте не было.

– Добрый вечер, – проговорил он.

Мужчины медленно приближались, явно готовые и напасть, и обратиться в бегство по малейшему поводу. Самый старший из них, коренастый здоровяк с сединой в волосах, сжимая в руках вилы, вышел вперед и бросил на Фаун растерянный взгляд. Она улыбнулась и помахала рукой.

На всякий случай решив соблюдать вежливость, здоровяк буркнул:

– Здорово. – Опершись на вилы, он продолжал более сурово: – Кто вы такие и что здесь делаете?

Даг кивнул ему и ответил:

– Я из отряда дозорных Мари Редвинг. Нас вызвали с севера пару дней назад, чтобы разделаться с вашим зловредным привидением. А это мисс Софилд. Ее вчера схватили на дороге подручные того зловредного привидения, за которым мы охотились; она при этом пострадала. Я рассчитывал найти здесь кого-нибудь, кто ей поможет, но вы все отсутствовали. Не по своей воле, как я понимаю.

Очень многие важные подробности он опустил, заметила Фаун, но решила поправить

его только в одном:

– Блуфилд, – сказала она. – Меня зовут Фаун Блуфилд.

Даг оглянулся через плечо; брови его поползли вверх.

– Ах да, верно.

Фаун попыталась ободрить крестьян и мягко спросила:

– Это ваша ферма?

– Ага, – кивнул здоровяк.

– Рада, что вы вернулись. Все в порядке?

Выражение благодарности сменило уныние на лицах всех мужчин.

– Ага, – снова кивнул предводитель и шумно выдохнул воздух. – Слава богам, никого из нас эти... эти твари не прикончили.

– Нам еще повезло, еле уцелели, – пробормотал русоволосый мужчина, судя по семейному сходству, брат или кузен здоровяка.

Более молодой мужчина с рыжими волосами и веснушками на носу обошел Дага слева и – пристально посмотрел на его пустой рукав. Даг притворился, что не заметил этого, но, как показалось Фаун, напрягся.

– Эй, – выпалил парень, – ты не тот ли Даг, которого ищут остальные дозорные, а? Они говорили, ты заметный – длинный тип с коротко остриженными волосами, золотистыми глазами и без левой кисти. – Парень еще раз оглядел сидящего на крыльце Дага и уверенно кивнул.

В голосе Дага неожиданно прозвучало облегчение:

– Вы встречались с моим отрядом? Где они? У них все в порядке? Я рассчитывал, что они найдут меня быстрее.

Рыжеволосый парень сделал кислую мину и ответил:

– Должно быть, рыщут между Глассфорджем и большой ямой в холмах, которую те спятившие ребята пытались заставить нас копать. Тебя ищут. Когда ты к сегодняшнему утру не объявился в Глассфордже, та страхолюдная тетка, похоже, решила, что ты валяешься мертвый где-нибудь в канаве. Пока мы выбирались из города, четверо дозорных по очереди сообщили мне твои приметы.

При этом описании углы губ Дага поползли вверх, так что Фаун решила, что речь шла о предводительнице его отряда, Мари. Парнишка и жилистый старик на лошади, когда скот был благополучно водворен на пастбище, подобрались поближе и теперь прислушивались к разговору.

Здоровяк опять крепче стиснул свои вилы, хотя теперь в этом жесте не было угрозы.

– Эти другие дозорные – они все твердили, что ты, видать, убил зловредное привидение. Они говорили, что иначе не может быть, раз эти чудища – они их звали глиняными людьми – разбежались вчера к вечеру.

– Более или менее, – ответил Даг, взмахом руки отменяя – или скрывая – подробности. – Вы хорошо сделали, что соблюдали осторожность. В окрестностях могут еще бродить разбойники, пока их не переловит ополчение из Глассфорджа. Да и те глиняные люди, которые улизнули от моего отряда или отряда Чато, представляют опасность, пока не вымрут. Двоих я вчера прикончил, но по крайней мере четверо скрылись в лесу. Сами они не нападут, но если их спугнуть или загнать в угол, будут огрызаться, как любое больное животное. Логово Злого – зловредного привидения – меньше чем в восьми милях к востоку отсюда. Вам повезло, что он раньше за вас не взялся.

– Вы двое выглядите так, словно за вас-то он как раз взялся, – проговорил здоровяк, хмуро взглянув на царапины и синяки Дага и Фаун, и повернулся к долговязому парнишке. – Эй, Тад, сходи-ка за мамой.

Паренек радостно закивал и припустил по дороге к лесу.

– А что тут произошло? – поинтересовался Даг.

Вопрос вызвал поток все более красочных рассказов; мужчины перебивали друг друга, поправляя или сообщая новые подробности несчастья. Два или три десятка глиняных людей

выскочили из леса четыре дня назад, избили и запугали крестьян, а потом погнали их в холмы — миль на двадцать на юго-восток. Глиняные люди добились покорности очень просто: они схватили троих младших детей и пригрозили разбить им головы о древесные стволы, если кто-нибудь вздумает противиться. Эта подробность заставила Фаун охнуть, но лицо Дага стало только еще более бесстрастным, чем раньше. Крестьян в конце концов пригнали к чему-то вроде лагеря, где уже находились дюжины две других пленников. Те по большей части были жертвами разбойников, и некоторые оказались захвачены уже несколько недель назад. Там глиняные люди под неохотным руководством нескольких разбойников принялись заставлять своих рабов копать какую-то загадочную яму в земле.

— Не понимаю я, что это была за яма, — сказал здоровяк; он оказался старшим сыном старика и главой семьи Хорсфордов. Жилистый старик скоро начал проявлять сварливость и взбалмошность — черты, как решила Фаун, свойственные ему и до нападения Злого; родственники привычно, хоть и добродушно, отмахивались от его жалоб.

— Злой — зловредное привидение, — наверное, пытался устроить шахту, — задумчиво проговорил Даг. — Он очень быстро рос.

— Да, но только та яма для шахты не годилась, — возразил рыжеволосый Сасса. Он оказался зятем главы семьи и приехал на ферму в тот ужасный день, чтобы помочь привезти из лесу бревна. Он, по-видимому, не был так потрясен случившимся, как остальные, возможно, потому, что его жена и ребенок находились в безопасности в Глассфордже и несчастье им не угрожало. — У них и инструментов-то никаких не было, пока глиняные люди не принесли те, что украли здесь. Они заставляли бедняг, которых захватили, копать землю голыми руками и таскать ее в мешках, сделанных из одежды. Жуткая была неразбериха.

— Так сначала и бывает, пока зловредное привидение не поймает кого-нибудь, кто смыслит в деле, — сказал Даг. — Потом, когда это станет безопасно, вам нужно будет позвать настоящих горняков, чтобы те осмотрели местность. Должно быть, там залежь чего-то ценного, уж в этом-то Злой не ошибся бы. В ваших местах скорее всего окажется железо или уголь. Может, потом тут появятся кузницы или еще что.

— Я думал, не выкапывают ли они другое привидение, — сказал Сасса. — Говорят, они как раз и появляются из земли.

Даг нахмурил брови и посмотрел на Сассу более внимательно.

— Интересная мысль. Когда случается, что два привидения появляются по соседству, что, к счастью, нечасто бывает, они обычно первым делом нападают друг на друга.

— Это вам, Стражам Озера, здорово облегчает жизнь, верно?

— Нет, к несчастью. Победивший Злой делается сильнее. Легче разделываться с ними поодиночке.

Фаун попыталась представить себе тварь более сильную и более страшную, чем та, с которой она столкнулась накануне. Когда вы уже перепуганы так, как только можете выдержать, какая разница, если чудище окажется еще ужаснее? Фаун подумала, что это, пожалуй, делает понятнее поведение Дага.

Внимание Фаун привлекло какое-то движение на дороге. Из леса показалась еще одна лошадь и тяжеломерно потопала в сторону дома. На ней сидели вдвоем женщина средних лет и долговязый подросток. Спешившись, они задержались на минуту у колодца; женщина на что-то пристально посмотрела; потом они присоединились к остальным.

Рыжеволосый Сасса, то ли более словоохотливый, то ли более наблюдательный, чем его родичи, продолжал описывать непонятный переполох, случившийся накануне в лагере рабов: внезапную панику и отчаянное бегство глиняных людей, за которым, и получаса не прошло, последовало прибытие весьма взволнованных Стражей Озера. За ними спешила толпа обезумевших от тревоги друзей и родственников бедняг, захваченных в окрестностях Глассфорджа. Предоставив местным жителям заниматься друг другом, Стражи Озера занялись своими делами: истреблением всех глиняных людей, каких они только могли поймать, и поисками таинственно исчезнувшего Дага, которого они явно считали причиной всех странных событий. Даг потерял свой заросший подбородок.

– Ха! Должно быть, Мари или Чато решили, что та яма и есть логово Злого. Они могли отправиться по следам, ведущим от того лагеря разбойников, что мы разгромили позавчера ночью. Тогда понятно, где они были целый день вчера... и, похоже, большую часть ночи тоже.

– Ага, – кивнул здоровяк, – народ все еще тянулся в Глассфорддж – и ночью, и утром. Там были и местные, и ваши дозорные.

Фермерша стояла, слушая все это и пристально разглядывая дом, Дага и особенно Фаун. Из разговоров мужчин Фаун поняла, что это и есть та женщина, которую те называли Петти, – жена главы семьи и хозяйка дома. Легкая седина в волосах говорила о том, что она одного возраста с мужем, но если тот был массивным, то Петти выглядела поджарой, решительной и деловитой, хоть и усталой. Выйдя вперед, она строго спросила:

– Чья это кровь в том тазу у колодца?

Даг вежливо склонил голову.

– По большей части мисс С... Блуфилд, мэм. Прости, что мы запачкали твои простыни. Я каждый раз выливал на них ведро воды, как шел мимо, и обязательно отстираю, прежде чем мы уедем.

«Мы», а не «я» – сразу же с облегчением отметила какая-то шустрая часть сознания Фаун.

– По большей части? – Фермерша, прищурившись, взглянула на Дага. – Как это она поранилась?

– Она сама должна рассказать, мэм.

На мгновение женщина задумалась, ее взгляд перебежал с лица Фаун на пустой рукав Дага.

– Ты и вправду убил зловредное привидение, которое столько всего натворило?

Даг только долю секунды помедлил, прежде чем ответить твердо, хотя и бесстрастно:

– Да, мы убили.

Фермерша втянула в себя воздух и фыркнула.

– Не вздумай тревожиться насчет стирки. Вот еще!

Теперь пришла очередь ее семьи; она напустилась на мужчин:

– Что это вы тут стоите и болтаете, как дурачки? До темноты много чего нужно сделать! Хорс, подои-ка бедненьких коровушек, если только у них с перепугу молоко не пропало. А ты, Сасса, принеси дров, если воры не растащили всю поленницу, а если растащили, то наруби. Джей, займись-ка уборкой и почини что сможешь. Ты начни, а чего нельзя сделать без инструментов, отложи на завтра – завтра-то их привезут. Тад, помоги деду с лошадьми, а потом приберись в доме. Ну-ка за дело, пока еще светло!

Мужчины по команде Петти тут же разошлись. Фаун приподнялась и ободряюще сказала:

– Твоих припасов в подвале глиняные люди не нашли... – Но тут ее голова, казалось, опустела и болезненно запульсировала. Мир не то чтобы потемнел, но вокруг Фаун словно сгустились тени, и она почти не почувствовала резкого движения сильной руки, подхватившей ее. Даг наполовину отвел, наполовину отнес ее в дом. Когда Фаун снова смогла все видеть отчетливо, она обнаружила, что лежит на своем мягком ложе, а над ней склонились двое – озабоченная и настороженная Петти и Даг, озабоченный и... полный нежности? Эта мысль встряхнула Фаун, и она заморгала, пытаясь вернуть себе способность ясно мыслить.

– ... Лежи, Искорка, – говорил Даг. – Покой тебе помог. – Он отвел в сторону пропитанный потом локон Фаун.

– Что с тобой случилось, девонька? – строго спросила Петти.

– Я не девонька, – пробормотала Фаун. – Мне двадцать лет.

– Ей вчера досталось от глиняных людей. – Даг, пристально смотревший на Фаун, взглядом, казалось, спрашивал ее разрешения продолжать, и Фаун согласно кивнула. – У нее случился выкидыш – на двухмесячном сроке. Было сильное кровотечение, но сейчас вроде

ослабло. Жаль, что нас не нашли женщины из моего отряда. Тебе не приходилось заниматься акушерством?

– Немного. Правильно, что ты велел ей лежать, раз началось кровотечение.

– А как определить, что с ней... что с женщиной после такого все будет в порядке?

– Если кровь перестанет идти на пятый день, это хороший признак: значит, внутри все заживает. Самое большее – десять дней... Двухмесячная беременность... ну, тут как повезет. Вот когда больше трех месяцев, тогда и вправду опасно.

– Пять дней, – повторил Даг, словно запоминая это число. – Что ж, тогда пока все в порядке. А лихорадка?... – Даг встряхнул головой и поднялся на ноги, потирая левую руку. Заметив, как фермерша оглядывает кухню, он с виноватым видом убрал со стола свой протез, завернул его в тряпку и положил рядом с Фаун.

– А тебе от чего досталось? – спросила Петти.

– Да так, много чего выпадало на мою долю, – уклончиво ответил Даг. – Если мой отряд не найдет нас к завтрашнему дню, я хотел бы отвезти мисс Блуфилд в Глассфорддж. Мне нужно доложить... У вас найдется тележка?

Фермерша кивнула.

– Попозже будет. На ней завтра приедут девушки. – Кроме Петти, женщины и дети семейства Хорсфорд оставались в Глассфорддже с женой Сассы, разбирали возвращенные вещи и дожидались, пока мужчины сообщат, что домой возвращаться безопасно.

– Потом они поедут туда еще раз?

– Может быть. Посмотрим. – Петти почесала шею, глядя вокруг с таким выражением, словно ее внимания требовала сотня вещей, а в голове у нее умещалось всего десять. Фаун подумала, что так оно и есть.

– Чем я могу помочь, мэм? – спросил Даг. Петти посмотрела на него, словно его предложение ее удивило.

– Еще не знаю. Все тут вверх дном... Ты... ты пока подожди.

Она отправилась осматривать свой разгромленный дом.

Фаун прошептала Дагу:

– Она не будет знать покоя, пока все снова не приведет в порядок.

– Я это почувствовал. – Даг наклонился и поднял мешочек с ножами, лежавший у Фаун в изголовье. Только теперь Фаун осознала, как старательно Даг избегал смотреть на него в присутствии Петти. – Можешь ты убрать мешочек куда-нибудь с глаз долой?

Фаун кивнула, села – медленно и осторожно – и дотянулась до своего мешка, лежавшего у нее в ногах. Поверх единственного хорошего платья, в котором Фаун собиралась искать работу в Глассфорддже, там лежали запасные юбка и блуза – все, что Фаун в спешке взяла с собой в ночь своего бегства. Фаун сунула мешочек на дно и затянула завязки.

Даг одобрительно и благодарно кивнул.

– Лучше не упоминать о ноже при этих ребятах. Могут выйти неприятности... даже больше, чем обычно. – Себе под нос он пробормотал: – Ах, была бы здесь Мари...

Фаун и Даг могли слышать, как Петти ходит по деревянным половицам у них над головами, иногда горестно стеная: «Ах, мои бедные окна...»

– Я заметила, что ты о многом не стал рассказывать, – сказала Фаун.

– Да. И было бы хорошо, если бы ты последовала моему примеру.

– Я ведь тебе обещала. Да мне и не хочется совсем кому-нибудь рассказывать о том ноже.

– Если тебе начнут задавать слишком много вопросов или упомянут о ножах, ты просто спроси их насчет их собственных бед. Обычно это хорошо отвлекает, да и рассказать им есть о чем.

– Ах, так вот какую уловку ты использовал! – Оглядываясь назад, Фаун оценила, как ловко Даг повернул разговор: в результате они много чего узнали о несчастьях Хорсфордов, но Хорсфорды мало что получили взамен. – Еще один трюк дозорных?

Уголок рта Дага пополз вверх.

– Более или менее.

К тому времени, когда фермерша спустилась вниз, из сарая пришел ее сын Таг, и после некоторого раздумья женщина послала их с Дагом убирать разбитые стекла и мусор вокруг дома. Оглядев еще раз кухню, Петти спустилась в подвал и принесла оттуда несколько банок с припасами, чтобы приготовить ужин. Теперь она выглядела прибодрившейся. Расставив банки на столе – Фаун почти слышала ее мысли: сколько едоков и сколько нужно еды на ужин, – Петти, нахмурив брови, повернулась к Фаун.

– Нужно уложить тебя в настоящую постель. Думаю, подойдет комната Берди, после того как Таг выметет стекло, – в остальном она не очень пострадала. – Помолчав, Петти, понизив голос, поинтересовалась: – Этот парень, дозорный, правду о тебе рассказал?

– Да, мэм, – кивнула Фаун.

На лице женщины все еще было написано подозрение.

– Ручаюсь, те царапины на лице он получил не от глиняного человека.

Фаун непонимающе посмотрела на Петти, потом сказала:

– Ах вот ты о чем... Да, это моя вина, только все вышло случайно. Я сначала приняла его за еще одного разбойника. Мы быстро разобрались, что к чему.

– Эти Стражи Озера – странный народ. Говорят, занимаются черной магией.

Фаун приподнялась, опираясь на локоть, и с горячностью сказала:

– Если так, ты должна им быть за это благодарна. Зловредные привидения хуже. Уж я-то видела – ближе, чем тебя сейчас. Что бы дозорные ни делали, чтобы их извести, я все одобряю!

Петти явно одолевала мрачные мысли.

– Так что... это зловредное приведение тебе навредило?

– Вызвало выкидыш, хочешь ты сказать?

– Ага. Потому что девки не выкидывают просто потому, что их поколотили, или они свалились с лестницы, или еще что. Видала я таких, которые пробовали... из них просто получались мамаша в синяках.

– Да, – коротко кивнула Фаун. Или это были слишком настырные вопросы? Пожалуй, нет, решила она. Даже Даг давал кое-какие объяснения – ровно столько, сколько нужно, чтобы удовлетворить любопытство и не вызвать новых вопросов. – Он был мерзкий. Хуже даже, чем глиняные люди. Похоже, Злые убивают все, чего касаются. Ты потом сходи посмотри на его логово. Лес засох на милню вокруг... Не знаю, сколько потребуется времени, чтобы он снова вырос.

– Хм-м... – Петти деловито открывала банки и нюхала содержимое – не испортилось ли. Кусочки воска она извлекала, чтобы потом растопить и использовать снова. – Те глиняные люди были хуже некуда. Накануне того дня, когда нас пригнали в лагерь, туда попала женщина с больным мальчуганом. Она стала требовать, чтобы ей позволили сходить за помощью. Уж как она молила и рыдала, чтобы их упросить... Только глиняные люди просто убили ее малыша... и съели. К тому времени, как мы попали туда, несчастная мамаша была совсем не в себе, да и остальные тоже. Даже разбойники, хоть я и не думаю, что они были в своем уме, вроде как смуглились.

Фаун передернуло.

– Даг говорил, что глиняные люди едят своих пленников. Я сначала не очень-то ему верила... до тех пор, пока... – Фаун распрямила плечи. – Стражи Озера охотятся на этих тварей. Они их ищут.

– Хм-м... – снова буркнула Петти. Она хмурилась, пытаясь приготовить ужин, как обычно, и не находя посуды. В конце концов, как и Фаун раньше, она стала импровизировать. После долгого молчания она добавила: – А еще говорят, что Стражи Озера могут заморачивать людям головы.

– Послушай, ты! – Фаун резко приподнялась и бросила на Петти сердитый взгляд. – Я уже говорила – этот дозорный спас мне жизнь. По крайней мере дважды. Нет, трижды: я

истекла бы кровью в лесу, если бы он погиб в схватке. Он сражался с пятью глиняными людьми разом! И всю прошлую ночь он ухаживал за мной, когда я от боли и пошевелиться не могла, и без звука выносил кровавые тряпки... и кухню твою он убрал, и забор починил, и похоронил ваших собак в тенистом местечке в лесу... а ведь ничего этого делать он не был обязан. – «И его сердце разрывается, когда он – вспоминает о водяных лилиях». – Я видела, как этот человек с одной рукой сделал больше добра в один день, чем любой другой с двумя руками за неделю. И вообще... Если он заморочил мне голову, то изрядно потрудился для этого!

Фермерша выставила вперед руки, словно защищаясь от этой яростной атаки, и усмехнулась.

– Хватит, хватит, я сдаюсь, девонька!

– Ух... – Фаун снова вытянулась на спине. – Вот и нечего тебе твердить «говорят».

– Хм-м... – Улыбка Петти быстро погасла, но что бы ее ни печалило, Фаун она о том говорить не стала.

Фаун смиренно лежала на своем ложе, пока сумерки не заставили мужчин вернуться в дом. После этого Таду было велено унести пуховые перины, и на их месте на кухне был установлен стол на козлах. Наскоро сооруженные скамейки – доски на чурбаках – заменили отсутствующие стулья. Петти сообщила Дагу, что, по ее мнению, Фаун может без последствий посидеть за ужином. Поскольку в противном случае Петти пришлось бы отнести ей еду в постель, устроенную где-нибудь в укромном уголке, Фаун решительно поддержала эту мысль.

Ужин был обильным, хоть и простым; кухня освещалась огарками свечей и огнем очага, разожженным, несмотря на долгий и теплый летний день. Сразу после ужина все, а не только она одна, решила Фаун, отправятся в постель. В кухне было жарко, и разговор сначала был вялым и касался только практических вещей. Все устали, и умы были полны воспоминаниями о недавно перенесенных бедах. Поскольку все вынужденно ели руками, некоторая неуклюжесть Дага не бросалась в глаза, как с удовлетворением отметила Фаун. Хоть можно было ожидать, что отсутствие протеза мешает ему, однако девушка заметила, что он старательно скрывает свое запястье под столом. Даг говорил только, чтобы побудить сидящую рядом с ним Фаун хорошенько поесть, но уж этого-то он требовал от нее неукоснительно.

– Спасибо, что помог Таду со всем этим разбитым стеклом, – сказала ему фермерша.

– Невелик труд, мэм. По крайней мере теперь вы все сможете ходить, не опасаясь пораниться.

– Я помогу тебе вставить новые стекла, Петти, – предложил Сасса, – как только все немного образуется.

Женщина бросила на зятя благодарный взгляд.

– Спасибо тебе, Сасса.

– Промасленная бумага на окнах была вполне хороша в мое время, – проворчал дедушка Хорсфорд.

На это его седовласый сын ответил только:

– Возьми еще лепешку, папаша. – Земля могла все еще принадлежать старику, по крайней мере формально, но всем было ясно, что хозяйка в доме – Петти.

Разговор – это, на взгляд Фаун, было неизбежно – скоро вернулся к недавно пережитым бедам. Даг, который казался Фаун усталым, был неразговорчив. Она заметила, как он четыре раза подряд прибежал к своему любимому трюку – ответил вопросом на вопрос. Так продолжалось до тех пор, пока Сасса, вздохнув, не заметил:

– Жаль, что твой отряд не появился на денек пораньше. Может быть, удалось бы спасти мальчишку, которого съели твари.

Даг не то чтобы поморщился... его веки просто чуть опустились, голова склонилась к плечу. Усталость на его лице сменилась полным отсутствием выражения. В кухне повисла тишина.

Фаун выпрямилась, чувствуя обиду за Дага.

– Думай получше о том, чего бы еще пожелать. Если бы отряд Дага оказался здесь до того, как я... как мы... до того, как зловредное привидение умерло и глиняные люди разбежались, было бы большое сражение. Очень многих могли убить, и того мальчика тоже.

Сасса, нахмутив брови, обернулся к Фаун.

– Да, но ведь его съели. Разве это тебе все равно? Мне-то точно не все равно.

– Так всегда делают глиняные люди, – пробормотал Даг.

Сасса растерянно взглянул на него.

– Ты к такому привык, да? – Даг пожал плечами. – Но ведь то был ребенок!

– Каждый человек чей-нибудь ребенок.

При этих словах Петти, которая устало смотрела в свою миску, подняла глаза.

Джей с подначкой заметил:

– А вот если бы они явились на пять дней раньше, на нас не напали бы. И все наши коровы, овцы и собаки были бы живы. Раз уж ты принялся желать, пожелай и такого.

С улыбкой, которая больше походила на гримасу, Даг отодвинулся от стола и кивнул Петти.

– Извините меня, мэ.

Он тихо прикрыл за собой дверь кухни, его шаги прозвучали на крыльце и стихли, растворившись в ночи.

– Что это его укусило? – поинтересовался Джей.

Петти шумно втянула воздух.

– Джей, знаешь что: временами я думаю, что твоя мамаша уронила тебя в детстве и ты ушиб головку.

Парень растерянно заморгал и пробормотал скорее изумленно, чем сердито:

– Что?

В первый раз за несколько часов Фаун ощутила озноб. Ее бледность не ускользнула от наблюдательной Петти.

– Вот что, девочка, тебе место в постели. Хорс, помоги-ка ей.

К счастью, Хорс был гораздо молчаливее, чем его молодые родичи; а может быть, жена уже успела вправить ему мозги насчет их странных гостей. Так или иначе, он молча провел Фаун по темному дому. Ничего не видно, решила Фаун, не потому, что у нее потемнело в глазах, хотя голова у нее снова разболелась. Петти двинулась следом, вставив огарок свечи в чашку за неимением подсвечника.

В одной из пристроек оказались две тесные спальни одна напротив другой. Хорс отвел Фаун в одну из них; там на кровати уже лежала одна из перин. От кровати уцелела только деревянная рама, но кто-то – Даг или Таг – уже успел привести в порядок веревочную сетку. Влажный летний ветер влетал в лишившиеся стекол маленькие окна. Фаун решила, что это, должно быть, спальня дочери Петти; девушки, наверное, вернутся завтра вместе с фургоном.

Как только Хорс благополучно доставил Фаун в комнату, Петти выставила его за дверь. Фаун, смущаясь, сменила прокладки, прячась под легким одеялом, в котором по случаю жары надобности не было. Петти ограничилась коротким «Давай сюда» и «А теперь ложись». Еще накануне, подумала Фаун, она отдала бы что угодно, чтобы ей помогала любая женщина, только не тот чужой мужчина... Сейчас ей странным образом хотелось обратного.

– Мы с Хорсом будем в комнате напротив, – сказала Петти. – Ты можешь позвать меня, если ночью что-нибудь понадобится.

– Спасибо, – прошептала Фаун, честно стараясь испытывать – благодарность. Вряд ли ее поняли бы, если бы она попросилась обратно на подстилку на кухне. К Дагу... Куда, интересно, эти неблагодарные крестьяне поместят дозорного? В сарай? От одной этой мысли Фаун пришла в ярость.

В проходе, ведущем в пристройку, прозвучали шаги, которые Фаун научилась безошибочно различать, и в дверь коротко постучали.

– Входи, Даг, – крикнула Фаун прежде, чем Петти успела откликнуться.

Даг протиснулся в тесное помещение. На левой руке у него лежала стопка выстиранной одежды, которую Фаун раньше видела на заборе: синее платье и штанишки Фаун, собственные штаны и трусы Дага, так сильно окровавленные накануне. Под мышкой Даг нес мешок Фаун. Мешок он положил на выметенный пол в углу, накрыв его сверху одеждой.

– Вот твои вещички, Искорка.

– Спасибо, Даг, – просто сказала Фаун. На его лице, как блик света на воде, промелькнула и тут же исчезла улыбка. Неужели никто никогда не говорит дозорным «спасибо»? Некоторые вещи начинали удивлять Фаун.

Настороженно кивнув не спускавшей с них глаз Петти, Даг подошел к постели и положил руку на лоб Фаун.

– Горячая, – сообщил он, потом коснулся лба девушки не ладонью, а запястьем. Фаун попыталась различить его пульс сквозь тонкую кожу, как раньше ловила удары его сердца, но безуспешно. – Но лихорадки нет, – тихо добавил Даг.

Он сделал шаг назад, и губы его сжались. Фаун вспомнила, как эти губы касались ее волос накануне, и почувствовала, что ничего не хочет, только бы эти губы поцеловали ее на ночь. Разве это так уж плохо? Только мрачное присутствие Петти делало подобное желание неуместным...

– Что ты увидел в лесу? – вместо «доброй ночи» сказала Фаун.

– Не свой отряд, – вздохнул Даг. – По крайней мере на милню вокруг.

– Думаешь, они все еще ищут тебя по ту сторону от Глассфорджа?

– Может быть. Похоже, собирается дождь: к западу молнии так и сверкают. Если бы мне пришлось ночевать в канаве, я не переживал бы, но мне и думать не хочется о том, что ребята прочесывают лес в темноте и сырости, опасаясь за меня, пока я уютно устроился под крышей. Думаю, мне это еще припомнят.

– Ах ты господи...

– Не тревожься, Искорка. В другой раз все окажется наоборот, и тогда придет моя очередь смотреть на вещи с юмором. – Глаза Дага блеснули, – и Фаун захотелось смеяться.

– Мы и в самом деле отправимся завтра в Глассфордж?

– Посмотрим. Во-первых, посмотрим, как ты себя будешь чувствовать утром.

– Сейчас мне гораздо лучше. Кровь... ну, как при обычных месячных.

– Принести тебе снова горячий кирпич?

– Мне кажется, он больше не нужен.

– Хорошо. Спи тогда крепко.

Фаун ответила ему робкой улыбкой.

– Постараюсь.

Даг сделал движение в сторону Фаун, но тут же попятился.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Даг. Ты тоже спи крепко.

Он в последний раз кивнул Фаун и вышел. Следом, держа огарок свечи, двинулась и Петти, решительно закрыв за собой дверь. Слабый всполох зарницы, о которых говорил Даг, осветил комнату сквозь окно. Гроза, была слишком далеко, чтобы услышать гром; снова воцарилась темнота и тишина. Фаун повернулась на бок и попыталась выполнить прощальное пожелание Дага.

– Держи, – буркнула фермерша, протягивая Дагу чашку с огарком – единственный источник света. Отодвинув Дага плечом, она повела его на кухню, освещенную последними отсветами углей в очаге. Стол и скамейки были отодвинуты к стене, немногие миски и горшки, вымытые после ужина, стояли на доске рядом с раковиной. Там же виднелось ведро воды.

Петти оглядела кухню и вздохнула.

– Пожалуй, остальным я займусь утром, – но тут же, противореча сама себе, принялась убирать оставшуюся после ужина еду: лепешек она напекла много, явно имея в виду и

завтрак.

– Где ты хочешь, чтобы я улегся, мэм? – вежливо поинтересовался Даг. Ясно, что не вместе с Фаун... Даг старался не вспоминать запах ее волос и тепло ее молодого прижавшегося к нему тела.

– Можешь взять одну из перин, которые починила девочка; расстели ее, где хочешь.

– На крыльце, пожалуй. Так я смогу увидеть своих ребят, если они объявятся ночью, и не перебудить всех в доме. А если начнется дождь, перетащу перину в кухню.

– Вот и ладненько, – кивнула Пегги.

Даг выглянул в незастекленное окно, позволив своему Дару охватить окрестности. Лошади, коровы и овцы на пастбище были спокойны; одни все еще паслись, другие дремали.

– Та кобыла на самом деле не моя. Мы нашли ее рядом с логовом Злого и воспользовались, чтобы добраться сюда. Ты не знаешь, чья она может быть?

Петти покачала головой.

– Не наша, это уж точно.

– Если я поеду на ней в Глассфорддж, здорово будет, если меня схватят за воровство, прежде чем я смогу объяснить...

– Я думала, вы, дозорные, требуете плату за убийство зловредного привидения. Можешь потребовать кобылу.

Даг пожал плечами.

– У меня уже есть конь. По крайней мере я на это надеюсь. Если никто не потребует кобылу, я думал, она достанется мисс Блуфилд. Лошадка покладистая, бежит не тряско. Кстати, поэтому я и подумал, что она принадлежала не разбойникам – а если и принадлежала, то недолго.

Петти помолчала, глядя на лепешки.

– Славная она девочка, эта мисс Блуфилд.

– Да.

– Интересно, как это она вляпалась в такую беду.

– Об этом не мне рассказывать, мэм.

– Ага, я заметила.

Что заметила? Что он не болтун?

– Несчастья случаются и с совсем юными, – продолжала Петти. – Двадцать ей, подумать только!

– Так она говорит.

– Ну тебе-то не двадцать. – Фермерша встала на колени перед очагом и стала сгребать угли.

– Не двадцать, и уже давно.

– Ты мог бы взять ту кобылу и отправиться к своим, раз уж ты о них так беспокоишься. С девочкой ничего не случится. Я не выгоню ее, пока она не поправится.

Еще вчера Даг именно так и думал сделать. Только вчера – это было так давно...

– Очень любезно с твоей стороны это предложить. Но я обещал доставить ее в Глассфорддж, куда она и направлялась. И еще я хочу, чтобы ее осмотрела Мари – она сумеет определить, все ли у Фаун зажило.

– Ага, я так и знала, что ты это скажешь. Я же не слепая. – Петти вздохнула, поднялась на ноги и повернулась к Дагу, скрестив руки на груди. – А что потом?

– Прошу прощения?

– Да ты хоть знаешь, что с ней делаешь? Стоишь тут, весь из себя благородный... Нет, похоже, не знаешь.

Настороженность Дага сменилась растерянностью. Он, конечно, давно уже заметил, что эта крестьянка сообразительна и наблюдательна; чего он не мог понять, так это ее тревоги.

– Я хочу ей только добра.

– Ясное дело. – Она еще больше нахмурилась. – Только вот был у меня племянник...

Даг слегка склонил голову, приготовившись слушать, хотя, кроме некоторого любопытства, испытывал совсем не магическое предчувствие, что, о чем бы ни хотела рассказать ему Петти, слушать это ему не захочется.

– Славный парень, и красавчик к тому же, – продолжала Петти. – Он нашел работу конюхом на постоялом дворе в Глассфордже, где ваши отряды всегда останавливаются, когда оказываются в здешних краях. Там он и увидел эту вашу дозорную. Молоденькую, хорошенькую. Очень милую. И к нему она была расположена – так он решил.

– Командиры отрядов стараются такого не допустить.

– Да знаю я... Жаль только, что ничего у них не выходит. Вот мой племянник и влюбился без памяти. Потом целый год ждал, когда ее отряд снова объявится. Ну он и объявился. И девица снова была с парнем очень мила.

Даг ждал продолжения, чувствуя себя неловко.

– На третий год отряд опять прибыл, но девушки в нем не было. Вроде как она была только в гостях, а потом вернулась к своим – куда-то на запад.

– Обычное дело – так обучают молодых дозорных. Мы посылаем их в другие лагеря на год, а то и больше. Они узнают разные обычаи, заводят друзей; если когда-нибудь придется объединить силы, будет лучше, если дозорные сумеют не потеряться на чужой территории. А те, кого готовят в предводители, посещают все семь лагерей. О таких говорят, что они обошли озеро.

Петти пристально посмотрела на Дага.

– А тебе случалось обходить озеро?

– Дважды, – признал Даг.

– Хм-м... – Петти покачала головой и продолжала: – Племяннику втемяшилось, что он отправится следом за своей милой и поступит к вам, Стражам Озера, в отряд.

– Ах, – вздохнул Даг, – у него ничего не вышло бы. Тут дело не в гордости или недоброжелательстве – понимаешь, у нас имеются приемы, которыми мы не делимся.

– Ты хочешь сказать, что дело не только в гордости и недоброжелательстве, мне кажется, – сказала женщина невыразительным голосом.

Даг пожал плечами.

«Не мое это дело. Не вмешивайся, старый дозорный».

– Он таки нашел ее... только, как ты и говоришь, Стражи Озера его не приняли. Через полгода он вернулся, поджав хвост. Унылый и мрачный. На других девушек и смотреть не хотел. Начал пить. Вышло вроде так, что раз ему нельзя любить вашу девицу, он полюбит смерть.

– Такое случается не только с крестьянами, мэм, – холодно сказал Даг.

Петти бросила на него острый взгляд.

– Это уж как получится. После того парень так и не оклемался. В конце концов нанялся в плотовщики на реке Грейс. Через пару сезонов до нас дошла весть, что он свалился в воду и утонул. Не думаю, что по собственной воле – говорили, он был пьян, ночью пошел помочиться и свалился. Простая неосторожность, только с другими такого не случается.

Может быть, и с ним самим такая же беда, подумал Даг: он никогда не был достаточно осторожен. Будь Дагу двадцать, а не тридцать пять, когда его поглотила тьма, все могло обернуться иначе...

– Мы никогда ничего не слышали о той девушке из отряда. Для нее он был просто забавой, по-моему. А она для него – всем на свете...

Даг промолчал.

Петти втянула воздух и продолжала:

– Так что если ты думаешь, что это очень забавно – позволить девчонке в тебя влюбиться, говорю тебе, ничем забавным это не кончится. Не знаю, как для тебя, а для нее будущего не будет. Об этом позаботятся твои ребята, если даже родичи девушки не почешутся. Мы-то с тобой оба это знаем – а вот она нет.

– Мэм, тебе мерещится. – Только мерещится совершенно правильно, хоть ей и ничего

не известно о ноже, накрепко связавшем их с Фаун – по крайней мере в настоящий момент. Не объяснять же случившееся этой измотанной нервной женщине...

– Я вижу то, что вижу, спасибочки. И не первый раз.

– Мы знакомы-то всего один день.

– Ах вот как? Что же тогда будет через неделю? Похоже, разгорится пожар, – фыркнула Петти. – Я знаю одно: когда люди отдадут сердца таким, как ты, их ждет смерть. Или они мечтают о том, чтобы умереть.

Даг с усилием разжал стиснутые зубы и коротко кивнул Петти.

– Мэм... в конце концов все умирают... или мечтают о том, чтобы умереть.

Петти только покачала головой, поджав губы.

– Доброй ночи. – Даг коснулся рукой лба и отправился за своей периной. Если Искорка будет в силах завтра отправиться в дорогу, решил он, им лучше как можно скорее убраться отсюда.

8

К разочарованию Дага, никто из дозорных ночью так и не появился – ни до, ни после того, как дождь загнал его под крышу. С Фаун он не виделся, пока все не собрались за завтраком. Оба они снова оделись в собственную одежду, высохшую и почти незапятнанную. В поношенном синем платье Фаун выглядела бы вполне здоровой, если бы не сохранявшаяся бледность. Даг оттянул ей веко и взглянул на ногти; они были не такими розовыми, как им полагалось бы. Кроме того, у девушки все еще темнело в глазах, стоило ей резко подняться. Впрочем, положив руку на лоб Фаун, Даг не обнаружил жара. Это было хорошо.

Даг как раз уговаривал Фаун съесть побольше лепешек и выпить молока, когда в кухню ворвался мальчишка Таг, вытаращив глаза и ловя ртом воздух.

– Ма! Папа! Дядя Сасса! Там на пастбище этот – глиняный человек! За овцами гоняется!

Даг устало вздохнул; трое крестьян, сидевших за столом, в панике вскочили на ноги и кинулись искать свои вилы и топоры. Даг проверил, легко ли вынимается из ножен его боевой нож, и вышел на крыльцо. Фаун и Петти последовали за ним, с опаской выглядывая из-за его плеча. Петти сжимала в руке большой кухонный нож.

В дальнем конце пастбища голая человеческая фигура навалилась на блеющую овцу, зарывшись лицом в шерсть на шее животного. Овца дернулась и сбросила тварь. Существо неуклюже покатилося по земле – его руки, словно онемевшие, не могли служить опорой; все же ему удалось подняться и, встряхнувшись, наполовину поскакать, наполовину поползти к намеченной жертве. Остальные овцы испуганно отбежали на несколько ярдов, потом повернулись и уставились на глиняного человека.

– Гоняется? – пробормотал Даг. – Я бы сказал, что овцы просто растерялись. Должно быть, этот глиняный человек был сделан из собаки или волка. Видите? Он не может пользоваться руками, как человек, но не может и по-волчьи схватить овцу челюстями. Он пытается перегрызть горло этой глупой овце, но только забивает себе горло шерстью. Эх...

Даг с отвращением и жалостью покачал головой, спустился с крыльца и двинулся к пастбищу; Петти охнула, а Фаун еле сдержала испуганный крик.

Даг пробежал несколько ярдов по дороге, чтобы оказаться между глиняным человеком и лесом, потом ухватился за забор, подтянулся и перепрыгнул на пастбище. Потянувшись, чтобы вернуть подвижность плечам и правой руке, он вытащил нож. Утренний воздух был влажен, серое небо еще только начинало розоветь над верхушками деревьев. Трава, мокрая после ночного дождя, блестела каплями росы, а почва хлюпала под сапогами Дага. Он обошел несколько коровьих лепешек, подбираясь к глиняному человеку. Название вполне соответствовало его виду – существо было грязным, измазанным в навозе, вонючим, со спутанными волосами, падающими на лицо. Плоть твари уже начала утрачивать черты

человеческого тела, кожа стала пятнистой и желтоватой. Тварь оскалилась, зарычала на Дага и в нерешительности замерла на месте.

«Ну же, прыгни на меня, ты, неуклюжий несчастный кошмар. Не заставляй меня за тобой гоняться!»

— Поди ко мне, — проворковал Даг, наклоняясь и пряча нож за спину. — Давай кончать. Я выпущу тебя на свободу, обещаю.

Тварь переступила и припала к земле; Даг напряг мышцы, готовясь к нападению. Он чуть не промахнулся: глиняный человек споткнулся и неловко взмахнул руками, безуспешно пытаясь своими человеческими челюстями вцепиться в горло Дагу. Отбив левой рукой конечность с черными когтями, Даг развернулся и нанес сильный удар.

Ему пришлось отпрыгнуть, чтобы спасти свою свежевystиранную одежду: из шеи твари ударила струя горячей крови. Глиняный человек, издав бессловесный вой, протасился еще немного вперед и упал в грязь. Даг осторожно обошел его кругом, но добивать глиняного человека не потребовалось: тело существа дернулось и затихло, полуоткрытые глаза остекленели. Клок грязной овечьей шерсти, прилипший к губам, перестал колыхаться.

«Отсутствующие боги, что за отвратительной уборкой мне приходится заниматься!»

Впрочем, на этот раз он сделал работу ловко. Даг вытер нож о траву и подумал, что нужно будет попросить у фермерши еще и сухую тряпку, чтобы привести оружие в порядок.

Обернувшись, Даг увидел крестьян, сбившихся в перепуганную группу. Сжимая свои орудия, они глазели на него, разинув рты. Тад выскочил было из-за ограды, чтобы посмотреть на тело глиняного человека, но тут же был пойман отцом.

— Я ж велел тебе держаться подальше!

— Да он мертвый, папа! — Тад извивался, пытаясь освободиться, и с восхищением смотрел на Дага. — Как он его! Просто подошел и прикончил, и вся недолга!

Ах... Те глиняные люди, с которыми имели дело крестьяне, были связаны волей своего создателя, умного и безжалостного. Ничего похожего на этого брошенного, больного, растерянного зверя, замурованного в чуждом неуклюжем теле... Даг совершенно не чувствовал потребности исправлять ошибочные представления крестьян о своем подвиге.

«Как бы то ни было, безопаснее, чтобы они опасались глиняных людей».

Губы Дага дрогнули в мрачном веселье, но он только сказал:

— Это моя работа. Ну а вы можете его закопать.

Крестьяне собрались вокруг тела, тыкая в него рукоятками вил с почтительного расстояния. Даг прошел мимо них и, не оглядываясь, двинулся прочь.

Большая часть животных на пастбище сгрудилась в дальнем его конце, подальше от страшного пришельца. Гнедая кобыла подняла голову и стала принюхиваться к Дагу. Даг остановился, вытер нож о теплый бок животного, сунул его в ножны и почесал кобыле нос, отчего та развесила уши, оттопырила губу и довольно вздохнула. В памяти Дага всплыло саркастическое, предложение фермерши: взять кобылу и убираться прочь.

«Соблазнительная идея... Да. Но не в одиночестве».

Даг перелез через забор, пересек двор и поднялся на крыльцо. Фаун смотрела на него почти так же восторженно, как Таг, только с большим пониманием. Петти стояла скрестив руки на груди, явно разрываясь между благодарностью и неприязнью.

Даг внезапно почувствовал, что смертельно устал от подозрительных чужаков. Ему не хватало его отряда со всеми его волнениями и тревогами, но и с привычным товариществом.

— Эй, Искорка, я собирался дожидаться фургона и отвезти тебя в Глассфорд, так чтобы ты по дороге могла лежать, но вот о чем подумал. Мы можем вернуться той дорогой, какой прибыли сюда: тебе это не будет особенно тяжело.

Лицо Фаун осветилось радостью.

— Так будет лучше, мне кажется. Дорога такая, что в фургоне все кости из тебя вытряхнут.

— Даже если ехать медленно и осторожно, мы сможем добраться до города часа за три. Как ты думаешь, ты не слишком устанешь?

– Сразу и поедем? Я соберу свой мешок. На это и минуты не требуется! – Фаун торопливо направилась в дом.

– Сунь в него и мой протез, ладно? «Вместе с теми... другими вещами».

Протез, мешочек с ножом, узелок с обломками и мечтами... Все остальное – одежда, в которой он прибыл, на нем, то, что было одолжено, возвращено...

Фаун помедлила, моргая и надув губы – должно быть, мысленно составляя тот же список, – потом закивала.

– Хорошо.

– Не прыгай и не спеши. Будь осторожна! – крикнул Даг ей вслед. Из-за двери кухни до него донесся ее ответный смех.

Обернувшись, Даг обнаружил выразительно глядящую на него Петти. Подняв брови, Даг ответил ей таким же пристальным взглядом.

Женщина вздохнула и пожала плечами.

– Не мое это дело, надо полагать.

Даг сдержался и только кивнул вместо вертевшегося на языке грубого ответа. Повернувшись, он отправился за кобылой.

К тому времени, когда он вернулся, снова привязав веревку в качестве поводьев и нашептывая в ухо лошади обещания овса и уютного стойла в Глассфордже, Фаун уже стояла на крыльце, закинув за плечо мешок, и осыпала Петти «досвиданьями» и «спасибоми». Искреннее тепло в ее голосе вызвало у женщины невольную ответную улыбку.

– Ты уж будь осторожна, береги себя, девонька, – напутствовала Фаун фермерша.

– Даг за мной присмотрит, – весело заверила ее девушка.

– Ну да, – запнувшись, вздохнула Петти. Интересно, что она хотела сказать и не сказала, подумал Даг. – Уж это факт.

Со ступеньки крыльца Даг ловко вскочил на неоседланную кобылу. К счастью, спина у нее была широкая, без выступающего костлявого хребта, так что сидеть на ней было удобно, как на подушке: можно было не просить у хозяев фермы ни седла, ни попоны. Даг подставил правую ногу как стремя для Фаун, и девушка, как и раньше, уселась перед ним. Расправив юбку, она обхватила правой рукой Дага. К удивлению дозорного, Петти подошла и сунула в руки Фаун завернутый в полотно сверток.

– Это всего лишь лепешка с вареньем. Подкрепитесь по дороге.

Даг поднял руку в благодарственном жесте.

– Спасибо, мэм. Спасибо за все. – Его рука нашла веревку-повод.

– И вам спасибо, – сухо кивнула Петти. Потом она добавила: – Ты все же подумай о том, что я тебе говорила, дозорный. Вообще думай...

На это можно было или ничего не ответить, или пуститься в долгий спор; Даг предусмотрительно решил в пользу первого, помог Фаун сунуть сверток в мешок, еще раз кивнул и повернул лошадь в сторону леса. В последний раз он напряг свой Дар, обследуя окрестности, но так и не обнаружил никого из своего отряда на милю вокруг... и ни одного несчастного умирающего глиняного человека тоже.

Копыта гнедой кобылы проридались сквозь заросли жилистого цикория, цветы которой походили на упавшие на землю кусочки синего неба, и кивающих головками ромашек. Мужчины с фермы тащили в лес труп глиняного человека – и помахали Дагу и Фаун, когда те проезжали мимо ограды пастбища. Сасса подбежал к дорожке, – чтобы сказать:

– Уже отправляетесь в Глассфорддж? Я тоже скоро туда двинусь. Если встретите наших, скажите им, что у нас все в порядке. В городе увидимся?

Фаун ответила «Конечно», а Даг – «Может быть». Потом он добавил:

– Если здесь появится кто-то из отряда, не передадите ли, что с нами тоже все в порядке и я буду ждать их в городе?

– Ясное дело! – весело пообещал Сасса.

Потом тропы нырнула в лес, и ферма и все ее обитатели остались позади. Даг вздохнул

с облегчением; их окружало спокойное летнее утро, тишину нарушали только удары копыт кобылы, звонкое пение малиновки и журчание оживившегося после дождя ручья. Полосатый бурундук промелькнул на тропе впереди и зашуршал травой где-то в чаще.

Фаун удобно устроилась, положив голову на грудь Дата, и начала дремать, убаюканная мерным шагом лошади. Даг счел это проявлением слабости от потери крови. Перед отъездом она слишком суежилась; Даг знал, что пострадавшие молоденькие дозорные тоже имеют обыкновение переоценивать свои силы, так что нерасчетливая шустрость может смениться обмороком. Он только надеялся, что молодость позволит Фаун быстро поправиться. Ее тело было мягким и теплым в его объятиях. Ехать на кобыле было, безусловно, удобнее, чем трястись в фургоне по лесной дороге, и Даг вовсе не собирался нарушать покой Фаун, пустив лошадь рысью. Во влажной лесной тени появились москиты, и Даг прибег к помощи Дара, чтобы отогнать их от белой кожи Фаун.

Запах ее волос, колыхание груди при дыхании, тяжесть бедер возбудили Дага, но возбуждение не могло пересилить ощущения светлого покоя и лестной доверчивости, которое он ловил в Даре девушки. В Фаун не чувствовалось физического желания, но ее открытость, полное принятие его близости делали его странно счастливым, словно тепло от костра. Глубокий алый отсвет внутренних повреждений Фаун все еще был замечен в ее Даре, так же как и лиловые тени синяков на теле, но острые всполохи боли почти исчезли.

Фаун не могла почувствовать его Дара и не подозревала о его обследовании. Женщина из Стражей Озера ощутила бы его пристальное внимание и смогла бы так же глубоко заглянуть в него, если бы он не закрылся, предпочтя слепоту и уединение. Чувствуя себя виноватым, Даг позволил своему внутреннему чувству исследовать Фаун, хоть оправдания необходимостью и не было – ведь разоблачить его девушка не могла.

Это было немного похоже на любование водяными лилиями или скорее на наслаждение запахом обеда, который ему не суждено отведать. Неужели возможно не есть так долго, чтобы забыть вкус пищи, чтобы чувство голода перегорело и превратилось в пепел? Похоже, так оно и было. И удовольствие, и боль были секретом, глубоко скрытым в его сердце. Дагу неожиданно вспомнилась земля там, где природа заживляет рану, нанесенную Злым: грязь, еле проросшая сорняками, непривлекательная, но полная надежды. Пустошь была немой и серой, бесчувственной. Не вызывает ли возвращение зелени боли? Странная мысль...

Фаун пошевелилась, открыла глаза и стала смотреть на деревья. Здесь по большей части росли буки, вязы, дубы, перемежавшиеся иногда высокими тополями, а на открытых местах у ручья – кизил и иудино дерево, давно уже отцветшие. Лучи солнца ласкали листья на верхних ветках, вспыхивая на не высохших еще каплях дождя.

– Как ты собираешься искать свой отряд в Глассфордже? – спросила Фаун.

– Есть один постоянный двор, где мы всегда останавливаемся; там располагается наш штаб, когда мы оказываемся в здешних краях. Очень приятно бывает ночевать там после ночлегов на голой земле. Там же мы лечим раненых. Уверен, что не только мой напарник Саун пострадал в схватке с разбойниками, так что там мы кого-нибудь обязательно найдем. На постоянном дворе уже привыкли к нашим обычаям.

– Вы там надолго задержитесь?

– По-разному может получиться. Отряд Чато направлялся на юг, чтобы купить лошадей, когда стало известно о здешней беде. Мой отряд объезжал земли на северо-востоке, когда понадобилось скакать сюда. Все будет зависеть от того, сколько окажется пострадавших, я думаю.

– Ведь не Стражи Озера владеют постоянным двором? – задумчиво сказала Фаун. – Там хозяева – жители Глассфорджа, верно?

– Верно.

– А какая там, на постоянном дворе, есть работа?

Даг поднял брови.

– Служанки, овариха, прачка, конюх... да много кто там работает.

– Я могла бы тоже... Может быть, удастся получить там работу.

Даг напрягся.

– Петти не рассказывала тебе о своем племяннике?

– Племяннике? – простодушно переспросила Фаун.

«Значит, не рассказывала».

– Не важно. Муж и жена, которые держат постоянный двор, занимаются этим уже много лет. Раньше на этом месте была гостиница, принадлежавшая еще отцу теперешнего хозяина. Мари все об этом знает... Постоянный двор замечательный – трехэтажное кирпичное здание... В Глассфордже, знаешь ли, не только стекло делают, кирпичи там обжигают тоже.

Фаун кивнула.

– Я когда-то видела дома в Ламптоне – они все были выстроены из глассфорджского кирпича. Ну и работка была – везти его в такую даль!

Даг немного переменял позу.

– Во всяком случае, никакой работы для тебя, пока ты не перестанешь падать в обморок каждый раз, как встанешь. На мой взгляд, еще несколько дней – если будешь как следует есть и отдыхать.

– Наверное, – ответила Фаун с сомнением. – Только денег у меня совсем мало...

– Мой отряд позаботится о тебе, – твердо сказал Даг. – Не забудь: мы в долгу перед тобой за Злого.

«Мы в долгу перед тобой за твою жертву».

– Ну да, хорошо, но нужно же смотреть вперед, раз я теперь сама по себе. Хорошо, что я повстречала этих Хорсфордов. Славные люди. Может быть, они замолвят за меня словечко, помогут на первых порах.

Так она не собирается отправиться домой? Ни одна перспектива – ни печальное возвращение Фаун во владения Идиота Санни, ни превращение ее в служанку в Глассфордже – Дага не радовала.

– Лучше всего сначала послушать, что Мари скажет о ноже, а уж потом – строить планы.

– М-м... – Глаза Фаун погрузнели, и она умолкла.

Их снова поглотила лесная тишина; у Дага стало немного легче на душе. Пробивающийся сквозь ветви свет, чистый воздух, безлюдье, теплая спина кроткой кобылы, прижавшаяся к нему Фаун, Дар которой медленно избавлялся от накопившегося отчаяния, – все это позволяло Дагу жить настоящим моментом, который ничего от него не требовал, – как и сам Даг от него. На мгновение он освободился от бесконечной цепи долга, безжалостно тянувшей его в унылое будущее – не избранное им, а просто принятое.

– Как ты себя чувствуешь? – пробормотал Даг, уткнувшись носом в волосы Фаун. – Боль есть?

– Не больше, чем утром за завтраком. И я чувствую себя лучше, чем ночью. Все идет на лад.

– Это хорошо.

– Даг... – смущаясь, пробормотала Фаун.

– М-м?

– Что делают женщины твоего народа, если попадают в такую же беду?

Вопрос озадачил Дага.

– Какую беду?

Фаун фыркнула.

– Похоже, в последнее время на меня свалились многие. Я имела в виду – младенец и никакого мужа. Соломенное вдовство.

Даг почувствовал, как воспоминание будит в Фаун горе и вину.

– У нас обычно такого не бывает.

Фаун нахмурилась.

– Неужто молодежь у вас такая... такая добродетельная?

Даг тихо рассмеялся.

– Нет – если ты имеешь в виду, что они держат штаны застегнутыми. От молодежи больше требуются другие добродетели. Но молодость есть молодость, будь ты крестьянином или Стражем Озера. Каждый ведь переживает это трудное время – когда шаршишь вокруг и выясняешь, что к чему.

– Ты говорил, что женщина просто приглашает мужчину в свой шатер.

– Если ему повезет.

– Тогда как... – Фаун окончательно смутилась и умолкла.

Даг наконец понял, о чем она его спрашивает.

– Ох... Тут снова все дело в Даре. В то время, когда женщина может зачать, в ее Даре появляется прекрасный узор. Если время и место не годятся... не годятся для ребенка, двое просто доставляют друг другу удовольствие – так, чтобы это не привело к беременности.

После этих слов Фаун долго молчала, потом наконец прошептала:

– Как?

– Что «как»?

– Как это делают... как удастся? Как?

Даг с неловкостью сглотнул. Чего эта девочка может не знать? Судя по всему, очень многого, печально подумал Даг. Так с чего же начинать?

– Ну... во-первых, руками.

– Руками?

– Трогают друг друга, пока оба не получают облегчения. Еще пользуются губами, языками... другими частями тела.

Фаун заморгала.

– Облегчения?

– Трогают так же, как трогают себя, только более умело и в компании... ну и вообще получается лучше... не так одиноко.

Фаун сморщилась.

– Ах это... Парни так делают, я знаю. Наверное, то же самое с ними могут делать и девушки... и им нравится?

– Э-э... в целом да, – осторожно сообщил Даг. Этот неожиданный поворот разговора показался ему занятным, и тут же откликнулось тело. «Успокойся, дозорный». К счастью, Фаун не могла ощутить его возбуждения. – Девушкам это тоже нравится... как говорит мой опыт.

Последовало новое молчание, пока Фаун переваривала услышанное.

– Это тоже особое умение женщин твоего народа? Магия?

– Есть кое-какие уловки, которые можно делать с помощью Дара, но нет. Женщины моего народа и крестьянки одинаково владеют такой магией. Да и вообще у крестьян тоже есть Дар, просто они не могут его почувствовать.

«Спасибо за это отсутствующим богам!» Выражение лица Фаун было теперь очень задумчивым, и Даг ощутил в ней пробудившееся – со странными запинками – желание. Дело было не только, неожиданно понял он, в препятствии, которым служили ее повреждения. Ему вспомнились давние откровения полукровки – женщины из Трипойнта; тогда он не особенно ей поверил. Женщина рассмеялась, увидев выражение его лица... «Да брось, Даг. Некоторые крестьянки просто не умеют ни себе удовольствие доставить, ни найти облегчение. Парни ведь чуть ли не спотыкаются о свое хозяйство, а у женщин оно аккуратненько спрятано внутри. Его нам бывает так же нелегко найти, как крестьянским неумехам. Ох, многие крестьянки могли бы сказать мне спасибо за то, что я показала их муженькам карту для поиска клада, хоть они и бывали шокированы, когда узнавали...» Поскольку Дагу тоже было за что ее благодарить, он и принялся выражать благодарность, выбросив из головы неуклюжесть крестьянских парней. Скоро и женщине стало не до воспоминаний... Как же давно это было...

– А как еще? – спросила Фаун.

– Прошу прощения?

– Ну, помимо рук, губ и языка...

– Просто... ну... не то чтобы... – Теперь возбуждение Дага было таково, что он испытывал серьезные неудобства. «Надо же – верхом на лошади!» Существовало много вещей, которыми не стоило заниматься верхом на лошади, даже такой покладистой, как эта. Даг невольно вспомнил о некоторых, что вовсе не облегчило его положение.

Фаун не могла чувствовать его Дара. Она ничего не поняла бы, даже сходи он с ума от вожделения, пока он не снял бы штаны. Учитывая ее недавние несчастья, лучше ей было и не понимать.

«Плохо было бы, если бы она рассмеялась... нет, если подумать, это было бы хорошо».

Плохо было бы, если бы она испугалась или испытала отвращение, приняв его за такого же олуха, как Идиот Санни или тот бедняга, которого он застрелил. Если попытка станет совсем невыносимой, он может спешиться и скрыться на некоторое время в кустах, притворившись, будто просто испытывает зов природы. Так оно и было бы в действительности...

«Прекрати! Ты сам виноват. Вот и мучайся молча. Подумай о чем-нибудь другом. Ты же умеешь управлять своим телом. Она ничего не заметит».

Фаун вздохнула, переменила позу и взглянула ему в лицо.

– У тебя глаза меняют цвет, – с интересом заметила она. – На солнце они блестят золотом, как монетки, в тени становятся карими, как заварка чая в чашке, а в темноте делаются черными, как омуты. – Запнувшись, она добавила: – Вот сейчас они совсем темные.

– М-м... – пробормотал Даг. Каждый его вздох был полон ее кружащим голову запахом... Не может же он перестать дышать!

Какое-то движение на верхушке дерева привлекло внимание их обоих.

– Смотри, краснохвостый сокол! – воскликнула Фаун. – Ну разве не красавец! – Она повернулась, провожая птицу взглядом. Четкий силуэт рисовался на небе, рыжие перья хвоста казались пылающими на фоне размытой синевы. Поворачиваясь следом за соколом, Фаун своей маленькой горячей рукой оперлась о Дага – и попала прямо в его напряженный член.

Даг дернулся так резко, что свалился с лошади.

Падение на спину вышибло воздух из легких Дага. К счастью, упавшая следом Фаун приземлилась на него, так что не ушиблась. Даг ощутил ее мягкую тяжесть и быстрое дыхание на своем лице. Зрачки Фаун расширились не только из-за лесного полумрака. Повернувшись и опершись на руку, Фаун пристально уставилась на губы Дага.

«Ну же, поцелуй меня!» Даг стиснул кулаки и прижал их к траве, чтобы не дать себе навалиться на Фаун, и облизнул пересохшие губы. Влаги с травы и земли начала проникать сквозь его штаны и рубашку. Даг чувствовал каждый изгиб тела Фаун и каждый изъясн в ее Даре. Отсутствующие боги, он был уже на полпути к тому, чтобы соединить свой Дар с ее...

– С тобой все в порядке? – выдохнула Фаун. Дага охватил ужас, сразу же пригасивший его возбуждение: падение могло повредить что-то у Фаун внутри, и тогда началось бы кровотечение, такое же, как и в первый день... Чтобы отнести ее обратно на ферму, потребуется не меньше часа, и девушка, и так уже ослабевшая, может не выжить после еще одного такого несчастья.

Фаун сползла с Дага и, тяжело дыша, неуклюже уселась на землю.

– А ты как? – в свою очередь поинтересовался Даг.

– Вроде ничего. – Фаун морщилась, но терла локоть, а не живот.

Даг сел и провел рукой по волосам.

«Дурак, дурак, разве можно так распускаться! Ты мог ее убить!»

– Что случилось? – спросила Фаун.

– Я... мне показалось, что я что-то заметил краем глаза, но это оказался всего лишь блик на стволе. Я не думал, что шарахнусь, как пугливая лошадь. – Оправдание было самым беспомощным, какое только можно придумать.

Кобыла, как оказалось, была взволнована меньше, чем каждый из всадников. Она просто отошла от них на шаг и теперь мирно паслась в нескольких ярдах от тропы, посматривая на людей с кротким удивлением. Поняв, что больше неприятностей не случится, она опустила голову и принялась щипать сорняки.

— Ну да, после появления того глиняного человека утром неудивительно, что ты нервничаешь, — мягко сказала Фаун. Она с новым беспокойством стала всматриваться в чашу, потом оперлась о плечо Дага, встала на ноги и попыталась отряхнуть грязь с рукава. Даг сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить колотящееся сердце, тоже поднялся на ноги и пошел к кобыле. Упавший ствол в нескольких шагах от тропы послужил вполне удобной ступенькой, чтобы снова сесть верхом. Даг подвел к нему лошадь, и Фаун послушно двинулась следом. Если все начнется сначала, испугался Даг, он опозорится снова, не успев доехать до Глассфорджа.

— Сказать по правде, — солгал он, — моя левая рука несколько затекла. Как ты думаешь, не смогла бы ты некоторое время ехать позади меня, сидя боком?

— Ох, прости! Мне было так удобно, что я и не подумала, что тебе может быть тяжело! — искренне принялась извиняться Фаун.

«Ты и представить себе не можешь, как тяжело». Даг усмехнулся, стараясь скрыть свою вину и приободрить девушку; правда, у него возникло опасение, что улыбка получилась придурковатой.

Они снова влезли на лошадь. Фаун устроилась, изящно свесив ножки вбок, а теплыми руками крепко обхватив Дага. И все решительные намерения Дага растаяли в единственном желании: «Опусти руки ниже! Ниже!»

Даг стиснул зубы и ударил каблуками ни в чем не повинную кобылу, чтобы заставить ее бежать быстрее.

Фаун поерзала, чтобы усесться поудобнее, гадая: услышит ли она снова удары сердца Дага, если прижмется головой к его спине? Ей казалось, что этим утром она совсем уже поправилась, но случившееся с ними происшествие напомнило ей, насколько она еще слаба, как быстро любое напряжение заставляет ее задыхаться. Да и Даг, похоже, устал больше, чем показывает, судя по его продолжительному молчанию.

Фаун смутило то, как сильно ей захотелось его поцеловать после их совместного падения. Да еще она, должно быть, ударила его локтем в живот, а он был слишком добр, чтобы жаловаться. Он ведь даже улыбнулся ей, помогая подняться. Фаун заметила, что зубы Дага немного кривые, хотя, конечно, ничего страшного в этом не было, они оставались здоровыми и крепкими, а маленькая щербинка на одном выглядела просто очаровательно. Улыбка его была мимолетной, но насмешливо улыбался он уж и вовсе редко, что было спасительно для пострадавшего достоинства Фаун. Если бы он улыбнулся ей, пока они еще лежали на земле, вместо того чтобы посмотреть так странно — может быть, это была скрытая боль? — она поцеловала бы его и тем самым окончательно себя опозорила.

То издевательское прозвище, которым наградила ее Санни во время их спора насчет ребенка, стояло Фаун поперек горла. Одним насмешливым словом Санни каким-то образом превратил ее зарождающуюся любовь, ее боязливое любопытство, ее робкую решительность во что-то отвратительное, гадкое. Он был рад целовать и ласкать ее в темноте на пшеничном поле, называть ее своей красавицей; оскорбления начались позже. Фаун, конечно, не была уверена, но все-таки... не было ли такое обычным — чтобы мужчины презирали потом женщин, внимания которых добивались? Судя по некоторым грубым словам, которые до нее иногда долетали, возможно, так и было.

Фаун совсем не хотела, чтобы Даг ее презирал, чтобы считал ее дешевой. Впрочем, к Дагу никак нельзя было бы применить слово «обычный».

Так что же... был ли Даг одиноким? Или везучим?

Почему-то он не казался Фаун особенно везучим...

«Откуда ты знаешь?» Только вот сердце Фаун почему-то твердило ей, что Дага она

знает лучше, чем любого другого мужчину, нет, вообще любого человека, кого только ей случалось встречать. Это чувство не выдержало бы пристального рассмотрения. Он мог быть женат, хоть и отрицал это. У него могли быть дети. Его дети могли быть почти ее ровесниками. Кто знает? Он не говорил... если подумать, он много о чем не говорил.

Просто... просто то небольшое, что он о себе рассказывал, казалось Фаун ужасно важным. Как будто она умирала от жажды, и все протягивали ей только сухие корки, а Даг предложил кружку чистой холодной воды. Он был прямодушным. Она тянулась к нему, не думая о том, испытывает ли желание и заслуживает ли его. Все это так ее смущало...

Долина, по которой они ехали, расширилась, ручей затерялся в широких полях, и тропа наконец вывела на большак. Даг повернул кобылу налево. И какие бы возможности ни предоставляла поездка через глухой лес, все было кончено.

Сегодня на большаке было больше народу. По мере приближения к городу движение становилось все более оживленным. То ли избавление от угрозы разбойничьего нападения, то ли наступление ярмарочных дней вывело людей на дорогу. Скорее всего и то и другое, решила Фаун. Они с Дагом встречали упряжки тяжеловозов, везущих тяжело нагруженные кирпичом фургоны, и нагоняли телеги, доставлявшие в город дрова, овощи, изделия ремесленников. До Фаун долетали обрывки веселых разговоров; когда рядом не оказывалось старших, девушки вовсю кокетничали с возницами. Им попались возы с сеном и даже – да, та самая телега с навозом, о встрече с которой еще недавно мечтала Фаун. Запах дыма из труб долетел до Фаун еще прежде, чем дорога свернула, и глазам путников открылся город.

Прибытие в Глассфорддж было совсем не таким, как Фаун представляла себе, отправляясь в путь... что ж, по крайней мере она добралась, куда хотела. То, что она начала, уйдя из дому, пришло к концу. Фаун казалось, что она избавилась от проклятия. Глассфорддж. Наконец.

9

Фаун высунулась из-за плеча Дага, едва не падая с лошади, чтобы хорошенько рассмотреть все на главной улице Глассфордджа; старые дома на ней были выстроены из камня и дерева, более новые – из кирпича. Дощатые тротуары позволяли людям не пачкать ноги в грязи проселочной дороги; впрочем, через квартал начиналась мощенная булыжником мостовая, а еще чуть подальше – кирпичная. Кирпичная – вот до чего был богат этот город! Улица повернула, следуя за изгибом реки, так что Фаун удалось лишь мельком увидеть городскую площадь, на которой раскинулся рынок. Вниз по течению реки в небо тянулись клубы дыма – должно быть, там и располагались мастерские... Даг направил кобылу в боковую улочку и кивнул на кирпичный дом слева, массивный и приземистый; гостеприимный вид ему придавал только выющийся по стенам плющ.

– Вон наш постоянный двор. Отряды всегда останавливаются здесь – бесплатно. Так завещал отец теперешнего хозяина – лет шестьдесят назад мы уничтожили в этих краях крупного Злого. Должно быть, нагнал он на здешних жителей страха. Вот старику и пришла хорошая мысль: теперь мы чаще объезжаем окрестности.

– Вы целых шестьдесят лет не находили здесь другого Злого?

– Ну, парочка-то попадалась, я думаю. Мы просто прикончили их такими маленькими, что крестьяне о них и не знали. Это как выдернуть сорняк, не дожидаясь, пока придется выкорчевывать дерево. Так и для нас, и для всех лучше, только труднее заставить местных жителей раскошиться. Старик трактирщик был дальновидным человеком.

Они свернули в широкую кирпичную арку и въехали во двор между самым домом и конюшней. Мальчишка-конюх, чистивший, сидя на скамье, сбрую, поднялся и двинулся навстречу, однако руки к самодельным поводьям не протянул.

– Простите, мистер и мисс. – Поклонился конюх вежливо, но взгляд его говорил, что потрепанный вид путников, едущих вдвоем на одной лошади без седла, не внушил ему доверия. – У нас нет мест. Придется вам отправиться в другую гостиницу. – Губы его

насмешливо, хоть и не без некоторого сочувствия, изогнулись. – Да и вряд ли комната в любом месте будет вам по карману.

Рука Фаун, обхватывавшая Дага, почувствовала, как дрогнули его мышцы – от гнева? Нет, ему просто стало смешно.

– Мне-то точно не по карману. На счастье, мисс Блуфилд заработала на любую комнату в любой гостинице.

На лице парня появилась растерянность – он никак не мог взять в толк, что имеет в виду Даг. Однако тут из дому вышли, хромая, двое дозорных, которых явно заинтересовал Даг.

Эти двое выглядели как истинные Стражи Озера – в аккуратных кожаных куртках, с длинными волосами, заплетенными в косы и украшенными бусинами. Лицо мужчины покрывали синяки почти такие же черные, как у Фаун, а повязка на голове лишь отчасти скрывала воспаленный шов, тянувшийся по щеке. У женщины забинтованная рука покоилась на перевязи. Оба были темноволосыми и высокими; цвет их глаз – светло-карий – почти не отличался от обычного среди окрестных жителей.

– Даг Редвинг Хикори?... – осторожно поинтересовалась женщина.

Даг перекинул правую ногу через спину кобылы и мгновение так и сидел, свесив обе ноги на одну сторону. Еле заметно улыбнувшись, он поднял руку к виску в приветственном жесте.

– Да. А вы из отряда Чато Лонг Холлоу?

Оба патрульных, несмотря на раны, вытянулись по стойке «смирно».

– Да, сэр, – ответил мужчина, а женщина прошипела: – Конюх, возьми лошадь у дозорного!

Парень подскочил как ужаленный и, вытаращив глаза, ухватился за веревку-повод. Даг спрыгнул на землю и повернулся, чтобы помочь спешиться Фаун.

– Эй, не вздумай прыгать, – строго сказал он, и Фаун, кивнув, соскользнула в его объятия; Даг мгновение помедлил, – прежде чем поставить ее на землю. Фаун с трудом подавила желание уткнуться головой ему в грудь и постоять так... ну, скажем, с недельку. Даг повернулся к дозорным, но левая его рука продолжала обнимать Фаун – твердая, надежная опора. – Где все? – спросил он.

Мужчина усмехнулся, но тут же сморщился от боли и прижал руку к шраму.

– По большей части в лесу – тебя ищут.

– Ах, этого я и боялся.

– Ага, – кивнула женщина, – ребята из твоего отряда клялись, что ты объявишься, приземлившись на четыре лапы, как кошка, только все равно отправились на поиски, как следует не поев и не отдохнув. Похоже, что говорившие про кошку были правы. Тут наверху лежит парень по имени Саун, который сходит с ума от беспокойства за тебя. Каждый раз, как мы к нему заходим, он требует от нас новостей.

Даг облегченно перевел дух.

– Вы тут, как я понимаю, присматриваете за ранеными?

– Угу, – кивнул мужчина.

– Сколько у нас раненых, которые не могут передвигаться?

– Всего двое – ваш Саун и наша Рила. Она сломала ногу, когда ее сбросил конь, испугавшийся глиняного человека.

– Нехороший перелом?

– Довольно паршивый, но она справится.

– Что ж, хорошо, – кивнул Даг. Мужчина заморгал, с опозданием разглядев культу Дага, но говорить на эту тему не стал.

– Не знаю, насколько ты устал, но с твоей стороны было бы истинным милосердием первым делом пойти и успокоить Сауна. Он действительно ужасно тревожится. Думаю, он станет поправляться скорее, если увидит тебя собственными глазами.

– Конечно, – сказал Даг.

– А это... – начала женщина, взглянув на Фаун и тут же вопросительно посмотрев на Дага.

– Это мисс Блуфилд, – сказал Даг. Фаун изобразила нечто вроде книксена.

– Как поживаете?

– Но ведь она... – с сомнением начал мужчина.

– Она со мной. – Твердость, прозвучавшая в голосе Дага, отбила у дозорных желание задавать новые вопросы, и оба они, вежливо, хоть и со сдержанным любопытством кивнув Фаун, повели прибывших в дом.

Фаун смогла бросить только беглый взгляд на холл с высокой деревянной стойкой и дверями-арками, ведущими в какие-то большие комнаты; следом за дозорными она поднялась по лестнице с отполированными временем перилами, гладкими и холодными под ее робкими пальцами. Поднявшись на один пролет, их провожатые свернули в коридор с дверями по обеим сторонам и с застекленным окном в конце.

– Твой напарник сегодня уже не бредит, хоть и твердит все время, что ты вернул его с того света, – через плечо сказал мужчина-дозорный.

– Ну, мертвым он еще не был, – проворчал Даг.

Мужчина бросил на женщину довольный взгляд.

– Я же тебе говорил!

– У него только остановилось сердце и он перестал дышать, – сообщил Даг.

Фаун растерянно заморгала и, как она с удовлетворением отметила, не она одна.

– Э-э... – Мужчина остановился перед дверью с медным номером «шесть». – Прошу прощения, сэр... Меня всегда учили, что слишком рискованно соединять свой Дар с Даром смертельно раненного, а в спешке снять боль невозможно.

– Так и есть, – пожал плечами Даг. – Я просто не стал заниматься деталями и сделал все быстро.

– А-а, – протянула женщина понимающе; Фаун так ничего и не поняла.

– А разве не было больно? – выдохнул мужчина.

Даг одарил его долгим пристальным взглядом. Фаун порадовалась, что не она оказалась его объектом, поскольку такой взгляд мог оставить от человека просто пятно на полу. Даг помедлил – и Фаун внезапно почувствовала уверенность, что эта пауза была точно рассчитана, – потом кивнул на дверь. Женщина поспешила ее распахнуть.

Даг вошел внутрь. Если двое дозорных были почтительны раньше, то взгляд, которым они обменялись за спиной Дага, был просто испуганным. Женщина с сомнением покосилась на Фаун, но не стала пытаться вовлечь ее в разговор, когда та направилась к двери следом за Дагом.

На окне в комнате висели льняные занавески, откиннутые в стороны, чтобы впустить теплый летний воздух; по обеим сторонам от окна располагались кровати с пуховыми перинами поверх соломенных матрацев. Одна кровать была не занята, хотя на полу рядом с ней лежали седельные сумки и другие вещи. Вещи лежали и рядом с другой, но на ней растянулся – конечно же – высокий молодой человек. Волосы его – в отличие от остальных дозорных – были светло-русыми и разметанными по подушке. Смятая простыня не закрывала его забинтованной груди. Молодой человек уныло смотрел в потолок, нахмутив бледный лоб. Когда при звуке шагов он повернул голову и увидел пришедших, выражение страдания на его лице сменилось радостью так быстро, словно его смыло наводнением.

– Даг! Тебе удалось! – Юноша рассмеялся, но тут же закашлялся, поморщился и застонал. – Ох... Я знал, что так и будет!

Женщина-дозорная подняла брови, услышал такое, но снисходительно улыбнулась.

Даг подошел к кровати, усмехнулся и жизнерадостно сказал:

– Ну а я знаю, что у тебя сломано по крайней мере шесть ребер. Вот я и спрашиваю: разве сейчас время произносить речи?

– Только коротенькую, – пропыхтел молодой человек. Его рука стиснула руку Дага. – Спасибо тебе.

Даг нахмурил брови, но спорить не стал. В глазах раненого сияла такая искренняя благодарность, что Фаун сразу же прониклась к нему теплыми чувствами. Наконец-то кто-то ценил Дага по достоинству. Саун повернул голову и бросил на Фаун затуманенный взгляд. Девушка улыбнулась ему от всего сердца. Парень ответил ей улыбкой на улыбку, хоть и выглядел несколько растерянным. Даг слегка встряхнул руку Сауна и мягко спросил:

– Как ты себя чувствуешь, Саун?

– Больно, только когда я смеюсь.

– Вот как? Тогда не признавайся в этом другим дозорным. – Огонек в глазах Дага был насмешливым, поняла Фаун.

Саун фыркнул и снова закашлялся.

– Ой... Чтоб тебе провалиться, Даг!

– Понял, что я имел в виду? – Более строго Даг добавил: – Мне говорили, что ты совсем не спал. Я сказал, что такое невозможно: нам же приходилось силой вытряхивать тебя из одеял по утрам. А теперь что, пуховая перина для тебя слишком мягка? Может, принести несколько камней, чтобы ты почувствовал себя как дома?

Саун прижал руки к забинтованной груди, изо всех сил сдерживая смех.

– Ладно. Все, чего я хочу, – это услышать твой рассказ. Мне говорили, – лицо юноши помрачнело от воспоминания, и он облизнул губы, – что вчера нашли твоего коня в милях от логова, потом нашли логово и твои вещи с ним рядом. Твой лук... Вот уж не думал, что ты когда-нибудь его бросишь. Еще нашли двух тухлых глиняных людей и какую-то кучу... Мари клялась, что это мертвый Злой... и кровавый след, пропадавший в лесу. Что мы должны были подумать?

– Я надеялся, что кто-нибудь подумает о том, что я нашел убежище на ближайшей ферме, – огорченно протянул Даг. – Я начинаю думать, что я не так уж интересен для вас всех.

Глаза Сауна сузились.

– Ты многого не рассказываешь, – сказал он уверенно.

– Очень многого, но сначала все должна услышать Мари. – Даг оглянулся на Фаун.

Саун принял это достаточно покорно.

– Ладно, если только потом я все узнаю.

– Когда-нибудь... – Даг помолчал, потом осторожно поинтересовался: – А нашли они тело, которое я повесил на дереве? – Трое дозорных вытаращили на него глаза. – Похоже, еще не нашли...

– Помните, что я вам говорил? Помните? – сказал Саун тоном пророка, которому не верили. К Дагу он обратил умоляющий взгляд. – Только не тни с новостями, ладно?

– Расскажу, как только смогу. – Даг повернулся к двоим другим дозорным. – Мари не говорила, когда вернется?

Те покачали головами.

– Она уехала на рассвете, – сказала женщина.

– Тебе сейчас что-нибудь нужно, Саун? – спросил мужчина.

– Я получил то, что было мне нужнее всего, – сказал юноша. – Ты сам-то отдохни.

– Пожалуй, я так и сделаю. – С еле слышным стоном дозорный опустился на вторую кровать, явно свою собственную, сбросил сапоги и руками уложил на постель свою негнушуюся ногу. – Ох...

Даг на прощание проворчал:

– Спи крепко, Саун. Глядишь, и проснешься поумневшим.

Саун фыркнул и тут же охнул. Трое посетителей вышли из комнаты, и на лице Дага отразилось облегчение, как у человека, неожиданно услышавшего хорошую новость.

– Да, с ним будет все в порядке, – пробормотал он удовлетворенно.

Женщина-дозорная тихо прикрыла дверь в комнату.

– Так это и есть Саун-Ягненок? – спросила Фаун.

– Да, самый настоящий ягненок, – ответил Даг. – Если он проживет достаточно

долго, чтобы энтузиазм сменился мозгами, из него получится хороший дозорный. Пока что он дожил до двадцати лет – чистое везение. – Улыбка Дага стала чуть насмешливой. – Совсем как у тебя, Искорка.

Когда они проходили мимо одной из дверей, из-за нее донесся слабый женский голос.

– Это Рила, – торопливо пояснила женщина-дозорная. – Вам что-нибудь еще нужно, сэр?

– Если что-нибудь потребуется, я сам найду, – махнул рукой Даг. – Я давным-давно все здесь знаю.

– Тогда, если не возражаешь, я пойду посмотрю, что ей нужно.

Когда они спускались по лестнице, Фаун услышала, как Даг бормочет себе под нос: «Перестаньте величать меня сэром, глупые вы щенки». Помедлив на последней ступеньке, Даг оглянулся, и лицо его стало озабоченным.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила его Фаун.

– Да вот о чем... Когда ходячие раненые остаются ухаживать за лежащими, это верный признак: нас стало мало. В отряде Мари шестнадцать человек, четыре четверки, а должно быть двадцать пять – пять пятерок. Интересно, сколько не хватает в отряде Чато? Ладно, – вздохнул Даг, – давай раздобудем какую-нибудь еду, Искорка.

Даг отвел Фаун в потрясшую девушку туалетную комнатку, где она наконец смогла сменить прокладки и умыться в красивом расписном тазу. Когда Фаун вышла оттуда, Даг проводил ее в одну из больших комнат первого этажа, где стояло несколько столов, окруженных скамьями и стульями; в этот час там никого, кроме них, не оказалось. Через несколько минут служанка принесла из кухни тарелки с ветчиной, сыром, двумя разновидностями хлеба, ревеневым пирогом и клубникой; на столе появились кувшины с пивом и молоком – парным, как сообщила служанка, только что надоенным у коровы, содержащейся при постоялом дворе. Фаун мысленно добавила к своему списку возможных работ в Глассфордже занятия служанки и доярки. Под добродушным присмотром Дага она принялась за еду; Даг тоже от души налег на угощение – как с удовлетворением отметила Фаун, таким спокойным она его еще не видела.

Они как раз спорили по поводу последней ягоды клубники – каждый старался заставить другого ее съесть, – когда Даг настороженно поднял голову и выдохнул: «Ах...» Вскоре и Фаун услышала стук копыт и голоса, доносящиеся со двора. Еще через минуту хлопнула дверь и по доскам пола загрохотали обутые в сапоги ноги. В столовую ворвалась Мари в сопровождении двоих дозорных, остановилась у стола, уперев кулаки в бедра, и свирепо уставилась на Дага.

– Ах ты... – выдохнула она, и Фаун подумала, что никогда еще не слышала, чтобы два коротких слова прозвучали так тяжело.

Даг спокойно налил в кружку пива и протянул Мари. Не сводя с него взволнованного взгляда, та одним глотком выпила пиво и прорычала:

– Ты хотел напугать меня до смерти, парень? – Кружку она опустила на стол с такой силой, что та едва не треснула. Стоящие у нее за спиной дозорные широко улыбнулись.

– Нет, – протянул Даг, наполняя кружку снова. – Думаю, это было бы для меня просто премией. Садись и отдышись, тетушка Мари.

– Я тебе не «тетушка Мари», пока я не кончила тебя отчитывать, – уже более спокойно сказала женщина. Один из дозорных по знаку Дага подвинул ей стул, и Мари села. К тому времени, когда она немного пришла в себя, выражение ее лица стало не столь свирепым; взамен на нем проступила усталость, и Даг, заметив это, нахмурился и сжал руку Мари.

– Прошу прощения за ложную тревогу. Саун сказал, что вы вчера нашли мое снаряжение. Мне было не до него, понимаешь ли.

– Ага, так мне и сказали.

– Ах, так вы в конце концов нашли ферму Хорсфордов?

– Часа два назад. Ну и историю я там услышала! – Мари с любопытством взглянула на Фаун, потом, переведя глаза на Дага, снова нахмурилась.

– Мари, позволь представить тебе мисс Фаун Блуфилд, – сказал Даг. – Искорка, это командир моего отряда, Мари Редвинг Хикори. Мари – это ее личное имя, Редвинг – имя шатра, а Хикори – от названия лагеря, который служит нам базой.

Фаун вежливо склонила голову. Мари ответила ей небрежным кивком.

Показав на двоих дозорных, Даг продолжал:

– Это Утау и Рази, тоже из лагеря Хикори. – Дозорные дружелюбно поклонились Фаун. Утау оказался немолодым коренастым лысеющим мужчиной, с волосами, собранными на затылке в пучок, как у Мари. Рази был моложе и выше ростом и выглядел простоватым; его заплетенные в косу волосы доставали почти до талии; косу украшала красно-зеленая тесьма.

Старший дозорный, Утау, проговорил:

– Поздравляю тебя с победой над Злым, Даг. Наша молодежь тут с ума сходила, что не участвовала в своей первой охоте. Предлагаю тебе сводить их в утешение по очереди в логово и показать, как ты разделался со Злым.

Даг покачал головой, наполовину смеясь, наполовину хмурясь.

– Не думаю, что это будет так уж для них полезно.

– Насколько это было трудно? – раздраженно спросила Мари.

Все остатки веселья исчезли из глаз Дага.

– Достаточно трудно. История вкратце такова: мисс Блуфилд была захвачена на дороге той парочкой, которую я выслеживал от лагеря разбойников. Когда я догнал их у логова, мне пришлось схватиться с несколькими глиняными людьми, которые принялись разбирать меня на части. Только я заметил, что и Злой, и глиняные люди сделали ошибку: во время схватки не обращали внимания на мисс Блуфилд. Так что я бросил ей мои парные ножи, и она вонзила один в Злого. Прикончила его и спасла мне жизнь. Мир она тоже спасла, получив обычную награду.

– Она подобралась так близко к Злому? – с недоверием и изумлением спросил Рази. – Каким образом?

Вместо ответа Даг наклонился и, взглядом попросив у Фаун разрешения, осторожно отогнул ее воротник и обвел пальцем пятна на шее; Фаун с опозданием сообразила, что душившие ее огромные руки Злого оставили синяки, и она вздрогнула, несмотря на летнюю жару.

– Куда уж ближе, Рази. – Двое дозорных разинули рты. Мари откинулась на стуле и прикрыла рот рукой. Фаун стала гадать, как же выглядят синяки: она ведь уже много дней не смотрелась в зеркало. – Злой недооценил ее, – продолжал Даг. – Надеюсь, вы все не повторите его ошибки. Так что если ты хочешь повторить поздравления тому, кто их заслужил, Утау, не стесняйся.

Под холодным взглядом Дага Утау с трудом вернул своему лицу осмысленное выражение и поднес руку к виску в приветственном жесте.

– Поздравляю, мисс Блуфилд.

– Я тоже, – после момента остолбенения пробормотал Рази.

– Видишь, какие мы, дозорные, разговорчивые, – прошептал Фаун на ухо Даг, к которому вернулось насмешливое настроение.

– Я заметила, – пробормотала в ответ Фаун, и губы Дага дрогнули.

Мари потеряла лоб.

– А как звучит подробный рассказ, Даг? Только не знаю, хочется ли мне его услышать...

Мрачный взгляд, которым ответил ей Даг, заставил ее сосредоточить все внимание на них с Фаун.

– Да, – сказал Даг, – тебе нужно его услышать, и как можно скорее. Только наедине... а потом мисс Блуфилд нужно будет отдохнуть. – Он повернулся к Фаун. – Или ты хочешь отдохнуть сначала?

Фаун покачала головой.

– Лучше сначала поговорить.

Мари обхватила руками колени и потянулась.

– Ах так... хорошо. – Она, прищурившись, оглядела столовую. – В моей комнате?

– Это подойдет.

Мари поднялась на ноги.

– Утау, ты был на ногах всю ночь. Отдыхай. Рази, поешь, а потом скажи к Тейлоре Пойнт и сообщи всем, что Дага мы нашли... точнее, он явился. – Дозорные кивнули и двинулись к выходу.

– Принеси свой мешок, – шепнул Даг Фаун.

Комната Мари находилась на третьем этаже. У Фаун дрожали колени и кружилась голова, когда она одолела второй марш лестницы, и она порадовалась надежной руке Дага, поддерживавшей ее. Мари ввела их в более тесную комнатку, чем та, где лежал Саун, хотя в остальном все выглядело точно так же – даже груды грязного снаряжения и седельные сумки на полу. Даг знаком велел Фаун положить мешок на постель. Фаун развязала завязки, и лежавшие на дне мешка ножи звякнули.

Брови Мари поползли вверх. Она взяла протез с порванными ремешками и стала рассматривать, как маленького мертвого зверька.

– Тебе досталось. Теперь я понимаю, почему ты не взял с собой лук. Рука-то у тебя уцелела?..

– Едва-едва, – ответил Даг. – Мне нужно починить эту штуковину и приделать к ней более крепкие завязки.

– На твоём месте я хорошенько подумала бы. Чего тебе не жалко в первую очередь – протеза или себя?

Даг помолчал, потом кивнул.

– Ах, пожалуй, ты права. Пожалуй, стоит сделать все так, как и было.

– Так-то лучше. – Мари положила протез обратно, взяла в руки полотняный узелок и пробежалась по нему пальцами, ощупывая содержимое. Выражение ее лица стало печальным и далеким. – Нож, пронзивший сердце Каунео, да? – Даг коротко кивнул. – Я знаю, как долго ты его берег. Этот Злой стоил того.

Даг покачал головой.

– На самом деле все они одинаковы, как я теперь думаю. – Он глубоко вздохнул и подошел к постели, жестом предложив Фаун сесть тоже.

Она уселась, скрестив ноги, в изголовье постели, натянула на колени юбку и стала смотреть на двоих дозорных. У Мари были такие же золотые глаза, как у Дага, разве что чуть более темные, и Фаун стала гадать, действительно ли она приходится ему теткой или, как она подумала сначала, такое обращение было просто шуткой или проявлением почтения.

Мари выпустила из рук узелок.

– Ты собираешься отослать обломки, чтобы их похоронили в могиле ее дяди? Или сожжешь их здесь?

– Я еще не уверен. Пока, как и раньше, нож побудет со мной. – Даг глубоко вздохнул, глядя на другой – целый – нож. – Вот теперь и начнется длинный рассказ.

Мари уселась на кровати, скрестив руки на груди, и стала внимательно слушать; на этот раз Даг начал с нападения на разбойничий лагерь. Отчет о его действиях был кратким, но очень точным, заметила Фаун: похоже, некоторые подробности обладали особым значением, хоть она и не могла понять, что делало их такими важными. Наконец Даг дошел до той части рассказа, которая была известна Фаун по личному опыту.

– Как я понимаю, глиняный человек захватил мисс Блуфилд на дороге потому, что она была на втором месяце беременности. Из-за этого же он вернулся, чтобы найти ее на ферме.

Губы Мари беззвучно выговорили:

– Была? – Потом она прошептала: – Продолжай.

Голос Дага сделался жестким, когда он дошел до описания своего опасного нападения на пещеру Злого.

– Я совсем немного опоздал. Когда я добрался до входа, Злой уже заполучил младенца.

Мари наклонилась вперед, нахмутив брови.

– Только его одного?

– По-видимому, так.

– Ах... – Мари покачала головой и взглянула на Фаун. – Прости меня. Я так сочувствую твоей потере... Просто все это оказалось для меня новостью. Мы знали, что Злые захватывают беременных женщин, ну так они ловят всякого, кого могут поймать. Иногда потом тела женщин находились... Я не знала, что Злой не всегда отбирает оба Дара.

– Не думаю, – отстраненным тоном сказала Фаун, – что он пощадил бы меня надолго. Он как раз собирался сломать мне шею, когда я вонзила в него тот нож, что нужно.

Мари перевела взгляд на лежащий рядом с мешком нож с синей рукоятью, потом пристально посмотрела на Дага.

– Что?

Осторожно подбирая слова, Даг объяснил, как Фаун перепутала ножи. Очень благородно с его стороны, подумала девушка, снять с нее всякую вину за это.

– Тот нож не был заряжен. Ты знаешь, для чего я его берег. – Мари кивнула. – Но теперь-то он оказался заряжен – смертью дочери мисс Блуфилд, как мне кажется. Чего я не знаю – так это не извлек ли он из Злого чего-то еще... или сработает ли он как дарящий смерть. Или... боюсь, я очень многого не знаю. Однако, с разрешения мисс Блуфилд, я хотел бы, чтобы ты тоже его осмотрела.

– Даг, я, как и ты, не мастер.

– Не мастер, но ты более... ты менее... Короче, я хотел бы услышать твое мнение.

Мари посмотрела на Фаун.

– Мисс Блуфилд, ты разрешаешь?

– Пожалуйста. Я хотела бы понять... я ведь не понимаю совсем ничего.

Мари наклонилась и взяла костяной нож. Сначала она сжала его в ладонях, потом провела пальцем по гладкому белому лезвию и, наконец, как и Даг раньше, закрыла глаза и поднесла нож к губам. Когда Мари положила нож, губы ее долго оставались крепко стиснутыми.

– Ну... – она глубоко вздохнула, – он, несомненно, заряжен.

– Это и я определил, – сказал Даг.

– Он кажется... э-э... странно могучим и чистым. Души ведь не поселяются в ножах – ты объяснил это ей, надеюсь? – строго спросила Мари Дага.

– Да. Тут у нее нет сомнений.

– Но ножи, окропленные кровью сердец разных людей, ощущаются по-разному. Какое-то эхо сущности дарителя сохраняется, хотя все ножи как будто действуют одинаково. Может быть, дело в том, что все жизни различны, хоть смерти и одинаковы, не знаю. Я дозорная, а не мастер-сказитель. Думаю, – Мари похлопала указательным пальцем по губам, – тебе следует отвезти его к мастеру – самому опытному, какого ты сможешь найти.

– Нам вместе с мисс Блуфилд, – поправил ее Даг. – Нож – ее собственность.

– Не такое это дело, чтобы вмешивать в него кого-то из крестьян.

Даг скривился.

– Тогда чего ты хочешь? Чтобы я отобрал у нее нож? Или ты сама?..

– Объясните, пожалуйста, – резко проговорила Фаун. – Опять все разговаривают, как будто меня тут нет. Обычно я не возражаю, я к такому привыкла, – но только сейчас не тот случай.

– Покажи ей свои ножи, Мари, – предложил Даг; в голосе его, хоть он и оставался мягким, прозвучал вызов.

Мари взглянула на него, потом медленно расстегнула верхние пуговицы рубашки и достала мешочек с парными ножами – почти такой же, как у Дага, только из более мягкой кожи. Сняв с шеи ремешок, Мари отодвинула мешок и положила ножи рядом на покрывало. Ножи были почти в точности одинаковые, только чуть изогнутые рукояти имели разные цвета – на этот раз красный и коричневый.

– Это настоящая пара, – сказала Мари, ласково проведя пальцами по ножу с красной рукоятью, – обе кости от одного дарителя. Моего младшего сына. Он третий год служил в дозоре – в окрестностях Спарфорда, – и я уже думала, что самая опасная часть обучения позади... – Мари коснулась ножа с коричневой рукоятью. – Этот заряжен. Ему подарила смерть тетка моего мужа Палаи. С крутым нравом была женщина – отсутствующие боги, мы все любили ее, хоть и старались держаться на безопасном расстоянии, – ну да такая найдется в любой семье. – Рука Мари снова легла на нож с красной рукоятью. – Этот не заряжен, он предназначен мне. На всякий случай я всегда держу его при себе.

– И что же случится, – сухо поинтересовалась Фаун, – с тем, кто попытается их у тебя отобрать?

Улыбка Мари стала мрачной.

– Я бы перещеголяла в гневе самую старуху Палаи. – Мари снова повесила мешочек с ножами на шею и кивнула на Фаун. – Только, мне кажется, тут другой случай.

– Мне все это представляется странным. – Фаун, хмурясь, посмотрела на нож с синей ручкой. – У меня нет счастливых воспоминаний, которые уравнивали бы печаль, но все равно это мои воспоминания. Я предпочла бы, чтобы они... не пропали зря.

Мари вскинула руки, неохотно сдаваясь.

– Так могу я покинуть отряд и отправиться искать мастера?

Мари поморщилась.

– Ты же знаешь, как не хватает нам людей, но раз ты избавил Глассфорд от угрозы, отказать тебе я не могу. Да и брал ли ты когда-нибудь отпуск? Хоть когда-нибудь? Ты даже никогда не болеешь.

Даг на минуту задумался.

– Я уезжал, когда умер мой отец. Одиннадцать лет назад.

– Это было еще до моих времен. Вот что: напомни мне, когда мы будем отсюда уезжать. Если к тому времени на нас не свалится новая неприятность...

Даг кивнул.

– Мисс Блуфилд и не смогла бы еще отправиться в дорогу. Взгляни на ее веки и ногти – сразу видно, как много крови она потеряла, даже если бы у нее не дрожали колени. Правда, ее не лихорадит. Прошу тебя, Мари: я сделал все, что мог, но не осмотришь ли ее ты? – Даг коснулся рукой живота, поясняя свою мысль.

Мари вздохнула.

– Да, конечно, Даг.

Он выжидающе посмотрел на Мари; та, поморщившись, поднялась с постели, потом показала на седельные сумки в углу.

– Кстати, вон твое имущество. Тебе повезло, что конь не попытался сбросить его где-нибудь в лесу. А теперь уходи.

– Но разве... нельзя ли мне... Я имею в виду: ты же не будешь ее раздевать.

– Это женское дело, – твердо сказала Мари. Даг неохотно двинулся к двери, прихватив свой протез и седельные сумки.

– Я позабочусь о комнате для тебя, Искорка.

Фаун благодарно улыбнулась ему.

– Правильно, – кивнула Мари. – Исчезни.

Даг закусил губу, но подчинился. Его шаги затихли вдаль. Фаун постаралась не очень нервничать, оставшись наедине с Мари. Хоть старшая женщина и пугала ее, в ней чувствовалась такая же прямота, как и в Даге. Мари велела Фаун смирно сидеть на постели и провела руками вдоль ее тела, потом уселась позади девушки и на несколько секунд приникла к ней, обхватив руками ее живот. Если Мари и делала что-то с ее Даром, Фаун этого не чувствовала. Интересно, не так ли чувствуют себя глухие среди людей с нормальным слухом? Когда Мари выпустила Фаун, на лице ее были написаны озабоченность и доброта.

– Все обойдется, – сказала она. – Ясно, что произошло нечто неестественное, поэтому и

началось такое внезапное кровотечение, но ты поправляешься быстро, насколько это возможно при таком истощении, и воспаления матки нет. Горячка убивает женщин чаще, чем кровотечение, хоть она начинается и не так заметно. Повреждения у тебя внутри будут заживать медленнее из-за того, что они – дело рук Злого, как и синяки на шее, но это не помешает тебе иметь других детей, так что будь осторожнее в будущем, мисс Блуфилд.

– Ох... – Фаун с раскаянием призналась себе, что даже и не задумывалась о том, сможет ли рожать в будущем. – Женщины становятся бесплодными после выкидыша?

– Иногда. Или после неудачных родов. Там внутри такие деликатные штучки. Меня вообще поражает, как весь этот механизм работает, – столько всего может пойти не так, как следует.

Фаун кивнула и протянула руку, чтобы убрать нож с синей рукояткой, все еще лежавший на мешке поверх ее одежды.

– И кто же, – спросила Мари подчеркнуто равнодушно, – второй хозяин заряженного ножа – какой-нибудь олух с фермы?

Фаун стиснула зубы.

– Кроме меня, никого нет. Олух очень понятно объяснил, что выкручиваться придется мне одной. Поэтому-то я и оказалась на большаке...

– Эти крестьяне... Я никогда их не понимала.

– А разве не бывает олухов – Стражей Озера?

– Ну... – невнятное мычание Мари было достаточным признанием.

Фаун перечитала выцветшие коричневые буквы на костяном лезвии.

– Даг хотел когда-нибудь вонзить его в собственное сердце, да? – Так задумала та самая Каунео...

– Да.

Теперь не сможет – хоть какая-то радость.

– У тебя тоже есть такой нож.

– Кто-то же должен заряжать ножи. Это делает не каждый, но многие. Дозорные лучше, чем остальные, понимают необходимость этого.

– Каунео тоже была дозорной?

– Разве Даг не рассказал тебе?

– Он сказал только, что это была женщина, которая погибла двадцать лет назад где-то на северо-западе.

– Даже для Дага такая скрытность – чересчур... – Мари вздохнула. – Не мое это дело – рассказывать за него, только если тебе предстоит быть хранительницей ножа, крестьяночка, нужно, чтобы ты понимала, что он собой представляет и откуда взялся.

– Да, – твердо сказала Фаун, – пожалуйста, расскажи. Я так устала делать глупые ошибки.

Мари с сомнением, но все же одобрительно кивнула.

– Хорошо. Я выдам тебе то, что Даг назвал бы коротким рассказом. – Глубокий вздох Мари показал, что особенно коротким разговор не получится, и Фаун снова уселась, скрестив ноги.

– Каунео была женой Дага.

Шок заставил Фаун вздрогнуть. Шок, но не неожиданность, осознала девушка.

– Понятно...

– Она погибла на Волчьем перевале.

– Мне Даг о Волчьем перевале ничего не говорил. Он только упомянул трудную схватку со Злым. – Впрочем, как подозревала Фаун, легкой схватки со Злым вообще не бывает.

– Девочка, Даг не говорит о Волчьем перевале ни с кем. Один из его заскоков, к которым тебе придется привыкнуть. Понимаешь, Лутлия – самый большой и самый дикий из округов, там меньше всего Стражей Озера, которые могли бы нести дозор. Там ужасно трудно следить за порядком – сплошные болота и непроходимые леса, а зимы чудовищно

холодные. Другие округа посылают в Лутлию больше молодых дозорных, чем куда-либо еще, и все равно справляться не удается.

Каунео родилась в шатре, знаменитом своими свирепыми воинами. Говорят, она была очень красива, и за ней многие ухаживали. Вот тут-то и появился тихий и скромный командир отряда, совершавший свое второе путешествие вокруг озера, и похитил ее сердце прямо из-под носа всех остальных молодых людей. – Фаун подумала, что в голосе Мари прозвучала гордость. «Да, она и в самом деле его тетка». – Даг решил остаться, и они с Каунео были соединены узами – вы, крестьяне, сказали бы, что они поженились, – и Даг получил повышение: стал командиром эскадрона.

– Даг не всегда был простым дозорным? – спросила Фаун.

Мари фыркнула.

– Этот парень был бы теперь лейтенантом округа, если бы не... Ладно. Наши объезды больше похожи на охоту и часто не приносят результатов. Можно всю жизнь провести в дозоре и ни разу не столкнуться со Злым, – тут уж как повезет. Даг знает кое-какие уловки, которые повышают его шанс. Но когда Злой обнаружен, когда дело доходит до схватки... вот тогда-то все мы и показываем, чего стоим.

Мари поднялась, подошла к умывальнику, налила в кружку воды и залпом ее осушила. Дальше она рассказывала, меряя шагами комнату.

– Большой Злой не был обнаружен дозором. Ему не удалось поработить так уж много народа, никаких разбойников, как здесь, там не было. Фермеров в Лутлии вообще нет, как и повсюду к северу от Мертвого озера, только иногда туда забредают охотники или торговцы, которых нам и приходится выводить на большак. Но тот Злой нашел волков и... что-то с ними сделал. Волки-люди размером с пони, с разумом человека... К тому времени, когда тварь обнаружили, там уже была целая армия волков. Местные дозорные послали зов в соседние округа, но пока помощь не пришла, они могли полагаться только на себя.

Эскадрон Дага, пятьдесят дозорных, в том числе Каунео и два ее брата, должен был охранять перевал и прикрывать фланг другого отряда, пытавшегося захватить долину рядом с логовом. Разведчики донесли, что на них могут напасть пять десятков свирепых волков. То, с чем пришлось иметь дело эскадрону Дага, больше походило на пять сотен.

У Фаун перехватило дыхание.

– За один-единственный час Даг потерял руку, жену и эскадрон – весь целиком, если не считать троих, все еще удерживавших перевал. Однако сражения он не проиграл, потому что за этот час второй отряд сумел добраться до логова. Когда Даг очнулся в шатре среди раненых, вся его жизнь превратилась в пепел от костра... и он отчаялся.

В конце концов родичи его жены отказались от попыток заставить его стать самим собой и отослали его домой... отчего он отчаялся еще больше. И тут Ворон-Громовержец, да будут благословенны его кости, вождь нашего лагеря, тогда еще бывший только командиром эскадрона, то ли догадался, то ли отчаялся, то ли пришел в ярость, – так или иначе, он вытащил его в Трипойнт. Там умелый крестьянин-ремесленник сделал протез, и они с Дагом пробовали и пробовали, пока не подобрали приспособления, которые годились. Даг тренировался со своим новым луком так, что у него пальцы кровоточили. Наконец он взял себя в руки настолько, что смог уговорить Ворона... а надо сказать, что послаблений тот не делал, – вернуть его в отряд. Вот с тех пор он и несет дозор.

Через его руки прошли десять или двенадцать дарящих смерть кож – их ему отдают многие, потому что уверены: он найдет им применение, – но эту пару Даг всегда берег для особого случая. Единственная память о Каунео, о которой я знаю, – от всего остального он избавился, как от обжигающих углей... А теперь этот нож в твоих руках, крестьяночка.

Фаун снова взяла нож и провела по нему пальцами.

– Можно было бы ожидать, что он окажется более тяжелым...

«Хотелось ли мне на самом деле узнать все это?»

– Да, – вздохнула Мари.

Фаун с любопытством оглядела Мари с ее седой головой.

– А ты когда-нибудь станешь командиром эскадрона? Ты, должно быть, уже давно несешь дозорную службу.

– На самом деле я не так долго служу в дозоре, как Даг, хотя я на двадцать лет старше. Я выбрала дорогу женщины. Девушкой я четыре или пять лет проходила подготовку – всем девушкам приходится это делать, хоть воины вроде Дага такого и не одобряют, – потому что в случае нападения на лагерь защищаться придется женщинам и старикам. Потом я была соединена узами, а там и кровью с мужчиной – то есть родила детей – и вернулась в дозор только через много лет. Я рассчитываю заниматься этим, пока мне служат ноги и везение, еще лет пять – десять, но не собираюсь командовать чем-то большим, чем отряд, – нет уж, спасибо. Потом обратно в лагерь – играть с внуками и правнуками, пока не придет мое время поделиться смертью. Такая жизнь мне подойдет.

Фаун наморщила лоб.

– А ты никогда не представляла себе другой судьбы? – И не была выброшена из привычной жизни, как это случилось с Фаун...

Мари склонила голову к плечу.

– Не могу сказать, что представляла. Если бы мне было обещано исполнение желаний, я предпочла бы, чтобы мой сын ко мне вернулся.

– Сколько у тебя всего было детей?

– Пятеро, – ответила Мари с явной материнской гордостью – совсем как крестьянка, решила Фаун, хотя Мари, конечно, стала бы это отрицать.

Раздался стук в дверь, а потом жалобный голос Дага:

– Мари, ну теперь-то ты разрешишь мне войти?

Мари закатила глаза.

– Ну уж ладно!

Даг проскользнул в дверь.

– Как у нее дела? Все заживет? Ты использовала Дар? Хоть немного?

– Все заживет и так. Даром я не пользовалась, потому что все, что ей нужно, – это отдых и время.

Даг с несколько разочарованным видом обдумал услышанное, но смирился.

– Я договорился о комнате для тебя, Искорка, этажом ниже. Устала?

Только тут Фаун поняла, что у нее совсем не осталось сил, и кивнула.

– Что ж, пошли. По крайней мере отдых тебе обеспечен.

Мари, прищурившись, взглянула на племянника и потерла губы.

Дар... Интересно, подумала Фаун, что дозорная увидела в ней, о чем не стала говорить? Не такая ли черта скрытность в семействе Редвингов, как и золотые глаза? Фаун завязала свой мешок и последовала за Дагом.

– Не позволяй Мари тебя пугать, – сказал Даг, обнимая ее левой рукой – то ли чтобы поддержать, то ли чтобы скрыть из виду свое увечье. С площадки лестницы они свернули в коридор.

– Да она особенно и не пугала. Мне она нравится. – Фаун сделала глубокий вдох. Некоторые секреты так велики, что ходить вокруг них на цыпочках все равно не получится. – Она немного рассказала мне о твоей жене и Волчьем перевале. Она решила, что я должна об этом знать.

После этих слов настала долгая тишина. Потом Даг буркнул:

– Она права. – Больше, похоже, Фаун ничего не было суждено от него дожидаться.

Комната Фаун оказалась такой же узкой, как комната Мари, только окно выходило на улицу, а не во двор. Кувшин на умывальнике был уже наполнен, занавески и покрывало на кровати из одной ткани и вязаные коврики на полу делали комнату, на взгляд Фаун, уютной и домашней. Дверь в стене, должно быть, вела в соседнее помещение; Даг тут же запер ее на засов.

– А где твоя комната? – спросила Фаун.

Даг кивнул на запертую дверь.

– Вон там.

– О, хорошо! Ты теперь отдохнешь? Только не говори мне, что тебе не нужно выздоравливать. Я же видела твои синяки.

Даг покачал головой.

– Я пойду поищу мастера, чтобы починить протез. Когда вернусь, мы вместе поужинаем, если захочешь.

– Очень даже захочу.

Даг ухмыльнулся – такие усмешки должны были бы быть запрещены законом – и тихо закрыл за собой дверь.

На стене рядом с умывальником висело зеркало – прекрасное плоское глассфорджевское зеркало. Вспомнив о том, как давно не видела своего отражения, Фаун подошла к нему и отогнула воротник своего синего платья.

Синяк, занимавший почти всю ее левую щеку, начал желтеть по краям; четыре отметины когтей глиняного человека на скуле все еще были болезненны, но по крайней мере не воспалились. Отпечаток руки Злого на шее – четыре пятна с одной стороны и одно с другой – резко выделялся на белой коже. Эти отметины были странного серого цвета и отвратительно припухшие – таких повреждений Фаун никогда не видела. Ну, если требуется какое-то особое умение, чтобы исправить причиненный Злым вред, Даг наверняка все знает. Может, он даже испытал что-то подобное сам, если оказывался рядом с таким множеством Злых, как это следует из рассказа Мари.

Фаун подошла к окну и как раз успела увидеть высокую фигуру Дага, направлявшегося, перекинув протез за ремешки через плечо, в сторону городской площади. Девушка еще порассматривала город после того, как Даг скрылся из виду, но не особенно долго. Зевая, она сбросила платье и башмаки и забралась в постель.

10

Даг, как и обещал, вернулся к ужину. Фаун надела свое нарядное платье – зеленое, ткань для которого спряла и соткала тетушка Нетти – и спустилась вниз. Громкие голоса, долетающие из комнаты, где они раньше обедали в тишине, заставили Фаун помедлить у входа.

Заметив ее смущение, Даг улыбнулся и прошептал ей в ухо:

– Дозорные, когда соберутся все вместе, бывают шумной компанией, но ты не беспокойся. Ты не должна отвечать на вопросы, если не захочешь. Мы можем сделать вид, что ты все еще слишком потрясена схваткой со Злым, а потому избегаешь о ней говорить. Ребята поймут. – Рука Дага коснулась воротника Фаун, словно поправляя его, и она поняла, что дозорный хочет, чтобы отметины на шее были видны. – Думаю, не стоит упоминать о том, что случилось со вторым ножом; Мари и так уже об этом знает.

– Хорошо, – с облегчением ответила Фаун; Даг ввел ее в столовую, покровительственно обняв за плечи.

На этот раз вокруг столов сидели высокие устрашающего вида дозорные – человек двадцать пять, – некоторые еще покрытые дорожной грязью. Благодаря предупреждению Дага Фаун сумела не подпрыгнуть на месте, когда их появление было встречено шумными возгласами, стуком кулаков по столам и грубоватыми шутками по поводу трехдневного отсутствия Дага. Все это искупалось искренней радостью, звучащей в голосах, и Даг, криво улыбаясь, отшутился:

– Эх вы, следопыты! Держу пари: вы не смогли бы найти глоток воды в дождевой бочке!

– Не дождевой, а пивной, Даг! – ответил ему кто-то. – Что с тобой случилось?

Даг оглядел комнату и отвел Фаун к столу в дальнем углу, за которым сидели всего двое дозорных – Утау и Рази, которых Фаун уже видела раньше. Те ободряюще кивнули девушке, а Рази ногой подвинул ей стул.

Фаун не могла различить дозорных из отрядов Мати и Чато; они перемешались, хотя и не бессистемно. Тут играл роль возраст: за одним столом сидели с дюжину седых воинов, включая Мари и еще двух женщин, которых Фаун не видела на ферме у колодца; она предположила, что они из другого отряда. Девушка с рукой на перевязи сидела за одним столом с тремя молодыми мужчинами, которые соревновались за честь нарезать для нее мясо; она отбивалась вилок от их слишком услужливых рук и смеялась. Мужчины-дозорные были самых разных возрастов, а женщины – только совсем юные или довольно пожилые, и Фаун вспомнила рассказ Мари об обычаях Стражей Озера. В их лагерях, должно быть, пропорция была обратной...

Запыхавшиеся служанки сновали между столами, разнося подносы с мисками и кувшинами, которые быстро опустошались. Дозорные больше интересовались быстротой обслуживания и количеством еды, а не хорошими манерами; это так напоминало обычаи крестьянских кухонь, что Фаун скоро стала чувствовать себя свободно.

Когда Даг и Фаун уселись за стол и обменялись приветствиями с Утау и Рази, более молодой дозорный сбегал за тарелками, вилками и кружками, а потом они оба с Утау принялись усердно их наполнять. Они, конечно, засыпали Дага вопросами о его приключениях, но на Фаун бросали смущенные взгляды и ей не досаждали. Даг отвечал кратко и туманно или прибегал к той же эффективной тактике, что и на ферме Хорсфордов: отвечал вопросом на вопрос. В конце концов Утау и Рази оставили его в покое и предоставили возможность спокойно поесть.

Утау обвел взглядом комнату и заметил:

– Сегодня всем полегчало, особенно Мари. Глядишь, начальство и нам даст поблажку.

Рази мечтательно протянул:

– Может, они с Чато позволят нам устроить веселушки, прежде чем мы снова отправимся в дорогу.

– Чато сегодня в духе, – ответил Утау, кивнув на собравшихся за другим столом; впрочем, кто из сидящих за ним – командир, Фаун разобрать не смогла. – Может, нам и повезет.

– Что такое веселушки? – спросила Фаун. Рази широко улыбнулся.

– Это такая пирушка дозорных. Их иногда устраивают по случаю удачной охоты на Злого или когда встречаются два отряда. Поговорить с другими дозорными – это же праздник... не то чтобы мы не любили ребят из своего отряда, – Утау, услышав это, закатил глаза, – но видеть одни и те же лица многие недели надоедает. На веселушках бывают музыка и танцы. И пиво, если удастся его добыть.

– Тут мы получим сколько угодно пива, – задумчиво сказал Утау.

– Да и уютных темных уголков найдется сколько хочешь, – с предвкушением сказал Рази, теребя кончик своей косы.

– Ну хватит – идею Фаун уловила, – с улыбкой остановил его Даг. Фаун подумала, что воспоминание о пирушках было ему приятно. – Может, и получится, но одно я вам скажу точно: Мари ничего не разрешит, пока не удостоверится, что кругом все чисто. – Он внимательно взглянул на кого-то поверх плеча Фаун. – Похоже, я напророчил. Сначала будет дело, а только потом потеха.

– Даг, вечно ты накаркаешь... – начал Рази.

– Ну как, вояки, отдохнули ножки? – раздался голос Мари.

Фаун повернулась и почтительно улыбнулась начальнице отряда, подошедшей к их столу. Рази уже открыл рот, но тут вмешался Даг:

– Не отвечай, Рази. Это вопрос с хитростью. Безопасно ответить на него так: «Я и сам не знаю, Мари, а почему ты спрашиваешь?»

Губы Мари дрогнули, и сладким голосом она проговорила:

– Как хорошо, что ты этим поинтересовался, Даг!

– Может, и не такой безопасный... – ухмыльнулся Утау.

– Как с ремонтом протеза? – по-прежнему обращаясь к Дагу, спросила Мари.

Даг поморщился.

– Сделают завтра к вечеру, может быть. Мне пришлось побывать в двух местах, прежде чем я нашел мастера, который согласился починить его бесплатно... или вернее, за то, что мы спасли жизнь ему, его семье, горожанам и всем жителям округа.

Утау сухо заметил:

– Ты, естественно, забыл упомянуть, что именно ты лично разделался со Злым.

Даг раздраженно отмахнулся:

– Во-первых, разделался не я. Во-вторых, никто не сделал бы этой работы в одиночку, так что горожане должны всем. Мне не следовало... никому из нас не следует кланяться.

– Так получилось, – сказала Мари, не обращая внимания на перепалку, – что на завтра имеется сидячая работа для однорукого воина. В чулане хранится сундук с записями об облавах и картами здешних окрестностей. В них нужно как следует разобраться. Обычное дело... Я хочу, чтобы кто-нибудь понимающий попытался разобраться, как этот Злой проскользнул сквозь наши заслоны, и сообразил, как заткнуть эту щель на будущее. Также мне нужен список ближайших округов, которые получали особенно мало внимания. Мы пробудем здесь несколько дней, пока раненые не поправятся, и займемся приведением в порядок снаряжения и пополнением запасов.

От этих новостей Утау и Рази повеселели.

– В то же время мы прочедем окрестности города, – продолжала Мари, – и сделаем это так, чтобы горожане видели нас за работой. – Мари подчеркнула последние слова и кивнула Дагу: – Устрой для них хорошее представление.

Тот фыркнул в ответ.

– Лучше мы предложим им вернуть вдвое больше зловредных привидений, чем было, если они недовольны нашей работой.

Рази поперхнулся пивом, которое как раз пил, и Утау услужливо, хоть и без особого успеха, заколотил его по спине.

– Ух, хотел бы я, чтобы такое было возможно! – пропыхтел Рази, отдышавшись. – Как было бы здорово хоть разок увидеть, какое выражение появится на этих глупых крестьянских рожах!

Фаун замерла на месте. Все удовольствие от веселой болтовни дозорных пропало. Даг напрягся.

Мари бросила на них обоих загадочный взгляд, но отошла, ничего не сказав. Фаун вспомнила их утренний разговор о том, что олухами бывают и крестьяне, и Стражи Озера. Вот так-то...

Рази продолжал болтать:

– Объезжать окрестности Глассфорджа – да это же каникулы! Ну да, в седле проведешь целый день, но зато спать будешь в настоящей постели. И ванну примешь! Да и еду не надо готовить, и на костре она не пригорит. Что ни говори, а в городе есть свои удовольствия!

– А ведь город построили крестьяне, – пробормотала Фаун; судя по тому, как Даг поморщился, она поняла: он ясно расслышал не произнесенное ею вслух «идиот».

Рази пожал плечами.

– Крестьяне сеют пшеницу, но кто посеял крестьян? Мы.

«Как это?» – подумала Фаун. Утау, не такой толстокожий, как Рази, бросил на Фаун взгляд и возразил:

– Ты хочешь сказать, что это сделали наши предки. Только не слишком ли большие ты приписываешь нам заслуги?

– Почему бы нам не признать свои заслуги? – буркнул Рази.

– И вину тоже? – спросил Даг. Рази поморщился.

– По-моему, мы это уже сделали. Получили по справедливости.

Даг улыбнулся, не разжимая губ, и поднялся из-за стола.

– Ох... Если мне предстоит провести завтрашний день, разбирая каракули отчетов, к тому же наверняка неполных, дам-ка я своим глазам отдых. Если все остальные так же не

высыпались в последнее время, как я, то нас ждет спокойная ночь.

– Найди завтра побольше интересного в бумагах, Даг, – попросил Рази. – Чтобы работы здесь оказалось на несколько недель.

– Посмотрю, что удастся откопать.

Фаун тоже поднялась из-за стола, и Даг проводил ее до двери комнаты. Он не сделал попытки извиниться за Рази, но выражение его глаз было отсутствующим, и Фаун не понравилось ощущение, что его мысли гуляют где-то, куда ей вход закрыт. За окном густели теплые летние сумерки. Даг с подчеркнутой вежливостью пожелал Фаун доброй ночи.

На следующий день Даг поднялся на рассвете; Фаун, к его удовольствию, все еще спала. Тихо спустившись по лестнице, Даг оторвал от завтрака двоих дозорных, чтобы они отнесли сундук с бумагами в его комнату. Вскоре отчеты и карты заняли не только стол и постель, но и весь пол.

Даг слышал приглушенный скрип постели и шаги Фаун за стеной, когда девушка наконец встала и принялась одеваться. Через некоторое время Фаун осторожно заглянула в дверь, выходящую в коридор, и Даг вскочил, чтобы проводить ее в столовую. За завтраком было гораздо тише, чем накануне вечером: поодиночке или парами появлялись только последние сонные дозорные.

Поев, Фаун следом за Дагом поднялась наверх и с интересом принялась разглядывать бумаги и листы пергамента, разложенные по всей комнате.

– Могу я помочь?

Даг помнил, как быстро Фаун начинает скучать и как у нее чешутся руки, но в первую очередь он обратил внимание на невысказанное вслух «Можно мне остаться?». Он снисходительно позволил ей чинить карандаши или иногда приносить бумаги из другого угла, специально придумывая для нее занятия, – но такая работа развлекала ее и, к удовольствию Дага, держала поблизости. Фаун зачаровали карты и отчеты, и она принялась их читать, насколько могла. Дело шло медленно, и не по причине выцветших чернил или неразборчивого почерка. Утверждение Фаун, что она умеет читать, было правдой, но то, как она водила пальцем по строкам и шевелила губами, показывало, что беглости ей не хватает, возможно, из-за того, что ей не на чем было практиковаться. Однако когда Даг набросал на чистом листе бумаги таблицу, благодаря которой путанные данные отчетов становились бы понятны с первого взгляда, Фаун сразу же уловила логику этого.

В полдень в открытую дверь заглянула Мари. Она подняла брови при виде Фаун, которая сидела на постели, разбирая пометки на карте, но спросила только:

– Как дела?

– Почти заканчиваю, – ответил Даг. – Нет смысла смотреть записи больше чем за десять лет, мне кажется. Что-то сегодня здесь тихо. Чем занят народ?

– Кто чинит одежду, кто чистит оружие, а кто отправился в город. Лошадьми тоже нужно заняться: мы нашли кузнеца, сестра которого оказалась среди тех, кого мы спасли, и он охотно согласился помочь. – Мари подошла и взглянула поверх плеча Дага на таблицу, потом, сложив руки на груди, прислонилась к стене. – Так как все-таки этот Злой проскользнул мимо нас?

Даг постучал пальцем по таблице, разложенной перед ним на столе.

– Вот этот район в последний раз обследовал три года назад отряд из лагеря Хоуп Лейк. Их было тринадцать, а они пытались сделать работу, предназначенную для шестнадцати дозорных. Трех не хватало. Если бы они действовали по плану, предназначенному для двенадцати человек, им пришлось бы сделать еще два рейса, чтобы охватить весь район, а они и так уже отставали на три недели от расписания. Правда, все равно нельзя утверждать, что они что-то пропустили: вполне возможно, что Злой тогда еще не вылутился.

– Я затеяла поиски вовсе не для того, чтобы найти виновного, – мягко сказала Мари.

– Я знаю, – вздохнул Даг. – А что касается пропущенных округов... – его губы раздвинулись в невеселой улыбке, – тут кое-что выясняется. Те окрестности Глассфорджа,

которые можно за день объехать верхом, осматривались без запозданий – ну, по крайней мере без опозданий больше чем на год, – а вот по болотам к западу от города и горным ущельям на западе на коне не поездишь. – Даг помолчал и задумчиво пробормотал: – Лентяи.

Мари кисло улыбнулась и почесала нос.

– Понятно. Мы с Чато договорились, что он одолжит мне двоих и мы оба выйдем группы по шестнадцать человек, разделив между собой оставшиеся необследованными районы. Мы с ним оба останемся здесь: нам предстоит договориться с горожанами о том, что они должны нам за работу, так что я надумала поставить тебя во главе нашего отряда. Сможешь сам выбрать, какие округа осматривать.

– Как мило с твоей стороны, Мари! Выбирать между возможностью бродить по пояс в трясине и кормить пиявок или падать на острые камни... Не знаю, что и выбрать.

– Можно и иначе: засучив рукава помогать мне выкручивать руки горожанам. Как я заметила, у тебя это особенно хорошо получается.

Фаун, которая, отложив карту, внимательно прислушивалась к разговору, удивленно заморгала.

Даг с отвращением поморщился. Размахивать перед крестьянами покалеченной рукой, чтобы устыдить их и заставить щедро расплатиться, на его взгляд, было гораздо менее приятно, чем отбиваться от пиявок и даже вскрывать натертые седлом мозоли.

– Я поклялся, когда в последний раз устраивал по твоей просьбе такое представление, что больше никогда не стану этим заниматься. И сколько раз прежде я давал такую клятву... – добавил он задумчиво. – У тебя стыда нет, Мари.

– Выхода у меня нет, – устало возразила Мари. – Кто-то подсчитал, что нужны усилия по крайней мере десяти человек, остающихся в лагере, не считая детей, чтобы содержать одного дозорного. Любая мелочь, которую нам не удастся выбить из жителей городов и ферм, приводит к еще большим опозданиям.

– Тогда почему мы не запрашиваем больше? Разве не для того мы заселили земли крестьянами? – Это был старый спор, и Даг все еще не знал правильного ответа на свои вопросы.

– Стоит ли нам снова делаться правителями? – мягко спросила Мари. – Не думаю.

– Ну а какова альтернатива? Позволить миру катиться в пропасть, потому что нам стыдно просить о помощи?

– Нужно поддерживать равновесие, – твердо сказала Мари. – Как мы всегда и делали. Мы не можем сделаться зависимыми от чужаков. – Ее взгляд упал на Фаун. – От других.

В комнате повисла тишина; потом Даг пробормотал:

– Я выбираю болота. – Мари слишком поспешно и с довольным видом кивнула, и Даг подумал, не сделал ли ошибки. Поразмыслив, он добавил: – И если еще ты разрешишь нам взять с собой кого-то из местных конюхов, нам не придется оставлять дозорного для присмотра за лошадьми.

Мари нахмурилась, но в конце концов неохотно кивнула.

– Хорошо. Это имеет смысл по крайней мере при однодневных вылазках. Начнете завтра.

Карие глаза Фаун расширились в испуге, и Дагу стал понятен источник тайного удовлетворения Мари.

– погоди-ка, – сказал он, – а кто будет присматривать за мисс Блуфилд, пока меня нет?

– Хотя бы и я. Она не окажется в одиночестве: на постоялом дворе останутся четверо выздоравливающих, да и мы с Чато все время будем поблизости.

– Конечно, со мной все будет в порядке, Даг, – заверила его Фаун, хотя в голосе ее и звучало некоторое сомнение.

– А сможешь ты проследить, чтобы она не переутомлялась? – ворчливо проговорил Даг. – Что, если у нее снова начнется кровотечение? Или лихорадка?

Даже Фаун подняла брови от такого предположения и прошептала:

– В середине-то лета?

– Ну, я лучше сумею справиться с этим, чем ты, – ответила Мари, внимательно глядя на Дага.

«Смотрит, как я трепыхаюсь», – мрачно подумал Даг и решил на будущее вести себя сдержаннее. Он держал свой Дар под жестким контролем с тех пор, как они добрались до окраин Глассфорджа накануне, но Мари явно не нуждалась в нем, чтобы делать собственные пронищательные заключения, тем более что в его присутствии Фаун сияла, как зажженная лампа.

Он скатал карту и вручил ее Мари.

– Ты можешь повесить ее на стену в столовой, и мы будем отмечать обследованные районы. Пусть ребята поразвлекутся. Если ты еще и намекнешь, что по окончании разрешишь веселушки, дело пойдет споро.

Мари согласно кивнула и ушла, а Даг привлек Фаун к тому, чтобы сложить бумаги в сундук по порядку.

Притащив ему охапку растрепанных и покрытых пятнами отчетов, Фаун сказала:

– Ты уже дважды упоминал о создании фермеров. Что ты имел в виду?

Даг сел на пятки и удивленно взглянул на нее.

– Разве ты не знаешь, откуда происходит твоя семья?

– Конечно, знаю. Это записано в нашей семейной книге, которая хранится вместе со счетами по ферме. Мой прапрапрадед, – она помедлила, отсчитывая поколения на пальцах, – переселился на север к холмам у реки из Ламптона почти двести лет назад и стал расчищать землю. Через несколько лет он женился, переселился за западный приток реки и основал нашу ферму. С тех пор там и живут Блуфилды. Поэтому даже ближнюю деревню называли Вест-Блю.

– А где жили твои предки до Ламптона?

Фаун заколебалась.

– Я не уверена. Тогда был только Ламптон, Ламптон-на-Перекрестке и Верхний Ламптон еще не появились.

– Шестьсот лет назад, – сказал Даг, – вся эта страна от Мертвого озера почти до южного берега моря была безлюдной глушью. Стражи Озера из этих мест отправились на восток и на юг, где еще сохранялись поселения людей – твоих предков, – и уговорили некоторые группы переселиться сюда и построить себе дома. Предполагалось, что эта местность – к югу от определенной линии – достаточно очищена от Злых, чтобы снова стать безопасной. Как оказалось, это было не совсем так, хотя дела обстояли гораздо лучше, чем когда-то. Крестьяне и Стражи Озера обменялись обещаниями... к счастью, мой народ еще помнил, кто мы такие. Было еще два основных района заселения – один к востоку от Трипойнта, другой – к западу от Фермерской равнины, не говоря уже о южном, у Серебряных перекатов на реке Грейс, откуда и происходит большинство твоих предков. С тех пор потомки тех первых поселенцев медленно обживают новые территории.

Стражи Озера придерживаются на этот счет двух разных точек зрения. Одни полагают, что чем больше людей высматривают, не появились ли Злые, тем лучше. Другие считают, что таким образом Злые просто получают больше пищи. Мне приходилось видеть Злых, вылупившихся и в населенных, и в безлюдных местах, и я не вижу разницы между этими кошмарами, так что последний взгляд на вещи мне больше не нравится.

– Значит, Стражи Озера жили здесь раньше крестьян, – медленно проговорила Фаун.

– Да.

– А что было до появления Стражей Озера?

– Как, ты ничего не знаешь?

– Незачем делать вид, что ты так поражен, – обиженно сказала Фаун, и Даг знаком показал, что приносит ей извинения. – Я много чего знаю, просто не могу отличить, что правда, а что легенды и сказки, которые рассказывают детям на ночь. Когда-то давным-давно существовала целая цепь озер, а не одно большое мертвое, как теперь. Вокруг них стояли

семь прекрасных городов, которыми управляли великие лорды-волшебники. Был волшебник-король, и прекрасные принцессы, и смелые воины и мореплаватели... и много кто еще. В городах стояли высокие башни, окруженные прекрасными садами, где пели украшенные драгоценными камнями птицы и жили волшебные звери, а благословение богов низвергалось, как вода из фонтанов, и сами боги вмешивались в жизнь людей... я бы такому просто перепугалась. Ох, и еще по озерам плавали корабли с серебряными парусами. Я думаю, что паруса-то были из обычной белой парусины и просто казались серебряными в лунном свете, потому что, будь они и в самом деле из серебра, корабли под его весом просто пошли бы ко дну. Ну, что наверняка легенда – это рассказы о том, будто некоторые города тянулись на пять миль в ширину, – такого ведь не может быть.

– На самом деле, – прочистил горло Даг, – это как раз правда, я точно знаю. Руины Огачи всего в нескольких милях от берега. Когда я был еще только начинающим дозорным, мы с друзьями отправились на шлюпке, чтобы посмотреть на них. В ясный солнечный день хорошо видны верхушки каменных строений, протянувшихся вдоль прежней набережной. Огачи и на самом деле имел в ширину пять миль, а то и больше. Ведь именно его жители построили большаки, знаешь ли, – а они тянулись, пока не разрушились, на тысячи миль.

Фаун поднялась и отряхнула пыль с юбки, потом села на край кровати; на лице ее была написана напряженная работа мысли.

– Так куда же они все делись? Те строители.

– По большей части умерли. Некоторые выжили. Их потомки все еще здесь.

– Где?

– Здесь. В этой комнате. Ты и я.

Фаун в изумлении вытаращила на него глаза, потом с сомнением потупилась.

– И я?

– Легенды Стражей Озера говорят... – Даг помолчал, отсеивая и отбрасывая лишнее, – что Стражи Озера произошли от тех немногих лордов-волшебников, которые спаслись при катастрофе. А крестьяне – потомки обычных людей, уцелевших на окраинах, вдалеке от озер, которым удалось пережить первую, великую войну со Злыми, и две последующие, уничтожившие озера и оставившие Западные Уровни. – Которые те, кто там бывал, называли Мертвыми Уровнями, и Даг очень хорошо понимал почему...

– Разве была не одна только война? Я никогда о таком не слышала, – сказала Фаун.

– В определенном смысле, – кивнул Даг. – Может быть, та первая война так никогда и не кончалась. Ты не спросила о том, откуда взялись Злые.

– Из земли. Так всегда было. Только... – Фаун заколебалась, потом поспешно продолжала: – Только мне кажется, ты хочешь сказать, что так было не всегда, и собираешься рассказать, как они попали в землю. Верно?

– Я сам не очень ясно себе это представляю. Что мы знаем точно – это что все Злые произошли от первого великого Злого. Только они повелись не как мы – благодаря бракам, рождениям, смене поколений. Великий Злой был больше похож на чудовищное насекомое, отложившее десять тысяч яиц, из которых через некоторые интервалы времени вылупляются в земле новые.

– Я видела такое, – мрачно сказала Фаун. – Не знаю, что там было, но точно не жук.

Даг пожал плечами.

– Мы просто пытаемся так об этом думать. Я за свою жизнь видел несколько дюжин Злых и мог бы сказать, что первый Злой был зеркалом, которое разбилось на десять тысяч осколков, так что образовалось десять тысяч маленьких зеркал. Злые не материальны по своей внутренней сути. Они просто собирают вокруг себя материю, чтобы сделать себе домик, раковину. Они, похоже, питаются Даром.

– А как случилось, что первое зеркало разбилось?

– Первый Злой проиграл войну... так говорят.

– Боги пришли на помощь?

Даг фыркнул.

– Легенды Стражей Озера гласят, что боги покинули мир, когда явился первый Злой. И что они вернуться, когда земля будет полностью очищена от его порождений. Если, конечно, верить в богов.

– А ты веришь?

– В то, что их здесь нет, верю, да. Это тоже своего рода религия.

– Хм-м... – Фаун скатала последнюю карту и перевязала ее тесьмой, прежде чем передать Дагу. Даг положил свиток на место и закрыл сундук.

Несколько мгновений он сидел молча, положив руку на защелку.

– Какую бы роль они ни играли, – сказал он наконец, – не думаю, что только лорды-волшебники строили те башни и плавали на тех кораблях. Твои предки тоже в этом участвовали.

Фаун только моргнула, но о чем она подумала, Даг догадаться не мог.

– И лорды тоже не появились из ниоткуда и не свалились с неба, – упрямо продолжал Даг. – Среди нас есть такие, кто думает, что изначально был один единый народ и что волшебники вышли из него. Другое дело, что ради усовершенствования своего искусства они заключали браки между собой и использовали магию, чтобы обрести большее могущество и власть; так они отдалились от своих родичей. В этом и была, наверное, первая ошибка.

Фаун склонила голову к плечу и уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент в коридоре раздались шаги и в дверь просунул голову Рази.

– Ах, Даг, вот ты где! Ты только понюхай! – Он протянул Дагу маленькую стеклянную бутылочку и вытащил из нее кожаную пробку. – Дирла нашла аптекаря в городе, который этим торгует.

За плечом Рази стояла гордо улыбающаяся Дирла.

– Что это?? – спросила Фаун, наклоняясь и нюхая бутылочку. – Ой, какая прелесть! Пахнет ромашкой и клевером.

– Душистое масло, – ответил Рази. – Там продают семь или восемь сортов.

– Для чего вы его употребляете? – наивно спросила Фаун.

Даг мысленно отправил своего товарища на Мертвые Уровни.

– Для растирания усталых мышц, – предостерегающим тоном сообщил Даг.

– Ну и для этого тоже, – задумчиво протянул Рази.

– Растереть спину душистым маслом, – промурлыкала Дирла. – М-м-м, прекрасная идея.

– Как удачно, что вы двое зашли, – переменял тему Даг прежде, чем разговор стал чересчур увлекательным – и для него, вовсе не мечтающего о повторении ощущений во время поездки с фермы Хорсфордов, и для Фаун, которая, несомненно, стала бы еще и задавать вопросы. – Мне как раз нужно, чтобы сундук отнесли вниз. Тащите.

Рази с Дирлой поворчали, хоть и добродушно, и потащили сундук в кладовую.

Даг закрыл дверь за дозорными, отправил Фаун в ее комнату, а сам последовал за Рази и Дирлой, размышляя, рискнет ли спросить, где находится лавка аптекаря, и не окажется ли она ему по пути к мастеру, который чинит его протез.

Объезд болот к западу от Глассфорджа занял шесть дней.

Даг начал с самых ближних окрестностей и поэтому смог в первую ночь с отрядом вернуться ночевать на постоялом дворе, а заодно проведать и Фаун. После того как он со все с большим беспокойством искал ее по всем комнатам, Фаун нашлась на кухне, где чистила горох и болтала с поварихой и судомойками. Даг с облегчением прогнал видение: Фаун, печальная и одинокая, в окружении снисходительно посматривающих на неё Стражей Озера; однако опасения, что девушка станет слишком тратить силы, у него осталось.

На следующий день Даг выбрал самый дальний район – на осмотр которого ушло бы не меньше трех дней, – чтобы разделиться с самым неприятным делом. На жалобы молодых дозорных он ответил рассказами об объезде трясин к северу от Фермерской равнины

холодной зимой; подробности были такими устрашающими, что даже самые большие ворчуны умолкли. Большую часть вещей можно было оставить там же, где и коней, но необходимость защищаться от москитов и мошек означала, что сапоги, штаны и рубашки снять никак нельзя, и одежда страдала от болотной жижи. Когда через три дня поздно ночью отряд вернулся в Глассфорд, дозорных порадовала протопленная баня, имевшая собственный колодец и расположенная между конюшней и основным зданием, хоть слуги и косились на них, а прачки бросали мрачные взгляды на заляпанную грязью одежду. На этот раз Фаун ждала Дага, занимаясь починкой белья и слушая рассказы руководивших этим занятием портних.

На следующий вечер, вернувшись из объезда, Даг за поздним ужином описал Фаун увиденное. Она, затаив дыхание, слушала рассказ о почти круглом совершенно плоском болоте примерно шести миль в диаметре, которое, как был уверен Даг, в прошлом служило логовом Злого, а теперь снова дало приют жизни – по большей части ядовитой и прожорливой, но, несомненно, процветающей. Даг полагал, что уничтожение Злого примерно на столетие опередило появление здесь первых поселенцев-фермеров. Фаун в ответ рассказала о своих приключениях в городе. Сасса, зять Хорсфордов, снова вернувшийся домой, заглянул на постоялый двор, чтобы выполнить свое обещание: показать Фаун свою стекольную мастерскую. Завершили они день визитом в бумажную мастерскую брата Сассы, а потом еще и побывали у мастера, делающего чернила, по соседству.

– Здесь больше всякой работы, чем я и мечтать могла, – задумчиво сообщила Фаун Дагу.

Однако она явно переоценила свои силы, так что, когда Даг провожал ее в ее комнату, она еле шла и зевала так, что с трудом сказала ему «Спокойной ночи». Даг занялся тем, что подкрепил ее Дар против начинающейся простуды и проверил, как заживают внутренние повреждения: нет ли воспаления или омертвения там, где Злой оставил свой отвратительный след, – после чего заставил девушку пообещать, что на следующий день она будет отдыхать.

Дальнейшие планы Дага оказались нарушены: один из дозорных умудрился запутаться в корнях ивы, уйти с головой под воду и к тому же разворошить гнездо водяных щитомордников. Поручив Утау командовать отрядом, Даг вернулся в город, посадив на коня перед собой потрясенного и очень больного дозорного. Дагу, к счастью, в дороге не пришлось делать ничего срочного или опасного с помощью своего Дара, хотя он мрачно думал о том, что Утау настоял на том, чтобы послать с ним двоих воинов как раз на такой случай. Однако пострадавший от укуса змеи пережил не только поездку, но и быстрое омовение в бане, после чего был уложен в постель. К тому времени Мари и Чато уже явились в его комнату, так что Даг смог поручить им дальнейшее лечение.

Новости, которые сообщила ему Мари, заставили Дага отправиться на поиски Фаун, даже не смыв с себя грязь. Голос девушки, задававшей – ну конечно же! – один из своих бесконечных вопросов, донесся со второго этажа, и Даг свернул в коридор. Дверь в комнату – комнату Сауна – была открыта, и Даг помедлил, прежде чем войти. Голос Сауна произнес:

– Мое первое впечатление о нем было как о ворчливом старике, который если и открывает рот, так только чтобы выругать тебя. Ты, верно, знаешь таких?

– О да.

– Он всегда ехал или шел позади и обычно бывал немногословен. Начал я прозревать, когда Мари поставила его крайним – на позицию, при которой за ним уже никого нет. Мы, понимаешь ли, рассредоточиваемся не так, чтобы постоянно видеть друг друга, а в пределах, когда чувствуем остальных при помощи Дара. Если ты и дозорные с обеих сторон от тебя чувствуют друг друга, можно быть уверенным, что Злого вы не пропустите. Мари послала его в сторону на милую. Это более чем вдвое превосходит возможности моего Дара.

Фаун охнула, поощряя рассказчика. Саун, должным образом вдохновленный, продолжал:

– Потом я начал замечать, что Мари, когда нуждается в чем-то, превосходящем обычные возможности, посылает его. Или иногда он сам подсказывал ей... Он редко что-то

рассказывает, но если уж рассказывает, то о каких только местах не идет речь... я хочу сказать, что он как будто побывал везде. Я было начал складывать в голове все места и всех людей и подумал: «Как такое возможно?» И еще я раньше думал, что у него нет чувства юмора, и только потом понял, какой его юмор едкий и сухой. Сначала он не кажется ничем особенным, но потом увеличивается и увеличивается... А как было у тебя?

– Совсем иначе, пожалуй. Он просто явился. Весь целиком... и еще как явился! У меня такое чувство, что я с тех пор все распаковываю и распаковываю его, а до дна еще далеко.

– Хм-м... Он таким бывает и в дозоре.

– Он хороший боец?

– Кажется, что он видит больше, чем остальные... нет, не так. Скорее он более сосредоточен. Не знаю, понимаешь ли ты...

– М-м-м... может быть. Сколько ему на самом деле лет? Я никак не могу сообразить...

Как ни подавлял Даг свой Дар, кто-то из них в конце концов должен был почувствовать болотную вонь в теплом летнем воздухе. Даг придал лицу равнодушное выражение, постучал по двери и вошел.

Саун лежал на постели, и на поверхности виднелись только его повязки; все остальное скрывалось под простыней. Фаун в своем синем платье устроилась на стуле, положив босые ноги на край постели и шевеля пальцами в попытке поймать хоть какой-то ветерок от окна. В порядке исключения ее руки оказались ничем не заняты, но по темным волосам Сауна было заметно, что его недавно причесали, заплетя две аккуратные косы.

Дага приветствовали две широкие улыбки на лицах, одинаково молодых и одинаково бледных после перенесенных ран. Оба получили почти смертельные повреждения, когда он был в дозоре – от этой мысли Даг чуть не поморщился, – но оба смотрели на него с доверием и обожанием. Красота этих молодых людей была трогательной, хоть и вызвала у Дага смутную ревность. Это никуда не годилось... Шесть дней прочесывания болот без намека на близость Злого не должны были бы вызвать такую усталость и такие странные чувства.

– Привет, Искорка. Я тебя ишу. Здорово, Саун. Как твои ребра?

– Лучше. – Саун решительно приподнялся, но тут же поморщился, опровергая тем свои слова. – Мне велели прохаживаться по коридору. Фаун составляет мне компанию.

– Прекрасно! – жизнерадостно воскликнул Даг. – И о чем вы тут говорили?

Саун смутился.

– Ну, о том о сем...

Фаун быстрее нашла выход из положения:

– Зачем ты меня искал?

– Хочу кое-что тебе показать. Обувайся и пойдем в конюшню.

– Хорошо, – послушно ответила она и поднялась.

Босые ноги Фаун затопали по коридору, и Даг крикнул ей вслед: «Эй, погоди!» Он вроде не сказал ничего смешного, но ответом ему был ее обычный легкий смех. Неужели в обычных обстоятельствах эта девушка всегда бежит вприпрыжку?

Даг посмотрел на Сауна, размышляя, не следует ли того предостеречь. Этот широкоплечий парень нравился женщинам, Даг не раз это замечал, но данное обстоятельство раньше не вызывало у него озабоченности. Впрочем, сейчас, на положении больного, Саун не представлял опасности для любопытных крестьянских девчонок, решил Даг. А предостережение могло вызвать вопросы, на которые Дагу не хотелось бы отвечать, например: «А тебе какое дело?» – так что он ограничился дружеским кивком и двинулся из комнаты.

– Эй, Даг! – окликнул его Саун, ухмыляясь с подушки. – Старый дозорный!

– Да? – Проклятие, где мальчишка подхватил это его прозвище? Должно быть, Саун внимательно прислушивался к тому, что иногда бормотал себе под нос сам Даг.

– Можешь не притворяться таким суровым. Все, о чем мечтает твоя Искорка, – это послушать о подвигах Дага. – Саун откинулся на подушку, хихикая.

Даг покачал головой и ушел. Только спустившись на первый этаж, он сумел перестать

морщиться.

Даг пришел в конюшню, все стойла которой были заняты конями дозорных из двух отрядов, ненамного раньше Фаун. Он подвел ее к стойлу, где находилась кроткая гнедая кобыла, и сказал:

– Поздравляю, Искорка. Мари договорилась обо всем официально. Теперь ты – хозяйка этой прекрасной лошади. Это твоя доля в плате, которую мы получили от отцов города. Я нашел для тебя и седло с уздечкой; седло как раз будет тебе по размеру. Сбруя не новая, но в хорошем состоянии. – Даг не стал упоминать о том, что это приобретение – результат его сделки с добродушным мастером, который так умело починил его протез.

Фаун просияла, скользнула в стойло и стала чесать уши кобыле; та от удовольствия фыркнула и выгнула шею.

– Ох, Даг, до чего она хороша! Только... – Фаун с подозрением сморщила нос, – не твоя ли это доля платы? Я хочу сказать... Мари была добра ко мне и все такое, но я не думаю, что она возьмет меня в дозорные.

Уж очень эта девушка сообразительна...

– Если бы все зависело от меня, ты получила бы гораздо больше, Искорка.

Сомнения Фаун, казалось, развеялись не вполне, но тут кобыла подтолкнула ее носом, и девушка снова принялась ее гладить.

– Ей нужно имя. Нельзя же все время называть ее «та кобыла»! – Фаун задумчиво закусила губу. – Я назову ее Грейс, в честь реки. Это красивое имя, а она – красивая лошадь, и к тому же несла меня так плавно. Хочешь быть Грейс, моя красавица? – Фаун продолжала ласкать лошадь, а та охотно заявила о своем согласии и на любовь девушки, и на имя, стукнув копытом и фыркнув, что заставило Фаун рассмеяться. Даг прислонился к стене, улыбаясь.

Через некоторое время Фаун отвлеклась от лошади, занятая новой мыслью, вышла из стойла и замерла, скрестив руки на груди.

– Только... только я не уверена, что смогу прокормить ее на жалованье доярки... или кем я смогу наняться.

– Она твоя. Можешь, если хочешь, ее продать, – невыразительным голосом сказал Даг. Фаун покачала головой, но выражение ее лица не стало более веселым. – В любом случае, – продолжал Даг, – тебе рано думать о работе. Лошадь понадобится тебе для путешествия.

– Я чувствую себя гораздо лучше. Кровотечение прекратилось два дня назад, и если бы мне грозила горячка, она, должно быть, уже началась бы. И голова у меня больше не кружится.

– Да, но дело в том... Мари дала мне отпуск, чтобы я съездил в лагерь и показал нож мастеру. Я знаю одного – самого лучшего. Вот я и подумал... Ламптон и Вест-Блу более или менее по дороге к лагерю Хикори, и мы могли бы побывать на твоей ферме и успокоить твоих родичей.

Глаза Фаун вспыхнули, но понять, что выражал взгляд, который она бросила на Дага, тот не смог.

– Я не хочу возвращаться. – Голос Фаун дрогнул. – Я не хочу, чтобы моя дурацкая история стала всем известна. – Голос Фаун обрел твердость, когда она заключила: – Не желаю и на сотню миль приближаться к Идиоту Санни.

Даг глубоко втянул воздух.

– Тебе не обязательно оставаться... Да ты и не сможешь: твое свидетельство необходимо в связи с этой историей с ножом. После того как все завершится, ты сможешь выбрать, куда отправиться.

Фаун закусила губу и потупилась.

– Они постараются не отпустить меня – я их знаю. Ни за что не поверят, что я взрослая... – Голос ее зазвучал отчаянно: – Только если ты пообещаешь отправиться вместе со мной и пообещаешь не оставлять меня там!

Даг положил руку Фаун на плечо, стараясь ободрить девушку в ее странном

беспокойстве.

– А если ты по доброй воле захочешь остаться?

– М-м-м...

– Я просто пытаюсь понять, что тебя пугает – остаться здесь, остаться там или что я тебя брошу.

Фаун подняла на него огромные потемневшие глаза, ее губы приоткрылись... Даг обнаружил, что его голова склоняется, а рука обнимает тонкую талию... он словно падал с огромной высоты, падал на что-то мягкое...

Позади кто-то сухо кашлянул, и Даг резко выпрямился.

– Вот вы где, – сказала Мари. – Я так и думала, что найду вас здесь. – Голос ее звучал сердечно, но сузившиеся глаза смотрели на Дага в упор.

– Ох, Мари, – выдохнула Фаун. – Спасибо тебе за эту прекрасную лошадь. Я никак не ожидала... – Она сделала что-то вроде книксена.

Мари улыбнулась ей, умудрившись одновременно с иронией взглянуть на Дага.

– Ты заслужила гораздо больше, но мне не удалось выговорить дополнительной платы. Я чувствую себя в долгу перед тобой. – На это ни у Фаун, ни у Дага не нашлось ответа. Мари невозмутимо продолжала: – Фаун, прости, но мне нужно обсудить с Дагом кое-какие дела отряда.

– О, конечно! – весело воскликнула Фаун. – Пойду расскажу Сауну про Грейс! – Она вприпрыжку убежала, бросив Дагу улыбку через плечо.

Мари прислонилась к столбу, скрестив руки на груди, и молча смотрела на Дага, пока Фаун могла ее слышать. В конюшне было прохладно, хотя снаружи и припекало полуденное солнце, пахло лошадьми и стояла тишина, если не считать редкого шевеления разомлевших от жары животных и ленивого жужжания мух. Даг ждал, понимая, что ничего приятного не услышит, подняв подбородок и сцепив за спиной правую руку и протез.

Долго ждать ему не пришлось.

– Что это ты затеял, парень? – прорычала Мари.

Единственный ответ, который пришел Дагу в голову, был «Что ты имеешь в виду, Мари?» – но это казалось напрасной тратой времени и усилий. Даг прикрыл глаза и стал ждать продолжения.

– Неужели мне нужно перечислять все последствия твоего увлечения? – сказала Мари, и в ее голосе отчетливо прозвучало раздражение. – Проклятие, такую лекцию ты и сам мог бы прочесть. Да и, наверное, не раз читал.

– Раз или два, – кивнул Даг.

– Так о чем же ты думаешь? И думаешь ли вообще?

Даг сделал глубокий вдох.

– Я знаю, ты хочешь сказать мне, чтобы я держался подальше от Фаун. Только я не могу. Пока не могу. Нас связывает нож – до тех пор, пока я не побываю в лагере. Нам предстоит совместное путешествие – ты не можешь этого отрицать.

– Меня беспокоит не то, что может случиться в дороге. Меня беспокоит то, что будет происходить на привалах.

– Я не сплю с ней.

– Не спишь – пока что. Ты наглухо запираешь свой Дар в моем присутствии с того самого момента, как вы вернулись. Что ж, я знаю – отчасти такова твоя привычка, ты всегда отключаешься во сне. Но это... ты похож на кота, который думает, будто его никто не видит, потому что он спрятал голову в мешок.

– Ах, мои мысли должны принадлежать только мне. А кроме того, оказавшись среди крестьян, нужно прятать от них Дар.

– Прекрасное оправдание, – фыркнула Мари.

– Я еду с ней в лагерь, – упрямо повторил Даг. – Это решено.

Ласковым голосом Мари пропела:

– Собираешься похвастаться ею перед своей матерью? Ах, как мило!

Плечи Дага поникли.

– Сначала мы побываем на ее ферме.

– Ах, так ты собрался познакомиться с ее матерью. Превосходно! Вот радости-то будет! Может, лучше вам двоим взяться за руки и прыгнуть со скалы? Это будет быстрее и не так болезненно.

Губы Дага против его воли дрогнули в улыбке.

– Пожалуй. Так и следует поступить.

– В самом деле? – Мари оттолкнулась от столба и стала ходить туда-сюда по проходу. – Ну, если бы ты был сопливым парнишкой-дозорным, которому не терпится порезвиться на стороне, я просто дала бы тебе подзатыльник и положила бы конец приключению. А сейчас я не могу понять: пытаешься ты дурачить голову мне или самому себе.

Даг стиснул зубы и продолжал молчать. Это казалось ему самым разумным.

Мари снова вернулась к столбу, оперлась на него и почистила сапог.

– Понимаешь, Даг, – сказала она со вздохом, – я уже давно слежу за тобой. Когда ты в дозоре, ты никогда не позволяешь себе небрежно отнестись к своему оружию, или к еде, или к отдыху, или к состоянию ног. Ты же не начинающий, полный героического вздора о своей неутомимости, пока не врежется лбом в скалу. Ты готовишь свое тело к длительному употреблению.

Даг согласно склонил голову, хоть и не понимал, к чему клонит Мари.

– Однако хотя ты не моришь голодом свое тело и все еще собираешься жить, как раньше, ты моришь голодом сердце и, похоже, ожидаешь, что оно будет служить тебе вечно. Выплачивать ему долг ты не собираешься... Так что если ты упадешь – точнее, когда ты упадешь, – ты упадешь как изможденный голодом человек. Сейчас я вижу, как ты начинаешь крениться, и боюсь, что никакие мои слова не смогут тебя удержать. Да пропади оно все пропадом, я не понимаю, – в голосе Мари с новой силой зазвучало огорчение, – почему ты так и не связал себя ни с одной из симпатичных вдов, с которыми твоя мать... ну пусть не мать, а друзья и родичи тебя знакомили... пока наконец не отчаялись. Будь все иначе, ты бы имел иммунитет по отношению к теперешней глупости, и никакой нож не сбил бы тебя с толку.

Плечи Дага поникли еще сильнее.

– Это было бы несправедливо по отношению к женщине. Я не способен снова на то, что было у нас с Каунео. Не потому, что другим женщинам чего-то не хватает. Дело во мне. Я не могу дать того, что давал Каунео. Я опустошен и сух.

– Никто иного и не ожидал, за исключением, может быть, тебя. У большинства людей не бывает того, что было у вас с Каунео, если хотя бы половина того, что я слышала, правда. И все же люди вполне сносно живут дальше.

– Женщина умерла бы от жажды, пытаясь достать воду из этого колодца.

Мари покачала головой, неодобрительно поджав губы.

– Ты драматизируешь, Даг.

Он пожал плечами.

– Не настаивай на ответах, которых ты не хочешь слышать.

Мари отвела глаза, посмотрела на увешанные пыльной паутиной и клочьями соломы балки и попыталась подойти с другой стороны.

– Ну, учитывая все, я не могу возражать против того, чтобы ты дал себе волю. В конце концов, у этой деревенской девчонки тут нет родственников, которые могли бы поднять крик.

Глаза Дага сузились; в его сердце пробудилась глупая надежда: не хочет ли Мари сказать, что не станет вмешиваться? Да нет, не может быть...

– Если уж тебя нельзя вразумить, что ж... такие вещи случаются. – Сарказм в голосе Мари ничего не оставил от надежды. – Но если ты так полон решимости влипнуть, ты должен иметь план того, как собираешься выпутываться, и я хочу, чтобы ты мне об этом рассказал.

«Я совсем не хочу выпутываться. Я не хочу, чтобы наступил конец». Понимание этого смутило Дага, он совсем не представлял себе, чего хочет. Проклятие, он ведь и не начал ничего!.. Спор с Мари развивался слишком быстро для него, как, несомненно, Мари и хотела...

– Все великие планы, которые я составлял в жизни, кончались ужасными сюрпризами, Мари. Я уже давно поклялся, что не буду ничего планировать.

Мари презрительно покачала головой.

– Я почти хотела бы, чтобы ты оказался просто олухом, которому хватило бы подзатыльника. Впрочем, нет... Ты – это ты. Если девчонка погибнет – а я не вижу, как возможно что-либо другое, – то же ждет и тебя. Двойное несчастье. Я вижу, как оно приближается, и ты наверняка тоже. Так что же ты собираешься делать?

Даг напряженно спросил:

– А что ты предлагаешь, провидица?

– Твоя затея не может кончиться добром. Так что не начинай.

«Я и не начал», – хотелось ему сказать. Правда на языке, но ложь перед Даром... Выносливость уже давно была его последней сохранившейся добродетелью; Даг призвал себе на помощь терпение и просто стоял перед Мари.

Не обращая внимания на его упрямое молчание, Мари переменила позу и начала атаку снова:

– Все рожденные с нашей кровью имеют два великих долга. Первый – продолжать бесконечную войну, с непреклонной решимостью, в жизни и в смерти, с надеждой и когда надежды нет. Этому долгу ты никогда не изменял.

– Кроме одного раза.

– Никогда, – возразила Мари. – Полный проигрыш – это не поражение, а просто проигрыш. Такое иногда случается. Я ведь не слышала, чтобы ты бежал с того перевала, Даг.

– Нет, – ответил он, – такого шанса у меня не было. Окружение делает бегство несколько сомнительным, и у меня не было времени разгадать эту загадку.

– Ну ладно... есть еще и второй долг, не менее великий, без которого первый ничего не стоит и делается просто обманом. Этот долг ты до сих пор не выполнял ни в малейшей мере.

Даг вскинул голову, уязвленный и настороженный.

– Я расплатился кровью, потом, годами жизни. Я все еще собираюсь отдать свои кости и смерть сердца, если получится, но в самоубийстве – потворстве своим слабостям и измене долгу – никто меня обвинить не сможет: я так решил много лет назад. Не знаю, чего еще ты от меня хочешь.

Губы Мари сжались, взгляд стал пристальным; в голосе зазвучала убежденность:

– Второй долг – создать следующее поколение, которому можно будет передать воинский долг, потому что все, что мы делаем, вся кровь, пот, самопожертвование станут ничем, если мы также не передадим свое телесное наследство. И это – дело, к которому ты последние двадцать лет поворачиваешься спиной.

Правая рука Дага стиснула деревянное запястье левой с такой силой, что дерево затрещало; дозорный усилием воли ослабил хватку на протезе, который с такими трудами недавно удалось починить. Он попытался так же стиснуть и зубы, но ответ все же вырвался:

– Уж не позаимствовала ли ты подбородок моей матери?

– Думаю, что могла бы повторить ее речь наизусть – мне достаточно часто приходилось выслушивать ее жалобы, – но нет, подбородок мой собственный, и позиция тоже моя, оплаченная кровью. Послушай, я понимаю, что твоя мать слишком сильно давила на тебя после смерти Каунео, в результате чего ты так ошестинился; я знаю, что тебе нужно было больше времени, чтобы справиться с собой. Но времени прошло достаточно, Даг, пора тебе ожить. Эта маленькая крестьяночка – тому доказательство. И я не хочу оказаться под обвалом, когда ты рухнешь.

– Тебе такое не грозит: мы уезжаем.

– Это хорошо, но недостаточно. Я хочу получить твое слово.

«Ничего у тебя не получится». Не была ли эта мысль своего рода решением? Даг знал, что доводы Мари поколебали его, но не переступил ли он уже черту? «И что это за черта?» Даг не мог бы сказать, но голова у него разболелась от жары, а усталость стала невыносимой. Грязь на одежде засохла, тело чесалось и воняло. Он мечтал о холодной ванне. Если подержать голову под водой достаточно долго, может быть, боль утихнет? Минут десять—пятнадцать...

– Если бы я погиб на Волчьем перевале, я все равно остался бы бездетным, – прорычал Даг. «Тогда даже мои родичи не могли бы жаловаться или по крайней мере мне не пришлось бы выслушивать...» – У меня есть план. Почему бы тебе просто не притвориться, что я умер?

Даг повернулся на каблуке и вышел из конюшни. Это было бы еще более впечатляющим, если бы Мари так яростно не выкрикнула ему вслед:

– Действительно, почему бы и нет? Ты ведь умер!

11

Даг полагал, что держит свой Дар в узде, но, по-видимому, его раздражение все-таки просачивалось настолько, чтобы трое выздоравливающих покинули баню через пять минут после его прихода. Впрочем, через некоторое время и тело, и разум его охладилась достаточно, и Даг решил поискать себе полезное занятие, желательно не в обществе товарищей по дозору. Такое занятие нашлось: нужно было отнести к мастеру седло со сломанной лукой, а заодно и забрать сбрую, которую тот уже привел в порядок; это заполнило время до ужина и прибытия встревоженного Утау и остальных перемазанных грязью дозорных.

Доводы Мари были не так уж неверны... все они были правильны, мрачно признал Даг. Устыдившись, он добросовестно принялся укреплять самоограничения, которые еще недавно были для него естественны, как дыхание... дыхание, почему-то ставшее трудным, как если бы у него на груди лежал тяжелый камень. «Мертвецы не нуждаются в воздухе, а?»

Тем вечером за ужином Даг разговаривал с Фаун с безукоризненной вежливостью, но и только. Девушка смотрела на него с любопытством и настороженностью. Однако за столом было достаточно других дозорных, к которым она могла приставать со своими вопросами; сегодня ее в основном интересовало, как организованы отряды и куда посылается дозор, так что молчание Дага внимания не привлекало.

Никогда еще сдержанность не казалась ему такой унылой.

Следующий день был официально посвящен отдыху и подготовке к веселушкам, и Даг позволил запрячь себя в доставку припасов из города, закупленных обрадованными дозорными. С Мари он увиделся всего на минуту: предложил себя в качестве охранника у входа и получил короткий отказ.

– Не могу же я поставить в охрану того дозорного, который разделался со Злым и в честь которого и устраивается празднество, – решительно сказала Мари. – Начнется бунт, и совершенно оправданный. – Поколебавшись, она неохотно добавила: – Позаботься о том, чтобы крестьянская девушка знала, что и она приглашена.

Вскоре после этого Даг попался в когти энтузиаста из отряда Чато, который собирал музыкантов-любителей и заставлял их репетировать, что было ново для всех участников, и не освободился до того момента, когда пришло время идти за Фаун.

Фаун заглянула в зеркальце и нашла, что зеленые ленты, которые одолжила ей для прически Рила со сломанной ногой, очень хорошо подходят к ее зеленому платью. Рила учила Фаун заплетать косы, как это принято у Стражей Озера, что, как выяснилось, имело разные значения: строгий узел, как тот, что носила Мари, был знаком траура, кроме тех случаев, когда такая скромная прическа делалась перед боем. Эти знания позволили Фаун по-другому взглянуть на дозорных и вызвали у нее странное чувство: как будто мир повернулся у нее под ногами, пусть и чуть-чуть, и не мог уже теперь повернуться обратно.

Во всяком случае, Фаун могла быть уверена, что, завязав волосы высоко на затылке лентами, так что кудри струились конским хвостом, она не сказала бы тем ничего, что не хотела бы сообщить одному дозорному...

Когда Даг подошел к ее двери, он выглядел веселым и спокойным, и Фаун подумала, что Мари, должно быть, накануне в конюшне сообщила ему какие-то плохие новости, из-за чего он и был таким угнетенным за ужином. Но теперь его глаза блестели. Простая белая рубашка заставляла его медную кожу сиять, запах болота, конского пота и усталости был смыт лавандовым мылом, к аромату которого примешивался его собственный теплый запах. Волосы Дага были вымыты и блестели и уже торчали в стороны, хоть и были недавно причесаны... и их очень хотелось погладить, если бы удалось дотянуться. Встать на цыпочки... Принести стремянку... Придумать еще что-нибудь...

В столовой все не слишком отличалось от обычного ужина – собравшиеся были голодными и шумными, – только на этот раз в комнате было тесно, потому что собрались одновременно дозорные из обоих отрядов. Бросалось в глаза только то, что все они были чистыми, а от многих еще и пахло душистой водой. На праздник все надели свою обычную одежду, только выстиранную и выглаженную. Фаун решила, что в седельных сумках не так уж много места, чтобы возить с собой наряды; по крайней мере женщины, как и всегда, были в штанах. Да и носят ли они вообще юбки? Вот в прическах отличие было заметно: некоторые молодые дозорные даже вплели в косы колокольчики.

Угощение и выпивка, в особенности выпивка, подавались и в соседней комнате, где стулья были отодвинуты к стенам, а половики скатаны, чтобы не мешать танцам. Фаун нашла себе местечко рядом с другими выздоравливающими – Сауном, Рилой и тем бедолагой, которого накануне укусила змея и который теперь терпеливо сносил насмешки товарищей по этому поводу. Впрочем, любители подразнить зато разносили пиво и делали это часто. Фаун отхлебнула из своей кружки и поблагодарила дозорного застенчивой улыбкой.

Даг ненадолго исчез, но потом вернулся, ввинчивая что-то в деревяшку на своем запястье. Фаун изумленно заморгала, когда это оказался тамбурин с добавочным креплением, чтобы Даг мог надежно его удерживать.

– Надо же! Я и не знала, что ты на чем-то играешь! – Даг ухмыльнулся и пробежал пальцами по натянутой коже. Зажигательный ритм заставил Фаун приподняться со стула. – Как здорово! А на чем ты играл до того, как потерял руку?

– Да на тамбурине же, – весело ответил он. – Я пробовал играть на флейте, но никак не мог ее удержать, даже когда пальцев у меня было вдвое больше, чем сейчас. А когда я начинал играть на скрипке, меня ругали за то, что я мучаю кошку. На тамбурине ведь нельзя сфальшивить. А кроме того, – заговорщицки понизил голос Даг, – это освобождает меня от обязанности танцевать. – Он подмигнул Фаун и отправился в дальний конец комнаты, где уже собирались другие дозорные.

Набор инструментов казался случайным, объединяло их лишь одно: все были маленькими, помещающимися в уголке седельной сумки: несколько флейт, деревянных, глиняных, костяных, две скрипки. В остальном оркестр состоял из барабанщиков, притаивших для себя со всей гостиницы тазы и сковородки. Собравшиеся в комнате притихли.

К тишине поднялся седовласый дозорный с флейтой и начал играть мелодию, которую Фаун нашла зачаровывающей; она почувствовала, как по спине побежали мурашки. Девушка пристально посмотрела на костяной инструмент, на поверхности которого была видна выжженная надпись, и внезапно почувствовала уверенность: кость принадлежала чьему-то родичу. Ведь костей бедра всегда две, но сердца рождаются по одному; так что же делают мастера Стражей Озера с излишками? Мелодия так брала за сердце, что не могла быть ничем иным, кроме молитвы или гимна, сложенного в память о великом событии; Фаун видела, как губы многих дозорных шевелятся, повторяя слова, несомненно, всем известные. После окончания мелодии целую минуту стояла тишина; все сидели, опустив глаза.

Внезапная дробь ударных инструментов разорвала печаль в клочья; звуки были так сильны, что едва не выбивали стекло в окнах. Музыканты заиграли быстрый танец, и комнату тут же заполнили вскочившие на ноги дозорные. Они танцевали не парами, а целыми группами, выписывая сложные фигуры вокруг друг друга. Если не считать того, что никто не обращал внимания на пол партнера, это было похоже на крестьянские танцы в амбаре, хотя дозорные, похоже, обходились без распорядителя. Фаун подумала, что Стражи Озера, должно быть, используют для этого свой Дар: какими бы сложными ни были фигуры, почти никто не сбивался; если же такое случалось, раздавался свист и смех, и вся компания начинала танец снова, подхватив ритм музыки. Весело звенели колокольчики в косах. Даг стоял позади остальных музыкантов, четко отбивая ритм и иногда подчеркивая его звоном колокольчиков. Он выглядел удивительно довольным собой и, хотя не пел и ни с кем не разговаривал, отвечал улыбкой на шутки окружающих.

Страсть молодых дозорных к быстрым танцам казалась ненасытной, но в конце концов запыхавшихся музыкантов сменили двое певцов. За окнами долгий летний день уступил место сумеркам, в комнате стало жарко от огня свечей и ламп, от разгоряченных тел. Даг вывинтил из крепления тамбурин и уселся у ног Фаун, подкрепляя силы пивом, которое непрерывно разносили добровольцы.

Одна из песен была Фаун совсем незнакома, вторая имела знакомую мелодию, но другие слова, а третью Фаун приходилось слышать, когда тетушка Нетти напевала ее за пряжей. Фаун стала гадать, сложили ли ее крестьяне или Стражи Озера... Певцами были мужчина и женщина из отряда Чато, и их голоса чудесно сочетались: ее – высокий и нежный, его – низкий и глубокий. Фаун к этому времени уже не могла бы сказать, вымысел или нет песня о заблудившемся дозорном, который танцует с волшебными медведями.

Потом к певцам присоединился игрок на флейте, и когда он заиграл вступление к следующей песне, Даг резко поставил на пол свою наполовину полную кружку. Его улыбка, обращенная к Фаун, теперь скорее напоминала гримасу.

– Мне нужно выйти. Пиво, понимаешь ли... – Извинившись, Даг поднялся на ноги.

Три пары глаз встревоженно уставились на него: Мари, Утау и еще одного из старших дозорных... Мари даже сделала вопросительный жест: «Не нужно ли?..» – на что Даг только покачал головой и вышел из комнаты, не оглядываясь.

«Пять десятков воинов вышли в путь в тот день...» – начиналась песня, и Фаун быстро поняла, что вызвало неожиданный уход Дага: песня оказалась длинной балладой о битве на Волчьем перевале. В поэтическом кружеве не упоминалось имен, баллада говорила только о мужестве, жертвенности и победе, она звала слушателей проникнуться духом героев, и при других обстоятельствах Фаун сочла бы ее захватывающей. Большинство дозорных были искренне тронуты и зачарованы; Рила вытерла слезу, а Саун слушал разинув рот.

«Они не знают!» – поняла Фаун. Саун, который нес дозор с Дагом и утверждал, что хорошо его знает, не знал... Утау, слушавший, прикрыв рот рукой и с потемневшими глазами, знал; знала, конечно, Мари, кидавшая встревоженные взгляды на дверь, через которую вышел Даг и через которую не спешил возвращаться... Наконец баллада кончилась и зазвучала другая песня, более жизнерадостная.

Когда Даг так и не вернулся, Фаун сама выскользнула из комнаты. Кто-то еще вошел в туалетную комнату, так что Фаун стала искать вне дома. Снаружи стояла приятная прохлада, голубые тени оживали в желтом свете, льющемся из окон и от фонарей, висящих у входа и над дверью конюшни. Даг сидел на скамье во дворе, откинув голову к стене, и смотрел на летние звезды.

Фаун села рядом с ним; дружеское молчание окутывало их как ночь. Несмотря на свет фонарей, звезды сияли ярко и казались близкими; небо было безоблачным.

– С тобой все в порядке? – наконец спросила Фаун.

– Ага. – Даг запустил руку в волосы и задумчиво добавил: – Когда я был мальчишкой, я просто обожал все эти героические баллады. Я знаю наизусть дюжины. Интересно, может быть, все эти старые боевые песни тоже казались непристойными воинам, которые выжили в

тех битвах?

«А он ведь утверждает, что не умеет петь». Не в силах разрешить противоречие, Фаун сказала:

– По крайней мере такие песни помогают людям помнить.

– Да. К несчастью.

– Это была неплохая песня. Я сказала бы, что баллада превосходна. Как баллада.

– Я этого не отрицаю. Вины сказителя тут нет – кто бы ни сложил песню, он потрудились на совесть. Не будь баллада столь совершенной, она не вызывала бы у меня такого желания плакать или крушить все вокруг... – «Поэтому-то я и ушел». – Мой Дар немного чересчур чувствителен – под влиянием музыки. Я не хотел портить всем настроение. Собери вместе на неделю тридцать восемь усталых и нервных дозорных, и уныние быстро может стать заразным.

– Вы часто играете во время объездов? – Фаун попыталась представить себе дозорных, поющих и танцующих вокруг лагерного костра; должно быть, погода не всегда этому способствует...

– Изредка. В лагере вечера часто бывают очень занятыми: мы коптим мясо, сушим лекарственные растения, которые собираем по дороге, пишем отчеты и составляем карты. Если мы в дозоре верхом, много времени уходит на уход за конями. Кроме того, нужно обучать молодежь, да и опытным воинам необходимы тренировки. Починка одежды и обуви, готовка, стирка... Это все простые занятия, но они никогда не кончаются.

Воспоминания заставили Дага говорить медленно и задумчиво.

– Отряды бывают разного размера – в северных землях в дозор отправляются человек сто пятьдесят – двести для большой сезонной охоты в безлюдных местах, но к югу от озера можно обходиться более короткими объездами и меньшими отрядами. Но даже в этом случае многие недели не видишь никого, кроме товарищей по отряду, так что вскоре все знают все песни, и начинаются сплетни. И деление на партии. И розыгрыши. И месть за розыгрыши. И драки из-за мести за розыгрыши. А потом и поножовщина из-за... ну, ты понимаешь. Хотя если командир отряда позволит завариться такому супу, можно не сомневаться: его ждет незабываемый разговор с Вороном-Громовержцем.

– Тебе такое выпадало?

– Не по данному поводу. Впрочем, любой разговор с Громовержцем оказывается незабываемым. – Даг почесал нос и улыбнулся, глядя на мягко светящиеся окна. Пение прекратилось, и снова зазвучали танцевальные мелодии. Топот ног заставлял весь дом вибрировать, как барабан.

– Так, что там еще... Все очень любят отправляться в лес за дровами теплыми летними ночами.

Фаун обратила внимание на юмор, с которым Даг произнес последнюю фразу.

– Казалось бы, дрова скорее нужны холодными зимними ночами.

– М-м-м... понимаешь, в теплую ночь никто не станет жаловаться, если человек проведет в лесу часа два и вернется без дров. Купание в реке тоже очень приятное дело.

– В темноте? – с сомнением спросила Фаун.

– Вопрос скорее возникает насчет реки, особенно когда начинаются заморозки. Хорошая прогулка тоже радует, если пришлось с рассвета еле тащиться. Ну а уж разведка и подавно привлекает многих добровольцев. Ведь в лесу водятся кровожадные белки, и каждую минуту можно ждать нападения. Всегда лучше быть в готовности. – Даг хихикнул.

– Ах вот что... – наконец поняла Фаун. Ее губы растянулись в улыбке, вызванной, впрочем, скорее редким зрелищем: веселыми морщинками в уголках глаз Дага.

– Только такие развлечения часто кончаются ссорами, люди перестают друг с другом разговаривать или, что еще хуже, препираются до бесконечности, так что хочется спрятаться под одеяло или завизжать. Впрочем, это мелочи, – снисходительно вздохнул Даг. – Опытные дозорные обычно ведут себя спокойно, это только молодежь бывает непоседливой. Ведь жизнь не ограничивается дозором. Объезды – это не те чрезвычайные обстоятельства, когда

бросаешь все и совершаешь геройства, а потом навсегда возвращаешься домой. На рассвете следующего дня все начинается заново. Тебе все равно приходится подниматься и топтать, куда положено. – Даг потянулся, и суставы его скрипнули, словно протестуя против раннего подъема. – Мы ведь не безумцы все как один, хотя иногда так кажется, – продолжал Даг тихо. – Благодаря Дару настроения в отряде оказываются очень заразными. Тут не нужны слова и жесты: все носится в воздухе. – Рука Дага очертила уходящую вверх спираль. – Вот как сейчас, например. Как только несколько человек откроются друг другу, возникает... утечка. Веселушки особенно хороши в этом отношении. Дом сейчас просто переполнен Даром. Какие только глупости не начинают казаться удачной идеей... спасибо отсутствующим богам за пиво.

– Пиво?

– Я пришел к выводу, что пиво, – Даг многозначительно поднял палец, и Фаун поняла, что он слегка пьян: друзья в изобилии снабжали музыкантов напитками, чтобы те играли с воодушевлением, – существует для того, чтобы на следующий день винить его во всех грехах. Это очень прискорбный напиток – пиво.

– Крестьяне пользуются им для того же самого, – заметила Фаун.

– Такова всеобщая потребность. – Даг моргнул. – Пожалуй, мне нужно добавить.

– Ты хочешь пить?

– Нет. – Даг согнулся и искоса глянул на девушку. Его глаза казались темными провалами, собравшими в себя всю ночную тьму. Свет фонаря создал оранжевый нимб вокруг его головы и ласково пробежал по покрытой потом коже. – Просто я оценил возможность раскаяния...

Он наклонился к Фаун, и она замерла от надежды такой отчаянной, что она ощущалась как страх. Не поцелует ли он ее? Его дыхание пахло пивом, усталостью... и Дагом. Сама Фаун дышать перестала.

Тишину нарушали только удары сердец.

– Нет, – вздохнул Даг. – Нет. Мари была права. – Он выпрямился, а Фаун чуть не разрыдалась и едва не кинулась ему в объятия.

«Нельзя! Не смей! Он подумает, что ты... именно такая, как тебя называл Идиот Санни». То мерзкое слово – «шлюха» – жгло память Фаун, как воспалившаяся рана. Это гадкое слово каким-то образом превратило ее в гадкое существо, как капля чернил или крови окрашивает воду. «Для Дага я хочу выглядеть красивой... высокой». Будь она выше ростом, никто не посмел бы называть ее всякими нехорошими словами просто за то, что она хотела так многого...

Даг вздохнул, улыбнулся и поднялся, протянул Фаун руку, и они вместе вошли в дом.

В холле Даг повернул голову и прислушался.

– Хорошо, что на тамбурине уже кто-то играет. Значит, до конца вечера обойдутся без меня. – И действительно, музыка, доносившаяся из-за двери, казалась более медленной и сонной. Даг двинулся к лестнице.

К Фаун наконец вернулся голос:

– Ты идешь наверх?

– Ага. Все было хорошо, но только для одного дня довольно. А ты?

– Я тоже немного устала. – Фаун двинулась следом за Дагом. То, что случилось (или не случилось) на скамье во дворе, очень напоминало тот момент на дороге... какой-то поворот, который она прозевала.

Когда они достигли лестничной площадки второго этажа, какая-то дверь распахнулась, и из нее вывалились, хихикая, Дирла и двое дозорных из отряда Чато. Они весело приветствовали Дага и двинулись дальше по коридору. Фаун замерла на месте и вытаращила на них глаза: компания задержалась у двери Дирлы, один из парней обнял Дирлу за шею и поцеловал, хотя она все еще прижимала к груди руку второго... Высокая Дирла выставила вперед ногу, толкнула ею дверь, и вся компания исчезла в ее комнате; дверь закрылась, поставив точку на середине какой-то шутки.

– Даг, – нерешительно спросила Фаун, – что это было?

Даг насмешливо выгнул бровь.

– А что тебе показалось?

– Неужели Дирла... Я хочу сказать... неужели Дирла отправится в постель с этими ребятами?

– Похоже на то.

Похоже?.. Если его Дар сообщал ему хотя бы половину того, о чем он раньше говорил, то он должен бы знать точно...

– С обоими?

– Ну, в отряде обычно неравное число мужчин и женщин. Приходится искать выход. Дирла очень... э-э... щедра.

Фаун сглотнула.

– Ох...

Она следом за Дагом свернула в их коридор. Рази и Утау как раз отпирали дверь своей комнаты; от еле держащегося на ногах Утау разлило пивом, а растрепавшиеся волосы Рази после танцев прилипли к его потному лбу. Оба вежливо пожелали Дагу доброй ночи и скрылись в своей комнате.

– Что ж, – сказала Фаун, стараясь быть справедливой, – жаль, что им не повезло и они не нашли себе женщин. Они слитком славные парни, чтобы страдать от одиночества. – Бросив подозрительный взгляд на Дага, Фаун спросила: – Почему это ты кусаешь собственное запястье?

Даг прочистил горло.

– Как-нибудь, когда я буду или гораздо более трезвым, или гораздо более пьяным, Искорка, я попытаюсь рассказать тебе очень запутанную историю о том, как эти двое умудрились жениться на одной и той же покладистой женщине в лагере Хикори. Скажем, теперь они присматривают друг за другом.

– Женщины твоего народа могут брать себе больше чем одного мужа? Зараз? Ты разыгрываешь меня!

– Обычно не могут, но я тебя не разыгрываю. Я же говорю – история очень запутанная.

Они остановились перед дверью комнаты Дага, и он выдавил из себя улыбку.

– По-моему, Дирла жадина, – решила Фаун, – или эти парни уж очень покладисты.

– Ах нет. Среди цивилизованных Стражей Озера – а мы все принадлежим к таким – приглашает женщина. Мужчина соглашается или нет, и позволь тебе сказать, что вежливо отказаться, не обидев, не так уж легко. Не сомневаюсь: происходящее в комнате Дирлы – ее идея.

– У нас такое сочли бы слишком смелым. Только испорченные девушки или... или очень глупые так поступили бы. Хорошие девушки ждут, когда их попросят. – «И даже тогда ожидается, что они скажут «нет», если только мужчина не является владельцем земли». Даг правой рукой оперся о стену, нависая над Фаун, и посмотрел на нее сверху вниз. После долгой глубокомысленной паузы он выдохнул:

– Вот как? – Он закусил нижнюю губу так сильно, что отпечаток был виден еще некоторое время. Его глаза были похожи на темные озера, в которые можно было упасть и не достичь дна. – Так что, Искорка... сколько ночей мы, на твой взгляд, потеряли?

Запрокинув лицо, она сглотнула и дрожащим голосом пробормотала:

– Слишком много, да?

Нельзя было сказать, что они упали друг другу в объятия: скорее они кинулись друг на друга.

Даг пинком ноги распахнул дверь своей комнаты и так же пинком захлопнул ее, поскольку руки были заняты Фаун. Ее ноги не касались пола, но не только это было причиной ощущения полета; только половина его поцелуев попадала на ее губы, но это было ничего – любое прикосновение было радостью. Даг поставил ее на пол, потянулся к засову на двери и остановил себя, слегка задыхаясь. «Нет, сейчас нельзя остановиться...»

В его голос вернулась серьезность.

– Если ты в самом деле этого хочешь, Искорка, запри дверь.

Не сводя глаз с его милого, худого, встревоженного лица, Фаун заперла дверь. Дубовый засов вошел в петли с обнадеживающим стуком, который словно олицетворял соблюдение приличий. Даг неохотно оторвался от Фаун – только на то время, что понадобилось ему, чтобы подойти к столу и вывернуть фитиль масляной лампы. Тусклый желтый огонек расцвел оранжевым сиянием, заполнив комнату светом и тенями. Даг неожиданно присел на край кровати, как будто ноги его больше не держали, и повернулся к Фаун, протягивая ей руку. Рука его дрожала. Фаун скользнула в кольцо его рук, потом опустилась на колени и запрокинула голову. Поцелуи Дага стали более медленными, словно он никак не мог распробовать ее губ, потом сделались нетерпеливыми, и его язык скользнул ей в рот. Странно, но приятно, решила Фаун, и старательно попыталась ответить ему тем же. Рука Дага зарылась в ее волосы, развязала ленту и раскинула кудри девушки по плечам.

Как в таких случаях избавляются от одежды? Санни просто задрал ей юбку и спустил штанишки; то же сделал Злой, если уж на то пошло...

– Ш-ш, что за темные мысли! – укорил ее Даг. – Будь здесь. Со мной.

– Откуда ты узнал, о чем я подумала? – спросила Фаун, стараясь не показать испуга.

– Да не узнал я. Я читаю Дар, а не мысли, Искорка. Иногда собственный Дар только сбивает с толку. – Его рука коснулась верхней пуговицы ее платья. – Можно?

– Пожалуйста, – ответила Фаун с облегчением: больше можно было не беспокоиться, как это сделать... Оставалось только наблюдать и копировать.

Даг расстегнул остальные пуговицы, мягко стянул рукав и поцеловал голое плечо. Фаун набралась смелости и занялась застежкой его рубашки. После того как было установлено взаимопонимание, дело пошло быстрее, одежда полетела на пол. Последнее, от чего избавился Даг, искоса взглянув на Фаун, был его протез; расстегнув ремешки, крепящие его к локтю, он положил его на стол. На запястье остались красные отметины там, где плоть соприкасалась с деревом и кожей. Фаун смутно уловила, что этот жест был с его стороны проявлением уязвимости и доверия гораздо большим, чем когда он снимал штаны.

– Свет... – нерешительно пробормотал Даг. – Свет? Я слышал, что крестьяне предпочитают темноту.

– Оставь, пусть горит, – прошептала Фаун, и Даг улыбнулся и откинулся на постели. Когда он вытянулся в полный рост, это оказалось очень много. Постель Дага была не такой узкой, как ее собственная в соседней комнате, но все равно он занимал ее всю целиком. Фаун почувствовала себя как путешественник перед горным кряжем, протянувшимся от горизонта до горизонта. – Я хочу смотреть на тебя.

– Я же не роза, Искорка.

– Может быть, и нет. Но ты делаешь мои глаза счастливыми.

При этих словах в уголках глаз Дага появились очаровательные морщинки, и Фаун пришлось дотягиваться, чтобы поцеловать их. Фаун всем телом скользила по Дату. Мускулы Дага были длинными и твердыми, кожа торса загорела неравномерно там, где была или не была закрыта рубашкой, а ниже талии, на бедрах выглядела совсем белой. Легкая поросль темных волос на груди густела, спускаясь по животу, и пальцы Фаун зарылись в завитки. Что открыли Дагу насчет нее его странные чувства Стража Озера? Фаун сглотнула и отважилась сказать:

– Ты говорил, что можешь определить...

– А-а? – Рука Дага гладила ее грудь; как могла такая нежная ласка неожиданно вызвать сладкую боль?

– Время, когда женщина может зачать... ты говорил, что можешь это определить. – Нет, может быть, это касалось только женщин его народа? – Красивый узор в ее Даре, ты говорил. – Ну да, ведь она поверила Санни насчет постельных сказочек... если не злонамеренной лжи, что так дорого ей обошлось, а ведь слова Санни казались более правдоподобными, чем сказанное Дагом. Фаун поежилась. «Может, я опять веду себя как дура?» Ее мысли были

прерваны Дагом, который приподнялся, опираясь на левый локоть, и посмотрел на Фаун с серьезной улыбкой.

Его рука коснулась отметин, оставленных Злым на ее животе, которые превратились в отвратительные черные шрамы.

– Сегодня ты ничем не рискуешь, Искорка. Только мне не следует... не следует в полной мере заниматься с тобой любовью так скоро после твоих увечий. Ты так миниатюрна, а я... Существует много других вещей, которым я очень хотел бы тебя научить.

Фаун с опаской глянула вниз и под прекрасной рукой Дага разглядела параллельные черные линии; ее передернуло от чувства вины и печали. Сможет ли она когда-нибудь оказаться в постели с кем-то без этого потока нежеланных воспоминаний? А потом она подумала, что у Дага, который, несомненно, обладал гораздо большим грузом, накопившимся в памяти, существует та же проблема.

– Ш-ш, – прошептал Даг, касаясь пальцем ее губ, хотя Фаун вслух ничего не говорила. – Стремись к легкости, яркая Искорка. Ты не предашь своей печали, если на час отложишь ее. Она терпеливо дожидется, пока ты снова не вернешься к ней.

– Сколько же это будет длиться?

– Время обкатывает горе, как река – гальку. Его тяжесть никуда не денется, но острые края перестанут ранить тебя при каждом прикосновении. Только нужно позволить времени пройти: торопить его нельзя. Мы носим волосы узлом в течение года после потери, и это не слишком долго.

Фаун протянула руку к темным волосам Дага, лаская и накручивая их на пальцы. Пальцы были довольны... Фаун слегка дернула одну прядь.

– Так что все же значит твоя короткая стрижка?

– Попытку избавиться от вшей, – пробормотал Даг. Его слова заставили Фаун хихикнуть, что, несомненно, и было целью Дага.

– Да брось, не было у тебя никаких вшей!

– Ну, в последнее время не было. Можно поговорить и о вшах, только для моих губ найдется более приятное занятие. – Даг начал целовать тело Фаун, постепенно опускаясь все ниже и ниже, и девушка подумала, что его язык обладает собственной магией, поцелуи зажигают на коже холодное пламя... а сказанные им слова, казалось, сняли с ее сердца тяжелый камень.

У Фаун замерло дыхание, когда язык Дага коснулся ее соска и стал делать с ним восхитительные вещи. Санни просто щипал ее за грудь сквозь платье... проклятие, мысли о Санни преследуют ее даже сейчас... Рука Дага скользнула вверх, пальцы принялись ласкать ее лоб, потом Даг сел.

– Перевернись, – пробормотал он. – Давай-ка разотрем тебе спину. Думаю, что смогу привести твое тело и Дар в лучшее состояние.

– Зачем? Если ты хочешь...

– Я не стану говорить «доверяй мне» – просто попробуй, – прошептал Даг, зарывшись лицом в ее темные кудри. – Попробуй.

Для человека с одной рукой он справляется удивительно хорошо, мелькнула у Фаун, уткнувшейся лицом в подушку, смутная мысль. Горестные воспоминания как будто полностью растаяли... Постель скрипнула, когда Даг поднялся, и Фаун открыла один глаз. «Нельзя дать ему уйти...» – встревожилась она, но Даг тут же вернулся. Раздалось тихое бульканье, холодная капля упала в ложбинку на спине Фаун, она ощутила запах ромашки и клевера.

– Ох, у тебя есть это чудесное масло! – Фаун на секунду задумалась. – Давно оно у тебя?

– С неделю. – Фаун приглушенно хихикнула. – Ну да, ведь дозорный должен быть готов к любому непредвиденному случаю.

– Разве это непредвиденный случай?

– Дай мне еще немножко времени, Искорка, а там выяснится... И для моей руки это

полезно – она загрубела. Ведь не хочешь же ты, чтобы мои ногти поцарапали тебя в чувствительном местечке.

Масло изменило характер его прикосновений; Даг добрался до пальцев ног Фаун, перевернул ее и двинулся снова вверх.

Его рука... К которой скоро присоединился язык, очень нежный и касавшийся самых неожиданных мест... Касания были как шелк... там, там и там... Ах! Фаун подскочила от изумления, потом снова растянулась на спине. Значит, вот так и занимаются любовью... Стражи Озера. Замечательно приятно, хотя Фаун начало казаться, что удовольствие несколько одностороннее.

– Разве теперь не твоя очередь? – обеспокоенно спросила она.

– Еще нет, – неразборчиво пробормотал Даг. – Мне и так хорошо. А твой Дар почти пришел в норму. Дай мне только...

Минуты пролетали незаметно. Фаун подхватил водоворот, необыкновенно сладостный и неожиданный. Прикосновения Дага стали тверже, быстрее, увереннее. Глаза Фаун закрылись, дыхание сделалось быстрым, а спина выгнулась. Потом у нее перехватило дух, и она замерла, напрягшись, с открытым ртом, когда все ее чувства словно взорвались, ослепительный свет залил ее мозг, обжигающий поток окатил ее с ног до головы и отхлынул.

Фаун расслабилась и лежала, дрожа и поражаясь испытанному. Когда к ней вернулись силы, она подняла голову и оглядела свое тело, ставшее новым и незнакомым. Даг, опершись на локоть, смотрел на нее темными блестящими глазами с самодовольной улыбкой.

– Стало лучше? – осведомился он, как если бы не знал.

– Ох... Это что – магия Стражей Озера? – Неудивительно, что за такими влюбленными люди были готовы идти на край света.

– Ничего подобного. Это собственная магия маленькой Искорки. Твоя собственная.

Сотни тайн взлетели и растворились в ночи, как стая вспугнутых птиц.

– Понятно, почему люди стремятся к такому. Теперь мне стало ясно...

– Конечно. – Даг передвинулся на постели и снова поцеловал Фаун. Ее собственный запах у него на губах, мешающийся с ароматом ромашки и клевера, немного смутил Фаун, но она отважно ответила на поцелуй. Ее губы скользнули по его скулам, векам, решительному подбородку и вернулись к губам. Фаун беспомощно хихикнула и ощутила долетевший из глубины груди Дага ответный смехок.

Фаун касалась Дага, но до сих пор не ласкала его. Наверняка теперь его очередь получить свою долю... Руки могут работать в двух направлениях. Фаун села, преодолевая головокружение.

Даг вытянулся на постели и улыбнулся; глаза в милых морщинках выжидающе смотрели на Фаун, такие притягательные. Даг был открыт взгляду Фаун, и это заново поразило ее. Открыт весь, кроме, конечно, загадочного Дара. Это начинало казаться Фаун несправедливым. Ладно... Где начать и как начать? Фаун вспомнила, как это делал Даг.

– Можно мне... тоже тебя потрогать?

– Пожалуйста, – выдохнул Даг.

Может быть, это было чистым подражанием, но начало было положено, а начавшись, действия Фаун обрели собственный импульс. Она покрыла поцелуями все тело Дага и вернулась к середине.

Ее первое осторожное прикосновение заставило Дага вздрогнуть и судорожно втянуть воздух; Фаун испуганно отпрянула.

– Да нет, все в порядке, – пропыхтел он. – Я просто... несколько повышенно чувствителен в данный момент. Ты хорошо делаешь... Почти все, что ты можешь сделать, будет хорошо.

– Чувствителен... Ты так это называешь? – Уголки губ Фаун поползли вверх.

– Я пытаюсь выражаться вежливо, Искорка.

Она начала экспериментировать – касаться, гладить, стискивать, гадая, правильно ли делает. Ее руки казались неуклюжими и слишком маленькими. Периодические вздохи Дага

мало о чем ей говорили, хотя иногда его рука накрывала ее, молча направляя, куда нужно. Говорило ли такое пожатие об удовольствии или боли? Его терпеливость в отношении боли, когда Фаун вспомнила о ней, была несколько пугающей.

– Можно мне попробовать растереть тебя твоим маслом?

– Безусловно! Хотя... в этом случае все может кончиться довольно быстро.

Фаун заколебалась.

– Не сможем ли мы как-нибудь... заняться этим снова?

– О да. Я очень обновляем – просто не очень быстро. – Даг вздохнул. – Не так, как когда я был моложе. Впрочем, сегодня это для меня кстати.

«И для меня». Терпеливость Дага вызвала в ней смирение.

– Ну что ж...

Масло заставило руки Фаун соскальзывать; это интриговало ее, а ему, казалось, доставляло удовольствие. Фаун постепенно становилась смелее. Вот такое прикосновение, например, заставляет его вздрагивать... нет, выгибаться, как это раньше было с ней.

– Смелая Искорка! – выдохнул Даг.

– Так хорошо?

– Да...

– Я подумала, раз такое было приятно мне, то и тебе будет приятно тоже.

– Умница, – прошептал он, снова закрывая глаза.

Фаун замерла.

– Пожалуйста, не смейся надо мной!

Даг открыл глаза, и брови его поползли вверх. Он поднял голову и, хмурясь, посмотрел на Фаун.

– И не думал. У тебя самый ненасытный ум, какой мне только посчастливилось встретить. Тебе может не хватать знаний, но разум у тебя острее, как клинок.

Фаун задержала дыхание, чтобы не всхлипнуть от изумления. Слова Дага не могли быть правдой, но как же приятно было такое услышать!

Заметив ее недоумение, Даг немного нетерпеливо проговорил:

– Послушай, дитя, не можешь же ты быть такой сообразительной и сама об этом не подозревать!

– Папа говорил, что я, должно быть, дура, раз задаю все время так много вопросов.

– Ничего подобного. – Даг склонил голову к плечу, и в глазах его появилось странное отсутствующее выражение. – В твоём Даре есть темное пятно, глубокий провал. Трещина, закупорка... Я... Боюсь, потребуется не один час, чтобы добраться до дна.

Фаун сглотнула.

– Тогда давай отложим это, как и другие камни. Тут нет ничего спешного. – Фаун склонила голову. – Я перестала заниматься тобой.

– С этим не поспоришь...

Язык, как и пальцы, обнаружила Фаун, так же хорошо действует на мужчин, как и на женщин, хотя и по-иному. Прекрасно! Что будет, если сделать так, и так, и так... а теперь то и это одновременно?..

Фаун все выяснила... Наблюдать за результатом было увлекательно. Даже с неудобной точки зрения Фаун разглядела, как выражение лица Дага стало таким отсутствующим, словно он впал в транс. На мгновение Фаун показалось, что левитация – одно из магических умений Стражей Озера; Даг, казалось, был готов взлететь с постели.

– С тобой все в порядке? – встревоженно спросила Фаун, когда тело Дага перестали сотрясать судороги. – У тебя на лбу появились такие странные морщины, когда... э-э... у тебя выгнулась спина.

Даг махнул рукой, пытаясь отдышаться; глаза его были зажмурены, потом наконец открылись.

– Прости, что? Прости... Пришлось дожидаться, пока перед глазами перестанут взрываться белые искры. Ими было никак не налюбоваться.

– Такое с тобой часто случается?

– Нет. Вот уж нет...

– Так ты в порядке? – снова спросила Фаун. Улыбка осветила лицо Дага, как вспышка огня.

– В порядке? Я думаю, что я просто потрясен. – Из положения, в котором было бы трудно даже приподняться, он взметнулся, обеими руками обвинил Фаун, прижал к своей груди и стал покрывать поцелуями ее лицо. Смех вызвал новые прикосновения, которые вели к...

– Даг, ты колешься.

– Ничего подобного. Разве что в некоторых местах... – Когда Даг снова перестал ловить ртом воздух, он добавил: – Фаун, ты ненасытна. Мне это в женщинах нравится. Боги, я не смеялся столько с тех времен... даже не могу вспомнить с каких.

– Мне нравится, как ты хихикаешь.

– Я не хихикаю. Это было бы ниже достоинства человека моего возраста.

– Тогда что это был за шум?

– Фыркание. Да, определенно, фыркание.

– Ладно, – согласилась Фаун, – все равно это тебе шло. Да тебе и все идет. – Она села, опираясь на локоть, и ее взгляд совершил долгое путешествие вдоль его тела. – Нигде на тебе ничего нет, это тоже тебе идет. Тут есть даже какая-то несправедливость.

– Ох, как будто ты не выглядишь как... как...

– Как что? – выдохнула Фаун, снова утопая в его объятиях.

– Свежая. Аппетитная. Прекрасная. Как весенний дождь и свет звезд.

Даг снова прижал ее к себе, их поцелуи стали более долгими и ленивыми. Сонными. Дагу стоило огромного усилия протянуть руку, чтобы погасить лампу. Теплый воздух летней ночи колыхал занавески. Даг потянулся за простыней и накинул ее на них обоих. Фаун свернулась калачиком, прижавшись ухом к груди Дага, и закрыла глаза.

«Куда угодно, хоть на край света», подумала она, все глубже погружаясь в бархатную темноту.

12

Ясные рассветные часы Даг посвятил тому, чтобы у Фаун не осталось сомнений: нет никакой необходимости оставлять первое в жизни незабываемое впечатление единственным. Когда они проснулись окончательно, время приближалось к полудню. Даг серьезно обдумывал возможность затаиться до тех пор, пока дозорные, как и было запланировано, в полдень отправятся в объезд, но этому помешал внезапно охвативший их с Фаун волчий голод. Пришлось подняться, одеться, умыться и отправиться выяснять, нельзя ли еще что-нибудь получить на завтрак.

Фаун первой начала спускаться по лестнице; ей пришлось прижаться к перилам, чтобы пропустить Утау, направлявшегося вверх за своими вещами. Следовавший за ней Даг широко улыбнулся товарищу по дозору. Голова Утау, в изумлении вытаращившего на них глаза, повернулась чуть ли не 180 градусов, так что он со стуком врезался в стену. Восстановив равновесие, он посмотрел вслед Дагу, который предусмотрительно поспешил за Фаун до того, как Утау заговорил. После этого происшествия Даг решил, что ему следует лучше контролировать свое лицо, норовившее расплыться в улыбке, и свой искрящийся Дар. Ответственный, зрелый, уважаемый дозорный не должен разгуливать, сияя, как полая тыква с вырезанными глазами и вставленной внутрь свечкой. Так можно и лошадей испугать...

Отряд Мари должен был вернуться на север и возобновить свою работу там, где она была прервана две недели назад из-за призыва на помощь из Глассфорджа. Пополнив свои финансы платой горожан за избавление от Злого, Чато намеревался продолжить намеченное ранее: закупить лошадей в засушливых степях к югу от реки Грейс. Продвижение его отряда на какое-то время должно было замедлиться из-за того, что приходилось везти на телеге Сауна и Рилу, которые еще не могли ехать верхом. Предполагалось, что раненые останутся

до выздоровления в лагере Стражей Озера, охранявших переправу через реку, и присоединятся к дозорным на обратном пути. Оба отряда намеревались отправиться в путь в полдень – должны же были люди прийти в себя после празднества накануне. Даг видел в этом умиротворяющее влияние Чато: Мари была вполне способна отдать приказ о выступлении своего сонного отряда на рассвете, скрыв свое злорадство за деловитостью. Мари, несомненно, была любимой тетушкой Дага, но встреча с ней не сулила ничего приятного, и Даг молился отсутствующим богам, чтобы этим утром они его от этого избавили.

После завтрака Даг помог погрузить имущество Сауна на телегу; тут выяснилось, что его молитва, как обычно, осталась без ответа: Мари стояла рядом, держа под уздцы своего коня, и смотрела на Дага с молчаливым осуждением.

Даг поднял брови, изо всех сил стараясь не усмехнуться или, того хуже, не фыркнуть.

– Что?

Мари сделала глубокий вдох, но просто выдохнула воздух.

– Свихнувшийся дурак. Разговаривать с тобой все равно что увещевать вон тех чирикающих крапивников на вязе. Я свое слово сказала. Жду тебя обратно через несколько недель. Может быть, к тому времени новизна приключения повыветрится и разум вернется к тебе – не знаю. Можешь сам объясняться с Громовержцем – вот все, что я могу сказать.

Даг распрямил плечи.

– Я это непременно сделаю.

– Эх... – Мари отвернулась, разбирая поводья, но снова взглянула на Дага – уже не с гневом, а с озабоченностью. – Будь осторожен в крестьянских землях, Даг.

Даг предпочел бы едкую выволочку этому проявлению искренней заботы, против которой он был беззащитен.

– Я всегда осторожен.

– По моим наблюдениям, это не всегда так, – сухо бросила Мари. Даг молча помог ей сесть в седло, за что Мари поблагодарила его кивком, с усталым вздохом разворачивая коня. Мари, заметил Даг, за последние два года стала совсем худой... Он улыбнулся ей на прощание, но это только заставило Мари пригнуться к луке и тихо сказать:

– Я видела тебя во всяком настроении – в том числе и отвратительном. Я никогда еще не видела тебя таким откровенно счастливым. Прямо плакать хочется мне, старухе... Что ж, тогда позаботься и об этой девчонке тоже.

– Я так и собираюсь.

– Хм-м... Уж тут сомнений нет. – Мари покачала головой и щелкнула языком, посылая коня вперед, а Даг с опозданием вспомнил, что в последний раз говорил ей о своих планах.

Однако он почти мог видеть, как его место в мыслях Мари заняли те сотни мелочей, о которых должен думать командир отряда в походе, как то было хорошо известно Дагу. Взгляд Мари обратился на дозорных, проверяя их снаряжение и коней, оценивая готовность и находя многое, чем еще нужно заняться. Немедленно. В который раз...

Фаун помогала Риле – как казалось Дагу, раненая дозорная принадлежала к тем нескольким дюжинам друзей, которых девушка завела за последнюю неделю. Молодые женщины весело попрощались, и Фаун спрыгнула с телеги и встала рядом с Дагом, глядя, как отряд, выстроившись в колонну, выезжает со двора. Всадники махали ей не меньше, чем Дагу. Через несколько минут за отрядом Мари последовали и дозорные Чато, ехавшие из-за телеги медленнее. Саун попрощался с Дагом и Фаун со всем энтузиазмом, который позволяли его увечья. Наконец во дворе наступила тишина.

Даг вздохнул, раздираемый противоречивыми чувствами: облегчением, сопутствующим избавлению от шумной толпы дозорных, и угнетающим чувством одиночества, всегда возникающим, когда он расставался с товарищами по отряду. Он сказал себе, что бессмысленно страдать от обоих этих чувств разом; к тому же имелись вполне практические основания соблюдать осторожность, оказавшись единственным Стражем Озера в городе, полном крестьян, поэтому Даг поспешил завернуться в свою обычную

настороженную вежливость... только на этот раз внутри укрытия оказалась и Фаун.

Оставшиеся без дела конюхи отправились в кладовую или на кухню, отдыхая от влажной жары и переговариваясь друг с другом.

– Твои дозорные не такие уж плохие ребята, – проговорила Фаун, задумчиво глядя вслед отрядам. – Я не думала, что они меня примут, а вон как вышло!

– Это был отряд в дозоре. В лагере все окажется иначе, – рассеянно пробормотал Даг.

– В чем?

– Э-э... – На ум Дагу пришли только глупые банальности: «Время покажет», «Не накаркай неприятностей»... – Сама увидишь.

Даг испытывал странное отвращение к необходимости этим ясным утром объяснять Фаун, что его личная война со Злыми была не единственной причиной, заставившей его вызваться нести дозор дольше, чем любой другой воин в лагере Хикори. Его рекорд составлял семнадцать месяцев без возвращения в лагерь, хоть для этого ему и пришлось несколько раз менять отряды.

– Мы тоже должны выехать сегодня? – спросила Фаун.

Даг, вздрогнув, пришел в себя и обвинил рукой талию Фаун, прижав ее к себе.

– На самом деле нет. Отсюда до Ламптона два дня пути, но нам нет нужды ехать быстро. Можно не спеша выехать завтра и делать небольшие переходы. – Или выехать еще позднее, возникла у Дага соблазнительная мысль.

– Я подумала, не следует ли мне освободить свою комнату. Я ведь не из отряда Стражей Озера.

– Что? Нет! Комната твоя, пока она тебе нужна, Искорка! – негодуя воскликнул Даг.

– Ну что ж, тебе виднее... – Фаун закусил губу, но глаза ее, как заметил Даг, блестели.

– Может, я могла бы спать с тобой? В целях... в целях экономии.

– Ну конечно, экономия! Да, ты права. Какая ты предусмотрительная, Искорка!

Фаун весело подмигнула Дагу; когда она подмигивала, на щеке у нее появлялась очаровательная ямочка, отчего сердце Дага таяло, как масло на солнце.

– Пойду перенесу свои вещи, – сказала Фаун.

Даг двинулся следом, чувствуя себя в точности таким потерявшим рассудок, как назвала его Мари. Ну не мог же он вприпрыжку бегать по улицам Глассфорджа, выкрикивая в голубое небо на радость населению: «Она сказала, что я дарю ее глазам счастье!»

А ведь очень хотелось...

Назавтра они не выехали: шел дождь. Послезавтра тоже: дождь все еще нависал. Еще через день утром Даг заявил, что Фаун слишком утомлена успешными постельными экспериментами прошлой ночи для того, чтобы ехать верхом, хотя к полудню она весело скакала как блоха; впрочем, сам Даг хромал, растянув мышцы во время ночных упражнений. Это послужило оправданием для того, чтобы задержаться ещё на день. Даг представил себе разговор с Громовержцем: «Почему ты так задержался, Даг?» – «Прошу прощения, сэр, я поранился, страстно занимаясь любовью с крестьянской девушкой». Да уж, порадует Громовержец!

Наблюдать за тем, как Фаун открывает для себя наслаждения, которые могло ей подарить ее собственное тело, было для Дага так же увлекательно, как когда-то смотреть на водяные лилии. Ему пришлось возвратиться к давним воспоминаниям, чтобы найти сравнение: ведь сам он сделал соответствующие открытия в раннем возрасте. Он помнил, что сначала был даже немного испуган. Теперь же обнаружилось, что ему не требуется напрягать воображение, чтобы разнообразить удовольствия для Фаун: она все еще была очарована тем чудом, которое дарило ей повторение ласк. Так что Даг, пожалуй, все еще вполне мог справляться с ситуацией.

Даг также открыл в себе слабость, о которой раньше не подозревал: любовь к растиранию ног. Если Фаун хотелось удержать его на одном месте, ей не было надобности связывать его – стоило ее маленьким сильным рукам двинуться вниз от колена, как Даг

замирал, словно от удара по голове, и лежал неподвижно, стараясь только не пускать слюни в подушку. В такие моменты возможность никогда не покидать постели до конца жизни представлялась ему лучшим вариантом рая.

«До тех пор, пока с ним в постели Фаун...» Короткие летние ночи были очень наполнены, но Дага поражало, как быстро пролетают и длинные летние дни. Короткая поездка за город, чтобы Фаун могла познакомиться со своей новой лошадью и оценить удобство одежды для верховой езды, превратилась в пикник у реки и объятия под занавесом ветвей ивы, длившиеся до темноты. На постоянный двор снова заглянул Сасса, родич Хорсфордов, и Даг обнаружил, что Фаун обладает ненасытным аппетитом в посещении ремесленников Глассфорджа. Ее бесконечное любопытство и страсть задавать вопросы ни в коей мере не были обращены только на дозорных, но охватывали, казалось, весь безграничный мир. Сасса был не только добровольным проводником, но и гордился своими знаниями и обилием родственных связей, в результате чего они побывали в мастерских по обжигу кирпичей, ювелирной лавке, у кожевника, на трех мельницах и у горшечника, где Фаун вылепила горшок под увлеченным руководством мастера и с наслаждением перемазалась глиной. Наконец, они еще раз побывали в собственной мастерской Сассы, потому что раньше Даг пропустил это удовольствие, отправившись объезжать болота.

Сначала Даг проявлял просто вежливый интерес – он редко обращал внимание на что-либо, что не касалось отслеживания и уничтожения Злых, – но вскоре обнаружил, что увлечение Фаун заразило и его. Мастера-стекольщики так искусно и трудолюбиво соединяли пламя и песок, создавая хрупкие сверкающие чудеса!

«Это магия крестьян, а они даже не понимают этого!»

Даг зачарованно следил, как комки стеклянной массы помещаются в формы и из них выдуваются абсолютно одинаковые изделия. Сасса подарил Фаун чашу, за изготовлением которой она следила при своем первом посещении, теперь отполированную, и девушка решила отвезти ее своей матери. Даг сомневался, что чаша доедет в целости в седельной сумке до Вест-Блу, но Сасса раздобыл коробку, набитую соломой, и надежды Фаун воспрянули. Везти большую коробку было неудобно, и Даг собрал все свое мужество, чтобы справиться с ситуацией.

Потом Фаун распаковала чашу и поставила ее на стол рядом с их кроватью, чтобы любоваться ею в вечернем свете. Даг, сидя на постели, почти с таким же интересом наблюдал, как узоры на стекле рождают дрожащую радугу.

– У всех предметов есть Дар, – заметил Даг, – за исключением тех, которых его лишил Злой. Дар живого существа постоянно движется и изменяется, но даже камни издают тихое ровное пение. Когда Сасса приготовил стеклянную массу и начал ее выдувать, ее Дар стал почти живым – такой большой была перемена. Теперь Дар снова успокоился, но стал другим... как если бы, – Даг взмахнул рукой, словно в поисках нужного слова, – как если бы чаша запела более веселую мелодию.

Фаун отступила на шаг, оперев руки в бедра, и бросила на Дага слегка огорченный взгляд, словно, сколько бы вопросов она ни задавала, он уходил от нее куда-то, куда она не могла за ним последовать.

– Значит, – медленно проговорила Фаун, – раз Дар в предметах передвигается... нельзя ли при помощи перемещения Дара двигать предметы?

Даг испытал легкое потрясение. Случайность или строгая логика заставила Фаун задать вопрос, который оказался так близко к сердцу тайн Стражей Озера? Даг заколебался.

– В теории это так, – наконец сказал он. – Не хочешь ли увидеть, как Страж Озера передвинет Дар этой чаши с одного конца стола на другой?

Глаза Фаун загорелись.

– Покажи!

Даг с серьезным видом протянул руку и передвинул чашу на шесть дюймов.

– Даг! – с возмущением воскликнула Фаун. – Я-то думала, ты покажешь мне волшебство!

Даг ответил ей улыбкой – он и вообще не мог на нее смотреть, не улыбаясь.

– Попробовать передвинуть предмет с помощью его Дара – все равно что нажимать на короткий конец рычага. Всегда легче сделать это рукой. Хотя и говорят... – Даг снова заколебался. – Говорят, что древние лорды-волшебники умели объединяться в группы ради больших чудес. Вроде того как мы объединяем Дар пострадавшего и Дар целителя для излечения или как соединяются влюбленные, только с использованием секрета, который утерян.

– А теперь вы такого не умеете?

– Нет. Мы слишком отстали. Может быть, наша кровь была осквернена в темные времена – никто не знает. Как бы то ни было, это к тому же запрещено.

– А ваши объезды?

– Во время объездов используется просто восприятие. Такая же разница, как, наверное, между тем, чтобы нащупать предмет рукой, и его перемещением.

– А почему перемещение запрещено? Или не разрешается объединяться в группы ради перемещения предметов?

Дагу следовало бы знать, что его слова вызовут новые вопросы. Кинуть Фаун факт было все равно что кинуть кусок мяса стае голодных собак: это вызывало только потасовку.

– Это приводило к печальным результатам, – ответил он успокоительно, да только по тому, как Фаун надула губы и наморщила лоб, стало ясно, что это не сработает. Что ж, раз не помогает успокоение, попробуем отвлечение. – Впрочем, позволь сказать тебе, что ни один дозорный не сунется в Лутлию, не научившись отгонять moskitov при помощи Дара. Ужасные твари – высасывают всю кровь досуха!

– Вы используете магию, чтобы отгонять moskitov? – переспросила Фаун, словно не могла решить: впечатлиться или обидеться. – У нас для этого есть рецепт жуткой гадости, которой можно обмазаться. Если знаешь, из чего она делается, предпочтешь быть искусанной.

Даг усмехнулся, потом вздохнул.

– Говорят, мы – выродившийся народ, и я в это верю. Древние лорды строили великие города, корабли, дороги, изменяли собственные тела, получали долголетие... а под конец разрушили свой мир. Я, правда, думаю, что до этого момента все было по-настоящему здорово. Мы... я отгоняю moskitov и еще могу позвать или прогнать своего коня, после того как обучу его такому. И помогаю, если повезет, излечить раны. И вижу благодаря Дару двойственность мира. Боюсь, что только в этом и заключается магия Дага.

Фаун посмотрела ему в лицо.

– И убиваешь Злых, – медленно проговорила она.

– Ага. Это мое основное занятие.

Даг потянулся к Фаун и заглушил ее следующий вопрос поцелуем.

Совести Дага потребовалась почти неделя, чтобы заставить его прекратить витать в облаках и вернуться на землю. Ему хотелось просто сбросить с себя надоевшую тяжесть... но однажды утром, вернувшись в свою комнату после бритья, он обнаружил полуодетую Фаун перед мешком; девушка, хмурясь, смотрела на разделяющий нож на дне.

Даг подошел и обнял Фаун, прижавшись голой грудью к ее голой спине.

– По-моему, нам пора, – сказала Фаун.

– Я тоже так думаю, – вздохнул Даг. – Не то чтобы я отлынивал от дозора годами, но Мари отпустила меня ради разгадки тайны ножа, а не для того, чтобы я наслаждался этим раем на постоялом дворе. Слуги уже давно на меня косятся.

– Со мной они были все время любезны, – уточнила дотошная Фаун.

– Ты легко заводишь друзей.

Все на постоялом дворе – от поварахи, судомоек, горничных, конюхов до хозяина и его жены – опекали Фаун, героиню-крестьянку. Дошло до того, что Даг заподозрил: стоит Фаун распорядиться: «Выкиньте этого долговязого на улицу», – и он тут же окажется в дорожной

пыли в обнимку со своими седельными сумками. Жители Глассфорджа, работавшие на постоялом дворе, привыкли к дозорным и их странным обычаям, но Дагу было совершенно ясно, что они еле терпят неподходящую пару, да и то только ради Фаун. Теперь здесь появились другие постояльцы, возчики и речники, которые косились на Дага с Фаун, обмениваясь сплетнями на их счет.

Даг гадал, насколько косые взгляды будут на него бросать в Вест-Блу. Фаун постепенно примирилась с предполагаемой остановкой в ее родной деревне, отчасти из-за его описаний того, как беспокоятся ее родители, отчасти благодаря его обещанию не бросить ее. Это было единственное обещание, о повторении, которого она его просила.

Даг поцеловал Фаун в макушку и скользнул пальцем по заживающим царапинам на ее левой щеке.

– Твои синяки совсем побледнели. Думаю, что если я привезу тебя к родителям в роли твоего защитника, это будет выглядеть более убедительно, если ты не будешь похожа на жертву пьяной драки.

Губы Фаун дрогнули, она поцеловала руку Дага, но ее пальцы тут же коснулись отметин, оставленных на ее шее Злым.

– Эти-то не пройдут.

– Не ковырай!

– Они чешутся. Когда наконец корочка отвалится? Другие-то шрамы уже зажили.

– Достаточно скоро, на мой взгляд. Эти глубокие красные вмятины еще какое-то время сохранятся, но потом они побледнеют – почти как любые другие шрамы – и станут серебристыми.

– Ох... Тот длинный блестящий шрам у тебя на ноге – от колена и вокруг бедра – это след когтей Злого? – Фаун за последние дни и ночи исследовала все отметины на его теле со старательностью картографа и теперь требовала объяснения каждой.

– Он просто задел... Я отскочил, а мой напарник в следующий момент вонзил в Злого нож.

Фаун повернулась и обняла Дага за талию.

– Я рада, что он не задел выше, – серьезно сказала она.

Даг подавил ухмылку.

– Я тоже, Искорка!

К полудню они выбрались на большак.

Ехали они не торопясь: отчасти потому, что ни один не спешил добраться до места назначения, но главным образом из-за душной влажности после недавнего дождя. Лошади еле брели под раскаленными лучами солнца. Всадники беседовали или молчали, на взгляд Дага, с одинаковым удовольствием. Половину следующего дня, когда снова пошел дождь, они провели в амбаре той фермы у колодца, где впервые увидели друг друга, наслаждаясь вкусной деревенской едой и слушая успокоительный стук капель по крыше и хруст сена на зубах коней; они даже не заметили, когда непогода кончилась, так что решили там же и переночевать.

Следующий день выпал ясный и свежий, жаркую белесую пелену унес западный ветер, и Даг с Фаун неохотно отправились дальше. На пятую ночь перед прибытием в Ламптон они в последний раз разбили лагерь в поле. Фаун полагала, что если они рано выедут из Ламптона, то доберутся до Вест-Блу до темноты. Дагу трудно было предположить, что случится потом, хотя неторопливые рассказы Фаун о ее семье по крайней мере позволили ему лучше представить людей, с которыми ему предстояло встретиться.

Место для лагеря они нашли у извилистого ручья рядом с редкой порослью кустов калины, где их не было бы видно с дороги. Позднее, осенью, между листьями будут висеть гроздья ягод, но сейчас кусты еще только цвели, наполняя вечерний воздух сладким ароматом. Ночь была безлунной, но на берегу ручья и на лужайке за ним загорелись огоньки сотен светлячков, мигая в тумане. Тени под кустами сделались непроглядными.

– Жаль, что я не могу лучше тебя видеть, – пробормотала Фаун, когда они улеглись на

одеяла и принялись не спеша расстегивать пуговицы на своей одежде. Было все еще жарко, и ни одному из них не хотелось накрываться одеялом.

– Хм-м... – Даг, опираясь на локоть, улыбнулся в темноту. – Дай мне минутку, Искорка, и я, может быть, смогу этому помочь.

– Нет, не нужно подкидывать дров в костер. И без того жарко.

– Я и не собирался. Вот подожди и увидишь. Лучше закрой глаза.

Даг с помощью Дара оглядел окрестности и не обнаружил угрозы на расстоянии мили – только мелкую живность в траве: мышей, землероек, кроликов, сонных жаворонков; в воздухе сновали летучие мыши, иногда, как призрак, пролетала сова. Даг сделал свою сеть более мелкой, заполнив ее более мелкими существами. Не насилие, а мягкое принуждение... да. Его умение все еще работало. Куст все больше и больше заполнялся приглашенными им посетителями. Лицо Фаун становилось все более отчетливо видимым, словно всплывая из водных глубин.

– Можно теперь открыть глаза? – Фаун все еще послушно жмурилась.

– Еще секундочку... теперь можно. Открывай.

Даг смотрел на Фаун, когда та подняла глаза, чтобы не упустить самого замечательного чуда. Девушка подняла веки, потом широко раскрыла глаза и охнула.

Куст калины над ними был усеян сотнями, может быть, тысячами – как говорил Дагу его настороженный Дар – слегка ошалелых светлячков; они сидели так густо, что тонкие веточки гнулись под их тяжестью. Многие насекомые заползли внутрь цветков, и грозди светились, как бледные фонарики. Холодный не дающий теней свет заливал Фаун и Дага.

– Ох... – выдохнула Фаун, приподнявшись на локте. – Ох...

– Подожди. Я могу и еще кое-что. – Даг сосредоточился и заставил светлячков спиралью подняться в воздух и опуститься на темные волосы Фаун сияющей короной.

– Даг! – Фаун растерянно засмеялась наполовину от удовольствия, наполовину от возмущения. – Ты посадил жуков мне в волосы!

– Насколько я знаю, ты любишь жуков.

– Люблю, – честно признала Фаун. – Во всяком случае, некоторых. Но как?.. Ты что, научился такому в лесах Лутлии?

– На самом деле нет. Я научился этому в лагере, когда мой Дар впервые проснулся. Мне было лет двенадцать, наверное. Дети учатся подобным проделкам друг от друга, взрослые никогда этим не занимаются, но, думаю, все умеют командовать светлячками. Мы просто забываем... Взрослеем, занимаемся важными делами и так далее. Впрочем, должен признаться: никогда раньше я не собирал больше десятка за раз.

Фаун продолжала растерянно улыбаться.

– Немного зловеще, но мне нравится. Насчет волос я не уверена... Ой! Даг! Они щекочут мне уши.

– Счастливики эти светлячки. – Даг наклонился и сдул жучков с уха Фаун, поцеловав его, чтобы не чесалось. – Тебя следовало бы короновать светом восходящей луны.

– И зачем, – немного ворчливо сказала Фаун и шмыгнула носом, следя взглядом за качающимися цветами-фонариками, – тебе понадобилось это делать? Я уже и так полна радости, что она вот-вот выплеснется, а ты еще добавил. Просто транжирство, вот что я скажу. Она сейчас выплеснется... – Свет отразился в ее полных слез глазах.

Даг привлек ее к себе, так что теплые капли пролились ему на грудь, как летний дождь.

– Выплесни ее на меня, – прошептал он. Даг снял с волос Фаун сверкающую корону и позволил крохотным насекомым снова взлететь на куст. В мерцании светлячков они до полуночи ласкали друг друга, пока не уснули.

Ламптон был меньшим, чем Глассфорд, но тем не менее весьма оживленным городком. Он лежал на полуострове между каменистыми руслами двух рек, сбегавших с тянувшихся на север известняковых холмов. Здесь пересекались два древних большака, и тут, несомненно, во времена правления лордов-волшебников находился лесной поселок. Новые

здания были в значительной мере выстроены из каменных блоков, отвоеванных у заповоленного заброшенное селение леса; камня хватило и на стенки вокруг окрестных полей, и на заборы у городских домов. Впрочем, наметанный глаз Дага отметил и несколько новых и более роскошных домов на окраинах, выстроенных из кирпича. Деревянные мосты через речки были явно недавней постройки; их широкий прочный настил мог выдержать самые тяжело груженные фургоны.

Постоялый двор, где знали и радушно принимали дозорных, лежал в северной части городка, и, направляясь туда, Даг и Фаун должны были пересечь городскую площадь, на которой всю шла рыночная торговля. Фаун вертелась в седле, оглядывая лотки и телеги с товарами, пока они пробирались через бурлящую толпу.

– Для мамы у меня есть та стеклянная чаша, – сказала она. – Жаль, что я ничего не привезу тетушке Нетти. Ее почти никогда не берут с собой, когда родители отправляются на ярмарку. – Поездка в город на ярмарку, как понял Даг из рассказов Фаун, была ритуалом, случавшимся раз в год.

Тетушка Нетти была старшей сестрой матери Фаун, ослепшей лет в десять после какой-то болезни. Она приехала на ферму вместе с младшей сестрой, когда та вышла замуж, как своего рода приданое. Несмотря на свое увечье, она не была бездеятельной, и большая часть пряжи и домотканого полотна для семейства была ее рук делом; кое-что даже оставалось на продажу. Тетушка Нетти была единственным членом семьи, о ком Фаун говорила без скрытого напряжения в голосе и в Даре.

Даг с готовностью, поняв намерение Фаун, принялся разглядывать товары. Конечно, было бы бессмысленно везти на ферму какую-то еду. Так же не подошли бы одежда и ткани. Даг сосредоточил внимание на лавках, расположенных по краям рынка.

– Инструменты? Ножницы, иголки, что-то для пряжи или шитья?

– Всего этого у нее много, – вздохнула Фаун.

– Тогда то, что быстро расходуется. Краски, например? – В голосе Дага прозвучало сомнение. – Пожалуй, нет...

– Раньше окрашиванием занималась мама, хотя в последнее время это стало моим делом. Я хотела бы найти для тетушки Нетти что-то такое, что было бы лично для нее. – Фаун прищурилась. – Мех?..

– Что ж, давай посмотрим. – Они спешили, и Фаун начала рассматривать на прилавке у торговли шкурки – на многоопытный взгляд Дага, не особенно хорошие – водившихся в окрестностях зверей: енота, опоссума, оленя.

– Потом я смог бы раздобыть для нее что-нибудь и получше, – пробормотал Даг, и Фаун, поморщившись, перестала рыться в кипе мехов. Они пошли дальше, ведя коней в поводу.

Вскоре Фаун остановилась и повернулась к маленькой аптечной лавке, притулившейся между сапожной мастерской и лавкой парикмахера-зубодера-писца – трудно было понять, оказывает ли все эти услуги один и тот же человек. Витрина аптеки из мелких стеклянных квадратов выступала наружу, чтобы можно было лучше разглядеть выставленные товары.

– Интересно, не торгуют ли здесь душистой водой вроде той, что девушки из твоего отряда покупали в Глассфордже?

«Или маслом», – не удержался от лукавой мысли Даг. Им можно было пополнить запасы для будущего употребления, хотя ближайшие перспективы использования масла на ферме Блуфилдов представлялись сомнительными. Едва ли благодарность родителей за спасение их единственной дочери была бы столь велика, чтобы позволить им спать вместе. Так или иначе, Даг и Фаун привязали коней к ограждению мощеного тротуара и вошли в лавку.

Аптека торговала четырьмя разновидностями душистой воды, но только обычным маслом, так что Даг не затруднился в выборе. Его внимание привлекли действительно разнообразные лекарственные травы, некоторые из которых явно были куплены у Стражей Озера; Фаун тем временем перепробовала все душистые воды, наслаждаясь возможностью

выбора. Наконец решив, что подойдет лучше всего, Фаун и Даг стали ждать, пока их маленькие приобретения упакуют... Впрочем, если учитывать, каким тощим был кошелек Фаун, не такими уж они были и маленькими. Даг заметил, как трудно было решиться девушке на приобретение чего-то, что на ферме определенно было бы сочтено роскошью.

Выйдя из лавки, Даг уложил покупки в седельную сумку и повернулся, чтобы помочь Фаун сесть в седло. Девушка стояла рядом со своей кобылой, в ужасе глядя на нее.

– Мой мешок исчез! – Фаун коснулась болтающихся ремешков позади седла. – Не упал ли он по дороге? Я точно помню, что привязала...

Рука Дага тоже коснулась ремешков, и голос его зазвучал напряженно:

– Ремни обрезаны. Видишь, узлы не тронуты. Проклятый вор!

– Даг, ведь нож был в мешке! – ахнула Фаун.

Дозорный резко развернул свой Дар, поморщившись, когда на него обрушился многоголосый шум. Он искал среди этого гомона тихую знакомую мелодию... Вон там! Даг вскинул голову и на противоположном конце площади заметил щуплую фигурку, исчезающую между домами, небрежно перекинув за плечо мешок, словно это была его собственность.

– Вижу его, – хрипло выдохнул Даг. – Подожди здесь! – Длинные ноги стремительно понесли его через площадь; не было даже необходимости переходить на бег. Оставшаяся позади Фаун принялась расспрашивать прохожих: «Не видели ли вы кого-то, кто отирался рядом с нашими конями?»

Даг усилием воли подавил ярость; осталось только раздражение – в основном в собственный адрес. Если бы он был в составе отряда дозорных, кто-нибудь непременно остался бы с лошадьми – в качестве обычной предосторожности. Так что же заставило его потерять бдительность? Какое-то неуместное чувство анонимности? Если бы он только поглядывал из окна лавки, он сам мог бы присмотреть за сохранностью имущества. Если бы его Дар был настороже, он мог бы почувствовать беспокойство Копперхеда от слишком близкого соседства чужого человека... Что ж, теперь поздно.

В переулке за домами Даг настиг беглеца. Мальчишка прятался за поленницей, и там его поджидал взрослый сообщник – то ли брат, то ли приятель, то ли более опытный вор. Оба они стояли на коленях и рылись в украденном мешке.

Здоровяк-взрослый говорил с отвращением:

– Тут просто девчачьи одежды. Что ж ты, дурак, не прихватил седельные сумки?

– Тот рыжий коняга пытался меня лягнуть, да и люди начинали уже посматривать, – ответил мальчишка угрюмо. – Погоди-ка, а это что?

Здоровяк поднял за оборванные ремешки ножны разделяющего ножа; рука его потянулась к костяной рукояти...

– Твоя смерть, если только прикоснешься, – прорычал Даг, приближаясь. – Это я тебе обеспечу.

Мальчишка бросил на него единственный взгляд, взвизгнул и помчался прочь, со страхом оглядываясь через плечо. Здоровяк, вытаращив глаза, вскочил на ноги и ухватил толстое бревно из поленницы. Было ясно, что никаких оправданий – «сэр, мы думали, что это наши кони» – или извинений не последует, даже если бы вору хватило сообразительности и присутствия духа их придумать. Он тут же замахнулся на Дага.

Даг вскинул руку, чтобы защитить лицо от удара, который разможил бы ему голову. Дубовое полено с мерзким треском обрушилось на предплечье с такой силой, что Даг с трудом устоял на ногах. Острая боль пронзила его руку. Не было никакой возможности выхватить нож, но пружинный захват, прикрепленный к протезу, тоже был хорошим оружием: здоровяк отскочил, когда Даг в ответ нанес ему удар в шею. Быстро оценив свои шансы в схватке с таким одноруким противником, более опасным, чем показалось сначала, взрослый вор бросил и ножны, и полено, кинувшись бежать за своим малолетним сообщником.

Фаун и трое или четверо жителей Ламптона выбежали из-за угла как раз в тот момент,

когда Даг выпрямился. Не растерявшись, он незаметно ногой накиннул угол одеяла на лежащие на земле ножны.

– Даг, с тобой ничего не случилось? – в испуге вскрикнула Фаун. – У тебя из носа течет кровь!

Даг чувствовал струйку, стекающую ему на губы; лизнув ее, он ощутил знакомый металлический привкус. Он попытался поднять руку, чтобы ощупать лицо, но рука не слушалась... Втянув воздух сквозь стиснутые зубы, он отвернулся и сплюнул кровь; ему хотелось выругаться, но достаточно сильные выражения не приходили на ум. Дар не оставлял сомнений...

– С носом все в порядке, – пробормотал он с бессильным отчаянием. – Правая рука сломана. Проклятие!

13

Постоялый двор в Ламптоне представлял собой старое здание на северной окраине городка рядом с большаком. Фаун нашла, что он намного уступает их пристанищу в Глассфордже; маленький и ветхий, он, правда, предоставлял определенные удобства, но зато взимал плату даже со Стражей Озера. Впрочем, летом постояльцы имели возможность есть за дощатыми столами во дворе под прекрасными старыми орехами, что было гораздо лучше, чем тесниться в сыром и темном зале. С любопытством оглядевшись, Фаун обнаружила, что дозорных среди обедающих нет; четверо возчиков за дальним столом были заняты только пивом, а крестьянская супружеская чета пыталась утихомирить шумных детишек. Даже рост, необычная внешность и рука в лубке и на перевязи Дага привлекли к себе только безразличные взгляды, и Фаун почувствовала себя в безопасности – никто не обращал на нее внимания.

Даг рухнул на скамью с усталым кряхтением, и Фаун устроилась с ним рядом. По его просьбе она развязала кожаный сверток, который достала из его седельной сумки; там оказались разнообразные приспособления для его протеза.

– Господи, что это?

– Да так... Пробные инструменты или те, которыми я не пользуюсь каждый день. – Видя, с какой растерянностью Фаун смотрит на них, Даг добавил, кивнув на деревянный стержень с прикрепленным к нему стальным инструментом, похожим на миниатюрное седло: – Это скребок. На привалах я много времени посвящал выделке шкур. Занятие, конечно, скучное, но оно было одним из первых, которые я освоил после изготовления протеза. К тому же так укрепляются мышцы, что очень пригодилось, когда был изготовлен лук.

Судомойка, выполнявшая заодно работу подавальщицы, принесла им кружки с пивом, и Даг неуклюже потянулся к своей правой рукой в лубке и крюком на левой.

– Ах, ведь костоправ же говорил тебе: нельзя пользоваться рукой, – воскликнула Фаун. – Пять раз, пока я была в комнате, и уж не знаю сколько, когда я выходила. Он чуть не шлепнул тебя за непослушание. – Лекарь едва ли нуждался в просьбах Фаун получить вправить Дагу руку; он сразу оценил, с кем имеет дело, и занялся рукой со спокойной тщательностью, так что из-под бинтов выглядывали только кончики пальцев. – Ты просто опусти руку на перевязь. Нам нужно подумать, как быть дальше.

Фаун поспешно поднесла кружку к губам Дага; тот поморщился, но выпил с жадностью. Фаун сумела не особенно облить его, когда он отстранился, и выхватила из кармана носовой платок, чтобы не дать ему самому вытереть губы.

– Если ты собираешься использовать бинты вместо салфетки, они испачкаются и не прослужат шести недель. – Даг свирепо нахмурился, и Фаун продолжала: – А если ты будешь так на меня смотреть, я начну хихикать, а ты станешь кидать в меня своими сапогами, и чем же это все кончится?

– Ничего подобного, – прорычал Даг. – Мне ведь даже для того, чтобы снять проклятые

сапоги, потребуется твоя помощь. – Однако уголок его губ пополз вверх, и Фаун испытала такое облегчение, что встала на колени на скамью и чмокнула его, что заставило Дага совсем уж откровенно улыбнуться.

Даг виновато вздохнул, извиняясь за раздражительность.

– Вон то, третье слева, – кивнул он на кожаный сверток с приспособлениями, – послужит как ложка и вилка.

Фаун вытащила и стала рассматривать железную ложку с четырьмя короткими зубчиками на конце.

– Хитро придумано!

– Я не особенно часто этим пользуюсь. Обычно удобнее нож, если передо мной на столе что-то, с чем нельзя управиться крюком или парадной рукой. – Парадной рукой Даг называл деревянную руку в перчатке, которую он использовал, только чтобы обмануть незнакомцев, да и то без большого успеха.

С легким стуком Даг прислонил свое деревянное запястье к краю стола.

– Попробуй заменить одно на другое. Оружие, которое Даг употреблял чаще всего – крюк с удобным пружинным зажимом, – было ввинчено прочно. Фаун наклонилась вперед, ухватила покрепче и вывинтила его. Ложковилку ввинтить было легче.

– Ох, да это совсем не трудно!

Служанка принесла тарелки, полные моркови и картофельного пюре под соусом из сливок в качестве гарнира к свиной отбивной. Молча переглянувшись с Дагом, который с видимым усилием сдерживал раздражение, Фаун наклонилась и ловко порезала мясо, предоставив Дагу дальше управляться самому. Ложковилка служила достаточно хорошо, хоть Дагу и пришлось неловко выворачивать локоть. Фаун сообразила заказать еще пива, и с помощью выпивки и горячей еды после слишком долгого и тяжелого дня Даг начал медленно приходить в себя. Сутулая судомойка подала им еще и большие куски пирога с вишнями, в результате чего сытость чуть не перешла в сонливость прямо за столом.

– Так что, – сказала Фаун, – останемся мы здесь на завтра или поедем дальше и отдохнем уже в Вест-Блу? Ты сможешь ехать так долго? – Даг доехал верхом от костоправа до постоянного двора, обмотав поводья вокруг крюка, но это была всего миля.

– Я ездил и дальше в худшем состоянии. Да и порошок поможет. – Даг предусмотрительно купил у аптекаря, прежде чем они покинули городскую площадь, снадобье Стражей Озера, которое снимало боль. Фаун не могла понять, стали ли глаза Дага тусклыми от лекарства или от боли; с другой стороны, решила она, и хорошо, что снадобье не так уж помогает, – иначе Дага было бы не остановить. В подтверждение этой ее мысли Даг потянулся и сказал:

– Я предпочел бы не задерживаться. В лагере Хикори найдутся целители, которые помогут моей руке зажить быстрее.

– Костоправ все сделал правильно? – встревоженно спросила Фаун.

– О да. Он, может быть, и криворукый палач, но свое дело знает. Рука срастется как надо.

Даг называл костоправа и гораздо хуже, пока тот возился с его рукой, но лекарь только усмехался, явно привыкнув к красочным выражениям своих пациентов. Возможно, подумала Фаун, он даже коллекционирует отборные ругательства.

– Если только ты снова ее не ушибешь... – Фаун до смерти боялась возвращаться домой, но если уж этого не избежать, то лучше отделаться побыстрее. Даг явно считал, что таков ее долг, что иначе нельзя, и даже присутствие Идиота Санни и всех ее братьев не стоило того, чтобы Даг счел ее трусихой. «Даже если я на самом деле такая и есть».

– Хорошо. Едем дальше.

Даг потер подбородок левым рукавом.

– В этом случае нам следует договориться, что мы расскажем твоим родичам. Мне не хотелось бы упоминать при них о заряженном ноже – как мы не упоминали о нем при моих товарищах-дозорных, за исключением Мари. – Это показалось Фаун и справедливым, и

предусмотрительным. Она кивнула. – Все остальное – на твое усмотрение, только скажи мне, чего ты хочешь.

Фаун уставилась на крошки на своей пустой тарелке.

– Они не знают обо мне и Санни, так что будут в ярости из-за того, что я так напугала их без всякой причины и просто сбежала.

Даг наклонился и коснулся губами красной отметины на шее Фаун, оставленной Злым.

– Было ради чего.

– Да, но они мало что знают о Злых.

– Значит, – медленно проговорил Даг, словно нащупывая нужный путь, – если твой Санни сознался, ты окажешься в одной ситуации, если нет – в другой.

– Он вовсе не мой Санни, – ворчливо буркнула Фаун. – Об этом мы оба имеем ясное представление.

– Хм-м... Если ты не собираешься говорить своим, почему ты на самом деле убежала, нужно придумать какой-нибудь предлог. Мой опыт говорит, что такая выдумка оставляет темный след в Даре и ослабляет его. Я на самом деле не понимаю, почему ты хочешь выгородить Санни. На мой взгляд, он получит от этого больше выгоды, чем ты.

Фаун подняла брови.

– Позор в таких случаях падает на девушку. Таковую начинают называть испорченным товаром, и ей не найти жениха с землей, если пойдут разговоры о том, что она – не девственница. Правда, мне кажется, что многие девушки все равно... так что на самом деле никто ничего точно не знает.

– Эх, крестьяне... – Даг надул губы. – А вдов это тоже касается? Настоящих вдов, а не соломенных?

При напоминании о том, как она назвалась при первом знакомстве, Фаун покраснела, хоть и улыбнулась.

– Нет. Со вдовами совсем другое дело. Они, правда, не свободны делать что угодно – ведь они могут иметь детей или у них не окажется денег, – но вдовы держат голову высоко и сами определяют свою судьбу. Лучше, конечно, если они богаты.

– Ах... значит, ты хочешь найти жениха с землей, Искорка?

Фаун резко выпрямилась и возмущенно воскликнула:

– Конечно, нет! Я хочу только тебя.

Даг взглянул на нее, подняв бровь.

– Так почему же ты собираешься вести себя по-прежнему? По привычке?

– Нет. – В голосе Фаун прозвучало уныние. – Мне кажется... Я думаю, мы друг другу снимся, и я изо всех сил стараюсь не проснуться. Глупо, наверное... Кто-нибудь когда-нибудь явится и отнимет тебя у меня. Я не смогу сохранить тебя навсегда.

Даг отвел глаза и стал смотреть на золотую пыль, поднятую на дороге тележкой, которую тащил пони, в лучах закатного солнца.

– Какие бы препятствия ни ждали нас в твоём семействе, с моим будет еще хуже, но я все равно собираюсь сопротивляться. Не стану лгать, Искорка: есть вещи, которые могут нас разлучить, вещи, в которых я не властен. Смерть, например. – Он помолчал. – Впрочем, ничего, кроме смерти, я сейчас назвать не могу.

Фаун потрясенно кивнула, уткнулась лицом в плечо Дагу и сидела так, пока не перестала всхлипывать.

Даг вздохнул.

– Что ж, не мне решать, что ты скажешь своим родным. Это твой выбор. Только мой совет – рассказать всю правду, за исключением истории с ножом.

– А как мы тогда объясним, что я еду в твой лагерь?

– Нужно, чтобы ты рассказала моему командиру об уничтожении Злого. Это, кстати, правда. Если нам будут задавать вопросы, я могу высокомерно заявить, что это дело Стражей Озера.

Фаун покачала головой.

– Они не захотят позволить мне отправиться с тобой.

– Посмотрим. Нельзя предвидеть поступки других людей – ты можешь планировать только собственное поведение. Сколько ни старайся, из неприятностей просто так не выпутаешься. – Даг наклонился и поцеловал Фаун в волосы. – Если они прикуют тебя к стене железными цепями, я тебя освобожу.

– Не имея здоровых рук?

– Я очень изобретательный. А если тебя не прикуют, ты можешь просто уйти. Для этого требуется только храбрость, а я знаю, что ее тебе не занимать.

Фаун, утешенная, улыбнулась, но возразила:

– На самом деле в глубине сердца я трусиха. Они... не знаю, как объяснить. Они умеют заставить меня казаться ничтожеством.

– Не знаю, как они, а ты уже не та, какой была раньше. В любом случае все произойдет не так, как ты ожидаешь.

– В этом нет сомнения...

Усталые и обеспокоенные, они не занимались любовью этой ночью, но крепко прижимались друг к другу в душной комнате гостиницы. Сон долго не шел к ним.

Летнее солнце снова клонилось к закату, когда Фаун остановила свою кобылу, глядя на деревенскую улицу, пересекающую дорогу. От Ламптона их отделяло двадцать миль, и Даг должен был признать, хоть только в душе, что дорога, далась ему нелегко: его правая рука опухла и болела сильнее, чем ему хотелось бы, да и левая, на которую пришлась непривычная нагрузка, была не в лучшем состоянии. Они с Фаун проехали пятнадцать миль по большаку, который тянулся вдоль гряды холмов между двумя реками, а потом свернули на запад. Оказавшись в долине, они переправились по каменистому броду и повернули на север по извилистой дороге вдоль реки. Это был короткий путь, объяснила Фаун: иначе пришлось бы проехать еще милю до моста, рядом с которым располагалась мельница.

Теперь она была дома. Даг чувствовал, что ее Дар взбудоражен, но не требовалось сверхъестественной прозорливости, чтобы понять – ее преобладающим чувством была вовсе не радость.

Даг послал своего коня вперед, чтобы поравняться с Фаун.

– Думаю, сейчас мне пригодится моя парадная рука, – пробормотал он.

Фаун кивнула, наклонилась, чтобы дотянуться до кошель на поясе Дага, и заменила крюк на более бесполезную, но не такую заметную деревянную руку. Прежде чем въехать в деревню, она заново расчесала волосы и завязала их яркой лентой, потом привстала на стременах, чтобы причесать и Дага, который склонил для этого голову, хотя и считал, что попытка придать ему лучший вид бесполезна. Он прекрасно понимал желание Фаун вернуться домой гордой и красивой, а не побитой и оборванной, и только жалел, что не будет выглядеть мужественным защитником в своем печальном состоянии.

«Ты и хуже иногда выглядел, старый дозорный. Вперед!»

Фаун сглотнула и направила Грейс по улице, поднимавшейся вверх по склону почти на четверть мили. С обеих сторон тянулись стены сухой каменной кладки, а потом, за рощицей кленов, орехов и гикори, справа появился старый полуразрушенный амбар, а слева – более новый. За новым амбаром виднелись хозяйственные постройки, в том числе коптильня; от нее поднимались тонкие серые струйки дыма, и Даг уловил приятный запах тлеющих ореховых дров. Во дворе виднелся колодец под навесом, а всю правую сторону занимал большой старый фермерский дом.

Центральная двухэтажная его часть была сложена из желтоватого камня; крыльцо и передняя дверь смотрели на речную долину. С северной стороны располагалась одноэтажная пристройка, а с другой стороны явно шло строительство; груды камня свидетельствовали о том, что запланирована еще одна пристройка, такая же, как первая. С западной стороны вдоль всего дома тянулась крытая терраса, откуда, по-видимому, дверь вела на кухню. Вокруг не было видно ни одной живой души.

– Время ужина, – сказала Фаун. – Они все, должно быть, на кухне.

– Восемь человек, – уверенно сообщил Даг, успевший воспользоваться Даром.

Фаун глубоко вздохнула, спешила, привязала обоих коней к перилам крыльца и повела Дага внутрь. Ее легкие и его более тяжелые шаги гулко прозвучали на ступенях. Дверь была широко распахнута и закреплена болтами, но за ней находилась еще одна, затянутая сеткой. Фаун толкнула ее, проскользнула внутрь и придержала дверь для Дага. Он положил свою деревянную руку ей на плечо и не сразу ее убрал.

За длинным столом, занимавшим всю правую часть помещения, сидели восемь человек. Они повернулись в сторону вошедших и вытаращили глаза. Даг сразу отличил тетюшку Нетти: это была невысокая сутулая женщина с растрепанными седыми волосами и жемчужно-белыми бельмами на обоих глазах; склонив голову, она напряженно прислушивалась. Четверых парней – братьев Фаун – он различил не так уверенно, хотя и предположил, что коренастый крепыш – это Флетч, старший, двое непохожих друг на друга близнецов – темноволосый и темноглазый и голубоглазый блондин – это Рид и Раш, а тощий черноволосый паренек – младший из братьев, Вит. Пухленькая молодая женщина, сидевшая рядом с Флетчем, не была известна Дагу по описаниям Фаун. Вот родителей – Соррела и Трил Блуфилд – узнать было несложно: седой мужчина, сидевший во главе стола, вскочил так стремительно, что опрокинул стул, а коротенькая пожилая женщина всплеснула руками и запричитала.

Родители кинулись к Фаун; их радость, облегчение и гнев были такими огромными, что Дагу пришлось приглушить свой Дар, чтобы не оглохнуть.

Братья Фаун как один улыбнулись с облегчением, а тетюшка Нетти принялась настойчиво спрашивать:

– Что такое? Это Фаун, говорите? Я же твердила вам, что она жива! Пора уже было ей вернуться!

Фаун с неподвижным лицом терпела объятия и поцелуи, хотя влага на ее глазах, решил Даг, была не только ответом на чувства окружающих. Даг напрягся, когда отец, после того как крепко обнял Фаун, пригрозил ее побить; однако если радость его была искренней, угроза, по-видимому, оказалась несерьезной, поскольку Фаун даже не поморщилась.

– Где же ты была, девочка? – наконец перекрыл общий шум пронзительный голос Трил Блуфилд.

Фаун сделала шаг назад, подняла подбородок и быстро сказала:

– Я отправилась в Глассфордж искать работу и нашла бы ее, только сначала мне нужно вместе с Дагом – вот это он и есть – побывать в лагере Хикори и помочь ему дать отчет в том, как мы убили зловредное привидение.

Семейство вытаращило на Фаун глаза, как если бы она внезапно начала бредить; Даг заподозрил, что единственное, что на самом деле дошло до родичей Фаун, – это название «Глассфордж». Фаун поспешно продолжала, прежде чем ее смогли перебить:

– Мама, папа, это мой друг, Даг Редвинг Хикори, – Она сделала свой обычный книксен и подтолкнула Дага вперед. Он кивнул, стараясь придать лицу вежливое, но ни к чему не обязывающее выражение. – Он дозорный, Страж Озера.

– Как поживаете, – вежливо поздоровался Даг со всеми разом.

Ответом было молчание; семейство снова вытаращило глаза, запрокинув головы: маленький рост был явно отличительной чертой всех членов семьи Блуфилд.

В подтверждение предположения Дага мать Фаун сказала:

– Глассфордж? С чего это ты собралась искать там работу? Работы хватает и здесь!

– Которую ты взвалила на нас, остальных, – нелюбезно вставил Флетч.

– Разве Ламптон не подошел бы лучше – он ближе? – спросил Вит рассудительным тоном.

– Да знаешь ли ты, сколько беспокойства нам причинила, девочка? – сказал папа Блуфилд.

– Ага, – влез Рид, а может быть, Раш – нет, все-таки Раш, белобрысый. – Когда ты не

объявилась к ужину рыночного дня, мы подумали, что ты, как обычно, считаешь ворон или строишь воздушные замки в лесу, но когда ты не явилась и вечером, папа заставил всех нас искать тебя с факелами и звать. В амбаре, в уборной, в лесу, у реки – нам не пришлось бы так таскаться в темноте и вопить, если бы мамаша пораньше пересчитала твои одежды.

Губы Фаун странно дрогнули во время этой речи, и Даг подумал, что потом нужно будет спросить девушку, в чем дело.

– Мне жаль, что вы так тревожились, – старательно придерживаясь формального тона, ответила Фаун. – Мне следовало оставить записку, чтобы вы знали, что со мной ничего страшного не случилось.

– Как будто это нас успокоило бы, глупая девчонка! – прослезилась мама Блуфилд. – Безмозглая, эгоистичная...

– А меня папа заставил съездить к тетушке Рен – на случай, если ты отправилась туда, а Раша послал в Ламптон, чтобы расспросить про тебя, – сказал Рид.

Жалобы и упреки посыпались со всех сторон. Фаун терпела, не возражая; Даг тоже придержал язык. Резкие слова не выражали недоброжелательства, и Фаун, с детства владеящая этим странным семейным диалектом, воспринимала, по-видимому, содержание, а не форму и пропускала колкости мимо ушей. Ее глаза вспыхнули возмущением только один раз, когда пухлая девушка, сидевшая рядом с Флетчем, выразила согласие с одним из его самых грубых высказываний. Но и тогда Фаун сказала только:

– Привет, Кlover, приятно с тобой увидеться, – что заставило девушку растерянно умолкнуть.

Даг обратил внимание на то, что никаких упоминаний о Санни Сомена не последовало. Значит, Фаун правильно оценила обстановку. Впрочем, делать выводы о последствиях было рано.

Даг уже начал гадать, долго ли будет продолжаться весь этот шум, когда тетушка Нетти поднялась, нащупала срюю палку и обошла стол, чтобы оказаться рядом с Фаун.

– Дай мне разглядеть тебя, детка, – спокойно сказала она; Фаун обняла старую женщину – в первый раз, как заметил Даг, ответив на объятие – и позволила ей провести руками по своему лицу.

– Ах, – пробормотала тетушка Нетти, – ах... А теперь представь меня своему другу-дозорному. Давненько я не встречала Стражей Озера.

– Даг, – Фаун вернулась к своему взволнованному формальному тону, – это моя тетя Нетти, о которой я тебе говорила. Ей хотелось бы прикоснуться к тебе, если ты не возражаешь.

– Конечно, – ответил Даг.

Маленькая женщина подошла ближе, протянула руку вверх и неуверенно коснулась пальцами кадыка Дага.

– Господи, парень, где же ты?

– Скажи что-нибудь, – отчаянно прошептала Фаун.

– Э-э... Я выше, тетушка Нетти.

Рука тетушки Нетти двинулась выше и коснулась его подбородка.

– Надо же, какой высокий, – удивилась она. Узловатые сухие пальцы решительно двинулись по лицу Дага, на мгновение задержавшись на воспаленных ушибах, полученных накануне, потом скользнули по скулам, векам, губам. Даг был поражен, осознав, что эта женщина обладает смутным восприятием Дара, возможно, развившимся в результате ее пожизненной слепоты; он позволил себе слегка коснуться ее Дара своим.

Тетушка Нетти быстро втянула воздух.

– Да, это точно Страж Озера.

– Мэм... – пробормотал Даг, не зная, что сказать.

– И голос приятный, – заметила Нетти, ни к кому не обращаясь. Она едва удержалась от того, чтобы проверить его зубы, как у коня, но к этому моменту Даг не поморщился бы даже от такой вольности. Руки слепой женщины ощупали его всего, слегка задержавшись на

лубке и перевязи; брови ее поползли вверх, когда сквозь рубашку она нащупала протез. Но добавила она только: – Приятный глубокий голос.

– Вы ели? – спросила Трил Блуфилд, и когда Фаун ответила «нет», они весь день провели в дороге, – принялась распоряжаться в обычном материнском стиле: велела сыновьям принести стулья и приборы. Фаун она усадила около себя, а Фаун настояла, чтобы Даг сел с ней рядом:

– Потому что я обещала помогать ему, ведь у него сломана рука.

Наконец все расселись. Кlover, которую представили как невесту Флетча, была привлечена на помощь: принесла тарелки с похлебкой и кружки с сидром. Даг, давно уже страдавший от жажды, с интересом отнесся к напитку и про себя порадовался, что сможет есть похлебку без посторонней помощи.

– Нужна ложковилка, пожалуй, – пробормотал он на ухо Фаун. Девушка кивнула и вытащила из кошель у него на поясе соответствующее приспособление.

– Что случилось с твоей рукой? – поинтересовался Раш с другого конца стола.

– С которой? – вопросом на вопрос ответил Даг и спокойно вытерпел обычное разглядывание и удивление, когда Фаун вывинтила парадную руку и заменила ее на более полезный инструмент. – Спасибо, Искорка. Как насчет питья? – Он улыбнулся Фаун, когда она поднесла кружку к его губам.

В кружке оказался свежий сидр из кислых яблок нового урожая.

– Еще раз спасибо.

– Рада помочь, Даг.

Он слизнул последнюю каплю с нижней губы, чтобы избавить Фаун от необходимости вытирать его салфеткой.

Раш наконец более или менее пришел в себя.

– Э-э... я хотел спросить насчет лубка...

Фаун тут же ответила ему:

– Вчера в Ламптоне вор украл мой мешок. Даг его вернул, но в драке ему сломали руку, прежде чем воры перепугались и убежали. Даг хорошо описал их жителям Ламптона, так что воров могут еще поймать. – Фаун решительно подняла подбородок. – Так что я в долгу перед Дагом.

– Ох... – выдохнул Раш. Рид и Вит таращились на Дага с новым, хоть и боязливым интересом.

Трил Блуфилд, уже с меньшим было беспокойством смотревшая на свою вновь обретенную дочь, снова нахмурилась, коснувшись четырех параллельных царапин на ее щеке.

– А это что за отметины?

Фаун искоса взглянула на Дага; тот пожал плечами, предлагая ей продолжать, и девушка сказала:

– Это меня ударил глиняный человек.

– Что? – поморщившись, переспросила ее мать.

– Это... вроде разбойника, – поправилась Фаун. – Двое разбойников схватили меня на дороге у Глассфорджа.

– Как? Что случилось? – ахнула Трил; братцы тоже насторожились. Даг почувствовал, как напрягся сидящий с ним рядом Флетч.

– Да ничего особенного, – сказала Фаун. – Они меня избили, но Даг, который их выслеживал, появился как раз в этот момент и... э-э... прогнал их. – Она снова бросила взгляд на Дага, и тот благодарно прикрыл глаза. Ему вовсе не хотелось начинать знакомство с семейством Фаун с перечисления всех мертвых тел, которые он оставил в окрестностях Глассфорджа, – по крайней мере человеческих тел. «Слишком много в последний раз пришлось убить людей». – Тогда мы впервые и повстречались. Его отряд вызвали в Глассфорддж, чтобы разделаться с разбойниками и со зловредным привидением.

– А что потом случилось с разбойниками? – спросил Раш.

Фаун повернулась к Дагу, и тот просто ответил:

– С ними разделились. – Он снова принялся за похлебку – простую добрую крестьянскую еду, в надежде, что больше об этом его расспрашивать не будут.

Мать Фаун склонила голову к плечу и прищурилась; теперь ее пальцы коснулись глубокого красного следа и темных синяков на шее Фаун.

– А тогда что это за ужасные следы?

– Они... они появились позднее.

– Что еще случилось позднее?

Фальшиво веселым голосом Фаун ответила:

– Это когда меня схватило зловредное привидение. Они оставляют такие следы – их прикосновение смертельно. Оно было огромным... Какого размера, Даг, по-твоему? Футов восемь в высоту, да?

– Семь с половиной, на мой взгляд, – коротко ответил Даг. – Фунтов четыреста весом. Впрочем, с моего места было плохо видно. Да и освещение...

– Так что же случилось с этим так называемым зловредным привидением, если оно такое опасное? – с растущим недоверием спросил Рид.

Глаза Фаун просили о помощи, так что ответил ему Даг:

– С ним тоже разделились.

– Говори дело, Фаун, – презрительно бросил Флетч. – Не думаешь же ты, что мы проглотим эти сказочки.

Голос Дага сделался очень мягким:

– Ты называешь свою сестру лгуньей? – Хотя вслух это и не было произнесено, но все явственно расслышали: «И меня лжецом?»

Густые брови Флетча сошлись над переносицей в искренней растерянности; парень был не особенно чувствителен к намекам.

– Она моя сестра. Как хочу, так и называю!

Даг резко втянул воздух, но Фаун прошептала:

– Даг, не обращай внимания. Это ерунда.

Даг напомнил себе, что еще не разбирается в том, как разговаривают в этой семье. Он тревожился о том, как скрыть странное происшествие с разделяющим ножом; он не предвидел, что столкнется с таким безразличием или откровенным недоверием. Сейчас ему было ни к чему – да и возможности такой он не имел – огреть братьев Блуфилд по головам и рывкнуть: «Ваша сестра спасла мне жизнь и еще сотни, если не тысячи, жизней. Почитайте ее!» Он ничего не сказал и только кивком попросил Фаун налить ему еще сидра.

Откровенно сменив тему, Фаун принялась расспрашивать Кlover о приготовлениях к ее свадьбе и с притворным интересом выслушала длинный и подробный ответ. Сооружающаяся пристройка, как выяснилось, предназначалась для будущих новобрачных. Истинная цель расспросов Фаун обнаружилась, когда она небрежно поинтересовалась:

– После свадьбы Сари что-нибудь слышно о Соменах?

– Да немногое, – ответил Рид. – Санни много времени проводит у сестры, помогает зятю очистить от пней новое поле.

Мать пристально взглянула на Фаун.

– Его мама говорила мне, что Санни в середине лета обручился с Вайолет Стаункрогх. Надеюсь, ты не разочарована. Мне казалось, что ты вроде как влюблена в Санни.

Вит тут же противным голосом затянул привычную братскую дразнилку:

– Фаун влюблена в Санни, Фаун влюблена в Санни...

Даг поежился, заметив, какая смертельная тьма охватила Дар Фаун. «Он ничего не знает, – напомнил себе Даг. – Никто из них не знает». Впрочем, насчет Трил Блуфилд и того, что она может подозревать, Даг не поручился бы: она бросила резким безапелляционным тоном, какого он от нее раньше не слышал:

– Перестань, Вит. Можно подумать, что тебе всего двенадцать годков.

Даг увидел, как дрогнул подбородок Фаун, когда она с усилием разжала зубы.

– Ничуть не влюблена. А вот Вайолет заслуживает лучшего.

Вит был явно разочарован тем, что ему не удалось вызвать вспышку гнева Фаун в ответ на свою любимую подначку, однако, глянув на мать, воздержался от дальнейших попыток.

– Пожалуй, – мягко сказал Даг, – нам следует заняться Грейс и Копперхедом.

– Кем? – спросил Раш.

– Лошадьми мисс Блуфилд и моей. Они терпеливо ждут во дворе.

– Что? – изумился Рид. – У Фаун нет лошади!

– Эй, Фаун, где ты взяла лошадь?

– А можно, я на ней покатаюсь?

– Нет. – Фаун резко отодвинула свой стул; Даг спокойно поднялся за ней следом.

– Действительно, откуда у тебя лошадь, Фаун? – с любопытством спросил папа Блуфилд, снова вытаращив глаза на Дага.

Фаун выпрямилась во весь рост.

– Это – моя доля за то, что я помогла разделаться со зловредным привидением... в которого наш Флетч не верит. Должно быть, весь путь от Глассфорджа я проделала на выдуманной лошади, а?

Фаун вскинула голову и вышла. Даг вежливо поклонился всем сидящим за столом, хотел было добавить «Доброй ночи, тетушка Нетти», но передумал и двинулся за Фаун. За спиной он услышал ворчание папы Блуфилда:

– Рид, пойди помоги сестре и тому парню с конями. – В результате все семейство высыпало на крыльцо, чтобы увидеть новую лошадь.

Грейс обсуждали во всех подробностях. Наконец Даг не выдержал и, сменив инструмент в протезе на более практичный крюк, повел своего коня в старый амбар, где имелись свободные стойла. Там он задержался, разглядывая перегородку между стойлами и при помощи Дара вразумляя Копперхеда, чтобы тот не укусил Рида, незнакомого ему конюха. Копперхед – Медная Голова – получил имя не только за гнедую масть, но и за глупость. Когда обе лошади наконец были должным образом вычищены, напоены и накормлены, Даг в лучах вечернего солнца вместе с Фаун вернулся в дом, временно оказавшись вне досягаемости любопытных ушей.

– Ну, – прошептала Фаун, – все могло пройти и хуже.

– Правда? – усмехнулся Даг.

– Правда.

– Поверю тебе на слово. Честно говоря, мне твое семейство показалось довольно странным. Моим родичам часто не нравится то, что я говорю, но они по крайней мере слышат мои слова, а не что-то совсем другое.

– С ними легче иметь дело по одному, чем со всеми скопом.

– Хм-м... А что это был за разговор про вечер рыночного дня?

– Что?

– Раш сказал, что тебя не хватились до вечера рыночного дня.

– А-а... Да ерунда: я сбежала еще на рассвете того дня. Где, по их мнению, я была целый день?

Все Блуфилды, включая тетушку Нетти с веретеном в руках, собрались в гостиной. Даг опустил на пол седельные сумки и позволил Фаун достать подарки. Флетч, собравшийся провожать домой свою нареченную, помедлил, чтобы все увидеть.

Трил с изумлением вертела стеклянную чашу перед масляной лампой.

– Ты и в самом деле побывала в Глассфордже!

Фаун, которая весь вечер раздиралась между попытками пустить пыль в глаза и совсем на нее непохожей, как казалось Дагу, молчаливой покорностью, только сказала:

– Я так и говорила, мама.

Фаун вручила тетушке бутылочку с ароматной водой и предложила подушить запястья, что та с ласковой улыбкой и сделала.

– Очень мило с твоей стороны, голубушка, только такие глупости годятся для девочек

на выданье, чтобы понравиться парням, а не для неуклюжих старух вроде меня. Лучше бы ты подарила это Кlover.

– Это дело Флетча, – ответила Фаун, с насмешливой улыбкой взглянув на брата. – К тому же в Глассфордже кто только не душится – например, дозорные, и мужчины, и женщины.

Околачивавшийся рядом Рид только фыркнул, услышав о мужчинах, которые душатся, но Нетти порадовала Дага, сбрызнув душистой водой и себя, и свою младшую сестру, и саму Фаун.

– Ну вот! Какая ты душенька, что подумала обо мне!

Снаружи совсем стемнело. Братья Фаун разошлись, чтобы заняться разнообразными делами, а Кlover стала прощаться с будущими родственниками. Две девушки – Фаун и Кlover – посмотрели друг на друга без особой симпатии, когда Кlover снова поздравила Фаун с благополучным возвращением, и Даг заново удивился странностям крестьянских обычаев. У Стражей Озера единственная дочь была бы основной наследницей шатра своей матери, но в семье Блуфилд это положение явно занимал Флетч, и не Фаун, а Кlover предстояло занять место Трил как хозяйки дома. Фаун же предстояло отправиться... куда?

– Думаю, – ворчливо заговорил папа Блуфилд, – что если у твоего приятеля есть одеяло, он может лечь на сеновале. Заодно присмотрит и за лошадьми.

– Не говори глупостей, Соррел, – неожиданно вмешалась тетушка Нетти. – Человек со сломанной рукой не сможет влезть по лестнице на сеновал.

– И ему нужно быть недалеко от меня, чтобы я могла ему помогать, – твердо сказала Фаун. – Даг может лечь в той комнате, где прядет Нетти.

– Хорошая мысль, Фаун, – одобрительно сказала тетушка.

Фаун спала с ней вместе, парни располагались на втором этаже, так же как и родители. Папа Блуфилд, похоже, задумался о том, что может случиться, если оставить Дага и Фаун на первом одних под присмотром только слепой Нетти; эта мысль неизбежно привела его к размышлениям о том, сколько времени Даг и Фаун путешествовали вдвоем... Знал ли он о Даре своей пожилой родственницы?

– Завтра, Даг, брея тебя, я приложу больше усилий, чтобы не перерезать тебе горло бритвой, – пообещала Фаун.

– Мне случалось проливать кровь и ради менее заветной цели, – уверил ее Даг.

– Нам следовало бы выехать пораньше.

– Что? – спросил папа Блуфилд, отвлекаясь от своих размышлений. – Никуда ты не поедешь, девочка.

Фаун повернулась к нему и напряглась для схватки.

– Я же сразу тебе сказала, папа. У меня есть обязанности – я должна выступить свидетельницей.

– Ну и глупа ты, Фаун!

У Дага перехватило дыхание, когда по Дару Фаун пробежала тяжелая мрачная дрожь; он оглянулся на Нетти, но та ничем не показала, что что-то заметила, хотя ее лицо было обращено к спорщикам.

Папа Блуфилд продолжал:

– Твои обязанности – здесь, хоть ты и убегала от них на целый месяц. Хватит тебе шляться неизвестно где!

Даг спокойно и совершенно правдиво заметил:

– Знаешь, Искорка, моя рука не очень хорошо себя чувствует сегодня. Я не возражал бы денек-другой отдохнуть.

Фаун бросила на него растерянный взгляд, не уверенная, являются ли его слова поддержкой или предательством. Даг еле заметно ободряюще подмигнул ей.

Папа Блуфилд искоса взглянул на него.

– Ты можешь отправляться дальше, если тебе нужно.

– Папа! – бросила Фаун, забыв о необходимости сдерживаться. – Что за мысль! Даг трижды спас мне жизнь, дважды рискуя собственной – один раз от разбойников, другой – от Злого... от зловредного привидения, которое меня поранило. Я умерла бы от потери крови прямо там, в лесу, если бы Даг не помог мне. Я не потерплю, чтобы его выставили из дома одного, когда обе его руки бесполезны. Какой стыд! Стыд на наш дом, если только ты посмеешь это сделать! – Фаун топнула ногой, и пол отозвался, как кожа барабана.

Папа Блуфилд попятился. Его жена смотрела на Дага широко раскрытыми глазами, прижав к груди стеклянную чашу. Тетушка Нетти... понять ее отношение было нелегко, но на ее губах играла странная легкая улыбка.

– Э-э... – прочистил горло папа Блуфилд. – Ты об этом не говорила, Фаун.

– А как я могла? – устало ответила Фаун. – Мне и рта не давали раскрыть – сразу заявляли, что я все выдумываю.

Ее папаша снова взглянул на Дага.

– И он помалкивал.

Даг не мог коснуться виска в приветствии, поэтому только кивнул.

– Я размышлял, сэр.

– Ах вот как?

По-видимому, закончить спор в этом семействе было невозможно. Однако когда препирательства превратились в разрозненные выкрики, а потом спорщики в темноте разошлись по своим комнатам, Даг наконец смог расстелить свое одеяло рядом с прямой тетюшки Нетти, получив к тому же множество подушек и покрывал, чтобы устроиться с удобством. Ему было слышно, как две самые малорослые женщины в семье тихо переговариваются в соседней комнате, устраиваясь на ночлег; потом заскрипели кровати, когда они улеглись.

Даг поудобнее уложил свою больную руку, испытывая благодарность за подушки. Если не считать ночи, проведенной на ферме Хорсфордов, он никогда не ночевал в крестьянском доме, уж во всяком случае, в качестве гостя, хотя иногда его отряд устраивался на ночлег в каком-нибудь амбаре у знакомого фермера. Это бывало лучше, чем на продуваемом сквозняками сеновале. До того как он познакомился с семейством Фаун, он не мог понять, как она могла отказаться от таких удобств...

Даг никак не мог решить, что лучше: если тебя любят, но не ценят, или ценят, но не любят. Лучше всего, конечно, когда и любят, и ценят. В первый раз он начал думать о том, что самое блестящее сокровище этой фермы не обязательно красть тайком; вполне возможно честно завоевать его. Впрочем, появившиеся у него надежды следовало отложить до завтра.

14

Следующее утро прошло спокойно. На взгляд Фаун, Даг выглядел усталым, двигался медленно, говорил мало, и она подумала, что рука, должно быть, беспокоит его больше, чем он признается. Она обнаружила, что волей-неволей включилась в бесконечный цикл крестьянской работы; у коров не бывало каникул даже по случаю возвращения домой блудной дочери. В середине дня они с Дагом все же прошли по ферме, и она показала ему места, о которых раньше рассказывала. Однако ее предположение насчет его руки подтвердилось, когда после обеда он снова принял порошок, облегчающий боль, который помог ему выдержать долгий путь накануне. Потом он молча выскользнул на крыльцо, откуда была видна долина реки, и уселся там, прислонившись к стене и думая... о чем бы он так не думал. Фаун поручили варить яблочный джем на кухне; «и раз уж ты тут, не приготовишь ли ты, дорогая, на ужин горох?».

Фаун чистила второе яблоко и с огорчением думала о том, что придется разжечь огонь в печи, отчего в душной кухне станет еще жарче, когда дверь распахнулась и вошел Даг.

– Хочешь пить? – предположила Фаун.

– Да, пожалуйста...

Фаун поднесла кружку к его губам; напившись, Даг сообщил:

– Какой-то парень привязал лошадь к дереву на опушке леса. По-моему, он полагает, что тайком подкрадывается к дому. Его Дар очень беспокоен, но я не думаю, что это грабитель.

– Ты его видел? – спросила Фаун и оборвала себя, осознав, насколько глупым прозвучал бы вопрос для человека, не знающего Дага. Как же хорошо она успела узнать его, раз вопрос так легко сорвался с ее языка...

– Мельком.

– У него светлые волосы?

– Да.

– Это Санни Сомен, – вздохнула Фаун. – Бьюсь об заклад: Кlover разболтала в деревне, что я вернулась, вот он и явился лично убедиться, что это так.

– Так почему бы в открытую не подъехать к дому?

Фаун покраснела, хотя Даг едва ли заметил бы это на ее раскрасневшемся от жары лице, и призналась:

– Он часто так проскальзывал, чтобы целоваться со мной. Он боялся, мне кажется, что нас застукают мои братья.

– Что ж, чего-то он явно опасается. – Даг поколебался, потом спросил: – Ты хочешь, чтобы я остался?

Фаун нахмурила брови и опустила голову.

– Лучше я поговорю с ним наедине. Он не станет разговаривать откровенно в чьем-либо присутствии. – Она смущенно посмотрела на Дага. – Может быть, ты... побудешь где-нибудь недалеко?

Даг кивнул; в дальнейших объяснениях нужды не было. Он прошел в рабочую комнату тетушки Нетти, оставив дверь открытой. Фаун услышала, как он подвинул стул; дерево заскрипело, когда он уселся.

Через несколько секунд на террасе раздались крадущиеся шаги: словно кто-то пытался идти на цыпочках; шаги затихли у кухонного окна. Фаун встала и без особого удовольствия посмотрела в лицо Санни, который, вытянув шею, заглядывал в окно. Увидев ее, Санни было отшатнулся, но потом шепотом спросил:

– Ты одна?

– В настоящий момент одна.

Санни кивнул и проскользнул в заднюю дверь. Фаун смотрела на него, пытаясь разобраться в своих чувствах. Золотые, как солома, волосы все так же вились вокруг его головы, глаза были все такими же ярко-голубыми, нежная светлая кожа – загорелой, плечи – широкими, руки – мускулистыми. Золотистые волоски на коже всегда заставляли ее блестеть на солнце. Физическая привлекательность Санни осталась той же, и Фаун удивилась, как получилось, что теперь она, которая трепетала в радостном волнении, отправляясь с ним на пшеничное поле, остается совершенно равнодушной.

«Его дочка была бы хорошенькой девчушкой». Мысль об этом была похожа на нож, повернувшийся в ране, и Фаун поспешила ее прогнать.

– Где все? – настороженно спросил Санни, озираясь.

– Папа и парни косят сено, мама обрабатывает кур тем порошком от блох, что ей дал твой дядя, а тетушка Нетти прилегла после обеда – у нее разболелось колено.

– Нетти слепая, она меня все равно не увидела бы. – Санни подошёл ближе, пристально глядя на Фаун... нет, только на ее живот. Фаун поборол соблазн выпятить его. Санни склонил голову к плечу. – Какая ты ни пигалица, он, по-моему, должен бы уже выпирать. Кlover наверняка верещала бы, если бы заметила.

– Ты с ней говорил?

– Да, встретил в деревне в полдень. – Санни беспокойно переступил с ноги на ногу. – Все только о том и болтают – что ты снова объявилась. – Нахмурившись, он в который раз огляделся. – Значит, ты опять собираешься ко мне приставать? Ничего у тебя не выйдет. Я

уже обручен с Вайолет.

– Я слышала, – проговорила Фаун равнодушно. – На самом деле я не собиралась с тобой видаться. Мы не задержались бы здесь, если бы Даг не сломал руку.

– Ага, Кlover говорила, что ты притащила какого-то Стража Озера – длинного как жердь, с одной рукой деревянной, а другой – сломанной, который все больше помалкивает. Прок-то тебе от этого какой? Похоже, ты таскалась с ним три или четыре недели. – Санни облизнул губы. – Так что ты задумала? Поменять лошадей на середине переправы? Собираешься сказать ему, что ребенок его, и надеешься, что он не слишком хорошо считает?

На кухонном столе стояла чугунная сковородка. Если взмахнуть ею как надо, она как раз придется впору по круглому лицу Санни, подумала Фаун, перед глазами которой плавала красная пелена ярости.

– Нет.

– Я в твои игры играть не собираюсь, Фаун, – резко бросил Санни. – На меня ты ребенка не повесишь. Я сделаю все, как сказал. – Руки его немного тряслись – впрочем, и руки Фаун тоже.

– Что ж, можешь успокоиться, – голос Фаун, если такое было возможно, стал еще более равнодушным, – и дать отдохнуть своему поганому языку. У меня случился выкидыш в тот день, когда зловредное привидение едва меня не убило. Так что не осталось ничего, что было бы нужно на кого-то вешать, если не считать тяжелых воспоминаний.

Облегчение, испытанное Санни, было видно невооруженным глазом; он громко вздохнул и даже зажмурил глаза. Напряжение в комнате уменьшилось вдвое. Фаун подумала, что Санни, узнав о ее возвращении, должен был впасть в панику: весь его удобный мирок пошатнулся; теперь она испытывала что-то вроде мрачного удовлетворения. Ее собственный мир перевернулся, но если бы у нее была возможность все вернуть, избавиться от всех страданий за счет того, что она узнала по дороге в Глассфорддж, – согласилась бы она?

Она не могла по справедливости, решила Фаун, винить Санни в том, что его дочка не представлялась ему реальной; она и самой Фаун, в конце концов, большую часть времени реальной не казалась.

– Так куда же, по-твоему, я делась? – спросила она вместо того, чтобы упрекнуть его в бесчувственности.

Санни пожал плечами.

– Сначала я думал, что ты могла прыгнуть в реку. Уж и дергался я какое-то время!

Фаун вскинула голову.

– Но все же не настолько, похоже, чтобы что-то предпринять.

– А что тут было делать? Ты как раз такую глупость и могла сделать, разозлившись. Ты всегда была бешеной. Я помню, как-то твои братья дразнили тебя, и ты орала так, что твой папаша вздул тебя за такой жуткий вой. А потом пошли разговоры, что кое-что из твоих одежек пропало, так что стало ясно: ты сбежала, потому что даже такая дуреха, как ты, не взяла бы три смены одежды, чтобы утопиться. Твои родичи искали тебя, но, выходит, не так уж далеко.

– Как я понимаю, ты им в поисках не помогал.

– Дурак я, что ли? Мне вовсе не хотелось, чтобы ты нашлась! Ты сама вляпалась, самой надо было и выкручиваться.

– Да, я так и поняла. – Фаун закусила губу.

В молчании они только обменивались взглядами.

«Да уйди же ты наконец, дубина!»

– Я не забыла, что ты мне сказал тем вечером, Санни Сомен. Видеть тебя не желаю – говорю это на случай, если ты сомневаешься.

Он досадливо пожал плечами, и белобрысы брови сошлись над курносый носом.

– Так я и знал: зловредное привидение просто удобная сказочка. А на самом-то деле что случилось?

– Привидения вполне реальны. Одно из них схватило меня – тут и тут. – Фаун коснулась отметин на шее и неохотно положила ладонь на живот. – Стражи Озера изготавливают особые ножи, чтобы убивать Злых – так они называют зловредные привидения. У Дага был такой нож. Мы с ним убили привидение, но спасти ребенка уже не удалось. Нам тоже едва удалось спастись.

– Ах, теперь еще и волшебные ножи в добавление к волшебным чудовищам! Ну как же, так я и поверил! А может, все дело в тайном средстве Стражей Озера, а уж сказочка придумана, чтобы оправдаться перед семьей, а? – Санни придвинулся к Фаун, и та попятилась.

– Они даже не знают, что я была беременна. Об этом я им не сказала. – Фаун глубоко втянула воздух. – Да и какая тебе разница, раз тебя это теперь не касается? Фу! – Фаун запустила руки в волосы, потом провела ладонями по лицу. – Знаешь, мне и на грош неинтересно, что ты думаешь, только думай где-нибудь в другом месте. – Тетушка Нетти как-то сказала, что противоположность любви – не ненависть, а безразличие. Фаун начала думать, что видит в этом смысл.

Санни придвинулся еще ближе; Фаун чувствовала, как его дыхание шевелит волосы у нее на шее.

– Значит, ты теперь перепихиваешься с этим парнем – дозорным? А об этом-то твоя семья знает?

У Фаун от гнева перехватило дыхание. Нет, она не завизжит...

– После выкидыша? Да ты совсем безмозглый, Санни Сомен!

Это заставило парня на мгновение умолкнуть; в его голубых глазах промелькнуло сомнение.

– Ну а ты, – продолжала Фаун, – ты женишься на Вайолет; так что же, ты с ней уже перепихиваешься?

Губы Санни раздвинулись в чем-то, напоминающем улыбку, только веселья на его лице не было. Он сделал еще шаг в сторону Фаун.

– Я был прав. Ты и в самом деле шлюшка. – Он победно улыбнулся, видя ярость, которая заставила лицо Фаун вспыхнуть. – И нечего хмуриться. – Он протянул руку и ущипнул Фаун за грудь. – Я знаю, как легко тебя поиметь.

Рука Фаун начала нащупывать ручку сковородки.

Из рабочей комнаты тетушки Нетти донеслись шаги; Санни поспешно отскочил от Фаун.

– Привет, Искорка, – сказал Даг. – Есть тут еще сидр?

– Конечно, Даг, – ответила Фаун, пятясь от Санни и поспешно пересекая кухню. Она сняла с полки кувшин и налила сидра в кружку, стараясь, чтобы руки не дрожали.

Каким-то образом Даг оказался между Фаун и Санни.

– Гость? – спросил Даг, кивнув в сторону Санни. По виду того было ясно, что он отчаянно соображает: давно ли Даг находится рядом и как много услышал, а если услышал, то насколько это выдает вину Санни.

– Это Санни Сомен, – сказала Фаун. – Он уходит. А это Даг Редвинг Хикори, Страж Озера. Он остается.

Санни настороженно кивнул. Даг сверху вниз посмотрел на него без всякого выражения.

– Любопытно наконец увидеть тебя, Санни, – сказал Даг. – Я много о тебе слышал – и одну, как выясняется, чистую правду.

Санни открыл и закрыл рот – его, по-видимому, удивило, что оскорбления и угрозы не заставили Фаун помалкивать. Что ж, теперь ему оставалось винить только собственную болтливость. Санни бросил взгляд на дверь в рабочую комнату тетушки Нетти, откуда не было другого выхода, кроме как в спальню двух женщин, и не нашелся, что сказать.

Даг холодно продолжал:

– Вот интересно, Санни, кто-нибудь уже предлагал тебе вырезать язык и скормить его

тебе?

Санни сглотнул.

– Нет. – Он пытался ответить с вызовом, но сумел только хрипло каркнуть.

– Я удивлен, – сказал Даг. Он слегка почесал нос своим крюком – жест содержал спокойное предостережение, но Санни этого не заметил и не сделал выводов.

– Уж не собираешься ли ты затеять тут что-нибудь? – спросил Санни, к которому вернулась воинственность.

– Увы... – Даг слегка качнул лубком на руке. – Мне придется заняться тобой позже.

Глаза Санни довольно заблестели при виде явной беспомощности дозорного.

– Тогда лучше держи язык на привязи, Страж Озера. Ха! Только Фаун могло хватить глупости выбрать в защитники калеку!

Глаза Дага превратились в золотые щелки, и Фаун съежилась. Тем же ровным любезным тоном он пробормотал:

– Я передумал и займусь тобой сейчас. Фаун, ты сказала, что этот парень уходит. Будь добра, открой ему дверь.

Явно не представляя себе, что способен сделать с ним Даг, Санни стиснул зубы, расставил ноги и бросил на Дага вызывающий взгляд. Даг стоял совершенно неподвижно. Фаун в растерянности поставила кружку, расплескав по столу сидр, потом распахнула внутреннюю дверь и придержала ее.

Когда Даг сдвинулся с места, он сделал это с невообразимой скоростью. Фаун уловила только, как он мелькнул справа от Санни, с силой ударил его ногой под колени, а крюком подцепил сзади за штаны. Санни от неожиданности замахал руками и разинул рот, поднятый в воздух; он перебирал ногами, но едва касался пола, как человек, поскользнувшийся на льду. Три длинных шага Дага, громкий треск рвущейся ткани – и Санни головой вперед полетел за дверь, проехался – по доскам крыльца и неуклюже растянулся на земле кверху задом, уткнувшись лицом в грязь.

Фаун переполняли и ужас, и облегчение от того, что Даг не разорвал горло Санни своим крюком так же спокойно, как сделал это с глиняным человеком; у нее вырвался истерический смех. Зажав рот рукой, она не отводила глаз от приятного зрелища: трусы Санни торчали из большой дыры в его штанах.

Санни извернулся и кинул на Дага разъяренный взгляд; лицо его покрылось красными пятнами. Потом он поднялся на ноги и стиснул кулаки. Из-за забившей рот грязи его проклятия были почти неразборчивы, но общий смысл можно было понять: «Я покажу тебе, Страж Озера! Я покажу вам обоим!» Фаун снова от испуга затаила дыхание.

– Лучше позови на помощь друзей, – сухо посоветовал Даг, – если они у тебя имеются. – Если бы не раздувающиеся ноздри, трудно было бы предположить, что он только что участвовал в схватке.

Санни сделал два шага на крыльцо, но тут же нерешительно остановился, когда Даг спокойно выставил вперед крюк. Фаун кинулась за сковородкой. Пока Санни колебался, раздался стук палки и шаркающие шаги; из рабочей комнаты вышла тетушка Нетти. Санни, испуганно оглянувшись на нее, споткнулся, задом спустился с крыльца и кинулся бежать за дом.

– Ты права, Искорка, – сказал Даг, снова закрывая дверь, – он предпочитает обходиться без свидетелей. Сама понимаешь, по какой причине.

Тетушка Нетти прошла на кухню.

– Привет, Фаун, голубушка. Привет, Даг. Ох, как приятно пахнет джем... – Она повернулась в сторону удаляющихся шагов за домом. – Молодой дурачок, – протянула она задумчиво. – Санни всегда полагает, что если я не могу его видеть, то и слышать не могу. Как тут не удивляться человеческой глупости!

Фаун сглотнула, поставила сковороду на стол и кинулась в объятия Дага. Тетушка Нетти повернулась в их сторону и улыбнулась.

– Спасибо тебе за то, что навел чистоту в доме, дозорный.

– Рад был помочь, тетушка Нетти. А знаешь, – шепнул он Фаун, крепче прижимая ее к себе, – он больше боялся тебя, Искорка, чем ты его. – Потом Даг задумчиво добавил: – В этом отношении он похож на змею.

Фаун хихикнула, и Даг выпустил ее.

– Как раз перед твоим приходом, тетушка Нетти, я собиралась стукнуть Санни сковородкой.

– Я что-то такое и предположила. Подобное желание возникло и у меня самой.

– Жаль, что ты не смог на самом деле отрезать ему язык... – Фаун помолчала. – Это была шутка или нет? Я иногда не бываю уверена насчет юмора дозорных.

– Ах, – с легким сожалением ответил Даг, – сейчас это, во всяком случае, неосуществимо. Хотя, пожалуй, я рад, что Санни не верит этим мерзким рассказам о том, что Стражи Озера занимаются черной магией.

Фаун перестала дрожать, но все еще, сведя брови, размышляла о случившемся.

– Я так рада, что ты оказался поблизости. Жаль только, что у тебя сломана рука... С ней все в порядке? – Фаун озабоченно потрогала лубок.

– Руке напряжение было не особенно на пользу, но кость не сместилась. Нам повезло, что пришла тетушка Нетти и Санни неожиданно охватила... э-э... стеснительность. – Фаун запрокинула голову и вопросительно взглянула в серьезное лицо Дага. Он продолжал: – Понимаешь, Санни, хоть и убивал лягушек, в смертельной схватке никогда не участвовал. Я же не занимался ничем другим с детства. Он привык к щенячьей возне – дракам с братьями, кузенами, приятелями – теми людьми, с которыми предстоит жить и дальше. В подобной потасовке на его стороне были бы молодость, вес, сильные мускулы, даже не будь у меня сломана рука. Если ты в самом деле хочешь ему смерти, тогда я тот, кто тебе нужен; если тебе нужно что-то менее окончательное, этого добиться мне будет труднее.

Фаун вздохнула и прислонилась лбом к груди Дага.

– Я не хочу ему смерти. Я просто хочу оставить его позади – на мили и на годы. Что касается лет, то тут, думаю, придется подождать. Я все еще думаю о нем каждый день, хоть и против воли. Если он умрет, будет еще хуже.

– Умница, Искорка, – пробормотал Даг.

Фаун в сомнении сморщила нос. Насколько серьезно сделал он то смертельное предложение, чтобы она испытывала такое облегчение, не поймав его на слове? Вспомнив о прежней просьбе Дага, она принесла ему сидр, и Даг благодарно ей улыбнулся.

Тем временем Нетти подошла к плите и помешала джем, который, судя по запаху, начинал подгорать. Постучав деревянной ложкой, чтобы стряхнуть с нее налипшую гущу, она повернулась к Фаун и Дагу и сказала:

– Ты сообразительный, дозорный.

– Ах, тетушка, – уныло спросила Фаун, – сколько из этих гадостей ты услышала?

– Да, пожалуй, все, голубушка. – Нетти вздохнула. – Санни ушел?

На лице Дага появилось то странное выражение, которое возникало, когда он советовался со своим Даром.

– Давно ушел, тетушка Нетти.

Фаун вздохнула с облегчением.

– Даг, ты славный парень, но мне нужно поговорить с племянницей. Не пойти ли тебе прогуляться?

Даг взглянул на Фаун, потом неохотно кивнул.

– Думаю, не повредит, если я проверю, не искусал ли кого Копперхед.

– Правильно, – согласилась Нетти.

Даг в последний раз обнял Фаун, наклонился и коснулся ее губ своими пахнущими сидром губами, ободряюще улыбнулся и вышел. Фаун слышала, как его шаги затихли за передней дверью.

Фаун больше всего хотелось уткнуться лицом в колени Нетти и выплакаться; вместо этого она принялась раздувать угли, чтобы приготовить к ужину горох. Нетти уселась на

стул, положив руки на палку. Сначала запинаясь, потом более свободно Фаун начала ей рассказывать обо всем, что с ней случилось, – начиная с собственного глупого поведения на свадьбе весной до постепенного осознания последствий и ужасного разговора с Санни.

– Ах, – с сожалением вздохнула Нетти, – я знала, что ты чем-то встревожена, и пыталась вызвать тебя на откровенность, да ты не захотела.

– Верно. Не знаю, жалеть теперь об этом или нет. Я решила, что я сама должна расплачиваться за то, что купила. И еще я боялась, что мне не хватит решимости, если я сразу не отрежу все пути к отступлению.

Фаун решила все рассказать Нетти о своем путешествии, не упоминая только о странном происшествии с разделяющим ножом Дага – отчасти потому, что боялась вопросов, которые это неизбежно вызвало бы, отчасти потому, что к ее выкидышу нож не имел отношения, но главным образом потому, что секреты Стражей Озера ей не принадлежали. И не только в секретах дозорных тут было дело: Фаун дорожила доверием Дага. Только теперь она поняла, какой огромной и сугубо личной ценностью был для него нож, напоенный кровью его погибшей жены. Это была единственная тайна, сохранить которую просил ее Даг.

Сделав глубокий вдох, Фаун начала рассказ. Она описала свое одинокое путешествие в Глассфорд, ужасную встречу с молодым разбойником и странным глиняным человеком, первый взгляд на разъяренного Дага, так ее испугавшего, свою ошибку, которая теперь, при взгляде назад, казалась почти смешной. Рассказала Фаун и о жуткой брошенной ферме Хорсфордов, о втором своем похищении, о совершенно ни с чем не сравнимом ужасе, который она узнала, оказавшись в руках Злого, о Даге в пещере, о Даге той ночью на ферме...

Фаун все-таки уткнулась лицом в колени Нетти, хотя ей удалось не разрыдаться и только шмыгать носом. Нетти гладила ее по голове, как не делала этого с тех пор, как маленькая Фаун прибегала к ней, когда от ушиба страдало ее тело или от унижения – душа.

– Ш-ш-ш, голубушка...

Фаун наконец сделала глубокий вдох, вытерла передником глаза и нос и уселась на полу рядом со стулом Нетти.

– Пожалуйста, не рассказывай маме и папе. Им ведь и дальше жить рядом с Соменами. Нет смысла теперь ссорить наши семьи.

– Ах, голубушка, конечно, только уж как мне не нравится, что Санни ничего за это не будет.

– Да, но я не выдержала бы, если бы обо всем узнали братья. Они или попытаются отплатить Санни и вызовут неприятности, или начнут высмеивать мою глупость, а этого мне не вынести. – Подумав немного, Фаун добавила: – Ведь скорее они сделают и то, и другое.

– Не уверена, что даже твои братья настолько безмозглые, чтобы потешаться над таким несчастьем. – Поколебавшись, Нетти неохотно признала: – Разве что полоумный Вит.

Фаун выдавила улыбку, услышав старое прозвище.

– Бедняга Вит, может быть, эта шутка и заставляет его быть таким ужасным наказанием для всех. Может, стоит начать называть его полным именем – вдруг поможет.

– Это мысль. – Нетти выпрямилась на стуле, устремив незрячие глаза в собственную непроглядную тьму. – Пожалуй, ты и права насчет ссоры между семьями... Да, хорошо. Твой рассказ останется при мне, если только не возникнут какие-то новые проблемы.

Услышав такое обещание, Фаун вздохнула с облегчением.

– Спасибо. После разговора с тобой мне стало легче – в большей мере, чем я ожидала. – Обдумав последние слова Нетти, она твердо добавила: – Но ты должна понять: я уеду с Дагом. Так или иначе.

Нетти не стала тут же возражать или предостерегать и только сказала:

– Ну... Он занятный парень, этот Страж Озера. Расскажи мне и об остальном.

Фаун, занимаясь готовкой, была только рада пуститься в описание своего любимого предмета неожиданно симпатизирующему... или по крайней мере не предубежденному слушателю.

– В Глассфордже я познакомилась с его отрядом... – Фаун описала Мари, Сауна и Рилу и менее подробно – Дирлу, Рази и Утау, а также прогулки с Сассой, гордившимся своим городом; Фаун перечислила все замечательные вещи, которыми можно было заняться в Глассфордже, махнув рукой на коров, овец и свиней. Описание веселушек и неожиданного таланта Дага, игравшего на тамбурине, заставило Нетти рассмеяться вслед за Фаун. Однако следующее замечание Нетти заставило девушку умолкнуть.

– Так ты по уши в него влюблена, – спокойно сказала старая женщина, и когда Фаун ахнула, добавила: – Ну, девочка моя, я же не настолько слепа.

Влюблена... Это показалось Фаун слишком слабым выражением. Она считала, что была влюблена, когда вздыхала по Санни.

– Тут что-то большее. Я доверяю ему... абсолютно во всем.

– Ах вот как? После всего, что ты рассказала, я наполовину влюблена в него сама. – После задумчивого молчания Нетти добавила: – Такой радости в твоём голосе я не слышала очень, очень давно... многие годы, голубушка.

Сердце Фаун возликовало, как будто с него свалился огромный груз; она рассмеялась и кинулась обнимать и целовать Нетти, в ответ на что та только растерянно улыбнулась.

– Ну, ну... Кое-что нам еще нужно обсудить, знаешь ли.

Но тут горох был готов, а мать Фаун вернулась и принялась готовить остальные блюда к ужину; Фаун она отправила доить коров, чтобы мужчины могли косить сено, пока не стемнеет. Фаун вышла через переднюю дверь, но Даг еще не вернулся на свое место на крыльце.

Даг обошел всю ферму, отчасти чтобы размять ноги, отчасти чтобы убедиться: Санни действительно убрался. Этот парень, кипящий яростью и жаждущий мести после столь неожиданного, хоть и приятного для Дага изгнания из дома Фаун представлял, пожалуй, угрозу для Стража Озера, оказавшегося в одиночестве в крестьянском районе, но Даг не мог жалеть о таком потворстве себе, хоть его сломанная рука и начала снова болеть. Последнее опасение Дага, в котором он старался себе не признаваться – что, оказавшись дома, в безопасности, Фаун может раскаться в своем увлечении дозорным и вернуться к своей первой любви, – полностью рассеялось.

Было время, когда Санни держал в ладонях звездный свет – и кинул его в дорожную грязь. Это сокровище он теперь никогда себе не вернет. Сколько бы Даг ни старался, худшего зла, чем причинил себе Санни, он причинить ему не мог бы. Криво улыбаясь, Даг выкинул Санни из головы и начал обдумывать более неотложные личные дела.

Вернувшись в дом, он обнаружил, что Фаун на кухне нет, а ее мать, Трил, накрывает на стол к ужину. Стук и жужжание прялки, доносившиеся из соседней комнаты, говорили о том, что Нетти рядом и в любой момент готова откликнуться на зов сестры. Даг вежливо поздоровался и услышал в ответ дружелюбное, но достаточно равнодушное «Добрый вечер, дозорный». Происшествие с Санни Трил явно известно не было и обсуждать его не следовало, и в целом Даг почувствовал облегчение.

Он попытался помочь Трил, снимая при помощи своего крюка кастрюльки с огня, и стал ломать голову над тем, как еще показать свою полезность женщине, которая, по обычаям Стражей Озера, была бы главой семейства Блуфилд. Однако Трил следила за его действиями с таким неприкрытым ужасом, что Даг начал казаться себе неуклюжим и слишком высоким для этой кухни, так что в конце концов он просто сел и стал смотреть, как она суетится, чем, похоже, ее только обрадовал. Его попытка поговорить о погоде не вызвала отклика, как и вопрос о курах; к несчастью, Даг мало что знал о домашних животных, кроме как о лошадях. Однако несколько вопросов о приближающейся женитьбе Флетча сделали Трил более разговорчивой, так что начался разговор о свадебных обрядах Вест-Блу, а именно это Дага и интересовало. Как он быстро обнаружил, лучшим способом узнать от Трил все подробности было сообщить ей о соответствующих обычаях Стражей Озера.

Оторвавшись на мгновение от теста для бисквита, Трил вздохнула:

– Прошлой весной я боялась, что Фаун начнет вздыхать по мальчишке Соменов – тут ведь никакой надежды и быть не могло. Его папа и Джас Стоункроп уже много лет как сговорились поженить Санни и Вайолет, чтобы в следующем поколении фермы объединились. Это будет богатое землевладение. Если у Вайолет родится несколько сыновей, земли будет достаточно, чтобы разделить между ними, так что младшим не придется искать себе незанятый участок, как собираются сделать Рид и Раш.

Близнецы поговаривали о том, чтобы отправиться на границу освоенных земель, миль на двадцать к западу, и вместе основать новую ферму, когда Флетч женится. Этот план, как было дано понять Дагу, все время обсуждался, но никаких действий пока предпринято не было.

– У крестьян браки организуют отцы семейств?

– Иногда, – улынулась Трил. – Иногда они просто думают, будто все решают. Иногда отцами управляют. Впрочем, договор о земле или доле тех детей, которые землю не получают, пишется и хранится деревенским клерком, иначе потом неприятностей не оберешься.

Опять земля... Все интересы фермеров крутились вокруг земли. Любое другое богатство, похоже, рассматривалось только как эквивалент земли. Даг заметил:

– У Стражей Озера пары обычно сами выбирают друг друга, но от мужчины ожидается, что он сделает подарки семье новобрачной, к которой присоединится. По традиции это бывают лошади и меха, хотя все зависит от того, что он успел добыть. – Словно между прочим Даг добавил: – Я сейчас владею восемью лошадьми. Мерины одолжены мной табуну лагеря, кроме Копперхеда, который слишком зол, чтобы я мог навязать его кому-нибудь, а три кобылы должны ожеребиться. Моя невестка присматривает за ними заодно со своими кобылами.

– Табуну лагеря? – озадаченно переспросила Трил.

– Если человек владеет большим, чем ему нужно, не может же он просто сидеть на своем имуществе и позволить ему сгнить. Так что лошади, на которых не ездят хозяева, образуют табун лагеря и используются обычно кем-то из молодых дозорных. Писец лагеря ведет все записи. Это очень удобно, если приходится сменить лагерь: ты просто получаешь соответствующую бумагу, и твои нужды удовлетворяются, когда ты оказываешься там, вместо того чтобы все тащить с собой. На общем сборе, который проводится раз в два года, одна из главных забот писцов – сопоставить записи и устранить неясности. Я пользуюсь большим кредитом в Хранилище. – Как перевести все это в акры, Даг сразу сообразить не мог, но надеялся, что Трил поймет: он вовсе не бедняк, несмотря на то что сейчас одет в поношенную дорожную одежду. Даг задумчиво потер нос своим крюком. – Меня пытались сделать писцом лагеря, после того как я потерял руку, но я не согласился на эту кропотливую работу и всю связанную с ней писанину. Я хотел быть в движении, участвовать в объездах.

– Ты умеешь читать и писать? – Трил посмотрела на него одобрительно, это явно было очко в его пользу. Прекрасно...

– Почти все Стражи Озера умеют.

– Хм-м... Ты старший в своей семье или как?

– Я моложе единственного выжившего брата на десять лет. Моя мать очень печалилась, что у нее нет дочери, которой она могла бы передать шатер, но мой брат женился на младшей дочери в семье, где было шесть дочерей, и она согласилась перебраться к нам и взять имя нашего шатра, так что оно не исчезнет, а моя мать не будет страдать от одиночества. – «Вот видишь, я славный добропорядочный парень, у меня тоже есть семья... своего рода». – Мой брат очень почитаемый мастер в нашем лагере. – Уточнять, в чем его брат мастер, Даг не стал. Изготовление разделяющих ножей было одним из самых ответственных для Стражей Озера дел, и поэтому Даг и его брат пользовались большим уважением, но сообщать об этом Блуфилдам Даг счел преждевременным.

– Разве он не дозорный, как и ты?

– Был в молодости – дозорными становятся почти все Стражи Озера, – но его искусство

слишком ценно, чтобы тратить время на объезды. – К Дагу это, само собой, не относилось.

– А кто был твой отец? Мастер или дозорный?

– Дозорный. Он и умер в походе.

– Его убило одно из тех привидений, о которых говорила Фаун? – Даг не очень разобрался, верила ли Трил в Злых раньше, но ему казалось, что теперь в целом поверила и в результате очень испугана.

– Нет. Он нырнул за молодым дозорным, который упал в воду при опасной переправе в разгар зимы. Меня там не было – я был в дозоре в другом месте – и я не сразу узнал о случившемся.

– Утонул? Странная судьба для Стража Озера.

– Нет, не совсем так. У него началась легочная лихорадка, и он умер на четвертую ночь. Можно, конечно, сказать, что утонул... – На самом деле отец Дага умер, отдав кровь своего сердца ради уничтожения Злого: двое его товарищей, которые пытались довести больного до дома, нашли его в шатре бросившимся на нож. Выбрал ли он такой конец в здравом рассудке, или в бреду и отчаянии, или просто от изнеможения, Даг так никогда и не узнал.

Так или иначе, нож достался ему, и он использовал его тремя годами позднее, чтобы уничтожить Злого в окрестностях Кэтлика.

– Ох, да, легочная лихорадка – вещь нешуточная, – с симпатией сказала Трил. – Одна из теток Соррела умерла от нее прошлой зимой. Очень тебе сочувствую.

Даг пожал плечами.

– С тех пор прошло одиннадцать лет.

– Ты был близок со своим отцом?

– Не особенно. Когда я был мал, он отсутствовал, а потом уже отсутствовал я сам. Я хорошо знал отца моего отца: у него к тому времени было больное колено, как у Нетти. – Нетти, слышавшая все через открытую дверь, подняла голову и улыбнулась, услышав свое имя. – Дед оставался в лагере и среди прочих дел присматривал за мной. Если бы я потерял ногу, а не руку, я, возможно, делал бы то же самое – стал дядюшкой Дагом для детишек брата. – «Или рано создал бы разделяющий нож...» – А интересно, бывают ли однорукие фермеры?

– О да, на фермах случаются несчастья. Люди как-то приспосабливаются. Я знала человека с деревянной ногой. Только я никогда не слышала о таких штуках, как у тебя.

Матушка Фаун постепенно успокоилась и теперь уже не подсакивала при каждом движении Дага. Впрочем, Даг решил, что легче уговорить дикого зверя взять пищу из рук, чем успокоить подозрительность Блуфилдов. Несмотря на это, некоторого успеха ему удалось достичь, хотя он гадал, не подвели ли его привычки Стража Озера и не следовало ли начать с папы Блуфилда, а не с женщин. Что ж, с кого начать – особого значения не имело: Дагу все равно предстояло укротить все семейство, чтобы добиться своей цели.

Тут мужчины и ввалились в кухню, потные и голодные. Следом вошла пахнущая коровами Фаун с двумя ведрами молока на коромысле; их она отставила в сторону, чтобы заняться удоем позднее. Семейство в том же составе, что и накануне, за исключением Кlover, усердно принялось уничтожать ломти ветчины с горохом, ржаной хлеб, различные маринады, бисквиты, масло, джем, запивая все яблочным соком, сидром и молоком. Некоторое время все молчали, занятые едой. Даг не обращал внимания на любопытные взгляды, которые братья Фаун бросали на его ложковилку, которой он отправлял в рот бисквиты целиком; Трил, если он правильно расшифровал выражение ее лица, была просто довольна тем, что бисквиты ему нравятся. К счастью, ему не пришлось кривить душой, расхваливая еду, хотя в случае необходимости он и этим не побрезговал бы.

– Что ты делал, пока я доила коров? – наконец спросила его Фаун.

– Прошелся до реки и обратно. Рад сообщить, что никаких признаков Злого на милню вокруг я не заметил. Впрочем, я иного и не ожидал. Здешние места дозоры объезжают регулярно.

– Правда? – сказала Фаун. – Я никогда не видела поблизости дозорных.

– Населенные земли мы обычно пересекаем по ночам, чтобы не тревожить жителей. Вы нас и не заметили бы.

Папа Блуфилд бросил на Дага загадочный взгляд. Вполне возможно, что не всегда все отряды бывали такими уж невидимками.

– Ты когда-нибудь бывал поблизости от Вест-Блу? – спросила Фаун.

– В последнее время нет. Когда я был еще мальчишкой лет пятнадцати, только начавшим службу, я довольно часто бывал в здешних местах, так что, может быть, и оказывался поблизости. Теперь уже не помню.

– Мы могли видеть друг друга, не подозревая об этом, – задумчиво протянула Фаун.

– Э-э... нет. Тогда не могли. Когда мне сравнялось двадцать, – пояснил Даг, – меня отправили в другой лагерь, на север от Крестьянской равнины, а потом началось мое первое путешествие вокруг озера. Я вернулся только через восемнадцать лет.

– Ох... – прошептала Фаун.

– Потом я побывал всюду вокруг нашего лагеря, но не здесь. Территория велика.

Папа Блуфилд откинулся на стуле и внимательно взглянул на Дага.

– Так сколько же тебе лет, Страж Озера? Ты здорово старше Фаун, сказал бы я.

– Так и есть, – согласился Даг.

Папа Блуфилд продолжал вопросительно смотреть на Дага. Стук вилок, выскребающих тарелки, внезапно сделался особенно назойливым.

«Загнали в угол...» Неужели так это и должно было выясниться? Впрочем, может быть, и лучше выложить карты на стол. Даг прочистил горло, чтобы его голос не напоминал мышинный писк, но и не прозвучал слишком громко, и ответил:

– Пятьдесят пять.

Фаун подавилась сидром. Даг подумал, что должен был посмотреть сначала, не глотает ли она чего-то... Его протез не подходил для того, чтобы похлопать ее по спине, но через мгновение девушка отдышалась.

– Прошу прощения, – выдохнула она. – Не в то горло попало. – Она искоса взглянула на Дага со скрытой паникой... или растерянностью? Он только надеялся, что не с ужасом. – Папе, – пробормотала она, – пятьдесят три.

Что ж, немного ужаса есть. С этим можно будет разобраться позднее.

Трил вытаращила на Дага глаза.

– Ты выглядишь на сорок в лучшем случае.

Даг прикрыл глаза, не оспаривая – ее слов.

– А Фаун, – мрачно объявил папа Блуфилд, – восемнадцать.

Даг услышал, как Фаун резко втянула воздух, возмущенная разоблачением.

Даг изо всех сил старался не улыбнуться. Это было трудно, когда рядом девушка была готова чуть ли не взорваться.

– В самом деле? – Даг бросил на Фаун успокаивающий взгляд. – Она мне сказала, что ей двадцать. Впрочем, с высоты моего возраста разницы тут не видно.

Фаун смущенно сникла, но потом их глаза встретились, и она тоже чуть не рассмеялась. Все было в порядке.

Папа Блуфилд сказал печально:

– Фаун всегда была склонна к выдумкам. Я пытался выбить из нее эту привычку, но, похоже, нужно было пороть ее больше.

«Или меньше», – подумал Даг, но вслух этого не сказал.

– Дело в том, что я происхожу из семейства долгожителей, – сказал Даг, пытаюсь исправить ситуацию. – Мой дед, о котором я рассказывал, до самой смерти оставался бодрым, а умер, когда ему было за сто. – Если говорить точно, сто двадцать шесть лет, но Даг не стал уточнять: за столом и так все были заняты мысленной арифметикой. Братья Фаун, похоже, совсем запутались и глазели на Дага с новой подозрительностью. – Это все сглаживается, – постарался прервать затянувшуюся паузу Даг. – Если, например, мы с Фаун

поженимся, к старости мы не будем слишком уж друг от друга отличаться. Если, конечно, не случится несчастного случая.

Ну вот, он произнес волшебное слово: «поженимся». Ему уже приходилось делать что-то подобное, только очень давно. Только тогда все было иначе. Родичей Каунео было трудно убедить, но совсем по другим причинам. Впрочем, ужас, который испытывал Даг, был тем же самым.

– Стражи Озера не женятся на крестьянских девушках, – проворчал папа Блуфилд.

Даг не имел возможности ободряюще стиснуть руку Фаун под столом; все, на что он был способен, – это ткнуть ее в бок своей ложковилкой, зная, что в этот момент результат мог оказаться непредсказуемым. Он посмотрел в широко раскрытые глаза девушки. Предстоит ли ему прыгнуть с этой скалы в одиночку или с ней вместе? В прекрасных глазах Фаун он прочел испуг, но и возбуждение. Даг шумно втянул воздух.

– А я женюсь. Я этого очень хочу – жениться на Фаун. Вы согласны?

Семеро пораженных Блуфилдов молчали громче, чем Дагу когда-нибудь приходилось слышать.

15

В этот момент, когда все затаили дыхание, Фаун быстро сказала:

– Мне это очень нравится, Даг. Я тоже хочу выйти за тебя и выйду. Да. Спасибо тебе. – Только после этого она перевела дух.

И тут, конечно, разразилась буря.

Когда все разом зашумели, Фаун подумала, что Дагу лучше было бы говорить с членами семьи по одному, а не со всеми вместе. Однако потом она заметила, что ни мать, ни тетушка Нетти не выдвигали возражений, и к тому же, когда папа Блуфилд обращался к жене за поддержкой, вместо этого он встречал молчаливый суровый взгляд, что, по-видимому, его изрядно смущало. Тетушка Нетти молчала, но сухо улыбалась, так что Фаун предположила, что Даг сегодня не только размышлял на крыльце.

Флетч, пытаясь подражать отцу, тоже разразился колкостями насчет возраста Дага:

– В наших краях не одобряют кражу младенца из колыбели, Страж Озера.

Вит с блестящими от азарта схватки глазами с деланной задумчивостью добавил:

– Я, пожалуй, не уверен, стоит тут говорить о краже младенца им или об ограблении могилы ею.

Это заставило Дага поморщиться, однако, покачав головой, он тихо пробормотал:

– Хороший удар, Вит.

Фаун пришла в такую ярость, что пригрозила кусок пирога бросить в лицо Виту, а не на тарелку, а еще лучше – положить на тарелку его голову вместо пирога. Это заставило маму произнести выговор Фаун по поводу неподобающих манер, так что Вит праздновал двойную победу, и его довольная ухмылка чуть не заставила Фаун взорваться. Она ненавидела ту легкость, с которой ее родные умели заставить ее чувствовать себя двенадцатилетней и вести себя соответственно, а потом делать вид, что их придирки оправданы. Если такое продолжилось бы, Фаун не была уверена, что не начнет кататься по полу, как капризная двухлетка... что вовсе не помогло бы ей добиться своего. Она глубоко вздохнула и села, кипя в душе.

– Как я слышал, у Стражей Озера нет земли и они не работают, разве что охотятся, – сказал Флетч, последовательно продолжая атаку. – Если ты нацелился на наследство Фаун, позволь тебе сказать, что земли она не получит.

– Ты думаешь, что я мог бы увезти поля фермы в своих седельных сумках, Флетч? – мягко поинтересовался Даг.

– Ты мог бы сунуть в них пару куриц, – предложил Вит.

В уголках глаз Дага появились морщинки.

– Уж больно много было бы шума, тебе не кажется? Копперхед ужасно обиделся бы. И

представь себе, что было бы, если бы куры стали нестись, яйца разбились и испачкали мои вещи.

Это заставило Вита против воли хихикнуть. Виту, решила Фаун, все равно, на чьей стороне сражаться, лишь бы подливать масла в огонь. И он просто расцветал, когда над его шутками смеялись. Дагу уже почти удалось умиротворить его.

– Так чего же ты хочешь, а? – агрессивно набычившись, спросил Рид.

Даг откинулся на стуле, лицо его стало серьезным и – Фаун не поняла как – он сосредоточил на себе все внимание сидящих за столом. У нее возникло ощущение, что даже сидя он стал выше ростом.

– Флетч поднял действительно важный вопрос, – сказал Даг, одобрительно кивнув старшему брату Фаун, отчего тот невольно выпятил грудь. – Как я понимаю, если бы Фаун вышла замуж за местного парня, ей полагалось бы приданое – одежда, некоторая мебель, домашние животные, семена, сельскохозяйственные орудия; и еще семья должна была бы помочь в строительстве нового дома. По обычаям Стражей Озера ничего этого я получить не должен, за исключением личных вещей Фаун. Да я и не смог бы воспользоваться таким приданым. С другой стороны, я не хотел бы, чтобы Фаун лишилась того, что ей причитается. У меня есть другой план.

Папа и мама Блуфилды внимательно и серьезно слушали, как если бы они втроем неожиданно заговорили на одном языке.

– И что же это за план, дозорный? – спросил папа, брови которого теперь хмурились скорее в задумчивости, чем от враждебности; лицо его уже не было таким красным, как вначале.

Даг склонил голову, словно в благодарность за вопрос, одновременно ненавязчиво подчеркнув этим, что обращение главы семьи обеспечивает ему возможность говорить, не опасаясь, что его перебьют младшие.

– Я, конечно, буду обеспечивать и защищать Фаун, пока жив. Однако нужно признать: я веду не такую уж безопасную жизнь. – Легкое выразительное постукивание по столу протезом подчеркнуло смысл его слов, решила Фаун. – Я хотел бы, чтобы сейчас свою долю Фаун оставила здесь, нетронутую, но четко определенную – чтобы это было записано в семейной книге и у деревенского клерка в присутствии свидетелей, как положено. Ни один человек не знает часа своей шари – своей смерти. Но если Фаун когда-нибудь придется вернуться сюда, я хотел бы, чтобы ее встретили как настоящую вдову, а не как соломенную. – Даг повернул голову так, чтобы только Фаун заметила, что он слегка подмигнул, и это подняло ее дух в такой же степени, в какой слова обдали холодом; ее сердце разрывалось между радостью и опасениями. – Тогда Фаун и ее дети, если они у нас будут, смогут рассчитывать на поддержку независимо от того, какая судьба выпадет мне. – Трил, сосредоточенно наморщившая лоб, при этих словах задумчиво кивнула. – Поскольку, как я надеюсь, такой день наступит в далеком будущем, а то и вообще никогда, нужно будет, чтобы соглашение подписали и Флетч с Кlover. Мне представляется, что Кlover обрадуется возможности отсрочить выплату приданого и все связанные с этим заботы, которые на нее легли бы.

Флетч, открывший было рот, резко его захлопнул: до него наконец дошло, что не только не придется немедленно расставаться с частью семейного имущества, но и что Фаун будет отсутствовать, когда он приведет в свой дом новобрачную. Только по тому, как блеснули глаза Дага, Фаун догадалась, что он намеренно подводил Флетча к такой мысли и теперь доволен результатом.

Благословенная тишина, воцарившаяся за столом, позволила всем доесть пирог. Фаун уже меняла для Дага ложковилку на крюк, когда Вит вытер губы и с истинно братским удивлением спросил:

– Но почему вообще ты вздумал жениться на Фаун?

Одного тона, которым был задан этот вопрос, было достаточно, чтобы Фаун вновь ощутила себя в ловушке мальчишеских издевательств: как будто никто меньше ее не

заслуживал ухаживаний во всей деревне и на сотню миль в округе, как будто она была наполовину деревенской дурочкой, наполовину мошенницей от природы. Она вспомнила, что за идиотскую фразу братья придумали, чтобы выводить ее из себя: «Эй, ты, коротышка! Должно быть, ты с утра пораньше напилась какой-то гадости!» И теперь слова Вита заставили Фаун почувствовать себя, как тогда...

– Нужно ли мне об этом говорить? – произнес Даг спокойно.

– Нужно! – бросил Флетч таким начальственным тоном, что Фаун захотелось стукнуть его даже больше, чем Вита, а папа Блуфилд насмешливо поднял бровь.

– Давай, старик, – скривился Раш. За столом близнецы говорили меньше всех, за исключением Нетти, но не скрывали своей враждебности. – Приведи хоть три причины!

Даг прикрыл глаза; его холодное согласие таило в себе странную угрозу. Однако взгляд, который он искоса бросил на Фаун, она ощутила как ласку после того, как ее побили.

– Только-то? Что ж, хорошо. – Даг выдержал паузу, заставившую всех замолкнуть. – Я люблю ее за мужественное сердце – ее храбрость в таких кошмарных обстоятельствах, когда любой на ее месте сломался бы, я видел сам. Я люблю ее за острый и любознательный ум, который никогда не устает задавать вопросы и обдумывать ответы. Я люблю ее за сияющий дух, который посрамил бы праздничный фейерверк. Вот три причины, и этого более чем достаточно. – Даг поднялся из-за стола и слегка коснулся своим крюком плеча Фаун. – Все это передо мной, а вы спрашиваете, не хочу ли я взамен грязи? Не понимаю я крестьян. – Вежливо кивнув всем и пробормотав «Доброй ночи, тетушка Нетти», Даг вышел из кухни.

Фаун не могла решить, что ей больше понравилось – лестные слова Дага или точность, с какой он все рассчитал: он нашел единственный способ оставить за собой последнее слово в споре с Блуфилдами – выстрелить в цель и тут же исчезнуть.

Какие бы замечания, насмешки или оскорбления ни могли теперь последовать, все они были заглушены в смущенной тишине всхлипываниями мамы, уткнувшейся в свой передник.

Споры на этом, естественно, не кончились. Просто семейство разбилось на кучки, а Фаун с Дагом обрабатывали их по очереди, хотя Фаун и должна была признать, что в тот первый вечер Даг сделал основную работу.

На следующий день близнецы отправились в старый амбар следом за Фаун, которая хотела угостить Грейс и Копперхеда яблоками, а заодно и хорошенько почистить.

Раш прислонился к перегородке между стойлами и не скрывая отвращения, сказал:

– Фаун, этот тип стар для тебя. Он старше нашего старикана папы. И к тому же весь побитый... Если вы поженитесь, тебе же придется смотреть на его культю. А то и трогать ее – фу!

– Я видела культю, – коротко ответила Фаун, энергично расчесывая щеткой гнедую кобылу. – Я помогаю ему с его протезом, поскольку вторая его рука сломана. – Она помогала Дагу и во многом другом, хоть и не считала нужным сообщать об этом братьям. – Если уж вы говорите о том, что он побитый, вам следовало бы посмотреть на его бедные ноги.

Рид уселся на бочонок с овсом в проходе, обхватил колени руками и принялся раскачиваться.

– Он Страж Озера. Он нечистый, – сказал он тонким голосом.

Фаун, раздраженно наводившая глянец на лошадиную шкуру, резко остановилась. Грейс протестующе дернула ухом. Фаун вытаращила глаза на братьев.

– Ничего подобного. О чем это вы?

– Говорят, Стражи Озера поедают своих мертвецов ради черной магии. Что, если он заставит и тебя есть трупы? Или еще что похуже? Для чего на самом деле ты ему нужна?

– Я ему нужна в жены, Рид, – ответила Фаун с мрачным терпением. – Неужели в это так трудно поверить?

Рид понизил голос:

– А что, если он затевает какое-то колдовство?

«Он это уже сделал» – такой ответ, решила Фаун, не принес бы пользы.

– Как, ты боишься, что меня принесут в жертву? Очень мило с твоей стороны, Рид.

Рид возмущенно выпрямился.

– Нечего смеяться! Я однажды видел женщину – Стража Озера, когда она останавливалась поесть в таверне в Вест-Блу. Мы с Санни Семеном поспорили, не побоюсь ли я заглянуть в ее седельные сумки. В них были кости – человеческие кости!

– Скажи, волосы этой женщины были свернуты в узел?

Рид вытаращил глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Тебе повезло, что она тебя не поймала.

– Да она и поймала... Она схватила меня и стала трясти, а еще сказала, что на меня ляжет проклятие, если я еще когда-нибудь трону что-нибудь, принадлежащее Стражам Озера. Она так хмурилась... она сказала, что поймает и съест меня!

Фаун свела брови.

– Сколько лет тебе тогда было?

– Десять.

– Господи, Рид, – воскликнула Фаун раздраженно, – а что сам ты сказал бы сопливному мальчишке, которого поймал за воровством из своих сумок, чтобы припугнуть его и чтобы он больше такого не делал? Тебе просто тогда повезло – ты не наткнулся за тетку Дага Мари: уж она бы рассказала тебе такую страшилку, что ты еще неделю писал бы в постель. – Фаун внезапно ощутила радость от того, что разделяющий нож хранится в ее вещах, но все же решила предупредить Дага, чтобы он присматривал за своими седельными сумками.

Рид как будто несколько растерялся; было похоже что такая точка зрения никогда не приходила ему на ум, но тем не менее он продолжал гнуть свое:

– Фаун, то были настоящие кости. И они были свежими.

В этом-то Фаун не сомневалась. Ей также совершенно не хотелось вступать на скользкую почву объяснений с близнецами, которые только начнут расспрашивать, откуда она знает, и бесконечно изводить ее, когда ее ответы окажутся отличными от их представлений. Фаун молча dokonчила чистку боков Грейс и стала расчесывать ей гриву.

Раш все бубнил насчет различий в возрасте.

– Меня просто тошнит от мысли, что этот старик станет тебя лапать. А что, если он сделает тебе ребенка?

Фаун определенно не была готова к столь быстрому развитию событий, но эта перспектива вовсе не наполняла ее ужасом. Может быть, если у них с Дагом будут дети, они не окажутся такими коротышками, как она сама и ее родичи – эта мысль ее явно порадовала. Фаун мягко улыбнулась, когда Грейс мягким замшевым носом ткнулась ей в ладонь и фыркнула.

– Он ведь чуть ли не признался, – продолжал Раш, – что его план – держать тебя при себе, пока ты не забрюхатеешь, а потом спихнуть на нас.

– Только в случае его смерти, Раш!

– Ага, только этого недолго ждать.

– Да какая вам разница? Вы же с Ридом собираетесь отправиться на запад поднимать целину. Вас здесь не будет. – Фаун вышла из стойла и закрыла ворота на щеколду.

– Значит, все свалится на Флетча и Кlover.

– Ух, до чего же вы двое... – Фаун не сразу нашла подходящее слово, – непроходимые дураки!

– Ах вот как? – подхватил Раш. – Он-то говорил, что хочет жениться на тебе, потому что ты такая уж вся из себя умница, да только какой тупой нужно быть, чтобы поверить в его рассказы? Он все это придумал, чтобы получить в свои стариковские руки твою молодую... задницу.

– Получить мою руку, – холодно поправила его Фаун. Ах, как ей не хватало прикосновений Дага к ее молодому... всему. Как же ей не терпелось сбежать из Вест-Блу, с венчанием или без него...

Раш весьма реалистично изобразил позыв к рвоте со всеми полагающимися звуками.

Фаун решила, что ткнуть его вилами будет, пожалуй, чересчур, а вот по крайней мере огреть обухом по голове...

– И как, по-твоему, – добавил Раш, – мы будем выглядеть перед своими друзьями, если в нашей семье заведется подобный тип?

– Учитывая, что у вас за друзья, не могу сказать, что меня это так уж волнует.

– Не вижу, чтобы ты в последнее время вообще с кем-нибудь, кроме себя, считалась!

Рид настойчиво и со странным страхом в голосе проговорил:

– Я знаю, в чем дело. Он каким-то образом тебя приворожил, вот что!

– Не желаю больше слышать от вас ни слова!

– И что? – осклабился Раш. – Ты никогда с нами больше не будешь разговаривать?

– Я подумаю об этом, – прорычала Фаун и вышла из амбара.

Однако не все разговоры были столь неприятными. Фаун неожиданно обнаружила союзницу в Кlover, с которой никогда раньше не находила общих интересов; теперь же Кlover и сама встала на сторону Фаун, и Флетча быстро привела в чувства. Две девушки теперь очень сочувствовали друг другу; они обнаружили, что могут стать навсегда лучшими подругами, а раньше ошибались. От такой перемены у Флетча голова шла кругом. Даг умело использовал впечатление, которое произвела новость о его возрасте: он поставил себя выше споров и по большей части беседовал наедине с мамой Блуфилд, папой Блуфилд или с Нетти. Вит продолжал говорить колкости, блаженно не обращая внимания на то, кого они задевали, так что в конце концов перессорился со всеми, за исключением Дага, который по-прежнему был терпелив и целеустремлен.

– Мне приходилось наводить порядок в отряде вплоть до примирения противников, бросающихся друг на друга с ножами, – заверил он Фаун в один из особенно напряженных моментов. – Здесь ведь еще никто не пытался пырнуть другого.

– До этого почти дошло, – проворчала Фаун.

На второй день после предложения Дага родители Фаун запретили обсуждать эту тему за ужином, так что трапеза, к облегчению Дага, прошла тихо и спокойно. Даг начал думать, что его план изящно извлечь Фаун из семейных тисков осуществляется не так успешно, как он надеялся. Впрочем, сколько бы времени ни понадобилось – два дня, двадцать или двести, – он был намерен настаивать на своем; другое дело, что Фаун уже была близка к тому, чтобы расплавиться в родственном тигле. Напряжение, испытываемое Фаун, передавалось и Дагу: он не мог не замечать изменений, происходящих с ее Даром.

Они и так уже потратили слишком много времени. Если еще задержаться в Вест-Блу, Даг может разминуться со своим отрядом в лагере Хикори, а тогда дозорные перепугаются и решат, что он снова пропал. На этот раз у него не будет оправдания – убитого Злого, – ценой которого можно было бы купить прощение.

Блуфилды постепенно начинали ему симпатизировать. Флетч и Кlover открыто его поддерживали, Нетти спокойно кивала, хоть Трил по большей части и помалкивала. Виту было все равно, а папа Блуфилд все еще пребывал в нерешительности.

Соррел и Трил Блуфилд напоминали Дагу двух командиров отряда, головы которых забиты слишком многими заботами и обязанностями, которым приходится помнить о слишком многих людях и их противоречивых потребностях и желаниях. Если проблема оказывалась неразрешимой, был хороший шанс на то, что ее просто отбросят. Даг думал, что Блуфилды могут сломаться просто потому, что не могут позволить себе тратить все время и силы на одну-единственную проблему, когда их внимания требуют еще многие. Даг иногда казался себе жестоким и безжалостным, но заставлял себя продолжать осаду, оказывая мягкое давление. Что касается давления не слишком мягкого, то его взяла на себя Фаун.

Рид и Раш оставались упрямо враждебными. Лаг не мог понять причины этого, поскольку ни один из близнецов не желал с ним разговаривать, несмотря на несколько дружелюбных попыток со стороны Дага. Если бы ему удалось обработать их по одному, из этого еще мог бы выйти толк, но они держались вместе и сохраняли непреклонность. Когда Даг пытался расспросить Фаун о том, какие возражения те выдвигают, девушка только

мрачно сжимала губы. Впрочем, горячие высказывания близнецов по крайней мере заставляли папу Блуфилда быстрее продвигаться в сторону согласия, чем случилось бы в противном случае – хотя бы по причине раздражения. Иногда оппозиция оказывается собственным злейшим врагом.

«И все-таки... как мне хотелось бы, чтобы они стали мне настоящими братьями по шатру...»

Нет, эту неразумную надежду нужно было выгнать из потайного уголка и уничтожить. Даг сердился сам на себя. Драгоценный дар дружбы, который он когда-то разделял с братьями Каунео в Лутлии, было так приятно иметь и так больно терять... Может быть, так, как теперь, и лучше.

Закончив после ужина все дела, семья обычно собиралась в гостиной, где было не так жарко, как на кухне, чтобы всем можно было пользоваться светом одной лампы. Даг вместе с Фаун отправился кормить кур крошками; когда они проходили через холл, до них из гостиной донеслись раздраженные голоса. К этому времени Даг старался избегать пользоваться Даром в этой склочной компании, ни один член которой не был способен достойно приглушать свои эмоции, но сейчас голоса были слышны и без использования Дара – гулкий неприязненный рев Рида и высокий испуганный вскрик Трил:

– Рид! Поставь на место! Фаун привезла ее мне из самого Глассфорджа!

Фаун резко втянула воздух и кинулась в гостиную. Даг двинулся следом, заранее готовясь к неприятностям.

В гостиной Рид и Раш, фигурально выражаясь, загнали родителей в угол. Трил сидела у стола, на которой горела яркая масляная лампа, опустив на колени какое-то рукоделие; Нетти в углу держала в руке веретено, с которым редко расставалась; Вит сидел рядом с ней, заинтересованный зритель, в порядке исключения никого не подзуживающий; Соррел и Рид стояли посередине комнаты лицом к лицу, и Раш нервно кружил вокруг них.

Рид держал в руках стеклянную чашу и с пафосом – преувеличенным, на взгляд Дага – вопил:

– Продать свою дочь кровопийце, пожирателю трупов за какой-то кусок стекла?

– Рид! – яростно взвизгнула Фаун. – А ну отдай! Это не твое!

Даг подумал, что ответное действие Рида было следствием привычки: в ответ на знакомое возмущение сестры он, не задумываясь, поднял чашу повыше, чтобы маленькая Фаун, даже подпрыгнув, не могла ее достать, а потом перебросил Рашу, который так же автоматически ее поймал.

Из глаз Фаун брызнули слезы бессильной ярости.

– Вы двое – просто пара дворовых псов!

– Если бы ты не притащила с собой Бесполезного... – начал оправдываться Раш.

Ах, еще одно прозвище для него, понял Даг. Их здесь набралось уже множество. Однако его собственное раздражение не шло ни в какое сравнение с яростью, рожденной в нем унижительной беспомощностью Фаун.

Соррел бросил взгляд на свою огорченную жену, прижавшую руку к губам, и сердито рывкнул:

– Хватит, парни! – Он сделал шаг вперед и попытался отнять чашу у Раша, но, не желая вступать в схватку с сыном, выпустил ее в тот же момент, что и Раш, испугавшийся отца.

В случившемся ничьей вины не было – по крайней мере ни у кого не было намерения разбить чашу. И Даг, и Фаун поняли, что должно случиться, и Фаун горестно вскрикнула еще прежде, чем чаша упала на деревянный пол, разлетевшись на три больших куса и кучку блестящих осколков.

Все в комнате замерли, одинаково скованные ужасом. Вит открыл было рот, но огляделся и снова его закрыл.

Соррел опомнился первым и тихим хриплым голосом распорядился:

– Вит, не двигайся: ты без башмаков.

Трил воскликнула:

– Рид! Раш! Как вы могли! – и начала всхлипывать, уткнувшись лицом в свое шитье.

Материнский гнев скатывался с этой парочки, как с гуся вода, но искреннее отчаяние в голосе Трил произвело на Рида и Раша впечатление. Оба они начали сбивчиво извиняться.

– Извинениями горю не поможешь! – воскликнула Трил и отшвырнула прочь свое рукоделие. Ткань была запятнана кровью – Трил нечаянно укололась иголкой, когда чаша разлетелась на куски. – Что за наказание мне с вами...

Вопли Блуфилдов были так болезненны для Дара Дага... он пытался закрыться от них и не мог – слишком тесно был он связан с Фаун... что он помимо воли опустил на колени. Под гневные и огорченные выкрики семейства он пристально посмотрел на осколки стекла. Отгородиться от эмоций Блуфилдов Даг не мог, но мог направить свое внимание в другое русло – это был древний, древний способ справляться с невыносимым.

Он освободил свою сломанную руку из перевязи и пальцами и крюком неуклюже сдвинул большие куски как можно ближе друг к другу. Теперь мелкие осколки... они ведь не крупнее, чем москиты. Если он мог отогнать москита, он сможет сдвинуть осколок... если сможет сдвинуть один осколок, сможет и два, четыре... много. Даг вспомнил, как нежно пел Дар чаши в солнечном свете в их комнате в Глассфордже, рождая радуги, и начал сам тихо напевать, подбирая правильный тон... да, вот такой.

Стеклянные осколки замерцали, потом сдвинулись, потом поднялись над досками пола. Даг передвигал их не рукой, а Даром руки... Даром левой руки, которой у него не было... мысль об этом оказалась такой пугающей, что Даг в ужасе отшатнулся.

Однако даже ужас не мог разрушить его сосредоточенность. Осколки кружились в воздухе вокруг чаши, как светлячки; каждый искал свое место. Золотой свет пробежал по тонким как паутинки линиям разлома – как жар тигля, как свет звезд, – много сравнения Даг не мог найти. Чаша засияла, отражая его бледное напряженное лицо. Даг продолжал тянуть почти неслышную ноту, и линии света завились водоворотами бледного золота, а потом растеклись по всей чаше, как по поверхности спокойного озера под лучами зимнего солнца.

Свет начал меркнуть... и погас.

Даг пришел в себя, стоя на коленях; волосы его свесились над покрытым потом лицом, как занавес, рот был открыт... и смотрел он на целую чашу. Его кожа была холодной и липкой, как свиной жир зимним утром, его трясло, желудок болел. Даг стиснул зубы, чтобы они не стучали.

Единственными звуками в комнате было дыхание восьми человек: у кого-то тяжелое, у кого-то быстрое и судорожное; кто-то сдерживал слезы, кто-то задыхался от шока. Даг подумал, что может на слух определить, кто как дышит. Вот посмотреть на Блуфилдов он не мог себя заставить.

Кто-то – Фаун, конечно – упал на колени с ним рядом.

– Даг... – раздался ее неуверенный голос. Маленькая рука коснулась его подбородка и подняла голову Дага так, что он смог взглянуть в ее широко-широко раскрытые глаза.

Даг подвинул к ней чашу левой рукой. Чаша была горячей, но не обжигающей. Она не расплавилась, не взорвалась, не распалась снова на тысячу кусков. Она просто тихонько зазвенела – обычный звон обычного стекла, если его двигать по доскам пола, – как будто никогда не разбивалась и не воссоздавалась. К Дагу вернулся голос – по крайней мере что-то похожее на голос, хоть он и казался самому Дагу совершенно незнакомым, словно доносился из-под земли или из воды.

– Отдай ее обратно своей маме.

Даг оперся протезом о плечо Фаун и с трудом поднялся на ноги. Комната кружилась вокруг него, и Даг внезапно испугался, что его сейчас вырвет – прямо посередине гостиной у всех на глазах. Фаун прижала чашу к груди и тоже поднялась, не сводя глаз с лица Дага.

– С тобой все в порядке? – спросила она. Даг коротко кивнул, облизнул свои холодные губы и поковылял к двери, ведущей в холл. Он надеялся, что сумеет добраться до крыльца прежде, чем его вырвет. Трил, вскочив, кинулась было к нему, но застыла на месте. Фаун последовала за Дагом, задержавшись только на мгновение, чтобы сунуть чашу в руки

матери.

Даг услышал позади низкий и яростный голос Фаун:

– С сердцами он делает то же самое, знаете ли.

Девушка решительно вышла из гостиной следом за Дагом.

16

Фаун последовала за Дагом на крыльцо и встревоженно следила, как он тяжело сел на ступеньку, оперся левым локтем на колено и опустил голову. Небо на западе за домом цвело красками заката, на востоке, над речной долиной, в темнеющей синеве загорались первые звезды. Дневная жара спала, воздух сделался мягким. Фаун уселась справа от Дага и нерешительно – протянула руку к его лицу. Кожа Дага показалась ей ледяной, его все еще сотрясал озноб.

– Ты весь холодный...

Даг покачал головой и сглотнул.

– Дай мне немного... – Через несколько секунд он выпрямился и сделал глубокий вдох.

– Я уж думал, что выверну весь ужин на землю, но, кажется, обошлось.

– Так обычно и бывает? После подобных вещей...

– Нет... не знаю. Я не мастер, это определили, когда мне было еще шестнадцать. Я не мог в достаточной мере сосредоточиться. Мне нужно было все время двигаться. Я не мастер, но это...

– Это было... – подсказала Фаун, когда Даг надолго замолчал.

– Это было творение. Отсутствующие боги... – Даг поднял левую руку и вытер рукавом лоб.

Фаун обхватила его за плечи, пытаясь согреть своим теплом; она не была уверена, что ей это удалось, но Даг благодарно улыбнулся, хоть и чувствовал себя заледеневшим.

– Лучше вернуться на кухню, к очагу. Я приготовлю тебе горячее питье.

– Когда мне удастся встать... Может быть, лучше обойти дом и войти на кухню через заднюю дверь, – добавил Даг.

«Так на них не набросится все семейство». Фаун понимающе кивнула.

– Дар, – начал Даг и замолчал, потом все-таки продолжил: – Понимаешь, Дар Стражей Озера – их магия, если хочешь – заключается в том, что мы берем вещь и делаем ее более самой собой, подкрепляя ее собственный Дар. В лагере Хикори есть женщина, которая работает с кожей – делает ее водоотталкивающей. У нее есть сестра, умеющая заставлять кожу отражать стрелы. Она может сделать две такие куртки за месяц. Когда-то у меня была подобная куртка.

– Она действительно обладала таким свойством?

– У меня так и не было случая проверить это. Однако я однажды видел, как такая куртка спасла от копья, брошенного глиняным человеком. Железный наконечник только оставил царапину на коже... коже куртки, а не дозорного, – уточнил Даг.

– Ты сказал «была». А что случилось с твоей курткой?

– Я отдал ее своему старшему племяннику, когда он сделался дозорным, а он передал сестре, когда и она тоже вступила в отряд. Последнее, что я слышал о куртке, – что ее взял младший сын моего брата, отправляясь в путешествие. Я не так уж уверен в пользе подобных курток: они делают владельца беззаботным и к тому же не защищают лицо и ноги. А все-таки, знаешь... всегда беспокоишься за молодежь. – Даг выглядел уже не таким напряженным, но взгляд его оставался далеким. – Вот и эта чаша сейчас... Я вернул ее Дар к чистой идее чаши, и стекло просто послушалось. Я чувствовал это так ясно! Только вот... – Даг наклонился, прислонился лбом ко лбу Фаун и боязливо прошептал: – Я действовал Даром левой руки, а ведь она Дара не имеет. Что бы это ни было, сейчас оно исчезло. Я никогда ни о чем подобном не слышал. Правда, лучшие мастера не говорят о своем искусстве ни с кем, кроме таких же мастеров. Так что я не знаю... не знаю...

Дверь распахнулась; из темноты выглянул Вит.

– Э-э... Фаун...

– Что тебе, Вит? – нетерпеливо спросила Фаун.

– Э-э... Тетушка Нетти зовет. Она... э-э... говорит, глупости ей надоели, она хочет видеть вас с дозорным у себя, чтобы так или иначе положить глупостям конец, как только дозорный очухается... сэр.

За свесившимися на лицо волосами губы Дага дрогнули в улыбке, и он поднял голову.

– Спасибо, Вит, – сказал он серьезно. – Скажи тетушке Нетти, что мы скоро придем.

Вит сглотнул, кивнул и припустил обратно.

Даг и Фаун поднялись и обошли дом, направляясь к двери, ведущей в кухню. Даг тяжело опирался левой рукой на плечи Фаун, но все же дважды споткнулся. Девушка усадила его у очага, заварила чай с мятой и поднесла кружку к его губам. Выпив горячий напиток, Даг перестал дрожать, и его липкая кожа порозовела и стала теплой. Фаун видела, как ее родители и Флетч осторожно заглядывали в дверь из холла, однако не вошли и ничего не сказали.

Тетушка Нетти появилась на пороге своей рабочей комнаты.

– Ну, дозорный, – сказала она, – ты, как я понимаю, предпочел на некоторое время исчезнуть.

– Да, мэм, – лукаво согласился Даг.

– Фаун, возьми лампу и веди сюда дозорного. – Нетти повернулась и пошаркала, стуча палкой по полу, в темноту, – не потому, что устала, а, как иногда она делала, чтобы слышать хоть какие-то звуки.

Фаун обеспокоенно взглянула на Дага. Огонь в очаге, который она раздула, бросал на него красно-оранжевые отсветы, ярко освещая его белую рубашку и перевязь на руке; широко раскрытые глаза Дага казались темными провалами. Он выглядел усталым и смущенным – его рука, должно быть, болела, – но успокаивающе улыбнулся Фаун. Она улыбнулась в ответ.

– Ты готов?

– Нет, наверное, но меня слишком мучает любопытство. Качество, не слишком способствующее долголетию дозорного, но что ж тут поделаешь.

Фаун сняла с полки масляную лампу с треснувшим стеклом и зажгла ее, а также три огарка в железном подсвечнике, потом двинулась в рабочую комнату, держа лампу в одной руке, а подсвечник в другой. Даг с кряхтением поднялся со стула и поплелся следом.

Нетти крикнула из их с Фаун спальни:

– Закрой дверь, голубушка. Так мы избавимся от шума.

«И от любопытных ушей», – подумала Фаун. Она ногой захлопнула ведущую на кухню дверь и осторожно прошла между прялкой и седельными сумками Дага. В спальне Нетти сидела на краешке своей узкой постели; она жестом предложила пришедшим сесть тоже. Фаун поставила лампу и подсвечник на стол, потом вернулась и закрыла дверь, ведущую в спальню. Даг оглянулся на нее, потом сел на заскрипевшую под его весом кровать. Фаун примостилась с ним рядом.

– Вот и мы, тетушка Нетти, – объявила она, а Даг добавил:

– Мэм...

Нетти потянулась и поморщилась, потом наклонилась вперед, опираясь на палку; ее незрячие глаза, казалось, устали на них с пугающей пронзительностью.

– Знаешь, дозорный, я хочу рассказать тебе кое-что. И я хочу задать тебе вопрос. А потом мы посмотрим, куда это нас приведет.

– Я в твоём распоряжении, – ответил Даг с подчеркнутой вежливостью, которая, как знала Фаун, часто скрывала настороженность.

– Это мы еще посмотрим, – фыркнула Нетти. – Видишь ли, ты не первый Страж Озера, которого я повстречала.

– Я это почувствовал.

– Я веду по большей части унылую жизнь. Живу в этом доме с тех пор, как Трил вышла за Соррела, – уже почти тридцать лет. Я почти никогда не покидаю ферму, только изредка выбираюсь в Вест-Блу по рыночным дням или на посиделки рукодельниц.

На самом деле Нетти делала это регулярно, будучи лучшей мастерицей-ткачихой и любительницей деревенских сплетен, но Фаун поостереглась вмешаться в поток... чего? воспоминаний?

По-видимому, так и было; Нетти продолжала:

– Лето перед тем, как родилась Фаун, было для нас нелегким. Трил немоглось, мальчишки стали непослушными, а Соррел, как всегда, слишком много работал. Я спала плохо, а потому по ночам, когда все укладывались, отправлялась в северный лес собирать травы. Мальчишки были в таком возрасте, что больше мешали, чем помогали в этом деле.

Им было от пяти до десяти лет, сообразила Фаун и поежилась.

– Корни и травы для снадобий и краски, знаете ли... Ночью не только спокойнее, но и запахи чувствуются острее. Мне особенно был нужен дикий имбирь, чтобы сделать питье для бедняжки Трил, которую все время тошнило. Только вышло так, что однажды ночью я пожалела, что кругом никого нет, потому что упала и повредила колено. Сначала я пыталась кричать, но я была слишком далеко от дома, и меня не слышали.

Действительно, лес на крутом склоне долины тянулся мили на три; Фаун сочувственно поцокала языком: Нетти не увидела бы, если бы она просто кивнула.

– Я уже решила, что мне придется лежать в мокрой от росы траве до утра, когда меня хватятся, но тут я услышала шорох и испугалась, что волк или медведь могут меня загрызть, только это был дозорный – Страж Озера. Сначала я решила, что лучше бы на меня напал медведь, но дозорный оказался славным молодым парнем. Он положил руки на мою ногу, боль удивительно ослабла, а потом он поднял меня и отнес к дому. Я была тогда более тощей, чем теперь, вроде мелкой рыбешки. Он был совсем не таким высоким, как ты, – Нетти кивнула в сторону Дага, – но крепким. И голос у него был приятный – почти такой же глубокий, как твой. Он рассказал, что прибыл по обмену из какого-то лагеря на севере и что он впервые в дозоре в здешних краях... одинокий и скучающий по дому, решила я. Как бы то ни было, я тихо накормила его на кухне, а он очень здорово забинтовал мне колено – туго, так что оно почти не болело.

Не знаю, счел ли он меня своей приемной тетушкой или птичкой с пораненным крылом, которую он нашел и пригрел, только на следующую ночь кто-то постучал в мое окно. Тот дозорный вернулся и принес мне снадобья – одно для моего колена, другое – для Трил. Он не задержался, только отдал лекарства. Его порошки подействовали просто чудесно, должна сказать. – Нетти вздохнула, с благодарностью вспомнив Стража Озера.

– Потом он ушел, и я больше о нем не думала, только на следующее лето ночью опять раздался стук в мое окно. Мы устроили что-то вроде пикника на заднем крыльце и славно поговорили. Парень был рад узнать, что Трил благополучно разрешилась тобой, Фаун. Он принес мне маленькие подарки, а я дала ему с собой еды и сотканное мной полотно. То же случилось и еще через год. Я уже привыкла ждать его.

Через год он явился опять, но не один. Он привел свою молодую жену – похвастаться ею передо мной, я думаю, уж очень он ею гордился. Он показал мне свои брачные браслеты – они называли их узами, – зная, что я, как мастерица, интересуюсь всем, что относится к ремеслу: нитками, тесьмой, плетением, а не только пряжей и вязаньем. Они позволили мне взять браслеты в руки и ощупать, и тут я испытала потрясение. Это были не просто красивые вещи. В них была магия.

– Да, – сдержанно подтвердил Даг и в ответ на любопытный взгляд Фаун объяснил: – Каждый из супругов помещает в браслет крошечную часть своего Дара. Церемония наложения уз соединяет два Дара, молодожены обмениваются ими.

– В самом деле? – переспросила Фаун зачарованно, пытаясь вспомнить, видела ли такие браслеты на дозорных в Глассфордже. Да, у Мари был такой, и у пары старших дозорных тоже. Фаун сочла их просто украшениями. – А они что-нибудь делают? Можешь

ты через них посылать сообщения?

– Нет. Ну, когда один из супругов умирает, другой это чувствует, потому что Дар исчезает из браслета. Браслеты часто убирают в безопасное место, чтобы не повредить, хотя их и можно сделать заново. Однако если один из супругов отправляется в дозор, тот, который остается в лагере, обычно свой не снимает. Просто... чтобы знать. Если что-то случается, для того, кто в дозоре, шок бывает более тяжелым – ведь не ожидаешь... Я дважды был свидетелем такого. Тяжелое дело. Если есть хоть какая-то возможность, дозорного сразу же отпускают домой. Человек испытывает совершенно особый ужас: знает, что случилось, но не знает как; знает только, что он опоздал, и надеется, что, может быть, браслет сгорел во время пожара, – такая надежда только увеличивает страдания и не приносит утешения. Когда я пришел в себя в шатре лекаря после...

В комнате наступила такая тишина, что Фаун показалось: она слышит, как горят свечи. Она повернулась к Дагу и прошептала:

– Знаешь, такие фразы нужно или заканчивать, или не начинать.

Даг вздохнул и добавил:

– Думаю, тебе я могу сказать. Если не смогу, значит, мне не следует... ладно. Я хотел сказать, что когда я пришел в себя в шатре лекаря после Волчьего перевала, лишившись руки, вместе с ней я лишился и браслета. Его я тоже потерял на перевале. Думаю, я доставил много трудностей своим товарищам, пытаюсь найти браслет, – я тогда здорово повредился в голове. Мне не хотели говорить, что Каунео погибла, пока я не окрепну, но пришлось сказать, а я не поверил. Мне казалось, если я найду браслет, я докажу, что они ошиблись. Только через долгое время я опаматовался. – Говоря это, Даг не смотрел на Фаун. Она втянула воздух и медленно выдохнула сквозь зубы. Тогда Даг взглянул на нее, улыбнулся и попытался ободряюще пожать девушке руку, но поморщился, когда боль напомнила ему о его увечье. – Это было давно, – пробормотал он.

– До моего рождения.

– Действительно. – Через мгновение Даг добавил: – Не знаю, почему эта мысль кажется мне утешительной, но так и есть.

Нетти слушала внимательно, склонив голову к плечу. Когда Даг умолк, она сказала:

– Вот что, дозорный: я знаю, что без такого браслета ты не будешь женат в глазах Стражей Озера.

Даг кивнул, потом вспомнил, что нужно отвечать вслух.

– Да. Я хочу сказать, что такие браслеты – видимое доказательство законного брака, так же как запись деревенского клерка и ваши имена в семейной книге с подписями всех свидетелей. Наложение уз – суть и центр свадебной церемонии. Угощение, музыка, танцы, споры между родственниками – это все дополнения.

– Ага, – согласилась Нетти. – В том-то и проблема, дозорный. Потому что если вы с Фаун встанете перед семьей, как вы хотите, и произнесете обещания, мне кажется, она-то выйдет замуж, но ты не женишься. Я сказала, что у меня есть вопрос, и вот он: я хочу точно знать, что ты затеял, хочу убедиться, что ты не собираешься обвести Фаун вокруг пальца и оставить ее горевать.

Фаун удивилась: почему Нетти возлагает на Дага ответственность за ее будущие слезы, а не на нее – за слезы Дага. Опять эта проклятая разница в возрасте, решила она. Такой подход казался ей несправедливо односторонним.

Даг молчал несколько долгих мгновений. Наконец он поднял голову и сказал:

– Когда я еще только приехал сюда, у меня и мысли не было о крестьянской свадьбе. Однако скоро мне стало ясно, как мало ценит Фаун ее семейство. О присутствующих я не говорю, – поспешно добавил он, и Нетти сурово кивнула в подтверждение. – Не то чтобы ее не любили и не старались заботиться, но делается это между прочим, словно по рассеянности; родные словно не видят ее такой, какая она есть. Такой, какой вижу ее я. Конечно, родственники Фаун не воспринимают Дар, но все же... Может быть, прошлое закрывает от них настоящее, может быть, они просто не смотрели на Фаун внимательно в

последнее время, а может быть, и никогда не смотрели – не знаю. Однако замужество, похоже, поднимает женщину в глазах крестьян. Я и подумал, что легко могу обеспечить Фаун такое положение. Теперь я не так уверен в легкости подобного решения. – Даг вздохнул. – Но о том, что касается ее вдовства, я говорил совершенно серьезно.

– Это представляется плохим подарком, дозорный.

– Да, но я не могу организовать здесь наложение уз. Во-первых, я не могу изготовить браслеты: для этого нужны две руки, а у меня нет ни одной, и я сомневаюсь, что Фаун вообще сможет сделать браслет, и нет никого, кто благословил бы нас и наложил узы. Я думал, что когда мы доберемся до лагеря Хикори, я попытаюсь организовать все там, несмотря на все трудности.

– Думаешь, твоей семье понравится такая идея?

– Нет, – откровенно ответил Даг. – Я ожидаю неприятностей, но до сих пор мне удавалось переупрямить судьбу во всем, что она мне посылала.

– Он знает, о чем говорит, тетушка Нетти, – рискнула вставить Фаун.

– М-м-м... – протянула та. – Так что случится, если твои родичи выгонят ее? Как Стражи Озера до сих пор делали со всеми влюбленными крестьянами, насколько мне известно.

Даг помолчал, потом ответил:

– Я уйду вместе с ней.

Брови тетушки Нетти поползли вверх.

– Ты порвешь со своим народом? Ты сможешь?

– Не по собственному выбору. – Даг пожал плечами, но не мог скрыть глубокой тревоги. – Если со мной решат порвать, я не смогу этому воспрепятствовать.

Фаун заморгала, внезапно встревожившись. Она мечтала только о той радости, которую они могут принести друг другу, но эта лодка, оказывается, тянула за собой целую вереницу барж, которых до того Фаун не замечала. А вот Даг, похоже, заметил...

– Ох-ох-ох... – Тетушка Нетти тихо постучала палкой по полу. – Я вот думаю, дозорный... У меня – две руки, да и у Фаун тоже.

Даг замер и бросил на Нетти острый взгляд.

– Я совсем не уверен, что это сработает. – Потом помолчал и добавил: – И совсем не уверен, что не сработает. Я знаю, как нужно делать браслет, а Фаун знает эту землю, она может помочь найти все, что необходимо. Волосы каждого из нас... мои, к сожалению, короткие.

– Я знаю некоторые приемы, чтобы управляться с короткими волокнами, – рассудительно сказала Нетти.

– Ты знаешь больше, чем только такие приемы, мне кажется. Искорка, – Даг повернулся к Фаун, – дай мне кусочек ткани, сотканной твоей теткой. Я хочу поддержать что-то сделанное ею. Что-нибудь совсем тонкое, знаешь ли.

– По-моему, я знаю, что ему нужно. Посмотри-ка в сундуке в ногах моей постели, голубушка, – сказала Нетти. – Достань свадебную рубашку Флетча.

Фаун вскочила и подняла крышку деревянного сундука. Рубашка лежала поверх остальных вещей. Фаун подняла ее за плечи, позволив белой ткани свободно развернуться. Рубашка была почти закончена – оставалось пришить только манжеты. Сборки на верху рукавов и на кокетке были мягкими на ощупь, а пуговицы из радужно переливающегося перламутра, уже пришитые к планке, – гладкими и прохладными.

Фаун принесла рубашку Дагу, и тот разложил ее на коленях, неуклюже и осторожно касаясь ткани кончиками пальцев; потом он неуверенно провел над ней крюком, стараясь не зацепить.

– Тут ведь не одна разновидность пряжи?

– Лен – для крепости, хлопок – для мягкости, немного волокон крапивы – для блеска, – ответила Нетти. – Я спряла особые нитки.

– Женщины моего народа никогда не делают такой тонкой пряжи. На нее уходит

слишком много времени, а его и так всегда не хватает.

Фаун по-новому взглянула на грубую ткань рубашки Дага, которую раньше считала потрепанной.

– Я помню, как помогала тетушке Нетти и маме прошлой зимой налаживать станок для этой пряжи. На то, чтобы соткать ткань для рубашки, ушло три дня, и работа была такая нудная и трудная, что я чуть не визжала.

– Ткацкие станки у Стражей Озера – небольшие, их вешают на стену, чтобы их можно было легко снять и перевезти, когда мы сворачиваем лагерь. Мы никогда не смогли бы управиться с такой большой деревянной рамой, как у станка твоей тетушки. Это типично крестьянский инструмент – неподвижный, как амбары и дома. Мишени для... – Даг снова взглянул на рубашку. – У нее замечательный Дар. Раньше это были растения и... и животные. Теперь их Дар совсем изменился, они превратились в другую целостность – в рубашку. Хорошая работа. – Даг поднял голову и взглянул на тетушку Нетти с острым любопытством. – И в ткань вплетено благословение.

Фаун могла бы поклясться: на губах Нетти промелькнула гордая улыбка, но выражение исчезло прежде, чем Фаун смогла удостовериться.

– Я старалась, – скромно ответила Нетти. – Ведь, это, в конце концов, свадебная рубашка.

– Хм-м... – Даг выпрямился и кивнул Фаун, чтобы она убрала рубашку на место. Девушка снова аккуратно сложила ее, положила в сундук и села на крышку. Она ощущала напряжение, повисшее между Нетти и Дагом, и боялась вмешаться, чтобы не порвать что-то тонкое и нежное, как паутинка, соединившее их.

– Я готов попробовать создать браслеты, – сказал Даг, – если вы за это беретесь, тетушка Нетти. Это определенно будет доводом в нашу пользу у меня дома. Если же не сработает, мы окажемся не в худшем положении, чем раньше, – если не считать разочарования. Если же сработает, мы сделаем большой шаг вперед.

– Вперед – это куда? – спросила Нетти. Даг сокрушенно фыркнул.

– Это мы узнаем, мне кажется, когда дойдем.

– Справедливо сказано, – согласилась Нетти. – Хорошо, дозорный. Мы с тобой – союзники.

– Ты хочешь сказать, что замолвишь за нас словечко маме и папе? – Фаун хотелось прыгать и визжать от восторга. Сдержав этот порыв, она ограничилась тем, что кинулась – обнимать и целовать Нетти.

Нетти притворно рассердилась.

– Ну, ну, девочка, не расходишься. У меня от этого мурашки по коже. – Нетти выпрямилась и обратила лицо в сторону Дага. – Вот еще что... Даг. Не выслушаешь ли ты меня?

Брови Дага поползли вверх от этого непривычного обращения по имени.

– Я хороший слушатель.

– Да, я это заметила. – Нетти долго молчала, потом поежилась, как будто от неловкости... или стеснительности? Нет, такого быть не могло. – Прежде чем тот парень – Страж Озера? – уехал, он сделал мне последний подарок, потому что я сказала: мне жалко расставаться с ним, так и не увидев его лица. Ну, на самом-то деле подарок мне сделала его новобрачная. Она была мастерица в вашем целительстве и помогла мне не хуже, чем парень, вылечивший мое колено при первой встрече.

– Соединение ее и твоего Дара, – понял Даг. – Да? Это дело довольно интимное... даже очень.

Голос Нетти понизился до шепота, словно она собралась признаться в ужасном секрете.

– Получилось вроде того, как будто она на время одолжила мне свои глаза. Оказалось, что парень примерно такой, каким я его себе представляла, – не красавец, но славный. Чего я не ожидала, так это рыжих волос и загара – он же днем спал, а выходил в дозор ночью. В общем, я удивилась... – Нетти умолкла и долго молчала. – Знаешь, я ведь никогда не видела

лица Фаун. – Небрежный тон, которым она это произнесла, никого обмануть не смог бы, подумала Фаун, даже если бы голос тетушки под конец предательски не дрогнул.

Даг растерянно заморгал.

В тишине Нетти неуверенно проговорила:

– Ты, наверное, слишком устал... Может быть, это слишком трудно. Слишком...

– Э-э... – Даг сглотнул, потом прочистил горло. – Я и в самом деле жутко устал сегодня, но ради тебя я готов попытаться. Только не уверен, что получится. Я не хотел бы тебя разочаровать.

– Если не получится, мы будем не в худшем положении, чем раньше... как ты говоришь.

– Верно, – согласился Даг. Он слабо улыбнулся Фаун. – Поменяйся со мной местами, Искорка.

Фаун вскочила с постели тетушки Нетти и пересела на собственную, а Даг уселся рядом со старой женщиной. Расправив плечи, он снял перевязь с руки.

– Поосторожнее с рукой, – обеспокоенно предупредила его Фаун.

– Мне кажется, я теперь уже могу двигать плечом, вот только нельзя пытаться шевелить пальцами или давить на руку. Нетти, мне нужно коснуться твоих висков. Справа я могу приложить пальцы, но слева, боюсь, придется использовать крюк для равновесия. Не подпрыгни от испуга, ладно?

– Как скажешь, дозорный. – Нетти выпрямилась и сидела совершенно неподвижно, только нервно облизнула губы. Ее незрячие глаза смотрели в пространство. Даг наклонился к ней и поднял обе руки к ее вискам. За исключением сосредоточенного выражения его лица, смотреть было не на что.

Фаун уловила решающий момент только потому, что Нетти моргнула и охнула, а потом скосила глаза на Дага.

– Нет, не надо смотреть на старуху, – сказала она нетерпеливо. – Уж я-то точно себя видеть не хочу, да и не такая я на самом деле. Ты лучше взгляни туда.

Даг послушно повернул голову, посмотрел туда же, куда смотрела Нетти, и улыбнулся Фаун. Она улыбнулась в ответ; от возбуждения дышала она часто.

– Клянусь... – выдохнула Нетти, – клянусь... – Бесконечное мгновение все длилось. Потом она сказала: – Спасибо, дозорный. Во всем бескрайнем мире нет девушки красивее.

– Я так и подумал, – ответил Даг. – Ты видишь не только ее лицо, но и ее Дар, знаешь ли. Видишь ее так, как вижу я.

– Вот как, – прошептала Нетти, – вот как... Это многое объясняет. – Ее глаза жадно смотрели на Фаун, как если бы Нетти старалась запомнить лицо Фаун на время своей слепоты. Из-под век выкатилась слеза, блеснувшая в свете лампы.

– Нетти, – сказал Даг голосом, в котором мешались напряжение, удовольствие и сожаление. – Особенно долго я не выдержу. Прости меня...

– Все в порядке, дозорный. Хватит. То есть, конечно, не хватит... Но ты понял.

– Да. – Даг вздохнул и откинулся к стене. Он неловко надел перевязь на сломанную руку, потом наклонился, глядя в пол.

– Тебя снова тошнит? – спросила Фаун, готовясь бежать за тазиком.

– Нет. Только голова разболелась и перед глазами плавают пятна. Ну вот, все прошло. – Он несколько раз быстро моргнул и выпрямился. – Ох... Ну и выжали вы меня... Я чувствую себя так, словно вернулся из дозора. Десять дней... в самую ужасную погоду... по буеракам.

Нетти выпрямилась. Слезы проложили дорожки по ее щекам, как родники по поверхности утеса. Нетти вытерла слезы и обвела глазами комнату, которую не могла больше видеть.

– Ну и ну, в какой же грязной дыре мы все время жили, Фаун, голубушка. Почему ты ничего не говорила? Уж я заставлю парней побелить тут стены!

– Идея мне нравится, – сказала Фаун. – Только меня здесь уже не будет.

– Ну я-то останусь, – решительно шмыгнула носом Нетти. Потратив несколько минут

на то, чтобы вернуть себе равновесие, Нетти оперлась на палку и поднялась. – Ладно, пошли, вы двое. Давайте начнем дело.

Фаун и Даг следом за Нетти вышли из рабочей комнаты; как только они миновали дверь кухни, Фаун прижалась к левому боку Дага, и тот обнял ее, ободряя девушку, а заодно и себя. Вся семья сидела вокруг освещенного лампой стола; папа, мама и Флетч – с одного конца, Рид, Раш и Вит – напротив. Все они настороженно подняли глаза. Что бы они ни обсуждали, делали они это удивительно тихо – а может быть, они и не посмели друг с другом разговаривать.

– Они все тут? – пробормотала Нетти.

– Да, тетушка Нетти.

Нетти вышла на середину кухни и стукнула своей палкой, выпрямившись во весь рост. Это было торжественное заявление, которое Фаун, пожалуй, только единственный раз случилось видеть много лет назад – когда Нетти так окончательно разрешила спор с Бойерами, на поле которых близнецы и Вит загнали коров. Нетти сделала глубокий вдох; все остальные затаили дыхание.

– Я удовлетворена, – громко объявила Нетти. – Фаун выйдет за своего дозорного. Даг получит свою Искорку. Позаботьтесь об этом, Трил и Соррелл. А вы, остальные, – Нетти произвела совершенно сверхъестественное впечатление, обведя парней своими незрячими глазами, – ведите себя прилично.

Нетти повернулась и решительно направилась в рабочую комнату. На случай, если кому-нибудь хватит глупости попытаться оспорить ее заявление, она грозно взмахнула палкой и захлопнула за собой дверь.

17

Даг проснулся от тяжелого сна и обнаружил, что следующая предстоящая ему фигура танца – ехать с Фаун и ее родителями в Вест-Блу, чтобы сообщить о своих намерениях деревенскому клерку и просить его присутствовать на свадьбе. Фаун очень нервничала, брея, умывая и одевая Дага, что сначала очень его смущало, поскольку ее помощь стала довольно бесцеремонной, а Даг, несмотря на усталость, этим утром не мог позволить себе бессовестно капризничать. Даг в конце концов осознал, что наконец увидит жителей деревни, не принадлежащих к семейству Блуфилдов, которых в отличие от него Фаун знала всю свою жизнь. Было верно и обратное: жителям Вест-Блу предстояло впервые увидеть Дага Стража Озера, того долговязого парня, которого Фаун Блуфилд притащила домой, – он еще не был известен местным сплетницам.

Он старался не позволить своему воображению углубиться в особенно неприятные возможности, но не мог не размышлять на тему о том, что пока что встречался с одним-единственным обитателем Вест-Блу – Идиотом Санни. Не приходилось надеяться на то, что Санни воздерживается от разговоров; к тому же было известно, что он имеет привычку подтасовывать факты в свою пользу. Пережитое унижение скорее сделало его хитрым, чем раскаивающимся. Вполне могло оказаться, что Блуфилды будут единственными союзниками Дага среди крестьян, а это представлялось довольно хлипкой опорой. Поэтому Даг позволил Фаун делать все, что ей захочется, чтобы придать ему респектабельность, хоть это и представлялось ему тщетным.

До главной – и единственной – улицы селения, расположенного в трех милях от фермы, они добирались в семейном экипаже по тенистой дороге, тянувшейся вдоль реки. По ярко-синему небу плыли пухлые белые облака, совершенно не предвещавшие дождя, что рождало иллюзию хорошего настроения. Основной причиной существования деревни были, похоже, мельница, маленькая лесопилка и дощатый мост через реку, который явно недавно был расширен. Вокруг небольшой рыночной площади, в этот день пустынной, располагались кузница, пивная и несколько довольно больших домов, выстроенных из местного камня. Соррел, натянув вожжи, остановил тележку перед одним из них и повел свое семейство

внутри. Даг еле успел наклонить голову перед слишком низкой для него каменной притолокой, чуть не вышибив об нее мозги.

Осторожно выпрямившись, Даг обнаружил, что потолок все-таки достаточно высок. Комната, в которую они вошли, представляла собой нечто среднее между гостиной крестьянского дома и главным шатром лагеря, со скамьями, столом и полками по стенам, на которых хранились бумаги, свитки пергамента, переплетенные книги записей. Не уместившиеся там бумаги выплескивались в другие комнаты. Из задней части дома поспешно вышел сам клерк, судя по тому, как он отряхивал брюки, только что оторвавшийся от работы в огороде. Это был бойкий пожилой человек с острым носом и кругленьким брюшком; Дагу назвали его типично крестьянское имя – Шеп Соьер.

Блуфилдов он приветствовал как старых друзей и соседей, но при виде Дага явно растерялся.

– Ну и ну, – воскликнул он, когда Соррел с активной помощью Фаун объяснил ему причину своего визита. – Значит, это все-таки правда! – Тут появилась его сутулая, но такая же бойкая жена, вытаращила глаза на Дага и сделала такой же книксен, который при знакомстве делала Фаун, растерянно улыбнулась и утащила Трил в сторонку, чтобы пошутиться.

Сам процесс записи оказался несложным. Сначала клерк нашел нужную книгу, толстый переплетенный в кожу том, раскрыл его на столе и перелистал в поисках последней заполненной страницы, потом написал дату и несколько строк под подобными же записями. Он поинтересовался датами рождения и именами родителей обоих будущих супругов; насчет Фаун он даже ничего не уточнял, но когда дело дошло до Дага, заколебался и даже поставил кляксу, услышав его возраст. С сомнением взглянув на дозорного, клерк поспешно промокнул кляксу и попросил Дага повторить сказанное. Соррел вручил клерку текст брачного соглашения, чтобы тот переписал его хорошим почерком в книгу, и Соьер, торопливо прочитав его, задал несколько уточняющих вопросов.

Только в этот момент Даг узнал, что за подобную услугу полагается платить, и по традиции это должен сделать новоиспеченный супруг. К счастью, Даг не оставил свой кошелек вместе с другими вещами на ферме; вдвойне счастливым обстоятельством оказалось то, что хотя его поездка и затянулась, у него оставалось еще несколько медяков, полученных на Серебряных Перекатах, которых оказалось достаточно. По просьбе Дага Фаун выудила – кошелек из его кармана и расплатилась. Попутно выяснилось, что те, у кого не было монет, могли рассчитаться провизией или пряжей.

– Сюда вечно являются такие, кто не может написать собственного имени, – сообщил Соьер Дагу, кивнув на его руку на перевязи. – Я расписываюсь за них, они ставят крестик, а свидетели своими подписями это заверяют.

– Прошло шесть дней с тех пор, как я сломал руку, – напряженным голосом сказал Даг. – Думаю, что по такому случаю я справлюсь и сам. – Он кивнул Фаун, чтобы та поставила свою подпись первой, а потом попросил ее окунуть перо в чернильницу и вложить ему в пальцы. Движение оказалось болезненным, но не невозможным. Подпись выглядела не лучшим образом, но по крайней мере была совершенно отчетливой. Такое проявление грамотности заставило клерка поднять брови.

Когда жена клерка и мать Фаун подошли к столу, миссис Соьер вытаращила на Дага глаза с новым уважением. Вытянув шею, она прочла:

– Даг Редвинг Хикори Олеана.

– Олеана? – переспросила Фаун. – Этой части я раньше не слышала.

– Значит, теперь ты миссис Фаун Олеана, а? – сказал Соьер.

– На самом деле это название округа, в котором я живу, – объяснил Даг. – Мое семейное имя – Редвинг.

– Фаун Редвинг, – пробормотала Фаун, в первый раз произнося новое имя и сосредоточенно нахмутив брови. – Хм-м.

Даг поскреб лоб своим крюком.

– Тут все не так просто. По традиции Стражей Озера мужчина берет имя шатра своей жены, так что я должен бы зваться... э-э... Даг Блуфилд Вест-Блу Олеана, наверное.

Соррел посмотрел на него с ужасом.

– Так что же, мы должны обменяться именами? – озадаченно спросила Фаун. – Или каждый взять оба имени? Редвинг-Блуфилд... Редфилд? Блувинг?

– Ред – красный, Блу – синий, – с астматическим смехом проворчал клерк. – Вы двое можете взять имя Лиловый.

– Не могу вспомнить ничего лилового, название чего не звучало бы глупо, – возразила Фаун. – Ну... разве что зрелая бузина. Это выглядело бы по-страж-озерски.

– Так и сделаем, – заверил ее Даг мягко.

– Хм-м... у нас есть еще несколько дней, чтобы все обдумать, – мужественно заявила Фаун.

Соррел и Трил переглянулись, сделали вдох, собираясь с силами, и склонились над книгой, чтобы поставить свои подписи. День и час свадьбы были назначены самые ранние, какие только были возможны по истечении традиционных трех дней; к явному облегчению Фаун, это оказался полдень третьего дня, не считая сегодняшнего.

– Торопитесь, верно? – добродушно поинтересовался Сойер; Даг не уловил значения косого взгляда, который клерк бросил на живот Фаун, но девушка все поняла и напряглась.

– К несчастью, меня ждут дела дома, – умиротворяюще сообщил Даг, положив свой протез на плечо Фаун. На самом деле, если бы не опасение разминуться с Мари в лагере, проклятая сломанная рука делала его таким же бесполезным в лагере Хикори, как и в деревне Вест-Блу. В общем-то не имело никакого значения, где сидеть и в отчаянии скрипеть зубами; в Вест-Блу по крайней мере была какая-то новизна. Впрочем, связанная с заряженным ножом тайна оставалась постоянной занозой у него в уме, хоть и погребенной под новыми впечатлениями, но никогда не перестававшей тревожить.

Трое жителей деревни отскочили от окна дома Сойера и притворились, что просто идут мимо по улице, когда Даг, Фаун и ее родители вышли из двери. Через улицу две молодые женщины, наклонившись друг к другу, начали хихикать. Несколько парней, торчавших перед трактиром, нырнули внутрь – и двое из них весьма поспешно.

– Это не Санни Сомен только что вошел к Миллерсону? – прищурившись, спросил Соррел.

– И не Рид ли был с ним? – присоединилась к нему Фаун.

– Так вот куда Рид отправился сегодня утром! – с возмущением сказала Трил. – Шкуру спущу с этого мальчишки!

– Ферма Соменов – вторая к югу от деревни, – тихо сообщила Фаун Дагу.

Он понимающе кивнул. Это делало трактир в Вест-Блу удобным местом встречи; впрочем, там собирались все жители деревни и окрестных ферм, судя по тому, что Даг слышал. Санни должен был понимать, что его не выдали, иначе его отношения с близнецами Блуфилдами были бы совсем иными; если не благодарность, то хотя бы облегчение должно было бы сделать его сдержанным. Так не были ли эти зеваки теми самыми друзьями, на помощь которых в очернении Фаун рассчитывал Санни? Или то была пустая угроза, а девушка просто поверила выдумке? Теперь уже не узнаешь. Впрочем, парни вряд ли решились бы обливать Фаун грязью в присутствии ее брата.

Все снова погрузились в тележку, Соррел щелкнул языком и повернул коня к дому. Достаточно было хлопнуть поводьями по крупу, чтобы животное покладисто перешло на рысь. Вест-Блу осталась позади.

«Еще три дня». Не было никакой причины, почему это простые слова должны были бы заставить Дага чувствовать себя так, словно его желудок собрался вывернуться наизнанку, но... «Три дня».

После обеда в полдень Даг выбросил из головы странности крестьянских обычаев и сосредоточился на собственных заботах. Они с Фаун отправились на разведку в окрестности фермы.

– Что мы ищем? – спросила Фаун, когда Даг свернул к старому амбару за домом.

– Тут нет устоявшегося рецепта. Волокна, которые можно прядь и которые что-то для тебя значат, – чтобы помочь удержать Дар. Всегда хорошо использовать собственные волосы, но мои недостаточно длинные, чтобы использовать только их, а чем больше зацепок, тем лучше. Конский волос добавит длины и крепости, мне кажется. Его часто используют, и не только для свадебных браслетов.

В приятной прохладе амбара Фаун собрала две охапки длинных шелковистых волос из грив и хвостов Грейс и Копперхеда. Даг стоял, опершись о перегородку между стойлами и полуприкрыв глаза, и мягко напоминал Копперхеду, что мерин должен относиться к Фаун с заботой, как к жеребой кобыле, если не хочет стать пищей для волков. Лошади не столько принимали во внимание последствия, сколько полагались на ассоциации, да и рыжий конь не отличался особенным умом, но благодаря постоянным обращениям к его Дару Даг в конце концов вдолбил ему эту мысль. Копперхед настороженно посмотрел на Дага, тихонько заржал и ткнулся носом в руку Фаун, терпеливо снес вырывание волос и съел с ладони девушки кусок яблока, не попытавшись ее укусить.

В окрестностях фермы Блуфилдов водяных лилий было не найти, да Даг и не был уверен, что они были бы похожи на те, что росли на озере Хикори и волокна из их стеблей можно было бы использовать. К его удовольствию, они обнаружили заросшую рогозом канаву у границы одного из полей, где гнезилось несколько красноплечих черных трупиялов-редвингов. Даг повесил башмаки Фаун на свой крюк и ободряюще улыбнулся, когда девушка со смешанным выражением отвращения и решимости полезла в тину, чтобы набрать несколько пригоршней пуха рогоза в смеси с перьями. После этого они обошли все опушки и невспаханные поля; сезон был неподходящий для сбора пуха молочая – на растениях еще только распускались цветы, – но в конце концов они нашли несколько коричневых высохших стеблей с нераскрывшимися стручками, и Даг решил, что содержащегося в них пуха хватит.

Все найденное они отнесли в рабочую комнату Нетти, где Фаун ощипала перья и извлекла из стручков пушинки молочая, после чего Нетти принялась прядь нить из своих любимых составляющих: льна для крепости, драгоценного привозного хлопка для мягкости и волокна крапивы, которое она называла «кэч», для блеска, – все они были выкрашены отваром ореховой скорлупы. Фаун, закусив губу, выстригла пряди волос у себя и с особым старанием у Дага, как он понял, не столько из опасения уколоть его ножницами, сколько заботясь о том, чтобы он ко дню свадьбы не стал выглядеть как пугало. Собственные кудрявые пряди она остригла перед маленьким зеркалом. Даг сидел рядом, молча наслаждаясь видом ее локонов и отсчитывая назад часы к их последним объятиям и прикидывая, когда у них снова появится такая возможность. «Три дня...»

Под руководством тетушки Фаун смешала составные части в двух корзинках; Нетти погрузила в готовую массу руки и, ощупав ее, сосредоточенно нахмурилась. Фаун затаила дыхание, ожидая ее вердикта, и в конце концов Нетти решила, что можно приступать к следующему этапу. Подготовка волокон в виде длинных валиков, пригодных для прядения, требовала величайшего старания и трудолюбия, и под конец даже усердные пальчики Фаун устали.

После ужина настала очередь самого прядения. Мужчины Блуфилды решили, что троица занята каким-то диковинным делом, принятым у Стражей Озера, но они давно усвоили, что не следует вторгаться во владения Нетти, и Даг надеялся, что они не заподозрят той тонкой и невидимой магии, которая сопутствовала изготовлению браслетов. После ужина папа Блуфилд и парни занялись обычными вечерними делами; Трил, взясь на кухне, иногда заглядывала в дверь, но молчала.

После некоторых споров было решено, что прядь нити будет все-таки Фаун; она не сомневалась, что Нетти выполнила бы работу лучше, но Даг счел, что чем больше усилий приложит сама Фаун, тем больше будет надежда на то, что браслет будет носить отпечаток ее Дара. Фаун выбрала самопрялку, приспособление, которого до сих пор Даг никогда не

видел, сказав, что управляется с ней лучше, чем с веретеном. Когда Фаун наконец уселась, приготовила материалы и почувствовала себя уверенно, дело пошло быстрее, чем ожидал Даг. Вскоре Фаун с триумфом вручила Нетти для инспекции два мотка крепкой, хоть и несколько лохматой нити в два сложения, по текстуре близкой к тесьме.

– Нетти сумела бы спрясть более ровную и гладкую нить, – вздохнула девушка.

– М-м-м... – промычала Нетти, ошупывая пряжу. Она не опровергла Фаун, но потом все же кивнула: – Сойдет.

– Теперь мы можем продолжать? – с нетерпением спросила Фаун. Стемнело, и она уже час работала при свече.

– Утром мы будем более отдохнувшими, – попробовал охладить ее пыл Даг.

– Я не устала.

– Это я буду утром в лучшей форме, Искорка. Пожалей старого дозорного, а?

– Ох... Ну конечно. Работа с Даром выжимает тебя досуха. – Помолчав, она осторожно поинтересовалась: – Это будет так же тяжело, как и с чашей?

– Нет. Наша задача будет гораздо более естественной. К тому же я такое уже делал раньше. Ну... в тот раз спряла пряжу мать Каунео, потому что никто из нас не умел этого делать. А вот сплести браслеты должны были мы сами, чтобы вложить в них Дар.

– Не заснуть мне сегодня, – вздохнула Фаун.

На самом деле она все-таки уснула, хоть Даг из-за закрытой двери и услышал, как Нетти попросила ее не вертеться, а то ее соседство – хуже, чем полная постель клопов. Последнее, что той ночью слышал Даг, был тихий смешок, которым Фаун ответила на слова тетушки.

Сразу после завтрака, как только остальное семейство разошлось по делам, Даг, Фаун и Нетти собрались в рабочей комнате. На этот раз Даг решительно закрыл дверь. Они с Фаун притащили с крыльца скамейку без спинки; Фаун уселась на нее верхом, а Даг – позади нее. Нетти расположилась на стуле рядом с Фаун; наклонив голову, она прислушивалась к происходящему, пытаясь своим слабым Даром охватить всю комнату. Даг наблюдал, как Фаун практиковалась в плетении на веревочке: нужно было сплести прочную косичку из четырех прядей, которую Стражи Озера за квадратное сечение называли «стеблем мяты»; как с удивлением узнал Даг, у крестьян она носила то же название.

– Мы начнем с моего браслета, – сказал Даг. – Главное, как только мне удастся включить в плетение свой Дар, не останавливайся, иначе связь порвется и придется начинать все заново. Мы, конечно, вполне можем так и сделать, но бывает очень обидно довести дело почти до конца, а потом сорваться из-за небрежности.

Фаун выразительно закивала и поспешно закончила приготовления, привязав четыре нити к гвоздю, вбитому в скамейку. Она разложила клубочки, чтобы они были под рукой и нити не путались, сглотнула и сказала:

– Готово. Скажи мне, когда начинать.

Даг выпрямился, вытащил правую руку из перевязи, придвинулся поближе к Фаун и поцеловал ее в ухо, чтобы приободрить и заставить улыбнуться; первое ему удалось, а второе – не очень. Он взглянул поверх головы Фаун и положил обе руки на пальцы девушки, так чтобы касаться и нитей, и рук Фаун. Дар, хлынувший из его правой руки, тут же вплеся в будущий браслет.

– Получилось. Закрепи нити и начинай...

Ловкие пальцы Фаун начали тянуть, поворачивать, сплестать нити. Тонкий поток Дара, соединившийся с плетением, ясно ощущался Дагом, и он заново вспомнил, каким странным было это ощущение в первый раз, в тихом шатре в лесистой Лутлии. И сейчас ощущение было странным, хотя не неприятным. В комнате стояла полная тишина, и Даг подумал, что, наверное, смог бы заметить, как перемещаются свет и тени за окном; солнце еще только поднималось.

Правая рука Дага дрожала, плечи начали болеть к тому времени, когда Фаун сплела примерно два фута тесьмы.

– Достаточно, – прошептал ей в ухо Даг. – Завязывай.

Фаун кивнула, завязала фиксирующий узел и соединила нити вместе.

– Нетти! Готова?

Нетти наклонилась вперед с ножницами в руке и, направляемая Фаун, обрезала нити ниже узла.

Даг ощутил, как отделился от будущего браслета его Дар, и еле сдержал восклицание.

Фаун выпрямилась и вскочила со скамьи, потом повернулась к Дагу и взволнованно протянула ему тесьму.

С помощью Фаун Даг пропустил тесьму сквозь пальцы правой руки, где их не стесняли все более грязные бинты. Ощущение оказалось странным: словно смотришь на себя в кривое зеркало, однако присутствие Дара было надежным и добрым.

– Прекрасно! Удалось! Мы сделали это, Искорка, тетушка Нетти!

Фаун, сияя, как солнечный восход, вложила тесьму в руки Нетти. Нетти пощупала ее и тоже улыбнулась.

– Клянусь! Да. Даже я чувствую... Как в прежние времена. Молодец, дитя!

– А когда будем делать второй? – взволнованно спросила Фаун.

– Отдышись, – посоветовал Даг. – Походи, разомни ноги. Второй браслет сделать будет потруднее. – Попытка вполне могла оказаться невыполнимой, мрачно признался он себе, но Фаун говорить об этом он не собирался: в этих тонких материях уверенность в себе значила очень много.

– Ох, да, ведь твои несчастные плечи наверняка очень болят! – воскликнула Фаун, обежала вокруг скамьи и принялась разминать Дагу мышцы своими маленькими сильными руками: против такого удовольствия возразить он не мог, хотя с трудом не рухнул на скамью лицом вперед и не растаял. Даг вспомнил, что еще могли делать эти ручки, потом постарался не вспоминать. Ему понадобится еще все его самообладание. Теперь остается два дня...

– Достаточно, дай отдохнуть пальцам, – героически выдохнул он наконец. Он встал и тоже стал ходить по комнате, пытаясь вспомнить, что еще он мог бы сделать, или должен был, или не сделал для того, чтобы следующий, самый важный шаг был удачен. Он собирался вступить на непривычную и опасную территорию, заняться делом, которого никогда раньше не делал – да и никто не делал, насколько ему было известно. О таком не пелось даже в балладах.

Они своза усадились на скамью, и Фаун закрепила нити для собственного браслета на гвозде.

– Как только ты будешь готов, начнем.

Даг опустил голову и вдохнул запах ее волос, стараясь успокоиться, потом провел своими негнущимися пальцами и крюком вдоль рук Фаун, нащупывая какой-нибудь открытый фрагмент ее Дара, такого живого, который он чувствовал под ее кожей. Погоди-ка, вот что-то появилось...

– Начинай.

Руки Фаун начали свое движение. После всего трех переплетений Даг сказал:

– Подожди, не то... Остановись. Это не твой Дар, это снова мой. Прости.

Фаун выдохнула воздух и выпрямила спину, потянулась и распустила сплетенное.

Даг посидел несколько мгновений, опустив голову и закрыв глаза. Его преследовало тревожное воспоминание о том, как Дар его левой руки проявился два дня назад, когда он воссоздал чашу. Перелом правой руки ослабил преобладание Дара с той стороны; может быть, левая пыталась компенсировать это, как все время с момента увечья делала правая рука. На этот раз Даг изо всех сил сосредоточился на том, чтобы уловить Дар Фаун слева. Он погладил ее руку своим крюком, стиснул призрачные пальцы, которых не было... Что-то ему удалось поймать, хрупкое и тонкое, и на этот раз это не был его собственный Дар.

– Давай!

Пальцы Фаун снова начали свой танец. Они сделали уже дюжину переплетений, когда Даг почувствовал, что невесомая нить порвалась.

– Стоп, – вздохнул он. – Она снова потерялась.

– Проклятие! – в отчаянии воскликнула Фаун.

– Ш-ш. У нас почти получилось.

Фаун распустила плетение, расправила плечи и потерлась головой о грудь Дага; он почти физически ощутил ее мрачную гримасу, хотя мог видеть только ее волосы и кончик носа. А потом он почувствовал, как ее гримаса стала задумчивой.

– Что? – спросил он.

– Ты говорил... Ты говорил, в нить вплетают волосы, потому что они когда-то тоже имели часть Дара, и поэтому его легко поймать и удержать... потому что волосы были частью тела. Верно? Живое тело рождает Дар.

– Верно...

– И еще ты однажды сказал, той ночью, когда я расспрашивала тебя о Даре, что кровь человека какое-то время остается живой после того, как покинула тело. Так?

– К чему ты клонишь... – начал Даг обеспокоенно, но Фаун прервала его: она неожиданно ухватила за крюк и потянула его к себе. Даг почувствовал давление и рывок, потом еще один. – Подожди, перестань, Искорка, что это ты... – Даг наклонился вперед и с ужасом увидел, что Фаун рассекла подушечки обоих своих указательных пальцев острым кончиком крюка. Она стиснула каждый палец по очереди другой рукой, чтобы выжать кровь, и снова взялась за нити.

– Попробуй еще раз, – решительно и деловито предложила она Дагу. – Давай быстрее, прежде чем кровь перестанет течь. Давай же!

Даг не мог не выполнить столь поразительное требование. С яростью, почти такой же, как двигавшая Фаун, он коснулся рук девушки своими руками – реальной и призрачной, и на этот раз ее Дар буквально хлынул в него и в запятнанную кровью нить.

– Плети, – прошептал он, и руки Фаун начали тянуть, поворачивать, свивать.

– Ты перепугала меня до смерти, Искорка, но твоя идея сработала. Не останавливайся.

Фаун кивнула. И продолжала плести. Она изготовила тесьму примерно такой же длины, как первая, – как раз тогда, когда ее пальцы перестали кровоточить.

– Нетти. Твоя очередь.

Нетти снова наклонилась и ножницами обрезала нити за последним узлом. Даг почувствовал, как Дар Фаун оборвал свою связь с тесьмой, как это было и в предыдущий раз.

– Безупречно, – заверил он девушку. – Отсутствующие боги, как же здорово!

– Правда? – Фаун повернулась к нему, лицо ее было по-прежнему напряженным. – Я не почувствовала ничего. Ничего – оба раза. Так в самом деле получилось?

– Это было... Ты была... – Даг искал подходящие слова. – Твоя догадка была замечательной. Нет, более того. Она была блестящей.

Напряжение сменилось победным блеском в глазах Фаун.

– Так в самом деле?

– Я не сумел бы совершить такой умственный скачок.

– Ну конечно, ты не сумел бы. – Фаун шмыгнула носом. – Ты все старался меня оберегать, да еще и пытался спорить.

Даг обнял и встряхнул Фаун, чувствуя странную новую симпатию к ее родителям и их двусмысленной реакции на ее возвращение домой.

– Ты, наверное, права.

– Я несомненно права. – Фаун хихикнула, как и полагалось Искорке.

Даг отпустил ее и натянул на свою ноющую правую руку перевязь.

– Только умоляю тебя: сейчас же вымой пальцы. Не жалея мыла. Ты и представить себе не можешь, где только побывал этот крюк.

– Повсюду, ясное дело. – Фаун весело улыбнулась, погладила сплетенную ею тесьму и танцующим шагом отправилась на кухню.

Нетти наклонилась и с задумчивым видом тоже взяла в руки тесьму.

– Я не знал, что она такое сделает, – виновато пробормотал Даг.

– С ней никогда ничего заранее не знаешь, – ответила Нетти. – Она не даст тебе соскучиться, дозорный. Может быть, ты получишь больше, чем рассчитывал. Самое забавное, что ты думаешь, будто знаешь, что делаешь.

– Раньше так и было, – вздохнул Даг. – Может быть, дело в том, что до сих пор я делал все время одно и то же.

Фаун вернулась из кухни, ведя свою мать, чтобы показать ей свою работу. Даг надеялся, что ей она не стала рассказывать о последнем своем озарении насчет крови. Трил и Нетти еще раз ощупали тесьму, Трил подергала ее и глубокомысленно одобрила прочность. Выпрямившись во весь рост, мать Фаун запустила руку в карман своего фартука.

– Нетти, помнишь то ожерелье, что было у мамы? С шестью настоящими золотыми бусинами – по одной за каждого ребенка. Ожерелье порвалось, когда тележка опрокинулась в снегу, и все бусины тогда так и не нашлись.

– О да, – ответила ее сестра.

– Остатки ожерелья перешли ко мне, и я тоже ничего с ним не делала. Оно годы и годы хранилось у меня в ящике. Вот я и подумала: может быть, ты могла бы прикрепить бусины на концы тесьмы для Фаун.

Фаун в волнении заглянула в ладонь матери, взяла одну из четырех овальных золотых бусин и посмотрела сквозь дырочку.

– Нетти, сможешь? Даг, это не нарушит волшебства?

– Я думаю, что бусины – чудесный подарок, – ответил Даг, рассматривая ту, что вручила ему Фаун. На самом деле он думал, что подарок – это молитва матери о счастье дочери. Он посмотрел на Трил, которая только коротко кивнула ему. – Они замечательно красивы и будут чудесно выглядеть на темной тесьме, да и концы лягут лучше. Я сочту за честь принять такой подарок.

Бусины и тесьма были отданы в ловкие руки Нетти, и она быстро прикрепила бусины, превратив концы ниже узлов в бахрому. Когда она закончила, два браслета – один более темный, другой с медным отливом – легли ей на колени, как живые существа... которыми они в определенном смысле и были.

– Они будут хорошо выглядеть, когда Фаун отправится в твою страну, – сказала Трил. – Твои родичи узнают, что мы... что мы люди респектабельные. Правда, дозорный?

– Да, – ответил Даг, услышав в ее голосе мольбу и надеясь, что его ответ окажется правдив.

– Хорошо, – снова кивнула Трил.

Нетти завладела браслетами и убрала их – до послезавтра, когда она соединит ими эту невероятную пару. Скрепленная и получившая благословение, эта связь станет нерасторжимой, если оба сердца этого пожелают. Это был знак настоящего союза, который любой Страж Озера, обладающий Даром, не сможет не заметить. Браслеты были сделаны с верой, и Даг не сомневался, что будет помнить этот час до конца жизни, пока носит на руке тесьму с золотыми бусинами, будет помнить, как Искорка так самозабвенно оросила ее своей кровью.

«И если ее верное сердце остановится, я об этом узнаю».

18

«Один день», – была первая мысль Дага по пробуждении следующим утром.

Он ожидал, что канун свадьбы будет посвящен спокойным приготовлениям к небольшой семейной церемонии, что время, возможно, будет отведено для медитации с подобающей серьезностью перед тем шагом, который ему предстояло сделать, – и еще для того, чтобы заглушить тихий противный голосок, постоянно звучащий у него в сознании.

«Что ты делаешь? Как ты оказался в таком положении? Твои планы должны быть иными! Ты хоть имеешь представление, что случится, когда ты доберешься до дому?»

На последний вопрос достаточным ответом Дагу казалось простое «нет». Более

сложные вопросы вроде «Как ты собираешься защищать Фаун, когда не можешь защитить даже себя?» или «Что будет с детьми-полукровками?» он пытался прогнать, хотя последней мыслью всегда оказывалось «Будут ли они отверженными и несчастными?», которая возвращалась снова и снова.

Однако после завтрака на ферму Блуфилдов явились не две соседки – подружки Фаун, появления которых Даг смутно ожидал, а еще и пять сестер подружек, четыре невестки, несколько общих родственниц и неисчислимое множество матерей и бабушек. Они походили на стаю саранчи наоборот: принесли с собой невероятное количество еды и принялись наводить порядок. Они болтали, они смеялись, они пели, они – по крайней мере младшие – непрерывно хихикали, они заполонили весь дом.

Мужчины Блуфилды быстренько разбежались по дальним полям. Даг, пораженный увиденным, задержался – на время.

Представления молодым женщинам были не так уж тягостны, хотя по большей части те испуганно молчали или нервно улыбались. Самые смелые, впрочем, увидев, как помогает ему Фаун, тоже захотели принять в этом участие, и скоро Дагу пришлось уклоняться от того, чтобы его непрерывно кормили и поили, как какого-то странного ручного зверька. Откормленный как на убой, Даг старался не задумываться над происходящим. Потом еще одна хихикающая компания во главе с суровой матроной вместе с Фаун, которая отказалась что-либо объяснять, загнала Дага в угол и принялась измерять различные части его тела – к счастью для его убывающего самообладания, все же за одним исключением, – а потом, заливаясь смехом, удалилась. Рабочая комната Нетти, обычно бывавшая тихим убежищем, оказалась полна гостей, а кухня, кроме того, стала еще и невыносимо жаркой из-за непрерывной готовки. К полудню Даг последовал примеру остальных мужчин и отправился в добровольное изгнание, хотя оставался достаточно близко к дому, чтобы слышать песни, долетавшие сквозь открытые окна. В отсутствие мужчин некоторые песенки, что неудивительно, стали довольно игривыми: в конце концов, шла подготовка к свадьбе. Даг порадовался, что странный выбор супруга не лишил Фаун этих удовольствий.

К ужину женщины разошлись, хотя и намеревались вернуться утром для окончательных приготовлений; только после того как все поднялись из-за стола, Даг нашел время для размышлений. Он в одиночестве уселся на крыльце, свесив ноги вниз и глядя на тихую речную долину, сменившую золотисто-зеленый цвет на тускло-серый после того, как солнце село. На крыше старого амбара мягкие бурые горлицы печально перекликались своими мягкими бурными голосами. Этот вид нравился Дагу больше всего на ферме, и он подумал, что тот, кто строил этот дом, должно быть, разделял его чувства. Даг испытывал странную неуверенность: все его прежние опоры разрушились, а новых не появилось. За исключением Искорки. Но и она едва ли могла стать неподвижной осью его вращающегося мира – она слишком быстро для этого двигалась, и Даг опасался, что потеряет ее, если моргнет.

Он заметил Раша, идущего в сгущающихся сумерках по тропинке. После случая с чашей близнецы перестали донимать Дага колкостями, но только потому, что старались не разговаривать с ним вообще. Если уж с ними нельзя подружиться, может быть, стоит припугнуть? Вит, напротив, казался зачарованным Дагом и всюду ходил за ним, словно опасаясь пропустить новую демонстрацию магии. Даг старался обходиться с ним, как с особенно беспомощным молодым дозорным, и это, похоже, давало плоды. Не будь его рука сломана, Даг мог бы предложить научить Вита стрельбе из лука, что было бы хорошим способом дружески сблизиться с ним. Теперь же его устные рекомендации заставили Вита с удивившей Дага покладистостью сказать: «Может быть, покажешь, когда вернешься».

Это заставило Дага задуматься о том, вернутся ли они с Фаун когда-нибудь. Первоначальные намерения Дага, когда он предложил жениться на Фаун, заключались в том, чтобы восстановить ее связи с семьей на случай отчаянной нужды – говоря откровенно, на случай его смерти. Страж Озера попытался бы войти в семью жены, стать новым братом по шатру; семейство жены, в свою очередь, ожидало бы, что так и случится. Крестьяне

принимали в семью новых сестер, а не новых братьев, и не были привычны к противному. Дагу потребовалось некоторое время, чтобы понять: единственные члены семьи, которым он должен угодить, чтобы получить Фаун, – это старшие, которые в любом случае ожидали, что рано или поздно кто-нибудь ее уведет. Принятие предложения Дага в этом смысле было натяжкой, но не обращением обычая вспять. Возвращение Дага к собственному народу ставило перед ним трудноразрешимые вопросы, особенно трудноразрешимые потому, что о большинстве из них Фаун и не подозревала.

На тропинке снова показался Раш... Заметив Дага на крыльце, он свернул на лужайку между домом и старым амбаром – травянистое пространство, куда иногда загоняли овец попасись. Трава, которую не съедали овцы, раз в год скашивалась, чтобы лужайка не заросла лесом, который мог бы закрыть вид на реку. Когда Раш приблизился, Даг почувствовал в нем напряжение и решил шире открыть свой Дар, хоть и предчувствовал, что результат окажется неприятным.

– Эй, дозорный, – окликнул его Раш, – ты нужен Фаун. Она у дороги, там, где кончается тропинка.

Даг заморгал, чтобы скрыть тот факт, что только что с помощью Дара оглядел все окрестности. Фаун, как он сразу же определил, находилась вовсе не на тропинке, а почти за пределами его восприятия, на вершине холма. И не одна, а, кажется, с Ридом. Впрочем, ее положение не было затруднительным. Так почему же Раш лжет? Ах... Лес у подножия холма не был безлюдным. Среди деревьев у дороги Даг обнаружил четыре смутных пятна – лошадей, по-видимому, привязанных. С ними находились четверо людей. Трех Даг не знал, но Дар четвертого был ему знаком – он узнал Идиота Санни. Так ли уж трудно предположить, что и остальные – крепкие деревенские парни? Даг не сомневался, что так оно и есть.

– Она сказала, зачем я ей нужен? – спросил Даг, чтобы выиграть немного времени на размышления.

Раш дважды вдохнул и выдохнул воздух, придумывая ответ. Он явно ожидал, что Даг сразу кинется на зов.

– Что-то связанное со свадьбой, – наконец ответил он. – Она не сказала зачем, но ты ей нужен прямо сейчас.

Даг почесал висок крюком, радуясь тому, что по глубоко укоренившейся привычке ни с кем, за исключением Фаун и Нетти, не делился сведениями о возможностях Стражей Озера. В результате в этой игре он на один ход опережал своих противников и теперь прикидывал, как не потерять это преимущество, подозревая, что оно у него единственное. Было бы занятно просто остаться сидеть и посмотреть, как Раш будет увязать все глубже, отчаянно придумывая причины, по которым Даг должен был бы спуститься с холма и попасть в ожидающую его засаду. Однако это означало бы, что вся компания будет рыскать вокруг, придумывая новые планы. Как бы ни мало желания испытывал Даг разбираться со злоумышленниками сейчас, еще меньше хотелось ему заниматься этим утром, и уж совсем не хотелось ему, чтобы в неприятности оказалась втянута Фаун, о чем, похоже, ее братья-враги как раз и позаботились. Что ж...

Даг послал свой Дар в лес у подножия холма, который за последние дни он несколько раз обошел пешком, высматривая... Да. Именно это. Прилив – не возбуждения, а очень специфического спокойствия, которое охватывало его в схватке с разбойниками или вблизи логова Злого – рывком переключил его рассудок на другой уровень. Ах, мишени... Он знал, что делать с мишенями. Но будут ли мишени знать, что делать с ним? Даг оскалил зубы. Если нет, он их научит.

– Э-э... Даг... – неуверенно пробормотал Раш.

У Дага не было с собой боевого ножа. Это оказалось и к лучшему: не будет отвлечения, все равно у него нет здоровой руки, чтобы им орудовать. Даг поднялся и размял левую руку.

– Ну конечно, Раш. Где, ты сказал, она ждет?

– У дороги, – ответил Раш, одновременно испытывая и облегчение, и испуг.

Отсутствующие боги, ну и плохой же из мальчишки лжец... Что ж, в целом это очко в его пользу.

– Ты идешь со мной, Раш?

– Через минутку. Ты иди вперед. Мне нужно кое-что взять из дому.

– Хорошо, – дружелюбно кивнул Даг и двинулся вниз с холма к тропинке. Пройдя несколько сотен шагов, он свернул в лес, намечая более подходящий маршрут. Ему нужно было застать врасплох тех, кто устроил ему засаду, подойдя к ним с правильной стороны. Даг задумался о том, как быстро парни смогут бежать: его ноги были длинными, но их – молодыми. Лучше не подпускать их слишком близко.

«Мари прибила бы меня за такой дурацкий трюк». Эта мысль оказалась странно успокаивающей. Как все знакомо.....

Даг крался вниз по склону холма, пока не оказался футах в пятнадцати позади четверых парней, прячущихся в тени деревьев, глядя на тропинку.

«Похоже, Санни запомнил мой совет».

Сумерки еще не сгустились; в темноте Дар дал бы Дагу существенное преимущество, но он хотел, чтобы намеченные жертвы видели его.

– Добрый вечер, ребята, – сказал он. – Ищете меня?

Парни подскочили и обернулись. Золотая голова Санни сияла даже в тени деревьев. Остальные были не такие заметные – один сутулый, другой – такой же мускулистый, как Санни, третий – тощий; все – достаточно молодые, чтобы наделать глупостей, и достаточно большие, чтобы быть опасными. Неприятное сочетание... Трое были вооружены дубинками, к которым Даг теперь относился с новым уважением. У Санни имелась и палка, и большой охотничий нож – в ножнах на поясе. Пока...

Санни первым пришел в себя и прорычал:

– Привет, дозорный. Позволь сказать тебе, что тебя ждет. – Даг склонил голову к плечу, притворяясь заинтересованным. – Ты здесь не нужен. Через несколько минут Раш приведет твоего коня и притащит имущество, и ты отправишься на север. И обратно не вернешься.

– Ну и ну! – поразился Даг. – И как же, ты думаешь, тебе удастся меня заставить, сынок?

– Если не уберешься, мы тебя поколотим, а потом привяжем к коню, так что ты все равно отправишься на север. Только лишившись зубов. – Белозубая улыбка Санни блеснула в темноте, словно для того, чтобы подчеркнуть угрозу. Его приятели зашевелились, испытывая слишком сильное напряжение и беспокойство, чтобы присоединиться к его веселью, хотя один натужно рассмеялся, чтобы показать Санни свою поддержку.

– Не хотел бы тыкать вас носом, но все же я вижу в вашем плане некоторые прорехи. Во-первых, явное отсутствие коня. Полагаю, Раш встретится с некоторыми трудностями, пытаясь управиться с Копперхедом. – Даг позволил своему Дару на мгновение переключиться. В старом амбаре у Раша действительно начинались трудности. Даг решил, что не может отвлекаться на то, чтобы управлять конем на таком расстоянии, и разорвал связь. Он ведь сообщил всем членам семьи, в присутствии Соррела и Трил, что нельзя подходить к Копперхеду, если его нет рядом. Раш сам решил свою судьбу. Даг постарался не усмехнуться слишком уж откровенно.

– С твоей лошадей, дозорный, может управляться Фаун.

– Она-то может. Только вы, знаете ли, послали Раша. Вам не повезло.

– Тогда ты можешь отправиться пешком.

– После того как вы меня поколотите? Вы преувеличиваете мою выносливость. – Голос Дага стал мягким. – Думаете, вы вчетвером сможете со мной справиться?

Парни посмотрели на его перевязь, на изувеченную левую руку и переглянулись. Даг почувствовал себя польщенным тем, что они не расхохотались. Он-то думал, что они посмеются, но не стал говорить об этом. Более того: сутулый даже смутился. Санни, конечно, был более решителен. Охотничий нож явно появился неспроста.

– Ладно, чтобы вы поняли: я отклоняю ваше приглашение. Мне совсем не хочется

пропустить собственную свадьбу. Правда, дело выглядит так, что на вашей стороне численное превосходство. Готовы ли вы меня сегодня убить? Сколько из вас готовы умереть ради этого? Вы подумали о том, как ваши родители и близкие будут чувствовать себя завтра? Как те, кто останется в живых, смогут объяснить им то, что произошло? Убийство – гораздо более грязная работа, чем вы думаете, и все не кончается тем, чтобы закопать трупы. Я говорю это на основании большого опыта.

Даг почувствовал, что должен остановиться; судя по выражению лиц парней, по крайней мере до двоих его слова начали доходить, хоть такое и не было его целью, когда он затеял всю эту болтовню. План игры был иным: бегство и преследование. К счастью, Санни и его мускулистый дружок начали подкрадываться к нему, разойдясь в стороны, чтобы удобнее было кинуться на Дага. Чтобы поощрить их, Даг начал пятиться и крикнул: «Неудивительно, что Фаун зовет тебя Идиотом Санни».

Санни резко вскинул голову. Со стороны его приятелей донесся приглушенный гогот. Санни кинул на них яростный взгляд и бросил Дагу:

– Фаун – шлюха. И ты знаешь это. Не так ли, дозорный?

«Что ж, этого достаточно!»

– Вам придется сначала поймать меня, мальчуганы. Если ноги у вас работают так же медленно, как и мозги, проблем у меня не возникнет...

Санни кинулся вперед, его палка свистнула в воздухе, но Дага уже не было там, куда Санни целился.

Длинные ноги Дага несли его вверх по склону; он обегал деревья, его сапоги скользили на опавшей дистве, на влажных камнях, на зелено-черном мхе вокруг стволов. Судя по болезненному кряхтению, по крайней мере один из преследователей обнаружил, что опору для ног найти нелегко. Даг на самом деле не хотел, чтобы парни потеряли его в лесу, но ему нужно было оторваться от них достаточно далеко к тому моменту, когда он доберется...

Вот сюда.

Ах...

Выбранное им дерево оказалось карией со стволом толщиной фута в полтора, не имевшей сучьев до двадцатифутовой высоты. Оно предоставляло Дагу определенное преимущество, но и грозило опасностью. Если ему удастся влезть на дерево, это, несомненно, послужит вызовом для парней... Даг высвободил правую руку из перевязи, чтобы она не мешала, потянулся вверх левой, вонзил крюк в дерево, обхватил ствол коленями и стал карабкаться. Опять выбросил вверх крюк, вонзил его, подтянулся. Снова. И снова. Он был уже на высоте футов пятнадцати, когда погоня добралась до дерева; парни запыхались, сыпали ругательствами и размахивали дубинками. Даг задумчиво прикинул, подтягиваясь вверх, что даже если не обращать внимания на рвущую боль в левом плече, небольшой кусок дерева и удерживающие его ремни едва ли долго будут выдерживать его вес. Грубая кора трещала и осыпалась, когда он стискивал ствол коленями, опадая вниз ароматным дождем. Если крюк не выдержит, жесткие зубчатые края коры произведут интересный эффект, скользя между его ног...

Даг добрался до первой толстой ветки, перекинул через нее руку и ногу и выпрямился, высматривая то, что ему нужно.

«Отсутствующие боги, еще целых пятнадцать футов...»

Что ж, надо лезть.

Сухая ветка обломилась под ногой Дага, но это отчасти даже пошло на пользу: он сумел уронить ее на запрокинутое лицо тощего парня, которого приятели подсаживали на дерево. Мальчишка вскрикнул и свалился вниз; на некоторое время преследователи прекратили попытки добраться до Дага. Ему этого времени вполне хватило.

К полному удовлетворению Дага, мимо просвистел камень, потом другой. «Ай!» – весьма реалистично вскрикнул он, чтобы поощрить противников. Взлетело и упало еще несколько камней, за чем последовал увесистый удар и вполне настоящее «ай» снизу. Даг позаботился о том, чтобы парни слышали его злорадный смех, хоть сам он к этому моменту

пыхтел, как кузнечные мехи.

Почти у цели. Отсутствующие боги, эта штука почти на середине ветки... Даг вытянулся вдоль нее, почти лежа и опираясь ногами на качающийся сук ниже; едва ли не в первый раз в жизни он хотел бы быть выше ростом. Потерять равновесие на такой высоте... так можно быстро сделаться еще глупее, чем Идиот Санни. Ну, еще чуть-чуть! Зацепиться крюком вон за тот сучок... а теперь хорошенько дернуть.

Даг крепко вцепился в дерево, когда серое, словно сделанное из бумаги осиное гнездо размером с арбуз отделилось от ветки и начало свое падение с высоты тридцати пяти футов. С наступлением вечера большинство ос уже вернулись в гнездо, как сообщил Дагу его Дар, и устраивались на ночь.

«Проснитесь! На вас напали!»

Слабая попытка Дага расшевелить ос своим Даром была, по-видимому, излишней: когда падающий шар коснулся земли, раздался громкий и вполне удовлетворительный хлопок; за ним последовало низкое сердитое гудение, которое было хорошо слышно даже там, где находился Даг.

Первые вопли оказались еще более громкими и удовлетворительными.

Даг устроился поудобнее, упершись ногами в надежные сучья, и принялся за некоторые усовершенствования процесса. Заставить разъяренных ос забираться в штанины и за воротники оказалось не так трудно, как опасался Даг, хоть он и не мог просто швырять ос, как moskitov, и не мог рассчитывать на их покладистость, как в случае светлячков. Впрочем, все достигается практикой, решил Даг. Он добросовестно принялся за дело.

– Ой! Ой! Они у меня в волосах, в волосах, и жалят! – донесся снизу жалобный вопль; голос был слишком высоким, чтобы Даг мог его опознать.

– Ай, мои уши! Ух, мои руки! Отгони их! Отгони их!

– Беги к реке, Санни!

До Дага сквозь листья долетели шаркающие шаги отступающих противников; беспорядочное бегство едва ли могло им особенно помочь, поскольку Даг позаботился о том, чтобы их сопровождал почетный эскорт. Даже без помощи Дара Даг мог узнать, когда посланные им путешественники по штанам добирались до цели: оглушительные вопли звучали до тех пор, пока у страдалцев был воздух в легких.

– Хромай к реке, Санни, – яростно бросил Даг вслед удаляющимся к востоку отчаянным крикам.

Теперь пришла очередь подумать о том, как спуститься.

Даг двигался медленно, по крайней мере пока в десяти футах от земли его крюк не соскользнул; крюк прочертил длинную царапину по коре, а колени Дага сорвали с дерева большие куски коры. Впрочем, Дагу удалось приземлиться на ноги и не особенно ушибить сломанную руку. Шатаясь и ловя ртом воздух, он выпрямился.

– Было бы гораздо проще... если бы можно было просто... выпустить им кишки.

Нет. На самом деле не так.

Даг вздохнул и постарался, насколько возможно, привести себя в порядок, стряхнув с одежды и волос кору, сучки и листья обратной стороной крюка и с облегчением надев на сломанную руку перевязь. Несколько отставших ос жужжали поблизости, высматривая врагов; Даг направил их к товаркам по гнезду, а сам спустился по склону туда, где были привязаны лошади.

Он распутал поводья и сделал все, что мог, чтобы кони не споткнулись о них, потом вывел на дорогу и направил к югу, постаравшись вложить в их ограниченные головы представления о конюшнях и кормушках с овсом. Если лошади сами не найдут дорогу, Санни и его приятелям придется изрядно потрудиться в следующие дни, чтобы найти беглянок – конечно, после того как они смогут извлечь свои распухшие тела из постелей. Парочка забияк, включая Санни – на его счет Даг был совершенно уверен, – определенно не захочет появляться сегодня ночью на ферме Блуфилдов... да и во многие будущие ночи тоже.

Когда Даг устало выбрался на тропинку, он повстречал торопящегося навстречу

Соррела. Тот сжимал в руках вилы и выглядел ужасно встревоженным.

– Что, черт возьми, это были за ужасные крики, дозорный?

– Какие-то молодые дураки забрались в твой лес и решили, что будет здорово покидать камни в осиное гнездо. Все получилось не так, как они рассчитывали.

Соррел фыркнул, наполовину насмешливо, наполовину досадливо; напряжение покинуло его.

– В самом деле?

– Думаю, что лучше всего так и рассказывать. Соррел тихонько зарычал, неожиданно напомнив Дагу Фаун.

– Ясное дело, тут есть что-то еще. Ты приложил руку, верно? – Он повернулся и зашагал обратно плечом к плечу с Дагом.

– В этой части – да. – Даг снова воспользовался Даром, чтобы заглянуть в старый амбар. Его будущий деверь был еще жив, хотя его Дар в данный момент был в состоянии крайнего волнения. – Но есть и другая часть, и с ней, думаю, следует разобраться тебе, а не мне. – Не годилось командиру одного отряда наказывать подчиненных другого. С другой стороны, взаимодействие иногда оказывалось удивительно эффективным. – Хотя, пожалуй, мы доберемся до сути быстрее, если ты пожелаешь выслушать некоторые мои соображения.

– Насчет чего?

– В данном случае насчет Раша и Рида.

Соррел пробормотал что-то о том, что готов стукнуть эти дурацкие головы друг о друга, а потом спросил:

– Так что с ними?

– Думаю, стоит позволить Рашу самому все рассказать. А потом мы посмотрим.

– Гм-м, – с сомнением протянул Соррел, но последовал за Дагом, когда тот свернул к старому амбару.

Дверь, выходящая к тропинке, была открыта, и изнутри лился мягкий желтый свет масляной лампы, которая висела на гвозде на балке. Грейс, находившаяся в ближайшем к двери стойле, при виде Соррела и Дага беспокойно зафыркала. В проходе с утоптаным земляным полом пахло лошадьми, сеном, навозом и пометом горлиц. Из стойла Копперхеда донесся разъяренный визг. Даг положил руку на плечо Соррела, когда тот рванулся вперед.

– Подожди, – выдохнул он.

Дагу было трудно громко не рассмеяться при виде открывшейся им сцены, хотя сохранить серьезность ему помогло зрелище его имущества, разбросанного по полу стойла и изрядно пострадавшего от копыт Копперхеда. На дальней стороне стойла из досок было сколочено грубое подобие кормушки, а над ней в потолке вырезано квадратное отверстие, через которое вниз сбрасывали сено с чердака. Хотя дырка была достаточно велика для охапки сена, Рашу оказалось трудно просунуть в нее свои широкие плечи. Когда в амбар вошли Соррел и Даг, Раш, используя кормушку как что-то вроде лестницы, просунул в дырку обе руки и одну ногу и неуклюже извивался, пытаясь не дать шелкающим желтым зубам Копперхеда добраться до других частей своего тела. Мерин, прижав уши и вытянув шею, снова взвизгнул и щелкнул зубами, явно испытывая злобное удовольствие от того, что заставляет Раша все отчаяннее биться.

– Дозорный! – закричал Раш, увидев пришедших рядом со стенкой стойла. – Помогите мне! Отзови своего коня!

Соррел бросил на Дага встревоженный взгляд; тот слегка покачал головой, положил руки на перегородку и удобно расположился рядом с ней.

– Как же, Раш, – любезно обратился он к парню, – я ясно помню, что говорил тебе и твоим братьям, что Копперхед – боевой конь и соваться к нему не следует. Ты ведь помнишь это, Соррел?

– Да, помню, дозорный, – ответил тот, подражая спокойному тону Дага, и тоже положил локти на перегородку.

– Я знаю, ты его заколдовал! Убери его от меня!

– Ну, это мы еще посмотрим. А вот что мне ужасно хотелось бы узнать, это как ты оказался в стойле Копперхеда без моего разрешения, да еще и с моими седельными сумками и всем имуществом, которое я оставлял в рабочей комнате тетушки Нетти. Думаю, твой папа тоже хотел бы услышать всю историю. – На этом Даг умолк.

Молчание длилось долго. Раш осторожно попытался прыгнуть вниз. Разозленный Копперхед взбрыкнул копытами, щелкнул зубами и издал весьма странный звук – что-то среднее между визгом пилы и лошадиным смехом, подумал Даг. Раш поспешно поджал ногу.

– Твоя скотина напала на меня! – пожаловался Раш. Его рубашка была разорвана на плече, и сквозь дыру была видна кровь, но по тому, как Раш двигался, Даг заключил, что у того ничего не сломано.

– Да ну, – протянул Даг издевательски успокаивающим тоном, – это всего лишь любовное покусывание. Если бы Копперхед действительно накинута на тебя, ты был бы там, а твоя рука – тут. Это я говорю на основании опыта.

Глаза Раша расширились, когда до него дошло, что если ему нужно сочувствие, то он обратился не в ту лавку и не с той монетой.

Даг еще какое-то время помолчал.

– Что ты хочешь узнать? – наконец угрюмо спросил Раш.

– Не сомневаюсь, что ты что-нибудь придумаешь, – протянул Даг.

– Па, заставь его освободить меня!

Соррел раздраженно вздохнул.

– Знаешь, Раш, мне случалось вытаскивать вас с братом из колодцев, которые вы сами выкапывали, когда были помладше, потому что каждый мальчишка должен совершить свою долю глупостей. Но ведь вы оба так любите говорить мне, что больше не мальчишки. Вот мне и кажется, что туда ты залез сам. Значит, сам сможешь и вылезти.

Это неожиданное родительское предательство заставило Раша растеряться. Он начал бормотать что-то о том, что попал в переделку, выполняя какое-то воображаемое поручение Фаун.

Даг снова взглянул на Соррела и покачал головой. Тот выглядел все более мрачным.

– Нет, – скучающим тоном прервал Раша Даг. – Это все не то. Подумай получше, Раш. – Помолчав, он добавил: – Мне следует также сообщить тебе, наверное, что Санни Сомен и его три здоровенных дружка сейчас по реке возвращаются в Вест-Блу. Под наблюдением и по большей части под водой. Не думаю, что они объявятся в течение нескольких дней.

– Как тебе удалось... Я не знаю, о чем ты говоришь!

Даг промолчал.

Раш поинтересовался, сильно сбавив тон:

– С ними все в порядке?

– В живых они останутся, – безразлично ответил Даг. – Не забудь потом меня поблагодарить за это.

После еще пары неудачных попыток что-то придумать Раш наконец начал признаваться. Даг услышал то, что более или менее ожидал услышать, – рассказ о заговоре, составленном в трактире, и о мальчишеской бравате. По версии Раша заводилой был Рид, благородно возмущенный мыслью о том, что его единственная сестра выйдет замуж за Стража Озера, пожирателя трупов, и сделает его деверем этого чудовища. Собственные резоны Раша утонули в невнятной бормотании. Даг не был уверен, правдивое ли это признание или Раш просто перекладывает вину на другого, да его это и не очень интересовало: и так было ясно, что замешаны оба близнеца. Они нашли подозрительно восторженного помощника в Санни, все лето занимавшегося корчеванием пней и теперь рвущегося поиграть мускулами. Дага не удивило, что Санни предпочел не рассказывать близнецам о своей предыдущей стычке с ним. Даг тоже решил этого не касаться. Лицо Соррела становилось все мрачнее и мрачнее.

Наконец Раш, заикаясь, закончил рассказ. В теплом амбаре воцарилась холодная тишина. Раш уже с трудом держался в дыре и начал съезжать вниз; Копперхед снова кинулся

на него. Раш вцепился в доски потолка, цепляясь за них, как опоссум за ветку. Даг видел, как трясутся его руки.

– Ну а теперь, Раш, – сказал Даг, – я расскажу тебе, что будет дальше. Я в общем-то готов простить и забыть твоё братское намерение изувечить меня, а то и убить и похоронить в лесу твоего папы накануне моей свадьбы. В том, что ты был готов подвергнуть опасности жизнь своих друзей – потому что я под угрозой смерти не стал бы стесняться, защищаясь, – разбирайтесь между собой вы с твоим отцом. Я даже готов простить то, что ты мне лгал. – Голос Дага стал таким смертельно спокойным, что Соррел в панике отвел глаза. – Чего я тебе не прошу, так это того зла, которое твоя ложь должна была причинить Фаун. Вы планировали, что она, радостная, проснется в день своей свадьбы и узнает, что я ночью смылся; вы хотели заставить её чувствовать себя опозоренной и преданной, хотели унижить её перед её друзьями и родичами – хотя я думаю, что реакция Фаун могла бы вас удивить. – Даг искоса взглянул на папу Блуфилда. – Тебе нравится такая картинка, Соррел? Нет? Это хорошо. – Даг сделал глубокий вдох. – По каким бы причинам ваши родители ни терпели те издевательства, которым вы подвергали свою сестру в прошлом, с завтрашнего дня все это прекратится. Ты говоришь, Рид боится меня? Так вот, он боится недостаточно. Если один из вас завтра хоть раз бросит на Фаун косой взгляд, я позабочусь о том, чтобы вы жалели об этом до конца жизни. Ты слышишь меня, Раш? Посмотри на меня. – Таким голосом Даг не пользовался с тех пор, как был капитаном эскадрона. Он порадовался, обнаружив, что, это все еще работает: Раш чуть не свалился со своего наместа, Копперхед заржал, и даже Соррел попятился. – Ты слышишь меня? – прошипел Даг.

Раш отчаянно закивал.

– Хорошо. Я надену на Копперхеда недоуздок, и ты сможешь слезть оттуда. После этого ты подберешь все мое имущество и отнесешь туда, откуда взял. То, что сломано, вы с братом почините, то, что перепачкано навозом, – вычистите; это занятие убережет вас от других неприятностей сегодня вечером. То, что нельзя починить, вы замените, о том, что заменить нельзя, договоритесь со своим отцом.

– Ты слышал дозорного, Раш, – прорычал Соррел по-родительски. Даг подумал, что такой тон почти не уступает капитанскому голосу.

Даг направил свой Дар на коня – знакомое, давно освоенное дело: с этим мерином он мучился уже восемь лет. Разочарованный тем, что у него отобрали игрушку, Копперхед опустил голову и начал подбирать с пола сено, притворившись, что ничего и не случилось. Даг подумал, что в этом конь похож на Раша.

– Можешь слезать, – сказал он парню.

– Он же не привязан, – нервно возразил Раш.

– Теперь привязан, – ответил Даг. Брови Соррела поползли вверх, но он промолчал. Раш осторожно слез вниз. Покраснев и боязливо оглядываясь на Копперхеда, он начал собирать с пола расшвырянное имущество Дага: одежду из седельных сумок, порванное одеяло, побитое седло, грязную попону. Специальный лук Дага, отброшенный в угол, не пострадал, и только радость по этому поводу удерживала Дага от бешеной ярости – и еще то, что он старался не думать об Искорке. Однако подумать об Искорке было нужно.

– А теперь, – сказал Даг, закрыв ворота стойла, когда Раш, нагрузившись, вышел оттуда и очень осторожно опустил перепутанное имущество Дага на пол, – мы должны заняться другим вопросом. Что, по-вашему, я должен сказать Фаун?

В амбаре и так было тихо, теперь же стало тихо, как в могиле.

Соррел скривился и обеспокоенно пробормотал:

– Мне кажется, её рассказ о случившемся расстроит не меньше, чем само происшествие. Я имею в виду – что касается Рида и Раша, – добавил он, явно представив себе, как Фаун рыдает над изувеченным трупом Дага; Даг тоже об этом подумал. Раш, лицо которого до этого было красным, теперь побледнел.

– Вот и мне так кажется, – сказал Даг. – Дело в том, что правду о случившемся сегодня вечером знают восемь человек. Конечно, четверо будут врать, когда притащатся домой, хотя

сомневаюсь, что им хватит сообразительности врать одинаково. Какие-то слухи все равно поползут. – Даг позволил обоим Блуфилдам представить себе отвратительную картину, потом сказал: – Я не приятель Рашу и Риду, хоть и должен бы им быть. Обманывать Фаун ради них я не стану. Но на одно я соглашусь: я не буду говорить первым.

Соррел выслушал это с невыразительным лицом, явно погруженный в мысли о том, какие семейные неприятности его ждут, потом коротко кивнул:

– Так будет справедливо, дозорный.

Даг с помощью Дара быстро осмотрел окрестности, хотя соседство двух потрясенных Блуфилдов и делало это болезненным.

– Рид возвращается домой вместе с Фаун. Предпочитаю оставить разбираться с ним тебя, Соррел.

– Пришли его сюда, в амбар, – сквозь зубы бросил папа Блуфилд.

– Хорошо, сэр. – Даг кивнул вместо своего обычного военного приветствия.

– Спасибо, сэр, – кивнул в ответ Соррел.

Фаун вернулась в кухню, злясь на Рида за то, что он вытащил ее из дома в темноте, и зажгла несколько огарков свечей, чтобы и осветить помещение, и улучшить собственное настроение. Этому еще больше помогли шаги Дага, донесшиеся из холла. Рид, который зачем-то нырнул в рабочую комнату Нетти, вышел оттуда с непонятно отчего торжествующей улыбкой на лице. Фаун уже собиралась спросить, чему он так радуется, когда неожиданно довольное выражение сбежало с лица Рида при виде входящего в кухню Дага. Фаун подавила раздражение, которое вызвал у нее брат: у нее имелись гораздо более приятные занятия, чем выяснение отношений с Ридом. Первым в списке этих приятных занятий значилось радостное приветствие Дагу.

Даг в ответ быстро обнял ее левой рукой и повернулся к Риду.

– Ах, Рид... Твой папа хочет видеть тебя в старом амбаре. Немедленно.

Рид посмотрел на Дага так, словно тот был ядовитой змеей, неожиданно оказавшейся там, куда Рид собирался положить руку.

– Зачем? – с подозрением спросил он.

– По – моему, они с Рашем многое хотят тебе сказать. – Даг склонил голову к плечу и улыбнулся Риду. Фаун решила, что никогда еще не видела менее дружелюбной улыбки. Рид в ответ открыл было рот, но спорить не стал; к облегчению Фаун, он просто вышел из кухни. Она услышала, как за ним хлопнула передняя дверь.

Фаун откинула со лба свои непослушные кудри.

– Куда это вы вдвоем ходили? – спросил Даг.

– Он зачем-то потащил меня на дальнее пастбище, чтобы помочь освободить теленка, застрявшего между жердями изгороди. Только к тому времени, когда мы туда добрались, этот глупыш высвободился уже сам. Я ничего не имела против прогулки, только у меня столько еще дел! – Фаун отстранилась и оглядела Дага с ног до головы. Он часто бывал не особенно опрятен, но сейчас выглядел просто помятым. – Удалось тебе спокойно поразмыслить?

– Да, я провел очень много объяснивший час. И не без пользы, я надеюсь.

– Знаю я тебя! Держу пари: ты просто не способен посидеть спокойно. – Фаун отряхнула несколько кусочков коры и листья, приставшие к его рубашке, и недовольно отметила новую прореху в его штанах на колене; штаны были испачканы кровью там, где колено было поцарапано. – Шатался по лесу, конечно. Клянусь, ты столько ходил, что забыл, как остановиться. Уж не на деревья ли ты лазил?

– Всего на одно.

– Что за глупость – со сломанной-то рукой! – ласково принялась отчитывать Дага Фаун.

– Ты хоть не свалился?

– Нет.

– Благодарение богам! Ты должен быть осторожнее. Надо же, лазить по деревьям! Я-то

думала, что предполагаю такое в шутку. Хочу, чтобы ты знал: мне нужен неполоманный жених.

– Я знаю, – улыбнулся Даг и огляделся. Фаун только теперь осознала, что они каким-то чудесным образом оказались наедине. Даг, похоже, подумал об этом одновременно с ней: он уселся в большое деревянное кресло у очага и привлек к себе Фаун. Девушка радостно взобралась к нему на колени и подняла голову, ожидая поцелуя. Поцелуй получился страстным, и оба ловили ртами воздух, когда их губы оторвались друг от друга.

– Им не удастся, – ворчливо сказала Фаун, – еще долго держать нас порознь.

– Нас не растащат, даже если привяжут к диким коням, – согласился Даг. Глаза его блестели, но улыбка стала серьезной.

– Ты уже решила, где хочешь провести завтрашнюю ночь? Уедем или останемся?

Фаун вздохнула и выпрямилась.

– А ты что предпочитаешь?

Даг губами отвел локоны со лба Фаун – прикоснуться к ее лицу свои крюком он не любил. Это превратилось в ряд поцелуев, которыми он покрыл ее брови. Потом Даг задумчиво откинулся в кресле.

– Здесь нам будет физически легче. До лагеря Хикори за день мы не доберемся, не говоря уже о двух часах завтра вечером. Если мы разобьем в пути лагерь, тебе придется все делать самой.

– Я не возражаю против работы, – вскинула голову Фаун.

– Дело вот в чем. Мы будем не просто заниматься любовью, мы будем творить воспоминания. Завтра такой день, который будешь помнить всю жизнь, даже когда другие дни забудутся. Так что настоящий вопрос, и единственно важный, заключается вот в чем: какие воспоминания ты хочешь унести в будущее?

В нем говорит опыт, подумала Фаун. Лучше к нему прислушаться.

– По крестьянскому обычаю молодожены отправляются в свой новый дом, чтобы спать под новой крышей. Вечеринка все равно продолжается. Если мы останемся, клянусь, дело кончится тем, что я до полуночи буду мыть посуду, чем мне вовсе не хотелось бы заниматься этой ночью.

– У меня нет дома, куда я мог бы тебя увезти. У меня с собой нет даже шатра. Так что тебя ждет крыша из звезд, если не крыша из дождевых облаков.

– На дождь не похоже. Обычно в это время года три-четыре дня держится чудесная ясная погода. Признаю, я предпочитаю комнату на постоялом дворе ночлегу в поле, но по крайней мере с тобой можно не бояться moskitov.

– Думаю, нам удастся устроиться лучше, чем в поле.

Фаун, обдумывая его слова, сказала серьезно:

– Этот дом для меня под завязку полон воспоминаний. Некоторые из них приятные, но многие мучительны, а мучительные воспоминания имеют привычку являться первыми. И еще: этот дом будет полон моих родственников. Завтра ночью я предпочла бы быть в месте, не связанном ни с какими воспоминаниями. – «И где не будет моего семейства».

Даг склонил голову, показывая, что понял.

– Так мы тогда и сделаем.

Фаун решительно выпрямилась.

– Кроме того, я выхожу за дозорного. В походном стиле нам и следует жить. Одеяло под звездами – это будет правильно. – Она ухмыльнулась, поцеловала Дага в шею и игриво прошептала: – Мы могли бы выкупаться в реке...

Даг выглядел вполне готовым поддаться соблазну; в углах его глаз появились морщинки, которые Фаун так любила.

– Искupаться в реке всегда хорошо. Чистый дозорный – это...

– Очень необычно? – предположила Фаун. И еще она очень любила, когда в его груди отдавался глубокий смех.

– Это счастливый дозорный, – твердо закончил Даг.

– Мы будем собирать дрова, – продолжала Фаун, и уголки ее губ поползли вверх. Его губы были заняты другим. Сквозь поцелуй Даг пробормотал:
– Разведем большой, большой костер.
– Найдем шумных белок...
– Эти белки – просто наказание. – Даг посмотрел на Фаун, и она удивилась: как ему удастся фокусировать взгляд на таком близком расстоянии? – Если их будет целых три... Ты оптимистка, Искорка.

Фаун хихикнула, радуясь, что у него так блестят глаза. Даг показался ей таким печальным, когда вернулся...

К огорчению Фаун, на лестнице раздались тяжелые шаги. Приближался не то Флетч, не то Вит. Фаун вздохнула и выпрямилась.

– Значит, едем.
– Если только не начнется гроза.
– Молнии и гром не удержат меня в этом доме и на день, – лихорадочно прошептала Фаун. – Пришло время мне двигаться дальше. Ты понимаешь?

Даг кивнул.

– Начиная понимать, крестьяночка. Для тебя так и должно быть.

Фаун в последний раз поцеловала Дага, прежде чем соскользнуть с его коленей, думая: «Завтра мы будем целоваться сколько захотим». Сердце ее таяло от нежности в глазах Дага, когда он неохотно выпустил ее из объятий. Любая буря не страшна, если есть такая надежная гавань, как эта улыбка.

19

Бесконечные хозяйственные дела на следующее утро Фаун одолела с лету. Как всегда, она подоила коров, а потом, решительно размахивая палкой, заставила растерянных буенок бежать на пастбище непривычной рысцой. Практические нужды заставили отложить соблюдение правила, согласно которому жених и невеста до венчания не должны видаться в день свадьбы, до окончания завтрака, когда прибыла тетушка Роуз Блуфилд, чтобы помочь Трил с готовкой и наведением порядка, а самые близкие подруги Фаун и к тому же ее кузины Филли Блуфилд и Джинджер Ропер явились наряжать невесту.

Первым делом нужно было как следует вымыться. Женщины отправились к колодцу, а мужчин отослали на реку. Фаун испытывала серьезные опасения насчет того, можно ли оставить Дага в его уязвимом состоянии на милость папы Блуфилда, Флетча и Вита; хорошо хоть близнецам было велено сначала переделать кучу всякой грязной работы. Пока Филли и Джинджер тащили Фаун к колодцу, она все еще продолжала выкрикивать вслед мужчинам строгие приказания не позволить лубкам Дага намокнуть. Затем последовали глупые полчаса наготы, воды и мыльной пены у колодца; мама Блуфилд принесла ради такого дела свое лучшее душистое мыло. Фаун по возвращении в спальню, где Филли и Джинджер принялись расчесывать ее волосы, с облегчением услышала шаги и голоса мужчин; Даг спокойно отдавал Виту какие-то распоряжения.

Филли и Джинджер очень старались сделать все так, как им велела Фаун, сохранившая, впрочем, довольно смутные воспоминания о рассказах Рилы насчет свадебных обычаев Стражей Озера; Фаун только сокрушалась о том, что ее волосы слишком кудрявы и непослушны, чтобы улечься так, как, несомненно, ложились длинные пряди дозорных. Так или иначе, результат получился очень привлекательный: волосы аккуратными густыми волнами были подняты с висков вверх и скоты в узел на темени, после чего им было позволено струиться по спине обычным бурным потоком. В маленьком ручном зеркале, которое подружки держали на расстоянии вытянутой руки, лицо Фаун выглядело поразительно благородным и взрослым, и Фаун даже заморгала от непривычного вида. Брат Джинджер этим утром проехал четыре мили до Зеркального пруда, чтобы доставить цветы, о которых его так просила Фаун: три не слишком помятые водяные лилии; теперь ими

украсили волосы Фаун.

– Мама говорила, что ты можешь получить сколько хочешь роз, – сказала Филли, склонив к плечу голову и осматривая плоды своих усилий.

– Эти цветы больше напоминают об озере, – ответила Фаун. – Дагу они понравятся. У бедняги здесь нет ни родных, ни друзей, так что ему приходится обходиться тем же, что и местным крестьянам. Я знаю, как он огорчен тем, что не может по обычаю Стражей Озера прислать свадебные дары до венчания: у них, как я понимаю, принято делать это заранее.

– Мама предположила, – сказала Филли, – что ни одна женщина его собственного народа не пожелала выйти за него из-за его увечья.

Фаун предпочла не обратить внимания на скрытое осуждение ее собственного решения и только сказала:

– Не думаю, что это так. За время службы очень многие дозорные становятся калеками. Как бы то ни было, Даг – вдовец.

– Мой брат говорит, что близнецы рассказывали, как его конь разговаривает с ним по-человечески, когда рядом никого нет, – сообщила Джинджер.

– Откуда они это знают, – фыркнула Фаун, – если в это время рядом никого не бывает?

– Верно, – неохотно согласилась Джинджер, обдумав слова Фаун.

– И к тому же это ведь говорили близнецы.

– Они такие, – подтвердила Филли и с сожалением добавила: – Должно быть, они выдумали и историю о том, как он своей магией сделал целой стеклянную чашу, которую они разбили.

– Э-э... нет. Про это они не выдумали, – признала Фаун. – Мама убрала ее подальше на сегодня, чтобы ее снова кто-нибудь не уронил.

За этими словами последовало глубокомысленное молчание. Филли принялась расправлять локоны Фаун, отведя в сторону ее руку: Фаун все время пыталась пригладить непослушные кудри.

– Он такой высокий, – с любопытством произнесла Джинджер, – а ты такая маленькая. Думаю, он расплющит тебя, как гусеницу. Да к тому же у него обе руки повреждены. Как же вы двое справитесь с делом сегодня ночью?

– Даг очень изобретателен, – твердо ответила Фаун.

Филли ткнула ее локтем в бок и захихикала.

– Откуда ты знаешь, а?

– Думаю, кое-кто уже кое-что попробовал, – ухмыльнулась Джинджер. – Чем, интересно, вы занимались целый месяц в дороге?

Фаун вскинула голову и фыркнула:

– Не ваше дело, – но не смогла тут же не добавить самодовольно: – Должна сказать, что после него возвращаться к крестьянским парням не захочется. – Это высказывание вызвало новый приступ смеха, впрочем, быстро стихшего: в комнату вошла Нетти.

Джинджер подвинула для нее стул к скамье, на которой сидела Фаун, и Нетти положила на нее завернутый в полотно сплетенный браслет; Дагу его браслет она уже отдала – вместе с подарком от себя.

– Понравилась ему свадебная рубашка? – спросила Фаун, немного сожалея о том, что не может задать Нетти вопрос: «Как рубашка на нем выглядела?»

– О да, голубушка, он был очень доволен. Даже тронут, по-моему. Даг сказал, что никогда в жизни не носил ничего подобного, и удивился, как это мы сумели изготовить ее так быстро и втайне. И еще он сказал, что теперь испытывает облегчение, потому что понял, зачем вы, девушки, его обмеряли вчера – похоже, это его изрядно тревожило. – Нетти развернула полотно; темная тесьма лежала у нее на коленях, и золотые бусины придавали браслету богатый и законченный вид.

– Где он носит свой браслет? И где мне полагается носить мой?

– Он говорит, что обычно, если человек не левша, он носит браслет на левом запястье, и наоборот, естественно, если левша. Даг наденет свой на левую руку повыше протеза. Даг

говорит, что когда придет время наложения уз, он сядет, а ты встанешь лицом к нему, так что я смогу завязать ваши браслеты без особых трудностей.

– Хорошо, – с сомнением протянула Фаун, пытаясь представить себе эту картину. Она протянула левую руку и позволила Нетти обернуть ее несколько раз тесьмой и завязать красивым узлом. Бусины очень изящно свешивались с концов тесьмы, и Фаун повертела рукой, чтобы почувствовать, как они скользят по коже. Часть ее тайной сути была заключена в браслете, вплетенная в него вместе с кровью: так сказал Даг; Фаун могла только поверить ему на слово.

Потом настало время надевать платье – нарядное зеленое хлопчатобумажное платье, выстиранное и тщательно выглаженное ради такого случая; другое нарядное платье Фаун было из теплой шерсти и предназначалось для зимних холодов. Даг должен был запомнить зеленое платье с той ночи в Глассфордже, когда он так нежно и торопливо снял его с Фаун, словно разворачивая подарок, – но это останется их тайной; впрочем, Фаун надеялась, что вид платья воодушевит Дага. Филли и Джинджер совместными усилиями осторожно надели платье через голову Фаун, стараясь не испортить прическу и не помять лилии.

Раздался стук в дверь, но посетитель не стал ждать разрешения войти; это оказался Вит, заморгавший при виде Фаун. Он открыл было рот, чтобы отпустить свою обычную обидную шуточку, но вовремя передумал и просто смущенно улыбнулся.

– Даг спрашивает: как насчет оружия? – сообщил он, раскрывая причину своего появления: он оказался посланцем. – Он вроде хочет надеть все... то есть все одновременно. Он говорит, что так дозорный показывает, что приносит в шатер своей новобрачной. А Флетч говорит, что на свадьбе никто оружия не носит – так просто не делается. Папа говорит, что он не знает, как лучше. Так что Даг говорит: спросите Фаун, и он так и сделает.

Фаун хотела ответить: «Конечно, это же его свадьба, он должен соблюсти некоторые свои обычаи», но вместо этого осторожно поинтересовалась:

– А о скольких видах оружия идет речь?

– Ну, во-первых, тот большой мясницкий резак, который он называет своим боевым ножом. Потом еще нож, который он носит в сапоге, и еще один, который он, похоже, иногда пристегивает к бедру. Зачем ему три ножа, когда у него всего одна рука, я не знаю. И есть еще этот его забавный лук и колчан со стрелами, в котором тоже торчат какие-то маленькие ножи. Даг расстроен, что у него нет с собой меча – того, который он получил по наследству от своего папы в лагере, и еще пики или чего-то вроде для сражения верхом – ее тоже у него с собой нет... к счастью.

Джинджер и Филли выслушали это длинное перечисление, разинув рты.

Вит кивнул им, показывая, что вполне разделяет их чувства, и закончил:

– Не иначе как он весь будет звякать на каждом шагу и, не дай бог, еще свалится в воду по пути на свадьбу... – Брови Вита поползли вверх в мрачном предвкушении. – Думаешь, он кого-нибудь со всем этим арсеналом убил? Не иначе как должен был... Уж такая у него страшноватая коллекция шрамов – я видел, когда мы мылись. Правда, по-моему, у него было много времени, чтобы их насобирать. – Еще мгновение подумав, Вит добавил: – Как тебе кажется, он нервничает перед свадьбой? Он этого, ясное дело, не показывает, да только с ним никогда не разберешь.

С таким помощником, как Вит, едко подумала Фаун, удивительно, как это Даг до сих пор не взбесился.

– Скажи ему... – язык Фаун застрял между «да» и «нет»: слишком хорошо она помнила убийства, которые Даг совершил своим оружием, – скажи ему, чтобы взял только боевой нож. – На случай, если Даг все-таки нервничает, нож послужит ему утешением. – Скажи ему, что этот нож заменит все остальное, ладно? Мы пойдем.

– Ладно. – Вит не ушел сразу же, а еще постоял, почесывая затылок.

– Рубашка хорошо ему подошла? – спросила Фаун.

– Ага, кажется, подошла...

– Тебе кажется? Ты что, не видел? Ах да, ведь тебя спрашивать без толку...

– Она очень даже ему понравилась. Он все трогал ее кончиками пальцев, которые торчат из лубка: вроде как ему приятно ее гладить. Но только вот что ты мне объясни: знаешь, я помогал ему расстегивать и застегивать штаны – так как вообще он справлялся с ними всю прошлую неделю? Я ж ни разу не видел, чтобы он разгуливал с расстегнутыми штанами, а каким бы колдуном он ни был, по нужде же должен он когда-то ходить...

– Вит, – сказала Фаун, – уйди!

Джинджер и Филли, получив пищу для размышлений и глядя на вспыхнувшую Фаун, принялись хихикать.

– Дело в том, – продолжал Вит, никогда не отличавшийся способностью понимать намеки, – я точно знаю: ни я, ни Флетч, ни папа ему не помогали – и уж тем более этого не делали близнецы, которые его не слишком обожают. Наверное, это могла быть Нетти, но на самом деле я думаю, что скорее все же ты... ай! – Тирада Вита закончилась воплем, когда Нетти твердой рукой огрела его своей палкой.

– Вит, – сказала Нетти, – если ты сам не найдешь себе дела, его тебе найду я. И не вздумай приставать к дозорному Фаун со своими догадками, иначе будешь иметь дело со мной: ведь я-то завтра никуда не уеду.

Наконец-то укрощенный Вит тут же убрался, умиротворяюще бормоча: «Ладно, скажу: только нож».

Снаружи донесся скрип колес и удары копыт: к дому подъезжало все больше тележек, гости обменивались приветствиями. Фаун чувствовала себя очень странно: она смиренно сидела в комнате, вместо того чтобы бегать и помогать родителям...

В спальню, вытирая о передник руки, вошла мама Блуфилд и сказала:

– Шеп Сойер с женой только что прибыли – последними. Солнце уже почти в зените, так что можем начинать в любой момент.

– Даг готов? С ним все в порядке?

– Он чистый и одет опрятно, выглядит совершенно спокойным и к тому же Вит уже дважды по его просьбе менял крюк на парадную руку и обратно.

Фаун обдумала услышанное.

– И в пользу чего он решил в конце концов?

– Когда я в последний раз его видела, был ввинчен крюк.

– Хм-м... – Означало ли это, что Даг почувствовал себя свободнее и решил позволить себе при незнакомых людях остаться с крюком – или наоборот, обеспокоен и предпочел сохранить самое полезное орудие и возможное оружие? – Что ж, скоро все закончится. Я не собиралась подвергать его таким испытаниям, когда согласилась остановиться здесь.

Мама кивнула кузинам Фаун, Джинджер и Филли.

– Девочки, оставьте нас на минутку.

Нетти поднялась на ноги, поддержав тем самым просьбу Трил.

– Пойдемте, цыплятки, дадим новобрачной отдышаться и поговорить с мамой. – Она выставила подружек в свою рабочую комнату и тихо притворила за собой дверь.

– Через несколько минут, – сказала мать Фаун, – ты станешь замужней женщиной. – В ее голосе звучали беспокойство и растерянность. – Это случится скорее, чем я ожидала... да и вообще я не ожидала, что все так сложится. Мы всегда хотели сделать как для тебя лучше, как лучше для твоего замужества. Все случилось так быстро... К свадьбе Флетча мы и то больше приготовились. – Трил нахмурилась: это казалось ей несправедливым.

– Я рада, что для моей свадьбы приготовления оказались короткими. То, что есть, и так заставляет меня нервничать.

– Ты уверена в своем решении, Фаун?

– Насчет сегодня – нет. Насчет того, что будет завтра и потом, – да.

– Нетти хранит в секрете все, что ты ей говорила... Но, знаешь, если решишь передумать, мы можем все остановить. В какой бы беде ты себя ни считала, мы как-нибудь смогли бы со всем справиться.

– Мама, мы уже говорили об этом. Дважды. Я не беременна – чем хочешь поклянусь.

– Есть и другие беды.

– Для девушки, похоже, такая беда единственная, с которой люди считаются. – Фаун вздохнула. – Так сколько же человек говорит об этом, раз ты снова меня спрашиваешь?

– Многие говорят, – признала Трил.

– Целая куча, бьюсь об заклад, – прорычала Фаун. – Что ж, время покажет, что они ошибались, и я надеюсь, ты заставишь их проглотить их слова, когда так и окажется, – меня-то здесь не будет.

Трил обошла вокруг Фаун и без нужды принялась поправлять ее локоны.

– Признаю, Даг кажется славным парнем, нет, более того: хорошим человеком, но как насчет его родичей? Даже он не может обещать, что они тебе будут рады. Что, если они будут плохо с тобой обращаться?

«Я все равно буду чувствовать себя дома». Фаун одернула себя прежде, чем эти слова сорвались с языка.

– Я справлюсь. Я справилась с разбойниками, глиняными людьми и зловредными привидениями. Уж с родственниками-то я справлюсь. – «Ведь это же будут не мои родственники».

– Разумно ли это?

– Будь люди разумны, разве кто-нибудь когда-нибудь выходил бы замуж?

– Пожалуй, нет, – фыркнула Трил. – Только если ты двинешься по дороге, конца которой не видишь, – тихо добавила она, – есть шанс, что ты повстречаешься со всякими темными вещами.

Собравшись в сотый раз защищать свой выбор, Фаун передумала и просто ответила:

– Это верно. – Поднявшись, она твердо заключила: – Но это моя дорога. Наша дорога. Я не могу стоять на месте и продолжать дышать. – Фаун поцеловала мать в щеку. – Я готова. Пойдем.

Трил издала последний материнский вздох, с которым трудно было спорить, но последовала за Фаун. По дороге они захватили Нетти и Джинджер с Филли. Трил быстро еще раз оглядела кухню, наконец отложила полотенце, одернула платье и первой вошла в гостиную.

Гостиная была набита битком, гости заполнили и холл: дядя Хок, папин брат, и тетя Роуз Блуфилд с сыном, который еще не покинул родительский дом, дядя и тетя Ропер с двумя младшими сыновьями (один из них как раз и сумел найти водяные лилии), Шеп Сойер и его жизнерадостная жена, всегда радующаяся дармовому угощению, Флетч и Кловер и родственники Кловер, близнецы, необычно добронравные, Вит, папа Блуфилд...

И Даг, на голову выше всех, но все равно кажущийся зажатым в угол... Белая рубашка была ему к лицу. Времени на рюши и вышивку не хватило, но Нетти и тетушка Ропер придумали отделать воротник, манжеты и застежку темно-зеленым шнуром. Рукава сшили широкими – достаточно широкими, чтобы скрыть и лубок, и протез, – а к манжетам пришили по второй пуговице, чтобы потом можно было сделать их поуже. Перламутровых пуговиц хватило в обрез... Фаун накануне отобрала у Дага на некоторое время перевязь, чтобы выстирать и выгладить ее, так что теперь она не выглядела такой заскорузлой, хоть и осталась довольно потрепанной. На Даге были светлые штаны с меньшим, чем обычно, количеством заплат и пятен – тоже насильственно выстиранные накануне. Потертые ножны на левом бедре казались настолько неотъемлемой частью Дага, что были почти незаметны, несмотря на свой устрашающий размер.

Неожиданные аплодисменты, которым было встречено появление Фаун, заставили ее покраснеть. И вдруг оказалось, что Даг не смотрит ни на кого, кроме Фаун, и все снова стало хорошо. Она подошла и встала рядом с женихом. Его правая рука, лежащая на перевязи, дрогнула, как если б Даг отчаянно хотел, но не мог взять Фаун за руку. Фаун ограничилась тем, что подвинула ногу так, чтобы касаться Дага бедром, и это прикосновение ободрило их обоих. Ощущение напряжения в комнате, где каждый пытался притвориться, будто все в порядке, и быть любезным ради Фаун, почти заставило ее пожелать, чтобы все ее родичи

вернулись к своей нормальной ленивой мерзостности, но все же не совсем.

Шеп Соьер вышел вперед, улыбнулся, откашлялся и произнес несколько коротких, давно привычных слов. К облегчению Фаун, он, взглянув на Дага, воздержался от своих обычных грубых свадебных шуточек, которые все присутствующие слышали от него так часто, что могли бы повторить наизусть. Потом он прочел брачный контракт; представители старшего поколения внимательно слушали, рассудительно кивая или поднимая брови и переглядываясь. Даг, Фаун, ее родители, три пары взрослых родственников, Флетч и Кловер подписали его, Нетти поставила крестик рядом со своим именем, после чего Шеп заверил договор своей подписью и печатью.

Затем папа Блуфилд принес семейную книгу и открыл ее на столе, и процедура была повторена. Даг с любопытством заглядывал в книгу через плечо Фаун, и она перелистала ее немного назад, чтобы показать ему записи о рождениях, смертях, браках, передаче земли, покупках и наследствах, дойдя до записи о собственном рождении, а несколькими годами раньше – о свадьбе родителей с именами и подписями свидетелей, многие из которых уже умерли, а некоторые присутствовали и даже выполняли те же самые обязанности.

Потом Даг и Фаун, по подсказке Шепы, произнесли свои клятвы. Накануне о них было немало споров. Дагу не нравились крестьянские обеты – все эти обещания пахать, сеять и собирать урожай в должный сезон, поскольку, по его словам, он вряд ли мог выполнять все эти обязанности, а в свадебной клятве полагается произносить лишь чистую правду. Что же касается охраны земли для своих детей, он делал это всю жизнь ради детей всех живущих. Однако Нетти объяснила ему, что эти обещания были лишь поэтическими словами о том, что пара будет заботиться друг о друге, растить детей и вместе стареть, и это успокоило Дага. Произносимые слова и в самом деле звучали в его устах странно в этом душном и тесном помещении, но его глубокий звучный голос каким-то образом придавал им такой вес, словно они обещали безопасную гавань кораблю в шторм. Голос Дага, казалось, продолжал звучать, даже когда он умолк, и на лицах всех пожилых пар появилось задумчивое выражение, словно они всматривались в собственные воспоминания. По сравнению с этим голос Фаун в ее собственных ушах прозвучал слабо и тонко, как если бы она была глупой маленькой девчонкой, играющей во взрослую игру и не способной никого убедить.

В обычных обстоятельствах теперь новобрачные должны были поцеловать друг друга и началось бы угощение, но в данном случае предстояло еще наложение уз, о чем гости были предупреждены в нарочито небрежном тоне.

«Кое-что ради дозорного Фаун»; если же кому-то это казалось слишком опасным, участие Нетти должно было всех успокоить. Папа Блуфилд принес стул и поставил его посреди комнаты, и Даг, благодарно кивнув, сел на него. Фаун закатала левый рукав Дага, гадая, как это ему пришло в голову таким образом выставить свой протез на всеобщее обозрение. Однако тут появилась темная тесьма с медным отблеском и обвила его руку; собственная тесьма Фаун все время была на виду.

Потом отец Фаун привел Нетти, и она на ощупь нашла все, что нужно, – и руки, и тесьму. Она развязала узлы, взяла оба браслета и обвила ими друг друга, вполголоса бормоча благословения собственного изобретения. Потом она сложила обе тесьмы вместе восьмеркой и соединила ею руки Дага и Фаун, завязав общим узлом. Положив на него руку, она произнесла: «Рядом друг с другом или вдали, да будут эти сердца всегда едины, всегда неразлучны».

Именно это велел Нетти произнести Даг, и торжественная формула тревожно напомнила Фаун о словах на ноже из кости Каунео, который Даг так долго носил с собой и собирался напоить кровью собственного сердца. Возможно, выжженная надпись как раз и должна была напомнить о свадебном обряде или послужить оберегом...

Эти слова, тесьма, два стремящихся друг к другу сердца – все это должно было сделать их брак настоящим браком Стражей Озера – не для родственных пересудов, но для Дара, этого тонкого, невидимого, могучего восприятия. Фаун ужасно хотелось понять, как чувства людей могут отразиться в Даре браслетов. Упорные размышления об этом казались Фаун

столь же эффективными, как горячее желание пятилетки получить пони: глаза зажмурены в отчаянной, хоть и бесплодной попытке, потому что ребенок не обладает иной силой воздействия на окружающий мир...

«Деяния не нуждаются в желаниях».

Значит, она сотворит свой брак, час за часом, день за днем, своими собственными руками, и пусть желание остается на положенном ему месте.

Даг склонил голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то, чего Фаун услышать не могла; он довольно опустил веки и улыбнулся. Преодолевая боль, он поднял правую руку и положил пальцы на тесьму, сжав две золотые бусины от разных браслетов; Фаун по его знаку сделала то же самое. Они вместе развязали узел, и Фаун разъединила два обвивавших друг друга браслета. Затем Фаун завязала свою тесьму на руке Дага, а он с помощью Нетти – или, точнее, Нетти, которой мешал Даг – свою тесьму на руке Фаун. Даг бросил на Фаун взгляд, в котором смешались радость, ужас и триумф, с некоторым оттенком злобного ликования, что напомнило Фаун то сумасшедшее выражение, которое появилось на лице Дага, когда они убили Злого. Он прислонился лбом ко лбу Фаун и прошептал:

– Все хорошо. Дело сделано.

Самая настоящая магия Стражей Озера – на глазах у двадцати человек, и никто ничего не заметил.

«Что мы наделали!»

Все еще сидя на стуле, Даг обвинил левой рукой талию Фаун и поцеловал новобрачную, хотя Фаун и показалось странным, что ей для этого пришлось наклониться, а не наоборот. Им с трудом удалось оторваться друг от друга, прежде чем поцелуй затянулся до неприличия. Фаун подумала, что Даг еле удержался от того, чтобы посадить ее к себе на колени и накинуться на нее при всех. Ей это давно причиталось... «Позже», – пообещали Фаун блестящие глаза Дага.

И наконец пришло время садиться за стол.

Братья Фаун расставили столы на козлах в западной части двора, под деревьями, так что места хватало для всех. Один стол был уставлен блюдами с угощением и напитками, и гости, как голодные хищники, окружили его, наполняя тарелки, чтобы потом усесться за другими столами. Женщины метались между кухней и столами, вынося то, о чем забыли в суматохе. Свадьба действительно могла считаться тихой: присутствовали всего четыре семейства плюс Сойеры, не планировалось ни музыки, ни танцев, и даже не было маленьких детей, которых ошалелым родителям приходилось бы вытаскивать из колодца, снимать с деревьев или извлекать из стойл конюшни.

Люди ели, пили, ели, болтали и снова ели. Когда Фаун в третий раз увидела Дага у стола с полной тарелкой, он нагнулся к ней и испуганно прошептал:

– Сколько еще всего я должен съесть, чтобы не обидеть этих грозных женщин, с которыми я теперь в родстве?

– Ну, разве что еще медового пирога с кремом тетушки Ропер, – рассудительно ответила Фаун, – и ореховых пирожных тетушки Блуфилд, ну и конечно, маминых коржиков с кленовым сиропом, не считая яблочного пирога, который испекла я.

– Все без исключения?

– В идеале – да. Ты, конечно, можешь выбрать что-то одно и обидеть остальных мастериц.

Даг поразмыслил и мрачно сказал:

– Положи мне тогда большой кусок яблочного пирога.

– Мне нравятся мужчины, которые так быстро соображают, – ответила Фаун, накладывая ему щедрую порцию.

– Ух, живот скоро не даст мне посмотреть на собственные ноги. – Фаун усмехнулась. – Знаешь, – жалобно добавил Даг, – твои ямочки на щеках – просто убийственны.

– Ничего подобного, – твердо ответила Фаун и повела его к столу.

Вскоре после этого Фаун улизнула, чтобы в спальне переодеться в дорожные штаны и

сапоги и удобную в пути плотную рубашку. Правда, лилии из волос она не вынула. Когда Фаун вышла из рабочей комнаты тетушки Нетти, Даг уже ждал ее с аккуратно уложенными седельными сумками.

– Скажи, когда отправляемся, Искорка.

– Немедленно, – лихорадочно проговорила Фаун, – пока все еще заняты десертом. Так меньше найдется желающих последовать за нами.

– Ты думаешь, они будут не способны пошевелиться? Теперь я понимаю твой хитрый план. – Даг ухмыльнулся и отправился за Флетчем и Витом, которые должны были помочь оседлать коней.

Фаун встретила их на тропе к югу от дома; Даг внимательно следил за тем, как его новоиспеченные родственники привязывают к седлам различное имущество.

– Не думаю, что они попытаются выкинуть какой-нибудь номер, – прошептала Фаун Дагу.

– Будь они Стражами Озера, конца не было бы всяким проделкам, – прошептал он в ответ. – Уж таков юмор у дозорных. Иногда, правда, людям удается выжить.

Фаун лукаво улыбнулась, а потом задумчиво спросила:

– Тебе всего этого не хватает?

– Только не этой части, – покачал головой Даг. Несмотря на все усилия поварих, родственники все же оторвались от столов, чтобы проводить новобрачных. Кlover, бросив взгляд на сооружаемую пристройку к дому, пожелала Фаун самой большой удачи, Трил обняла Фаун и заплакала, папа Блуфилд обнял ее с мрачным видом, а Нетти просто обняла. Филли и Джинджер кидали в Фаун и Дага лепестками роз, хотя по большей части и промахивались. Копперхед собрался было испугаться толпы и взбрыкнуть, чтобы не утратить навык, но Даг бросил на него такой взгляд, что конь передумал и стал вести себя спокойно.

– Как же мне неприятно, что ты уходишь от нас с пустыми руками, – всхлипывала мама Блуфилд.

Фаун посмотрела на набитые седельные сумки и множество свертков, по большей части с едой, нагруженных на терпеливую Грейс; Фаун с трудом удалось отбиться от настойчивого предложения привязать поверх них еще и корзину. Даг, ссылаясь на капризность Копперхеда, с большим успехом отбивался от сделанных в последний момент подарков. После короткой борьбы с самой собой Фаун сказала только:

– Мы как-нибудь справимся, мама.

Наконец папа Блуфилд помог Фаун сесть в седло, а Даг, обмотав поводья вокруг крюка, одним ловким движением вскочил на своего высокого коня, несмотря на лубок на правой руке.

– Заботься о ней, дозорный, – ворчливо сказал папа Блуфилд.

– Я так и собираюсь, сэр, – кивнул Даг. Нетти стиснула колено Фаун и прошептала:

– И ты тоже заботься о нем, голубушка. Судя по тому, как этот парень теряет части тела, это может оказаться трудной задачей.

Фаун наклонилась к уху тетушки Нетти.

– Я и собираюсь.

И вот они отправились в путь, осыпаемые исключительно добрыми пожеланиями; день был теплым и ясным, и светлого времени оставалось еще достаточно. К тому времени, когда пора будет разбивать лагерь, они окажутся уже довольно далеко от Вест-Блу. Ферма скрылась за поворотом тропы и за высокими деревьями.

– Нам удалось! – с облегчением сказала Фаун. – Мы снова на свободе. Какое-то время мне казалось, что ничего не получится.

– Я же сказал, что не брошу тебя, – ответил Даг. В послеполуденном свете его золотые глаза блестели ярче, чем бусины на браслетах.

Фаун повернулась в седле, чтобы бросить последний взгляд на холм, за которым скрылся ее родной дом.

– Ты не был обязан делать все так, как сделал.

– Нет, не был. – В уголках глаз Дага появились веселые морщинки. – Тут есть о чем подумать, Искорка.

Попытка обменяться поцелуем, сидя на конях разного роста и с разными повадками, едва не закончилась падением, но была вполне удовлетворительна как демонстрация намерений. Даг и Фаун повернули коней на идущую вдоль реки дорогу.

Их путешествие было совершенной противоположностью первому побегу Фаун. Тогда она ушла тайком, в темноте, одна, испуганная и разъяренная, пешком, со всеми своими жалкими пожитками в мешке. Даже направление было противоположным: тогда она шла на юг, а теперь они двигались на север.

Только в одном отношении путешествия были одинаковы: каждое ощущалось как прыжок в неизвестность.